В. В.

ОЧЕРКИ
КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Статьи 1882 — 86 годовъ.

Цѣна 2 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера, Фонтанка 96.
1911.

45

„Пров 38"

ПРОВ.

1104
23.

Предпринять изданіе (въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) своихъ старыхъ статей побудило автора то обстоятельство, что молодые наши экономисты не знакомы со старой журнальной литературой, которая, однако, представляетъ интересъ, какъ выраженіе опредѣленнаго, хотя бы и прошедшаго, момента эволюціи и общественной мысли, и явленій жизни, привлекавшихъ къ себѣ преимущественное вниманіе общества. По отношенію собственно къ крестьянскому хозяйству нельзя даже утверждать, что характеристика его въ предлагаемыхъ статьяхъ приложима исключительно къ прошлому и имѣетъ лишь историческій интересъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРОНОМІЯ [1]).

Цѣль человѣческаго общежитія — благосостояніе всѣхъ его членовъ. Достигается оно лучше всего путемъ равномѣрнаго распредѣленія между людьми благъ цивилизаціи, и такъ какъ трудъ есть тотъ факторъ, которому общество обязано всѣмъ существующимъ, а способность къ нему распредѣлена между людьми довольно равномѣрно, то естественно, что трудовое начало многими принимается за принципъ, на которомъ должно быть основано распредѣленіе матерьяльныхъ благъ цивилизаціи.

И такъ, каждый да пользуется продуктами своего труда, ибо такимъ способомъ будетъ достигнуто упроченіе благосостоянія массы населенія—вотъ принципъ, долженствующій преобразовать экономическую организацію современныхъ обществъ и служащій руководящимъ началомъ, между прочимъ, для значительной части русской интеллигенціи. Прилагая его къ объекту, составляющему предметъ настоящей статьи — русскому земледѣльческому промыслу—мы получимъ слѣдующее частное выраженіе этой общей формулы: земледѣлецъ долженъ трудиться не на другихъ, а на самаго себя; размѣры его владѣній должны быть таковы, чтобы по возможности занять всѣ рабочія силы семьи.

Относясь къ вопросу съ субъективно-соціальной точки зрѣнія, мы должны слѣдовательно признать, что мелкая земледѣльческая культура въ Россіи должна быть нетолько освобождена отъ внѣшнихъ путъ, но и поддерживаема и даже расширяема до тѣхъ поръ, пока она сама собой, путемъ естественнаго развитія, не приметъ форму крупнаго производства на кооперативныхъ началахъ. Но, кромѣ соціальной точки зрѣнія, есть и другія, требованія которыхъ могутъ расходиться съ задачами, преслѣдуемыми первой; и въ такомъ случаѣ неизбѣжна сравнительная оцѣнка

[1]) „Отечественныя Записки", 1882 г.

ихъ важности, въ результатѣ чего можетъ явиться дополненіе или ограниченіе заключеній, исходящихъ изъ одного принципа, положеніями, вытекающими изъ другихъ. Такъ, многіе изъ тѣхъ, кто стоитъ за мелкое хозяйство, относясь къ вопросу съ агрикультурной точки зрѣнія, считаютъ, что крупное хозяйство можетъ быстрѣе двинуть русское земледѣліе по пути прогресса, и что, при свободѣ экономическаго развитія страны, оно уничтожитъ крестьянское производство. Требованія агрономіи будутъ такимъ образомъ удовлетворены, промыселъ достигнетъ высокаго состоянія, но общество останется въ потерѣ, масса его членовъ опустится, вмѣсто того, чтобы подняться. Интересы агрономіи, однако, не такъ сильно завладѣли сознаніемъ нашей интеллигенціи, чтобы она рѣшилась принести въ жертву имъ соціальныя цѣли, хотя, съ другой стороны, важность ихъ признается ею настолько, что она готова обставить извѣстными ограниченіями принципъ господства мелкой культуры. Это повело къ тому, что нѣкоторые публицисты признаютъ пользу существованія рядомъ съ мелкимъ земледѣліемъ и крупной культуры но требуютъ, чтобы въ естественный процессъ агрикультурнаго развитія Россіи вмѣшались правительственныя и общественныя учрежденія съ цѣлью, во-первыхъ, способствовать прогрессу мелкаго крестьянскаго хозяйства, во-вторыхъ, оградить послѣднее отъ возможнаго краха при столкновеніи съ крупнымъ.

Комбинація соціальной и агрономической точекъ зрѣнія на русскій сельско-хозяйственный промыселъ привела такимъ образомъ нѣкоторыхъ публицистовъ къ слѣдующему формулированію закона ближайшаго развитія нашей экономической жизни: крестьянинъ долженъ обладать землей въ размѣрахъ, способныхъ занять всѣ рабочія силы семьи, при интенсивной системѣ хозяйства; послѣдняя должна водвориться на его поляхъ, при живомъ участіи въ процессѣ со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Передавая это положеніе кн. Васильчикова, мы здѣсь же должны сказать, что оно, по недоконченности своей, теряетъ всякое значеніе, какъ законъ. Эта формула не обнимаетъ крупнаго хозяйства, которое тѣмъ не менѣе предполагается процвѣтающимъ. А между тѣмъ. если рабочія силы крестьянъ все время будутъ заняты на собственномъ надѣлѣ, то кто же станетъ трудиться на поляхъ помѣщиковъ? Если же крупная культура прекратитъ вслѣдствіе этого свое существованіе и, такимъ образомъ, окажется много свободной земли для эксплуатаціи мелкими производителями, то во имя чего же послѣдніе предпримутъ дорого стоющій процессъ реорганизаціи промысла, если земли окажется достаточно для его веденія обычнымъ экстенсивнымъ способомъ?

Это противорѣчіе въ формулѣ кн. Васильчикова не уничтожаетъ ея принципа, удовлетворяющаго требованіямъ обѣихъ точекъ зрѣнія: субъективно соціальной и объективно-агрономической. Принципъ этотъ разбивается на два положенія: крестьянину слѣдуетъ трудиться на себя самого, а не на другихъ, для чего въ его распоряженіи должно находиться соотвѣтствующее количество земли; производительность народнаго труда крайне низка, почему желательно, чтобы она была повышена.

Другое направленіе русской общественной мысли уклоняется отъ провозглашенія соціальнаго принципа, способнаго такъ или иначе освѣтить существующую экономическую организацію сельскаго хозяйства, и выдвигаетъ почти исключительно агрономическую сторону вопроса. Это направленіе можно назвать, пожалуй, практическимъ, но лишь за его узкость и отсутствіе философскаго, объединяющаго принципа; гораздо болѣе идетъ къ нему наименованіе помѣщичьяго, такъ какъ въ основѣ бьющей въ глаза безпринципности этого направленія лежитъ боязнь за крупное хозяйство, опасеніе, что оно не выдержитъ мало-мальски серьезной критики, если къ нему отнестись съ субъективной-соціальной точки зрѣнія. Однако же, это направленіе ново-помѣщичье неспособно распинаться за принципъ крупнаго землевладѣнія и видѣть въ немъ единственное спасеніе общества: приверженцы его люди настолько просвѣщенные и дальнозоркіе, что не могутъ, вопреки очевидности, отрицать важнаго значенія въ русской жизни мелкаго земледѣлія; но при этомъ они еще такъ мало отрѣшились отъ презразсудковъ, связанныхъ съ принадлежностью къ владѣльческому сословію, что не въ состояніи рѣшиться, сообразно естественному теченію дѣлъ, признать его несостоятельность, какъ класса, играющаго важную и незамѣнимую экономическую роль. Поэтому, при построеніи своей программы, указанное направленіе общественной мысли, касаясь весьма деликатно вопроса объ отношеніи другъ къ другу крупной и мелкой культуръ, старается не затрогивать аграрныхъ порядковъ, насколько въ нихъ замѣшанъ помѣщичій элементъ. Отсюда его философская безпринципность, здѣсь же и причина господства въ воззрѣніяхъ этой фракціи спеціально-агрономической стороны. Чтобы не запутаться въ противорѣчіяхъ адепты разсматриваемаго ученія, сочли наиболѣе удобнымъ поступать такимъ образомъ: безспорно признать право мелкой культуры на дальнѣйшее существованіе; отвергнуть присутствіе аграрныхъ недостатковъ, какъ явленія общаго и вытекающаго изъ тѣхъ способовъ которыми были достигнуто преобразованіе быта крестьянъ; выдвинуть на первый планъ агрикультурныя погрѣшности мелкаго хозяй-

ства и даже, если возможно, подкрѣпить ими принципъ крупнаго землевладѣнія.

И это направленіе, признающее мелькую культуру и общину, находитъ, подобно преждеуказанному, что, безъ внѣшней и довольно энергической помощи со стороны общества и правительства, крестьянское хозяйство не выйдетъ изъ теперешняго низкаго состоянія, что народъ будетъ продолжать разорятся, хозяйство его падать, а на развалинахъ послѣдняго (слѣдуетъ признать это по логическому теченію мысли) возвысится крупная культура. Отсюда грандіозный проэктъ «Руси» (собственно г. Шарапова) отдать руководство сельско-хозяйственнымъ дѣломъ въ руки правительства, взваливъ на его плечи и новыя сотни милліоновъ расходовъ; отсюда же и мизерненькое предпріятіе московскаго губернскаго земства для возвышенія культуры общинныхъ земель.

Два указанныя направленія общественной мысли имѣютъ ту общую черту, что, признавая низкое состояніе крестьянскаго земледѣлія, они считаютъ его неспособнымъ подняться самостоятельно и опасаются его гибели въ борьбѣ съ крупной культурой; отрицаютъ существованіе крупныхъ аграрныхъ недостатковъ въ организаціи русскаго землевладѣнія или, по крайней мѣрѣ, отводятъ имъ крайне второстепенную роль въ переживаемомъ нами всеобщемъ обѣднѣніи, сваливая всѣ бѣды на агрикультурные порядки и видя въ побѣдѣ агрикультурнаго принципа надъ аграрнымъ спасеніе страны.

Признаемъ, что они правы въ той части своего возрѣнія, на которой особенно настаиваютъ и которая служитъ исходной точкой при проэктированіи ими различныхъ плановъ. Пусть злобой сегодняшняго дня будутъ агрикультурные недостатки земледѣлія и необходимость ихъ измѣненій. Значитъ-ли это, что аграрные порядки должны остаться нетронутыми, что наука (агрономія) преодолѣетъ всѣ препятствія, стоящія на пути прогресса, что для нея безразлично, такъ или иначе распредѣлена земля между крупнымъ и мелкимъ хозяйствами и, напротивъ, сама агрономическая точка зрѣнія не требуетъ-ли, чтобы прежде необходимыхъ агрикультурныхъ реформъ были сдѣланы соотвѣтствующія преобразованія въ аграрной организаціи страны?

Русскій земледѣльческій промыселъ отличается отъ западно-европейскаго многими, весьма характеристическими чертами. Такъ хотя крупное и мелкое хозяйство и образуютъ у насъ два различныхъ, нерѣдко противныхъ лагеря, но пользуются тѣмъ не менѣе однимъ и тѣмъ-же рабочимъ персоналомъ и орудіями производства. Батрацкое хозяйство, въ

полномъ смыслѣ этого слова, господствуетъ, какъ извѣстно, лишь въ остзейскихъ губерніяхъ, да отчасти въ западныхъ; въ остальной Россіи батрацкій трудъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ играетъ второстепенную роль, а главная масса работъ исполняется здѣсь трудомъ и инвентаремъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Въ свою очередь и послѣдніе, будучи необходимы для существованія крупнаго хозяйства доставляя ему трудъ и частью капиталъ, не могутъ и сами довольствоваться имѣющимися у нихъ средствами производства, и для поддержанія своего хозяйства вынуждены прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ, крупная и мелкая культура въ Россіи находятся въ взаимной экономической зависимости. Но доросла-ли послѣдняя до полной солидарности, представляетъ-ли союзъ обѣихъ системъ хозяйства организованное цѣлое, отдѣльныя части котораго гармонически дополняютъ другъ друга, или обѣ культуры лишь механически связаны между собою и тянутъ въ разныя стороны, деморализируя одна другую и разрушая земледѣліе вмѣсто того, чтобы направлять его къ высшему типу—это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Подозрительнымъ кажется уже то, что разсматриваемые порядки унаслѣдованы нами отъ крѣпостного права. При господствѣ послѣдняго, хозяйства крестьянъ и ихъ владѣльца, будучи двумя самостоятельными отраслями, въ то же время представляли изъ себя одну цѣльную организованную единицу. Помѣщичьи поля убирались крестьянами, которые, кромѣ своего надѣла, пользовались нѣкоторыми барскими угодьями и получали отъ помѣщика помощь въ затруднительныхъ случаяхъ. Такая организація, правда, зависѣла отъ доброй воли владѣльца, но самая воля опредѣлялась ничѣмъ инымъ, какъ экономическимъ разсчетомъ: владѣльцу было не выгодно, если его крестьяне разорялись, если хозяйство послѣднихъ шло плохо; простой эгоизмъ заставлялъ его наблюдать, чтобы въ ихъ пользованіи находилось постоянно такое количество земли, какое было необходимо для правильнаго хода промысла. Въ свою очередь, онъ имѣлъ возможность потребовать отъ крестьянъ рабочую силу въ размѣрахъ, нужныхъ для обработки его собственныхъ полей; но и здѣсь онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы у крестьянъ оставалось время, достаточное для веденія ихъ хозяйства, такъ какъ иначе они разорились бы и потеряли бы способность обработывать барскую землю.

Такимъ образомъ, территорія крупнаго и мелкаго хозяйства во времена крѣпостнаго права представляла цѣльную хотя и сложную единицу въ экономическомъ и агрономическомъ отношеніяхъ; она распредѣлялась

между обѣими культурами до извѣстной степени цѣлесообразно, по плану, который обезпечивалъ интересы той и другой стороны. То же самое мы должны сказать и о рабочей силѣ. Мелкое и крупное производства находились между собой въ ясныхъ, опредѣленныхъ отношеніяхъ, поддерживали и дополнили другъ друга.

Крѣпостное право рухнуло, но пока лишь съ юридической и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, сельско-хозяйственные-же порядки остались прежніе, дореформенные; причемъ они потеряли свое естественное основаніе, утратили тѣ именно черты, которыя придавали имъ характеръ цѣлесообразности, которыя дѣлали возможнымъ спокойное устойчивое существованіе земледѣльческаго промысла въ формахъ, выработанныхъ предыдущей жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на современную организацію русскаго сельско-хозяйственнаго производства. При освобожденіи, крестьяне лишились части земель, находившихся въ ихъ исключительномъ владѣніи въ крѣпостныя времена; кромѣ того, они потеряли право пользоваться нѣкоторыми угодьями владѣльца, которыя были необходимы для веденія ихъ хозяйства. Такимъ образомъ, территорія послѣдняго была расчленена на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась у крестьянъ, другая — у владѣльца. Крестьяне не могли продолжать вести промыселъ исключительно на своемъ обрѣзанномъ надѣлѣ: но отношеніе къ ихъ судьбѣ хозяина послѣднихъ измѣнилось. Онъ уже не былъ заинтересованъ въ ихъ благосостояніи и не считалъ въ своихъ интересахъ непремѣнно отдать въ пользованіе крестьянъ нужную имъ землю на условіяхъ, которыя не были бы для нихъ разорительны. Съ другой стороны, и самъ онъ потерялъ тотъ рычагъ, который служилъ для обезпеченія его хозяйства рабочей силой, въ размѣрахъ, какіе онъ признавалъ нужными; теперь онъ не можетъ строить сельско-хозяйственнаго плана навѣрняка, не можетъ потребовать на работу столько-то людей, столько-то лошадей; въ этомъ онъ находится въ зависимости отъ согласія работающихъ, которые, между тѣмъ, съ освобожденіемъ отъ помѣщичьей неволи, избавились отъ обязательнаго труда на мѣстѣ и получили возможность выбирать между работой на своего прежняго владѣльца, на другого сосѣдняго и полнымъ уходомъ на сторону. Если-бы реформа имѣла только перечисленныя послѣдствія—мыслимо предположить, что обѣ стороны, понявъ взаимную зависимость, путемъ свободнаго соглашенія, пришли-бы къ организаціи, подобной той, какая существовала при крѣпостномъ правѣ, въ силу авторитета помѣщика. Но въ томъ то и дѣло, что юридическое освобожденіе личности крестьянина сдѣлалось исходнымъ пунктомъ массы перемѣнъ, какъ въ экономическомъ

строѣ общества, такъ и въ быту и воззрѣніяхъ всѣхъ его классовъ. Прежняя опредѣленность и устойчивость положенія исчезла; и помѣщики, и крестьяне потеряли увѣренность, что отношенія, существующія между ними сегодня, сохранятся на завтра. Дворянское хозяйство пошатнулось, помѣщичья земля вынесена на рынокъ, гдѣ она дробится, опять соединяется, переходитъ изъ рукъ въ руки. Каждое такое измѣненіе въ помѣщичьемъ землевладѣніи отражается и на крестьянскомъ хозяйствѣ; новый владѣлецъ приноситъ съ собой и новый сельско-хозяйственный планъ, и иное отношеніе къ мелкимъ производителямъ; начинаетъ больше или меньше утѣснять ихъ, пользуясь нуждой въ его землѣ. Даже простая смѣна управляющаго, по той же причинѣ, имѣетъ огромное значеніе для крестьянъ. Они только что, напримѣръ, стали прилаживаться къ новому положенію, вошли въ извѣстныя соглашенія съ экономіей, обезпечили свое хозяйство нужными угодьями, отдавая за нихъ трудомъ или деньгами, какъ вдругъ мѣняется одно лицо, и только что возникшая организація рушится, мелкое производство опять теряетъ подъ собой почву. Особенно печально положеніе крестьянъ, когда сосѣдній владѣлецъ затѣетъ въ широкихъ размѣрахъ улучшеніе своего хозяйства. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, напримѣръ, есть д. Городчаково, имѣющая всего 1,5 десятины надѣла на душу. Недостающую землю (пахатную и сѣнокосную) крестьяне арендовали у сосѣдней помѣщицы, скотъ свой пасли на ея-же пастбищѣ. На бѣду земледѣльцевъ, въ Московской губерніи дѣйствуетъ агрономъ, обуреваемый страстью улучшать помѣщичьи хозяйства и посвятившій этому свои силы. Выборъ его, наконецъ, палъ на имѣніе, землей котораго пользовались крестьяне д. Городчаково. Взявъ его въ свое управленіе, онъ въ интересахъ возвышенія сельско-хозяйственной культуры, отнялъ у крестьянъ пашню, выгонъ и утроилъ арендную плату за покосъ, словомъ, привелъ крестьянъ въ положеніе, близкое къ разоренію. «Случаи подобнаго вліянія улучшенной системы эксплуатаціи частныхъ земель встрѣчаются (въ Московской губерніи) не въ единственномъ числѣ, но для уясненія дѣла достаточно и одного примѣра». Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, съ развитіемъ интенсивнаго хозяйства на помѣщичьихъ поляхъ, все болѣе сокращается сдача владѣльцами крестьянамъ въ аренду выгона. А каково крестьянамъ безъ выгона, показываетъ примѣръ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, гдѣ крестьяне вынуждены выгонять весною скотъ на озими и луга, рискуя, что посѣвъ и молодая трава будутъ въ большей или меньшей степени выбиты [1]).

[1]) Сб. стат. свѣд. по Моск. губ., т. V, вып. 1, с. 162—3. Землед. газ. 1881, 15. Ibid. № 16.

Въ послѣднее время наши публицисты не мало переломили копій изъза вопроса: долженъ ли надѣлъ, крестьянина по мысли законодателя, обезпечивать всѣ его потребности и уплату податей, или часть того и другого должна падать на посторонніе заработки. Такъ какъ этотъ вопросъ подымается не историками, а публицистами и не ради его научнаго интереса, а по практическому значенію, по тому вліянію, какое будетъ имѣть то или иное его разрѣшеніе на распредѣленіе землевладѣнія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, на освѣщеніе существующаго, то, по нашему мнѣнію, для уясненія дѣла важнѣе было бы рѣшить другой вопросъ: получили-ли крестьяне (это относится не только къ помѣщичьимъ, но, хотя въ меньшей степени, и къ государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ) различныя угодья въ такихъ относительныхъ размѣрахъ, что они могутъ вести на своемъ, хотя-бы и маленькомъ надѣлѣ, самостоятельное хозяйство по господствующей системѣ; или, при надѣленіи крестьянъ землею, хозяйственное распредѣленіе угодій игнорировалось и они были лишены земель, важныхъ для нихъ не только въ экономическомъ, но и агрикультурномъ отношеніи? Задавшись такимъ вопросомъ, мы бы вспомнили, что отъ крестьянъ очень часто нетолько отошли луга и другія необходимыя для ихъ хозяйства земли, но что они не обезпечены въ пользованіи другими не менѣе важными угодьями (лѣсомъ, выгономъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣнокосомъ), которыми они при крѣпостномъ правѣ владѣли сообща съ помѣщиками. А насколько это имѣло мѣсто, видно изъ того, что недостатки существующаго экономическаго устройства крестьянъ заключаются не только въ малой величинѣ надѣловъ, но также и въ томъ, что территорія надѣла составляетъ лишь часть угодій, необходимыхъ для веденія промысла, даже въ размѣрахъ, въ какихъ онъ существовалъ до реформы. Поэтому аренда извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянами вызывается не стремленіемъ ихъ расширить запашку; арендуемыя угодья составляютъ жизненную необходимость мелкаго хозяйства; безъ нихъ крестьянское земледѣліе должно съузиться даже сравнительно съ прежними размѣрами, несмотря на то, что приращеніе населенія требуетъ непремѣннаго его расширенія. Но аренда не есть нормальный выходъ изъ затруднительнаго положенія, связаннаго съ нераціональнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія; она черезчуръ случайна, такъ какъ обусловливается нетолько сельско-хозяйственными интересами крестьянина, но и волею владѣльца нужныхъ послѣднему угодій. Дабы обезпечить правильный ходъ мелкаго земледѣльческаго промысла нужно гарантировать крестьянину безспорное пользованіе, по крайней мѣрѣ, тѣми угодьями,

которыя необходимы ему въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, т. е. которыя составляютъ дополненіе къ пашнѣ, полученной имъ при освобожденіи, и которыя такъ или иначе находились въ его распоряженіи во времена крѣпостного права. Это minimum требованій, какія можно предъявить во имя мелкой культуры, и если постановка вопроса о пріобрѣтеніи крестьянами земель на указанномъ основаніи не отличается особенной широтой, за то она характеризуется достаточной опредѣленностью, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ легко рѣшить, сколько и какихъ угодій нужно пріобрѣсть тому или другому крестьянскому обществу. Сдѣлавъ распорядителемъ этихъ угодій мелкаго производителя, мы, если и не развиваемъ дальше основныхъ положеній законодательнаго акта 19 февраля, то, по крайней мѣрѣ, исправляемъ его главныя ошибки.

Итакъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости связано было съ ломкой мелкаго земледѣлія. Но если-бы мы пожелали точнѣе опредѣлить размѣръ разстройства крестьянскаго хозяйства, происшедшаго послѣ реформы, и зависимости, въ какую оно стало отъ крупнаго землевладѣнія, то встрѣтили-бы на этомъ пути непреодолимыя затрудненія. Для рѣшенія этого вопроса намъ слѣдовало-бы знать количество земли, которую крестьяне когда-то пользовались. Сюда относятся какъ земли, находившіеся въ ихъ единственномъ владѣніи во времена крѣпостного права и отошедшія къ помѣщику на основаніи закона о maximum'ѣ надѣла, такъ и угодья, которыми они пользовались вмѣстѣ съ помѣщикомъ (у барщинныхъ) или которыя находились внѣ района собственно крестьянскаго надѣла (у оброчныхъ). Эти послѣднія земли составляли столь-же необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, какъ и первыя, и лишеніе ихъ было особенно чувствительно для оброчныхъ крестьянъ нечерноземной полосы, которые пользовались большей половиной, а не рѣдко и всей землей имѣнія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду лишенія крестьянъ лѣса (который весь почти остался у владѣльцевъ) и связаннаго съ этимъ сокращенія побочныхъ доходовъ земледѣльца; мы говоримъ исключительно о полевомъ хозяйствѣ и объ угодьяхъ, необходимыхъ для послѣдняго. Отъ размѣровъ же этихъ угодій зависѣло то или другое количество скота, слѣдовательно, большій или меньшій урожай хлѣба.

Вотъ этихъ-то данныхъ у насъ и нѣтъ, и врядъ-ли когда нибудь онѣ будутъ въ полномъ объемѣ. Начать съ того, что свѣдѣнія объ отрѣзкахъ отъ надѣловъ крестьянъ при ихъ освобожденіи нигдѣ не опубликованы; даже немногія наши земскія статистическія изданія нашли излишнимъ отвѣтить болѣе или менѣе обстоятельно на поставленный во-

просъ. Не говоря уже о цыфровомъ матерьялѣ—у насъ нѣтъ и систематическихъ словесныхъ указаній на степень распространенія интересующаго насъ явленія. Хотя Высоч. учрежденная Комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи могла-бы собрать объ этомъ что-либо и, по прямому смыслу своей задачи, должна была сдѣлать это, ибо иначе остаются неясными причины и размѣры разстройства крестьянскаго хозяйства послѣ реформы, тѣмъ не менѣе надлежащихъ вопросовъ объ этомъ экспертамъ сдѣлано не было, и указанія на разсматриваемое нами теперь явленіе они могли дать, только отвѣчая на другіе подходящіе вопросы, напр.: нанимаютъ-ли крестьяне отдѣльныя угодья; обезпечиваетъ-ли надѣлъ существованіе крестьянъ, и т. п. Поэтому въ трудахъ названной комиссіи мы встрѣчаемъ по данному вопросу лишь нѣсколько случайныхъ заявленій. Такъ, о Симбирской и Казанской губерніяхъ мы узнаемъ, что крестьяне арендуютъ преимущественно луга, «въ которыхъ они особенно нуждаются, потому что въ ихъ надѣлахъ въ большинствѣ случаевъ преобладаютъ пахатныя земли»; иначе говоря; потому, что они не получили луговъ, необходимыхъ по размѣрамъ запашки. Тотъ же экспертъ объясняетъ упадокъ въ названныхъ мѣстностяхъ скотоводства тѣмъ, что «съ ограниченіемъ крестьянскаго надѣла и съ переходомъ къ инымъ способамъ обработки, владѣльцы, не побуждаемые больше собственнымъ интересомъ къ поддержкѣ крестьянскаго скота, стали распахивать свои излишнія пастбищныя земли, не приносящія имъ прямаго дохода. Крестьяне, которые смотрѣли на выгонное право, какъ на право безвозмездное, неохотно соглашаются нанимать землю подъ выгонъ»; значитъ, крестьяне прежде имѣли выгонъ (общій съ помѣщикомъ), а теперь лишились его. «Трехъ десятинъ надѣла въ Московской и Орловской губерніяхъ положительно недостаточно для крестьянъ, говоритъ другой экспертъ. Въ этихъ двухъ мѣстностяхъ крестьяне очень нуждаются въ выгонахъ «и нанимаютъ ихъ у владѣльца за работу». Естественно предположить, что нанимаемымъ теперь выгономъ крестьяне до своего освобожденія пользовались сообща съ помѣщикомъ или отдѣльно отъ него. Въ Самарской и Симбирской губерніяхъ «въ 1861 году въ надѣлъ крестьянамъ пошла большею частью пахатная земля, а луговая въ той-же пропорціи отъ нихъ отошла». Помѣщикъ Петербургской губерніи прямо заявляетъ: «крестьяне въ видѣ найма пользуются у меня тѣми-же угодьями, которыя были у нихъ при крѣпостномъ состояніи и за это отбываютъ мнѣ извѣстное количество работъ». Изъ Уфимскаго уѣзда заявляютъ: «фактъ общій не только для нашего уѣзда, но и для всей

Уфимской губерніи, что всѣ крестьяне, бывшіе крѣпостные, не имѣютъ у себя почти вовсе выгоновъ для скота и всѣ угодья ихъ расположены такъ, что они находятся въ полной зависимости или отъ прежнихъ своихъ помѣщиковъ, или отъ новыхъ кулаковъ — землевладѣльцевъ». «Что касается помѣщичьихъ крестьянъ Симбирской губерніи, то большинство изъ нихъ обдѣлено землею; лѣсомъ-же и *лугами* — почти всѣ; это ставитъ ихъ въ зависимость отъ владѣльцевъ; отдаетъ въ руки кулаковъ». Изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи пишутъ: «крестьянскій скотъ за послѣдніе годы значительно убавился. Прежде скотъ пасся на крестьянскихъ и помѣщичьихъ земляхъ, а теперь, съ переходомъ оставшихся за надѣломъ у помѣщиковъ земель и лѣсовъ въ руки фабрикантовъ, крестьянскія общества въ этомъ отношеніи сильно стѣснены» [1]).

На основаніи такихъ случайныхъ заявленій мы не можемъ вывести опредѣленнаго заключенія о степени распространенности разсматриваемаго явленія. Остаются журнальныя и газетныя извѣстія о работахъ крестьянъ на помѣщиковъ за арендуемыя земли; но и здѣсь лишь работа за «отрѣзки» прямо говоритъ за себя; про другія-же угодья неизвѣстно, нанимаются-ли они крестьянами ради поддержанія нарушеннаго равновѣсія въ распредѣленіи ихъ угодій или съ цѣлью расширенія промысла. Мы знаемъ только, что редакціонныя комиссіи, установляя maximum'ы надѣловъ, считали, что отрѣзки отъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ въ черноземной полосѣ произойдутъ въ 25% всѣхъ случаевъ, а имѣя въ виду, что цыфры существующихъ надѣловъ, служившія редакціоннымъ комиссіямъ матерьяломъ при назначеніи maximum'а, были умышленно понижены доставившими ихъ помѣщиками, знавшими о цѣли, ради какой они требуются, мы должны заключить, что уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ при ихъ освобожденіи было явленіемъ, болѣе чѣмъ обыкновеннымъ. Но если-бы мы и имѣли на этотъ счетъ точныя цифровыя данныя — мы все-таки были-бы далеко отъ пониманія истиннаго положенія дѣлъ, ибо эти данныя касались-бы только земли, находившейся въ единственномъ владѣніи крестьянъ. Но для нихъ не меньшую важность имѣетъ утрата права на угодія, которыми они пользовались сообща съ владѣльцемъ или которыя находились внѣ границъ собственно крестьянской земли. Прямыхъ данныхъ объ этихъ земляхъ мы никогда не будемъ имѣть, такъ какъ ихъ никто не мѣрилъ; но потери крестьянъ отъ этого не сдѣлаются болѣе легкими или рѣдкими. Такъ, на-

[1]) Докл. Комис. для изсл. полож. сел. хоз. Приложенія. VI, Ч — 1, ст. 8, 11, 70, 233, Ч—II, стр. 71. Рус. Кур. 1882 г., № 110, 147, 159.

примѣръ, въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, «повсемѣстно отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ слышатся жалобы, что, выйдя на волю, они остались при однѣхъ пашняхъ и теперь у нихъ нѣтъ никакого приволья скоту, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ крестьянская скотина паслась воздѣ на господскихъ пастбищахъ. На это крестьяне указываютъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ сокращенія у нихъ скотоводства сравнительно съ прежними размѣрами [1])». Поэтому и въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда намъ извѣстенъ размѣръ сокращенія крестьянскаго надѣла, это все-таки не опредѣляетъ степени разстройства хозяйства. Для примѣра укажемъ на цыфру 800 — 900 десятинъ, отрѣзанныхъ у крестьянъ Рузскаго уѣзда [2]). Такая потеря ничтожна и врядъ-ли серьезно отразится на положеніи ихъ хозяйства. Но, обращаясь къ другимъ даннымъ, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что рузскіе крестьяне понесли несравненно большія потери, чѣмъ это выражается выше приведенною цифрою 900 десятинъ. Именно изъ II тома Сборника Статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, мы узнаемъ, что помѣщичьи крестьяне этого уѣзда получили въ надѣлъ 35½ тысячъ десятинъ пашни и около 24 тысячъ дес. другихъ угодій. Пашня преобладаетъ, между тѣмъ, какъ по условіямъ трехпольнаго хозяйства, въ нечерноземной мѣстности сѣнокоса и другихъ угодій должно быть въ 1½ раза больше пашни (Людоговскій), т. е. на 35½ тыс. дес. послѣдней, первыхъ должно быть 53.000 д. Такъ, по всей вѣроятности, и было при крѣпостномъ правѣ: крестьяне кормили скотъ частью сѣномъ, собираемымъ съ своего надѣла, частью пользовались такъ называемыми барскими угодьями. Въ томъ или иномъ видѣ, но въ ихъ распоряженіи было тридцатью тысячами десятинъ больше земли, чѣмъ, въ настоящее время, и эти 30000 дес. теперь они должны восполнять арендой. Цифра-же прямыхъ отрѣзковъ опредѣляетъ потерю крестьянъ, при разверстаніи ихъ съ помѣщикомъ, всего въ 800– 900 десятинъ.

Въ виду интереса, представляемаго разсматриваемымъ вопросомъ мы не можемъ отказаться отъ попытки хотя-бы косвенными способами опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе въ землевладѣніи крестьянъ и вытекающей отсюда агрикультурной зависимости мелкаго хозяйства отъ крупнаго землевладѣнія. Въ извѣстномъ трудѣ г. В. Семевскаго (Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II), на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія и другихъ

[1]) Сб. стат. свѣд. по Тамбовск. губ. Т. II, с. 91—92.
[2]) Сб. стат. свѣд. по Московск. губ. Т. V, Ч. I, с. 85.

источниковъ, приведены цыфры величины надѣла помѣщичьихъ крестьянъ въ концѣ прошлаго вѣка. Тотъ-же авторъ вычислилъ, что со времени 4-й до 10-й ревизіи крѣпостное населеніе нечерноземныхъ губерній возросло всего на 10,6%, что отношеніе числа оброчныхъ къ барщиннымъ въ этомъ районѣ осталось приблизительно неизмѣннымъ, количество всей помѣщичьей земли, приходящейся на одного крестьянина, измѣнилось весьма мало (съ 13 десятинъ—прежде до 11—теперь); размѣры барщины тоже, повидимому, остались прежніе. Такимъ образомъ, всѣ факторы, опредѣлявшіе величину крестьянскаго надѣла въ прошломъ вѣкѣ, кроющіеся въ самомъ имѣніи, остались приблизительно неизмѣнными; поэтому мы не безъ основанія можемъ заключить, что и размѣры надѣла въ нечерноземной полосѣ за этотъ періодъ времени не подверглись замѣтному сокращенію. А въ такомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ возможность, хотя приблизительно, опредѣлить объемъ измѣненія, внесеннаго въ крестьянское хозяйство реформой; для этого нужно сравнить существующіе надѣлы крестьянъ съ тѣми, какіе они имѣли въ концѣ прошлаго вѣка. Чтобы не особенно преувеличить потери крестьянъ, мы сравнимъ средніе надѣлы крѣпостного населенія (въ прошломъ вѣкѣ) съ максимальными освобожденнаго, какъ они опредѣлены «Положеніемъ».

Впрочемъ, у г. Семевскаго мы узнали лишь о количествѣ крестьянской пахатной земли; самъ авторъ, вычисляя полную величину надѣла, принималъ, что оброчные крестьяне пользовались всѣмъ имѣніемъ своего владѣльца, почему его цыфры надѣловъ, вѣроятно, преувеличены и, кромѣ того, относятся только къ оброчнымъ крестьянамъ. Мы-же въ данномъ случаѣ приложимъ методъ, которымъ пользовались при вычисленіи потерь Рузскаго крестьянина: построимъ вычисленіе на формальномъ отношеніи пашни къ другимъ угодьямъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, съ удобреніемъ полей. Отношеніе это, какъ мы видѣли, таково, что въ общемъ составѣ имѣнія пашня занимаетъ 40%, а луга, выгоны и пр.—60%.

Мы сейчасъ сказали, что не видимъ причины, почему бы въ промежутокъ времени отъ 4 до 10 ревизіи крестьянскіе надѣлы должны-бы уменьшиться; но за то весьма вѣроятно, что, гдѣ-нибудь они увеличились. Это можно допустить въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ прошломъ вѣкѣ населеніе мало занималось земледѣліемъ. Такой случай, повидимому, представляетъ Тверская губернія. Половина здѣшнихъ крестьянъ (оброчные) владѣла въ прошломъ вѣкѣ 3, 3 дес. пашни на душу, другая (барщинные) по 1½ дес. Съ другими необходимыми угодьями это

составить 8 дес. у первыхъ и $3^3/_4$ дес. у вторыхъ. Первая цифра могла сохраниться и въ послѣдующее время, что же касается второй, то врядъ-ли она осталась неизмѣнной и вѣроятнѣе, что впослѣдствіи крестьяне и здѣсь стали усерднѣе заниматься земледѣліемъ. По крайней мѣрѣ, въ Тверскомъ губернскомъ дворянскомъ комитетѣ, собранномъ для обсужденія положенія объ освобожденіи крестьянъ было заявлено, что въ многоземельныхъ уѣздахъ въ крестьянскомъ пользованіи находилось не менѣе 6 десятинъ (съ лѣсомъ) на душу, а въ малоземельныхъ, если не было меньше, то недостаточное количество земли выкупалось лучшимъ ея качествомъ. [1]) Впрочемъ, тамъ же встрѣчались надѣлы и гораздо меньшіе, а также и вдвое - втрое большіе. По Положенію же 19-го февраля только для одного уѣзда maximum былъ назначенъ въ 5 десятинъ, въ остальныхъ $4—4^1/_2$ дес. Свѣдѣнія объ остальныхъ губерніяхъ сгрупируемъ въ слѣдующую таблицу.

	въ XVIII вѣкѣ.	Полож. 19 февр. maximum.
Въ Ярославской губ.	$3^3/_4—7$ дес. (пашни $1^1/_2—2{,}8$)	дес. $3^1/_2—5^1/_2$
„ Петербургск.	„ . . . 7 „ (пашни 3)	4 $—5^1/_2$
„ Смоленской	„ . . . 8 „ (пашни 3,3—5,3)	$3^1/_2—4^1/_2$
„ Псковской	„ . . . 7—11 „ (пашни 3,5—4,8)	$4^1/_2—6$
„ Новгородской	„ . . . 11—12 „ (пашни 4,7 — 9)	$5^1/_2—7$

и т. д.

Если цифры перваго столбца мы даже уменьшимъ пропорціонально быстротѣ размноженія населенія (на 10—11%), то и тогда разница въ величинѣ надѣловъ обѣихъ эпохъ окажется простирающеюся до 50%, а если сравнить положеніе дѣлъ въ концѣ XVIII вѣка съ современнымъ, относя землю, владѣемую крестьянами не къ ревизскому, а къ наличному населенію мужскаго пола, то мы должны будемъ признать выводъ г. Семевскаго (что въ прошломъ вѣкѣ на душу приходилось второе больше земли, чѣмъ нынѣ) очень близкимъ къ истинѣ. Соотвѣтственно этому и благосостояніе крѣпостнаго населенія въ указанный періодъ было сравнительно очень высоко. Интереснымъ подтвержденіемъ этому служитъ взглядъ современниковъ на нормальные размѣры животноводства крестьянской семьи: »каждый крестьянинъ, говоритъ г. Татищевъ, долженъ имѣть у себя пару лошадей, 2 вола, 5 коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10,— кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеописаннаго положенія отнюдь не имѣть». Знаменитый Суворовъ сдѣлалъ однажды такое распоряженіе по своему имѣ-

[1]) Историко-Статистич. описаніе Тверск. губ., т. I, с. 218—219.

нію: «у крестьянина Михаила Иванова одна корова; слѣдовало-бы старосту и весь міръ оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы, но на сей разъ впервые и въ послѣдніе прощается. Купить Иванову другую корову изъ оброчныхъ моихъ денегъ. Сіе дѣлаю не въ потворство и объявляю, чтобы впредь на тоже еще никому не надѣяться».

Мы говорили выше, что цифры крестьянскихъ надѣловъ прошлаго вѣка, почерпнутыя г. Семевскимъ изъ различныхъ источниковъ, относятся только къ пашнѣ и изрѣдка къ сѣнокосамъ. Знаніе условій трехпольнаго хозяйства дало намъ возможность по пашнѣ вычислить съ нѣкоторой вѣроятностью весь надѣлъ крестьянина нечерноземной полосы и сравнить его съ существующимъ. Для черноземныхъ губерній мы этого сдѣлать, къ сожалѣнію, не можемъ. Здѣсь, во-первыхъ, отношеніе пашни къ другимъ угодьямъ не отличается уже такой опредѣленностью, какъ въ первомъ случаѣ, почему по количеству пашни мы не можемъ опредѣлить величины всего надѣла; кромѣ того (что важнѣе) населеніе здѣсь въ разсматриваемый періодъ размножилось на 43%, и мы не знаемъ шло-ли параллельно съ этимъ и увеличеніе пашни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вѣроятно имѣло мѣсто, въ другихъ препятствіемъ служилъ общій недостатокъ земли. Въ виду этого мы ограничимся сопоставленіемъ размѣра пашни, приходившагося на душу въ концѣ прошлаго вѣка съ maximum'омъ надѣла, установленнымъ положеніемъ 19-го февраля.

		Въ XVIII вѣкѣ.	Maximum.
Орловская	губ. пашни	2,4—4,7 дес.	3 дес.
Тульская	„ „	3,5 „	2¾—3 „
Рязанская	„ „	2—2,5 „	2¾—3 „
Пензенская	„ „	3,4—4,6 „	2¾—4 „
Тамбовская	„ „	2,9—6 „	3—3½ „
Воронежская	„ „	5,3—5,6 „	3—4 „

Напомнимъ еще читателю о частотѣ отрѣзокъ отъ крестьянскаго надѣла, какая по мнѣнію редакціонныхъ комиссій будетъ имѣть мѣсто въ черноземныхъ губерніяхъ и соображеніе, высказанное нами по этому случаю.

Сельско-хозяйственное затрудненіе охватило въ послѣднее двадцатилѣтіе не однихъ только бывшихъ крѣпостныхъ, но и крестьянъ прочихъ разрядовъ. Заботы правящихъ классовъ о развитіи капитализма на Руси были причиной того, что благоустройство мелкаго земледѣлія игнорировалось больше, чѣмъ это позволяли истинные интересы страны; считалось неважнымъ, если отъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій пострадаетъ кре-

стьянское хозяйство, такъ какъ это послужитъ дѣлу развитія крупнаго производства, которое выгоднѣе для страны и которому, казалось, принадлежитъ будущее. Отъ этого и устройство быта государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ не привело къ улучшенію положенія послѣднихъ, а имѣло послѣдствіемъ такіе же невыгодные въ сельско-хозяйственномъ отношеніи результаты, съ какими мы познакомились на примѣрѣ бывшихъ крѣпостныхъ.

Въ прежнія времена государственнымъ крестьянахъ при ревизіи нарѣзывалась земля пропорціонально размножившемуся населенію, и за эту землю они платили умѣренный оброкъ. Кромѣ того, недостающее количество земли они пополняли арендой сосѣдней казенной. Въ видахъ упроченія экономической самостоятельности народа, въ 50-хъ годахъ было постановлено, что земля, смежная съ селеніями государственныхъ крестянъ, могла быть взята ими въ аренду безъ торговъ, и лишь съ небольшой надбавкой противъ оброка. Въ началѣ 60-хъ годовъ, нуждавжаяся въ деньгахъ и перемѣнившая свой взглядъ на значеніе мелкаго производства, администрація распорядилась, чтобы всѣ казенныя земли сдавались съ торговъ, а въ концѣ этого десятилѣтія она приняла мѣру, трудно объяснимую и съ финансовой точки зрѣнія: право крестьянъ представлять вмѣсто залоговъ, для участія въ торгахъ, мірскіе приговоры было сильно ограничено, чѣмъ значительно была стѣснена самая возможность крестьянамъ арендовать казенныя земли, и послѣдними (главнымъ образомъ въ степной полосѣ) всецѣло завладѣли крупные спекулянты, въ ущербъ и казнѣ, и народу. Эти порядки, какъ извѣстно, наконецъ, недавно уничтожены.

Если на югѣ и востокѣ Россіи хозяйство государственныхъ крестьянъ потерпѣло главнымъ образомъ вслѣдствіе стѣсненія аренды казенныхъ земель, то на сѣверѣ оно было стѣснено введеніемъ владѣнныхъ записей. Правила надѣленія государственныхъ крестьянъ сѣвера землею въ постоянное пользованіе отличилась двумя важными недостатками: во-первыхъ, стремленіемъ сохранить побольше земли за казной (напомнимъ, напримѣръ, читателю, что прежнія *нормы* надѣловъ—15 десятинъ въ многоземельныхъ уѣздахъ и 8—въ малоземельныхъ—превращены теперь въ maximum'ы и что, при ограниченіи надѣловъ, должно было принимать въ соображеніе высшіе надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ тѣхъ же мѣстностей); во-вторыхъ, непониманіемъ хозяйственныхъ условій сѣвера (подсѣчнаго хозяйства), что также привело къ сокращенію крестьянскаго землепользованія.

Не лучше, если не хуже, положеніе хозяйства и удѣльныхъ кре-

стьянъ по преобразованію ихъ быта, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ. Ложное представленіе о размѣрахъ лядинной системы и вліяніи ея на лѣсоистребленіе побудило удѣлъ, по возможности, ограничить землевладѣніе крестьянъ. Усердіе его агентовъ привело въ этомъ направленіи къ результатамъ, далеко оставляющимъ за собой намѣренія удѣла. Опасеніе подвергнуться обвиненію въ пристрастіи къ крестьянамъ побудило мировыхъ посредниковъ, при отведеніи надѣла, преслѣдовать только интересы своего довѣрителя, а возможность зайти въ этомъ направленіи чрезмѣрно далеко дана была имъ правиломъ «Положенія», по которому смолокуренные кварталы лѣса, какъ составляющіе оброчную статью удѣла, не должны входить въ надѣлъ крестьянъ. Причисленіе участка къ разряду смолекуренныхъ кварталовъ зависело отъ удѣльнаго начальства, и такихъ оброчныхъ статей оказалось, по его опредѣленію, столь много, что крестьянской земли не хватило для надѣленія народа по указанной нормѣ. Въ результатѣ «значительная часть пахатныхъ земель, которыя составляли въ прежнее время главный источникъ пропитанія крестьянъ, теперь отрѣзаны отъ нихъ»; «въ лугахъ былъ еще большій недостатокъ, чѣмъ въ пашняхъ, почему крестьяне старались добиться промѣна другихъ своихъ удобныхъ земель на отошедшіе къ удѣлу луга и земли, расположенныя между ихъ полосами»; выгоновъ крестьяне тоже не имѣютъ.

Такимъ образомъ, положеніе хозяйства удѣльныхъ крестьянъ, въ агрикулятурномъ отношеніи, оказалось подобнымъ таковому же бывшихъ крѣпостныхъ: территорія ихъ хозяйства была также раздѣлена на двѣ части изъ которыхъ одна осталась въ рукахъ крестьянъ, другая перешла къ удѣлу. Аренда послѣдней составляетъ жизненную потребность мелкой культуры, и можно было ожидать, что въ этомъ отношеніи удѣльные крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ помѣщичьими, такъ какъ собственникомъ арендуемыхъ угодій является учрежденіе безличное и не своекорыстное. Можетъ быть, оно такъ бы и вышло, еслибы не нѣкоторыя усложненія, испортившія все дѣло: сами крестьяне отказываются арендовать отрѣзныя земли, такъ какъ они вообще не признали новаго положенія, не подписали уставной грамоты (что, однако, не служитъ препятствіемъ введенію новаго устройства) и надѣются, что отрѣзныя земли рано или поздно будутъ имъ возвращены обратно; арендуя же ихъ, они какъ бы признаютъ эти угодья принадлежащими удѣлу, а не себѣ и, такимъ образомъ, сами лишаютъ себя права на нихъ. Спорныя земли, какъ и слѣдовало ожидать, попали въ руки кулаковъ, частью завладѣвшихъ ими подъ предлогомъ расчистки, частью взявшихъ ихъ въ аренду.

Заполучивъ въ свои руки большіе участки земли, крупные арендаторы здѣсь, какъ и на югѣ, очень мало эксплуатируютъ ихъ наемнымъ трудомъ, а основываютъ свои доходы на переоброчкѣ земель мелкимъ хозяевамъ за цѣны, въ двое и втрое превышающія арендныя [1]).

Итакъ, расчлененіе территоріи на двѣ части, одна изъ которыхъ находятся въ постороннихъ рукахъ, не составляетъ исключительной особенности хозяйства крѣпостного населенія, а въ большей или меньшей степени обще всему мелкому хозяйству Россіи.

Дабы лучше пояснить высказанную мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, до какихъ размѣровъ доходитъ агрикультурная зависимость мелкаго земледѣлія отъ крупнаго землевладѣнія, мы остановимся на примѣрѣ двухъ губерній — Тверской и Московской, о которыхъ есть болѣе или менѣе полныя данныя и о которыхъ, къ тому же, можно сказать почти навѣрное, что запашки тамъ со времени освобожденія не расширились и жажда земли вытекаетъ поэтому не изъ «пагубнаго» стремленія къ *расширенію* экстенсивнаго хозяйства, а изъ необходимости *поддержать* его въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло еще 20 лѣтъ тому назадъ.

Крестьяне Тверской губерніи имѣютъ въ своемъ надѣлѣ около 1,153,000 дес. пахатной земли и 1,200,000 дес. сѣнокосной и выгона; т. е. земля, находящаяся подъ полевымъ хозяйствомъ распредѣляется между пашней и сѣнокосомъ, вмѣстѣ съ выгономъ, почти поровну, между тѣмъ какъ, по условіямъ трехпольнаго хозяйства, подъ пашней должно быть занято 40%, а подъ сѣнокосами и выгономъ 60%. Иначе говоря, чтобы поддерживать свое хозяйство въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно велось до реформы, крестьяне должны эксплуатировать не 1,200,000, а 1,700,000 дес. сѣнокоса и выгона; недостающіе 500,000 дес. они должны купить или нанять. И дѣйствительно, въ настоящее время крестьяне пріобрѣли въ собственность слишкомъ 60,000 дес. пашни и 420,000 дес. другихъ угодій. Отдѣляя изъ послѣдней цифры 90,000 дес., соотвѣтствующихъ 60,000 пріобрѣтенной пашни, у насъ останется 330,000 дес. выгона и сѣнокоса (и лѣса) отчасти дополняющихъ недостатокъ этихъ угодій въ надѣлѣ. Имѣя въ виду, что въ числѣ этихъ 330,000 десятинъ находится и лѣсъ, не участвующій въ полевомъ хозяйствѣ, мы согласимся, что крестьянамъ необходимо еще арендовать не

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1879, № 6. «Коренная нужда на сѣверѣ и принципъ государственнаго землевладѣнія».

менѣе 250—300 тыс. дес. сѣнокоса и выгона. Обращаясь къ цифрамъ крестьянскихъ арендъ, мы узнаемъ, что они, дѣйствительно, нанимаютъ около 370,000 дес. этихъ угодій и 40,000 дес. пашни. Чтобы выразить все вышесказанное конкретнѣе, мы приведемъ слѣдующій разсчетъ земскаго статистика. Средняя крестьянская семья губерніи имѣетъ въ своемъ надѣлѣ около 5 дес. пашни и 5¼ д. сѣнокоса вмѣстѣ съ выгономъ (вмѣсто 7½, которыя она должна имѣть по условіямъ трехпольнаго хозяйства). Недостающее количество угодій послѣдняго рода она пополняетъ покупкой до 1½ дес. и арендой около 1¾ дес. Образующійся такимъ образомъ избытокъ сѣнокоса и выгона даетъ ей возможность нѣсколько расширить запашку, что она и сдѣлала, купивъ ¼ дес. пашни и арендуя столько же [1]).

Приведенныя цифры служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на упреки крестьянамъ въ томъ, что они будто бы безъ мѣры расширяютъ запашки, въ ущербъ всему хозяйству. Мы видимъ, что почти изъ 900,000 дес., эксплуатируемыхъ тверскими крестьянами внѣ своего надѣла, на долю пашни выпадаетъ всего 100,000, а 800,000 десятинъ составляютъ лѣсъ, выгонъ, сѣнокосъ. Свою запашку послѣ реформы они, какъ видите, не расширили и на 10%, и если, тѣмъ не менѣе, гонятся за помѣщичьей землей, то вовсе не изъ стремленія къ безграничному простору, требуемому экстенсивной культурой, а главнымъ образомъ въ виду спеціально агрономическихъ интересовъ своего ограниченнаго дореформеннаго хозяйства, которое было поколеблено расчлененіемъ его территоріи на двѣ части и передачей одного изъ нихъ въ чужія руки; не о возвышеніи доходовъ, а о сохраненіи ихъ заботится при этомъ земледѣлецъ. Тверской крестьянинъ оказался столь богатъ и счастливъ, что слишкомъ половину нужной ему земли пріобрѣлъ въ собственность, вслѣдствіе чего въ значительной степени избавился отъ прижимокъ, какихъ онъ всегда вправѣ ожидать со стороны владѣльца арендуемыхъ имъ угодій. Но вотъ, по сосѣдству съ Тверской, находится Московская губернія, гдѣ крестьянское хозяйство очутилось послѣ реформы не въ лучшемъ положеніи; расчлененіе его территоріи и отторженіе части угодій въ другія руки произведено было еще къ большей невыгодѣ мелкой культуры; поправить же дѣло покупкой нужной земли московскій крестьянинъ оказался не въ силахъ; онъ долженъ всецѣло возложить свои упованія

---

[1]) Статист. таблицы Тверской губ. Историко-статист. описаніе Тверской губ. В. Покровскій, отд. III и IV 1-го тома, с. 51.

на аренду, и мы видимъ, что въ этой области онъ еще скромнѣе тверскаго земледѣльца, такъ какъ почти вовсе не думаетъ о расширеніи своего промысла и заботится лишь о сохраненіи его status quo.

Именно, въ надѣлѣ московскихъ крестьянъ находится 784,433 дес. пашни и около 500,000 дес. луговъ и выгоновъ; недостатокъ послѣднихъ, по требованіямъ крестьянской запашки, простирается до 600,000 дес. Для пополненія его крестьяне пѣлыми обществами арендуютъ до 400,000 дес., въ числѣ которыхъ пашня составляетъ лишь 10—15,000 десятинъ. Если арендуемыхъ крестьянами угодій оказывается меньше, чѣмъ ихъ должно быть по нашимъ разсчетамъ, то это объясняется, во-первыхъ, отсутствіемъ у насъ данныхъ объ арендѣ помѣщичьихъ земель отдѣльными лицами изъ крестьянъ, и, во-вторыхъ, сокращеніемъ крестьянской запашки въ послѣднее время, перевалившимъ уже за 100,000 десятинъ. Прибавимъ кстати, что куплено московскими крестьянами всего около 85,000 десятинъ земли, изъ числа которыхъ большая часть принадлежитъ владѣльцамъ 50 дес. и выше, т. е. выходитъ изъ размѣровъ собственно крестьянскаго (мелкаго) владѣнія [1]).

Московская губернія даетъ еще болѣе рѣзкое доказательство ложности мнѣнія, что причина сельско-хозяйственнаго кризиса заключается въ стремленіи крестьянъ распространять экстенсивное земледѣліе на возможно большую площадь. Мы видимъ, что собственно пахотной земли арендуется московскими земледѣльцами ничтожное количество — 10 — 15,000 десятинъ; остальныя же сотни тысячъ пріобрѣтаются исключительно съ узкой, спеціально-агрономической цѣлью: обезпечить свое хозяйство выгономъ и сѣнокосомъ въ размѣрахъ, требуемыхъ запашкой существовавшей еще въ крѣпостныя времена. Насколько, по крайней мѣрѣ, въ этомъ процессѣ участвуютъ помѣщичьи крестьяне (а они составляютъ около двухъ третей населенія губерніи), они путемъ аренды пытаются возстановить то равновѣсіе въ распредѣленіи по угодьямъ земель мелкаго хозяйства, которое было выработано крѣпостной эпохой и разрушено освобожденіемъ крестьянъ. Достигнуть прочнаго успѣха въ своемъ вполнѣ естественномъ, даже со спеціально сельско-хозяйственной точки зрѣнія, стремленіи они могутъ, очевидно, лишь избавившись отъ внѣшней зависимости, отъ которой теперь зависитъ удовлетворить требованія крестьянъ или поставить ихъ въ невозможность продолжать хозяйство. Четыреста-шестьсотъ тысячъ десятинъ — minimum, который крестьяне

---

[1]) Сб. Ст. Св. по Мос. губ. т. I—III и V.

губерніи такъ или иначе должны пріобрѣсти; иначе сельское хозяйство губерніи вѣчно будетъ висѣть на волоскѣ, что и доказывается слишкомъ сотней тысячъ дес. заброшенной крестьянской запашки. Беря районъ болѣе обширный, чѣмъ губернія, мы встрѣтимся съ тѣмъ же явленіемъ. Въ районѣ Московской промышленной области (губерніи: Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимірская) земля раздѣлена почти поровну между крестьянами и другими владѣльцами; между тѣмъ, какъ изъ общаго количества пахатной земли въ рукахъ крестьянъ находится 88%. Это значитъ, что значительная часть владѣльческой земли (луга, выгонъ) эксплуатируется крестьянами, какъ необходимое дополненіе ихъ хозяйства. Чтобы судить о размѣрахъ этой части, мы скажемъ, что изъ $13^1/_3$ мил. дес. крестьянской земли пашней занято 50,5%, а остальные 49,5% относятся на долю луговъ, выгона, лѣса. Предполагая даже, что лѣса въ крестьянскомъ надѣлѣ вовсе нѣтъ и что поэтому вся земля, не занятая пашней, состоитъ подъ лугомъ и выгономъ, и тогда размѣръ всего крестьянскаго землевладѣнія, дабы удовлетворить потребностямъ трехпольнаго хозяйства, при $6^2/_3$ мил. дес. пашни, долженъ быть 16,8 мил. дес. Эти недостающія 3,5 мил. дес. крестьяне теперь должны арендовать у частныхъ владѣльцевъ, т. е. въ агрикультурномъ отношеніи находятся въ зависимости отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ (Стат. Позем. Соб., в. II).

Пока будетъ господствовать нынѣшняя организація землевладѣнія, до тѣхъ поръ крестьяне будутъ находиться всецѣло въ рукахъ сосѣднихъ владѣльцевъ, которые могутъ ихъ эксплуатировать какимъ-нибудь грошовымъ клочкомъ земли, какъ имъ заблагоразсудится.

Однимъ изъ проявленій этой эксплуатаціи было возвышеніе арендной платы до полнаго поглощенія чистаго дохода отъ арендуемаго участка. Въ черноземномъ раіонѣ, говоритъ напр. г. Ермоловъ, «и въ огромномъ большинствѣ случаевъ доходность имѣнія, помимо плодородія почвы, обусловливается, во-первыхъ, тою неизбѣжною необходимостью, въ которую поставлены крестьяне вслѣдствіе густоты населенія, отсутствія заработка, низкой цѣны рабочей платы, нанимать у помѣщиковъ землю по цѣнѣ, *какую они назначатъ*. Цѣны эти обыкновенно весьма высоки и далеко не всегда покрываются продуктами, получаемыми съ земли; напротивъ, онѣ зачастую не окупаютъ затратъ и *не вознаграждаютъ труда, положеннаго крестьянами на обработку земли*. Извѣстно, что нерѣдки у насъ въ этихъ именно благословенныхъ губерніяхъ тѣ мѣста, гдѣ крестьяне довольны уже тогда, когда на снятой землѣ ихъ трудъ хотя только оплачивается». Чаславскій выражается еще болѣе опредѣленно. Въ Курской

губерніи тотчасъ по освобожденіи крестьянъ «земля сдавалась такъ, что крестьянинъ получалъ изъ сбора въ свою пользу 1 снопъ и помѣщикъ 1 снопъ, впослѣдствіи же помѣщикъ сталъ получать $1^1/_2$ и даже 2 снопа». Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ испольная система стала замѣняться денежной, крестьянской же арендой. «Спросъ на землю еще болѣе увеличился, арендныя цѣны росли съ каждымъ годомъ и дошли теперь въ среднемъ отъ 14 до 18 руб. за десятину подъ озимь въ разныхъ уѣздахъ, отъ 8 до 12 руб. за десятину ярового и отъ 15 до 25 руб. за сѣнокосъ». Обработавъ двѣ десятины (озимаго и ярового хлѣба), уплативъ ренту и отложивъ сѣмена, крестьянинъ получитъ за свои труды, за затрату капитала, за рискъ и пр., при среднемъ урожаѣ, 8 руб., т. е. 4 руб. съ десятины—доходъ, далеко недостаточный для покрытія расходовъ одного только труда. Естественно, что «хорошій заработокъ на арендныхъ земляхъ крестьянинъ можетъ имѣть только при отличномъ урожаѣ; при плохомъ же и среднемъ у крестьянъ или не остается ничего, или остаются ничтожныя крохи и получаемый хлѣбъ достается покупкою по слишкомъ дорогой цѣнѣ». Въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, арендная плата возвысилась до «такихъ размѣровъ, что сдѣлалась просто непосильной для крестьянина,—напримѣръ, земля сдается отъ 7 до 15 руб. за десятину и болѣе. Платя такую цѣну за землю, при какомъ хотите урожаѣ, крестьянину будетъ всегда оставаться очень мало за свой трудъ». Но и эта чрезмѣрная рента въ текущемъ году повысилась по всей губерніи еще процентовъ на 30, и чтобы возвратить затраты земледѣльца, урожай будущаго лѣта долженъ быть не меньше нынѣшняго, считающагося необычно высокимъ. «Какія бы не были климатическія условія, но дать такое количество хлѣба обязательно» [1]). Извѣстный земскій дѣятель, кн. Волконскій, ревизовавшій, по порученію земскаго собранія, Раненбургскій уѣздъ, вынесъ объ интересующемъ насъ вопросѣ такое заключеніе: «За десятину пара крестьяне платятъ помѣщику 15 р., за ржище подъ яровой посѣвъ—12 рублей. У государственныхъ крестьянъ можно снять и дешевле, но надо впередъ отдать деньги, а взять ихъ не откуда. Поэтому предпочитаютъ снимать помѣщичью землю. Уплата идетъ и деньгами, и работой, и тянется круглый годъ, такъ что крестьяне положительно не выходятъ изъ долговъ, Между тѣмъ цѣна такая, что *барышъ можно получить только при хорошемъ урожаѣ. Крестьяне довольны*,

[1]) „Организація полевого хозяйства“, т. I, стр. 15. „Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи“, ч. II. „5-й докл. въ ком. Моск. Общ. сельскихъ хозяевъ по вопросу о хуторахъ“, стр. 13. *Порядокъ* 1881 г., № 304.

если получатъ за свой трудъ солому». Въ другой мѣстности того же уѣзда крестьяне «нагнали цѣны отъ 12 до 14 руб. за десятину въ худшихъ мѣстахъ уѣзда и отъ 15 до 17 руб.—лучшихъ. Хлѣбъ при посредственномъ урожаѣ едва окупить эту цѣну, при плохомъ же придется еще приплатить за солому, а денегъ взять не откуда. Мало-по-малу крестьяне должаютъ, платятъ неаккуратно и имъ отказываютъ отъ земли. Несмотря на высокую арендную плату, *какой самому владѣльцу никогда не получитъ*, по всѣму уѣзду отдача земли въ наемъ крестьянамъ очень сильно сократилась». Въ третьей волости господствующія цѣны «очень высокія, *едва окупающіяся въ хорошій урожай*» [1]). Большое имѣніе гр. Бобринскаго въ Тульской губерніи, хозяйство котораго построено на свеклосахарномъ производствѣ, большую часть земли однако сдаетъ въ аренду крестьянамъ, «такъ какъ они находятъ возможнымъ давать *высокую наемную плату даже за ту землю, при собственной обработкѣ которой владѣлецъ получаетъ убытокъ*» [2]). Крестьянинъ Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, получаетъ отъ арендованной земли выгоды лишь при хорошемъ урожаѣ; «при плохомъ она не только не приноситъ никакого дохода, но даже крестьянину нѣтъ разсчета убирать хлѣбъ, который оставляется въ полѣ, т. е. крестьяне совершенно отказываются отъ урожая, оставляя его владѣльцу земли вмѣсто арендной платы, хотя бы часть ея и была внесена въ видѣ задатка» [3]). Даже въ нечерноземной полосѣ, гдѣ крестьяне не такъ нуждаются въ землѣ, ибо имѣютъ подсобные заработки, и тамъ рента приближается къ уровню, за которымъ обработка земли уже не даетъ чистой прибыли. По примѣрному разсчету г. Шарапова, только богатый крестьянинъ нечерноземной полосы, арендующій лучшую землю и лучше ее обрабатывающій, получитъ значительныя выгоды отъ операціи; средній же и бѣдный больше выиграютъ, если наймутся въ батраки [4]).

Проявленіемъ крайней необходимости для крестьянъ сосѣдней земли служатъ и факты подобные нижеприводимымъ, гдѣ крестьяне оказываются способными на всякую крайность, лишь бы сохранить въ своемъ пользованіи нужное имъ угодье. Бирскій купецъ продалъ свою землю, находящуюся около д. Орѣховая Гора, нѣсколькимъ крестьянамъ Вятской губерніи. Когда было приступлено къ ея обмежеванію, жители деревни,

---

1) „Докладъ членовъ губ. зем. управы. Ревизія уѣздовъ“.
2) „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, 1878 г., 7 и 8.
3) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.“, т. I.
4) „Докладъ Шарапова о малоземельи крестьянъ“.

поддерживаемые крестьянами сосѣдняго поселенія, не допустили до этого акта, грозя перебить всѣхъ новыхъ собственниковъ участка. Крестьяне Калязинскаго уѣзда (Тверской губерніи), для которыхъ пользованіе сосѣдними помѣщичьими лѣсами и выгонами составляетъ хозяйственную потребность, систематически выживаютъ лицъ, пріобрѣтающихъ нужныя имъ угодья съ цѣлью основать на нихъ собственное хозяйство; они не останавливаются въ преслѣдованіи своей задачи ни передъ кражами, ни передъ поджогами. Подобнымъ же образомъ ведутъ себя по отношенію къ управляющему крестьяне вышеописанной деревни Московской губерніи Городчаково, такъ что экономія, ради охраны скота, имущества и личности управляющаго, держитъ стаи собакъ, расходы на содержаніе которыхъ составляютъ замѣтную статью бюджета хозяйства. Башкиры Белебеевскаго и Бирскаго уѣздовъ отвѣчаютъ на превращеніе земель, оставшихся за ихъ надѣленіемъ, въ частную собственность поджогами владѣльческаго хлѣба, избіеніемъ арендаторовъ и т. п. Крестьяне Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи, для порубки чужихъ лѣсовъ, собираются партіями въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и «горе тому, кто вздумаетъ остановить ихъ»; попавшись же въ дѣлѣ, которое они вовсе не считаютъ преступленіемъ, угрожая владѣльцу, если онъ думаетъ ихъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, они добиваются того, что остаются безнаказанными [1]).

Не мало страдаютъ объ общей путаницы и помѣщичьи хозяйства. Подобно тому, какъ неустойчивость дворянскаго землевладѣнія, возникшая послѣ реформы, отражается на мелкой культурѣ, спутывая всѣ ея разсчеты, такъ точно и перемѣны, постоянно совершающіяся въ народномъ быту, нарушаютъ мирное теченіе крупнаго производства, вызываютъ въ помѣщикѣ-землевладѣльцѣ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. «Малѣйшая случайность, могущая отвлечь крестьянина на какой-нибудь отхожій заработокъ, либо на какое-нибудь временное, но выгодное предпріятіе, можетъ легко обусловить недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и сопряженныя съ тѣмъ хозяйственныя потери» [2]). А вѣдь подобная случайность имѣетъ мѣсто постоянно; при современномъ положеніи хозяйства, вся судьба крестьянина построена на рядѣ случайностей; онъ не можетъ поручиться ни за одинъ день. И все это, повторяемъ, отражается на крупной культурѣ.

---

[1]) „Порядокъ“ 1881, 78; „Недѣля“ 1876, 11; Сб. ст. св по Моск. губ. т. V, в. I, с. 158; „Рус. Вѣд.“ 1881, 27; Докл. ком. для изслѣд. полож. сельск. хоз. Прил. I, отд. II, с. 191; Труды В. Э. О. 1879, 3.

[2]) „Землед. Газета“, 1881, 28.

Даже такія, повидимому, личныя явленія крестьянской жизни, какъ семейные раздѣлы, и тѣ не проходятъ безслѣдно для помѣщичьяго хозяйства, ибо они ведутъ за собой экономическое ослабленіе крестьянской хозяйственной единицы, уменьшаютъ способность народа обработывать поля землевладѣльца. Тѣмъ болѣе отзывается на крупномъ хозяйствѣ, столь быстро обезсиливающія мелкихъ земледѣльцевъ явленія, какъ неурожаи хлѣбовъ, травъ, падежи скота и пр. Словомъ, рабочая сила въ помѣщичьихъ экономіяхъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, есть нѣчто неизвѣстное, случайное. Хозяйство въ этомъ отношеніи зависитъ не отъ величины капитала, энергіи и способностей его руководителя, а отъ цѣлой массы обстоятельствъ, касающихся, какъ самаго имѣнія, такъ еще въ большей степени хозяйства окрестныхъ мелкихъ производителей. Поэтому въ печати не перестаютъ раздаваться жалобы владѣльцевъ на необезпеченность крупныхъ хозяйствъ рабочей силой на зависимость крупнаго земледѣлія отъ случайностей и мелочей крестьянской жизни. Такъ, напримѣръ, изъ Воронежской губерніи сообщаютъ, что съ 15-го августа все населеніе, отъ мала до велика, бросается въ общественные лѣса ссбирать груши и яблоки, «и если вы не успѣли сдѣлать посѣвъ ранѣе 15-го августа, то врядъ ли вамъ удастся сдѣлать его въ сентябрѣ, когда вы опять будете нуждаться въ рабочихъ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ разрѣшается рубка крестьянскихъ лѣсовъ». Изъ Подольской губерніи пишутъ, что уборка свеклы на помѣщичьихъ поляхъ загрудняется крестьянскими праздниками, «которые часто продолжаются два-три дня, и тогда рабочихъ не получить ни за какія деньги». Недостатокъ рабочихъ препятствуетъ костромскимъ помѣщикамъ вести у себя очень выгодную культуру льна, а минскимъ—развить хмѣлеводство. Крестьяне Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи, нанимаясь къ землевладѣльцамъ съ осени, хотя и обезпечиваютъ исполненіе договора круговой порукой и громадными неустойками, тѣмъ не менѣе, очень часто бросаютъ хозяевъ, и послѣдніе не пользуются правами, предоставленными имъ условіемъ, изъ опасенія, что въ другой разъ рабочіе къ нимъ не наймутся. Въ Изюмскомъ уѣздѣ въ 1881 году помѣщики вынуждены были отдать свои покосы исполу вмѣсто обычной уборки ихъ наемнымъ трудомъ. «Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ въ 1881 году (въ Воронежскомъ уѣздѣ), особенно тамъ, гдѣ нѣтъ ни своихъ земледѣльческихъ орудій, ни своей рабочей силы, весьма затруднителенъ, такъ какъ число лошадей у крестьянъ уменьшилось». Тамбовскіе помѣщики испытываютъ такое же затрудненіе, происходящее отъ одной и той же причины: раззоренія на-

рода, вслѣдствіе неурожая; богатые изъ нихъ начинаютъ обзаводиться собственнымъ инвентаремъ и скотомъ. Помѣщики Саратовскаго уѣзда принуждены сѣять яровую пшеницу, а не озимую, хотя она и подвергается въ большей степени нападенію вредныхъ насѣкомыхъ; причиной служитъ недостатокъ рабочихъ, которыхъ требуется больше для подготовленія почвы подъ озимь. Недостатокъ рабочихъ въ губерніи вызывается уходомъ раззорившихся крестьянъ на заработки на Волгу. Это приводитъ къ сокращенію помѣщичьихъ запашекъ. Сокращеніе посѣва хлѣба и свекловицы отъ той же причины имѣетъ мѣсто и въ Харьковской губерніи, а также и въ землѣ войска Донского, гдѣ рабочій персоналъ набирается изъ приходящихъ изъ внутреннихъ губерній, почему владѣльческія хозяйства находятся въ зависимости отъ разныхъ случайностей. «Почти во всей Херсонской губерніи, вслѣдствіе малаго числа рукъ, всѣ полевыя работы запоздали: уборка затянулась и хлѣбъ долго оставался въ поляхъ неубраннымъ, перестоялся; изъ десятинщиковъ, нанятыхъ зимой, и половины не отработало. Помѣщики Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, вслѣдствіе нерасположенія крестьянъ къ батрацкой работѣ, вынуждены переходить къ системѣ обработки полей исполу и т. д. Самостоятельное положеніе работника-земледѣльца даетъ ему преимущество (сравнительно съ фабричнымъ) и въ прямой борьбѣ съ землевладѣльцемъ при помощи стачекъ; ибо, съ одной стороны, владѣлецъ не можетъ здѣсь остановить свое производство надолго, съ другой—крестьяне въ состояніи выжидать, а въ крайнемъ случаѣ обойдутся и безъ наемной работы. И стачки, дѣйствительно, пріобрѣтаютъ среди сельскаго населенія все большее распространеніе: въ Тамбовской губерніи въ прошломъ году къ нимъ прибѣгали крестьяне для возвышенія заработной платы; въ Черниговской въ прошломъ году для пониженія ренты; а въ нынѣшнемъ — для того и для возвышенія заработной платы; въ Тверской губ. (Весьегонскомъ уѣздѣ)—былъ интересный случай бойкотированія крестьянами своего сосѣда-помѣщика: на сходѣ они составили приговоръ, чтобы никто не смѣлъ у него работать ни за какія деньги [1]).

При такомъ положеніи естественно, если помѣщики принимаютъ мѣры обезпеченія своихъ полей рабочими заранѣе, подряжаютъ окрестныхъ

---

[1]) „Землед. Газета“, 1880, 11; id., 1881, 23, 25; Тр. В. Э. О., 1879, 5; „Землед. Газета“, 1881, 31; id., 1880, 18; „Порядокъ“, 1881, 74. 1881 годъ въ сельско - хозяйственномъ отношеніи. „Порядокъ“, 1881, 9 авг.; „Рус. Вѣд.“, 1881, 254; „Рус. Кур.“, 1881, 154; „Недѣля“, 1877, 27; „Рус. Кур.“, 1882, 159.

крестьянъ съ осени и зимы, а другія неблагопріятныя для крупнаго хозяйства условія, о которыхъ мы неоднократно говорили раньше, сильно соблазняютъ владѣльцевъ договаривать рабочихъ за возможно дешевую плату. Вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ, мелкіе производители не могутъ пока сопротивляться такому стремленію хозяевъ, результатомъ чего является ихъ закабаленіе. Здѣсь опять страдательнымъ лицомъ является мужикъ, но и крупная культура можетъ довольствоваться подобнымъ способомъ пріобрѣтенія рабочей силы только потому, что она крайне груба, экстенсивна: будучи вынужденъ продавать свой трудъ за половинную цѣну, крестьянинъ беретъ на себя обязательство въ 1½—2 раза болѣе, чѣмъ онъ можетъ выполнить безъ ущерба для своего хозяйства; поэтому, когда настанетъ время расплаты (трудомъ)—крестьянинъ мечется между своимъ участкомъ и полями землевладѣльцевъ, убирать которыя онъ подрядился, ни здѣсь, ни тамъ, не докончитъ дѣла, какъ слѣдуетъ, въ результатѣ—потеря для обѣихъ сторонъ. Помѣщикъ имѣетъ еще нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что хоть затраты его на рабочую силу крайне мизерны! Но вся страна, но сельское хозяйство въ положительномъ убыткѣ. Не менѣе страдаетъ и мелкій производитель, для котораго земледѣліе въ значительной части Россіи составляетъ почти единственный источникъ дохода.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ выгоды помѣщиковъ и крестьянъ, какъ классовъ, и относясь къ вопросу исключительно съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственнаго производства, мы должны признать, что существующая организація земледѣлія есть явленіе крайне не нормальное, препятствующее всякому прогрессу и должно быть устранено прежде другихъ, собственно агрономическихъ преобразованій. Пусть дальнѣйшій ростъ доходовъ крестьянъ совершается путемъ возвышенія культуры; но раньше обезпечьте ему доходъ, возможный при современномъ положеніи хозяйства, устройте такъ, чтобы веденіе земледѣльческаго промысла въ прежнихъ размѣрахъ не зависѣло отъ воли и каприза лицъ, крестьянину и его хозяйству совершенно чуждыхъ; или будьте откровенны: стремитесь къ полному уничтоженію мелкаго хозяйству.

Мы уже знаемъ, что основная причина господствующаго сельско-хозяйственнаго хаоса кроется въ отсутствіи разграниченія территоріи мелкаго хозяйства и крупнаго, иначе говоря—въ недостаточности крестьянскаго надѣла для веденія хозяйства обычными способами, что повело къ борьбѣ мелкой и крупной культуръ; въ тяжести казенныхъ и частныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, побуждающей ихъ продавать свой

трудъ за безцѣнокъ; въ неблагопріятныхъ условіяхъ для существованія крупнаго производства (изъ числа которыхъ мы подчеркнемъ здѣсь лишь отсутствіе спеціальнаго класса батраковъ). Устранить царствующій въ земледѣліи безпорядокъ мыслимо поэтому тремя способами: 1) уничтоженіемъ мелкой культуры, въ видахъ обезпеченія крупнаго хозяйства рабочей силой; 2) прекращеніемъ крупнаго производства для устраненія препятствій, стѣсняющихъ развитіе мелкаго; 3) соединеніемъ обѣихъ культуръ, путемъ свободнаго соглашенія хозяевъ, въ цѣльную организацію, подобную той, какая господствовала при крѣпостномъ правѣ; такая организація обезпечивала-бы крестьянамъ необходимыя угодья, а помѣщику доставила-бы надежную рабочую силу.

Обращаясь къ дѣйствительной жизни, мы легко въ ней подмѣтимъ существованіе зачатковъ всѣхъ трехъ системъ, намѣченныхъ нами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣлы крестьянъ такъ малы и сами они столь ловко опутаны сосѣдомъ землевладѣльцемъ, что ихъ самостоятельное производство существуетъ лишь постольку, поскольку это терпитъ помѣщикъ; а послѣдній допускаетъ такую милость лишь въ предѣлахъ, обезпечивающихъ ему достаточное количество послушныхъ рабочихъ. Но этотъ способъ разрѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса распространенъ кажется всего менѣе; господству его служитъ препятствіемъ необъятность пространства Россіи, разнообразіе промысловъ, отсутствіе строгой спеціализаціи занятій, вслѣдствіе чего крестьяне всегда имѣютъ надежду заработать кусокъ хлѣба не земледѣльческимъ путемъ или отлучившись на время на сторону, или наконецъ, и вовсе покинувъ родину, если здѣсь сдѣлается очень ужъ плохо. Вслѣдствіе такихъ условій, помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать, что достигнутая имъ организація рабочихъ силъ имѣнія на почвѣ малоземелья сосѣдей-крестьянъ сохранится на продолжительное время и не будетъ разрушена перемѣной профессіи рабочихъ, уходомъ ихъ на сторонніе заработки или переселеніемъ.

Съ перваго взгляда можно подумать, что третій способъ разрѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса наиболѣе у насъ распространенъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти крупные землевладѣльцы, ведущіе собственное хозяйство, часть земли сдаютъ крестьянамъ въ аренду, пріобрѣтая такимъ образомъ необходимые для собственнаго производства капиталъ и рабочую силу. Но громадное большинство такихъ хозяевъ не довело разсматриваемаго метода обезпеченія своего имѣнія рабочей силой до цѣльной системы, удовлетворяющей потребностямъ какъ крупной, такъ и мелкой культуры; они не отрекаются отъ привилегій, созданныхъ послѣреформен-

нымъ періодомъ нашей исторіи; не исправляютъ погрѣшностей Положенія 19 февраля, а, напротивъ, закрѣпляютъ ихъ въ жизни, заботясь, чтобы онѣ оказались какъ можно дѣйствительнѣе; закабаляютъ мелкаго производителя, вмѣсто того, чтобы поддерживать его хозяйство. Не давая ничего народу, разсматриваемыя хозяйства и сами не ждутъ отъ него пощады; они держатся, пока существуетъ ловкій эксплуататоръ-управляющій. Но печально положеніе производства, когда оно поставлено такимъ образомъ. Культура здѣсь въ положительномъ загонѣ; это и есть тотъ сельско-хозяйственный безпорядокъ, противъ котораго мы теперь изыскиваемъ мѣры.

Но встрѣчаются и такія экономіи, которыя пытаются построить свое хозяйство на дѣйствительной солидарности интересовъ мелкой и крупной культуръ, для чего они готовы даже взять на себя нѣкоторые жертвы. Въ примѣръ хозяйствъ подобнаго рода мы приведемъ имѣніе Карамзина въ Курской губерніи: для привлеченія рабочихъ оно сдаетъ окружному населенію землю (1500 дес. изъ 3200 дес. всей владѣльческой пашни) дешевле другихъ владѣльцевъ, а разсчитываетъ за работу, которою тѣ уплачиваютъ ренту, дороже существующихъ цѣнъ. [1]) Попадаются (врядъ-ли, впрочемъ, не въ видѣ исключенія) и такіе помѣщики, которые достигли на указанномъ пути очень солидныхъ успѣховъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, добились солидарности съ мелкими земледѣльцами и которымъ удалось образовать сельско-хозяйственный союзъ, обнимающій крестьянское и помѣщичье производства. Такой случай намъ извѣстенъ изъ практики Московскаго земледѣльца.

Г-жа Костинская купила въ 1869 году имѣніе (въ Подольскомъ уѣздѣ), находящееся по сосѣдству съ разоренной деревней Плещеевой, населеніе которой, какъ водится, безъ нѣкоторыхъ угодій владѣлицы, не могло сдѣлать и шагу. «Многіе землевладѣльцы такимъ положеніемъ крестьянъ пользуются для своихъ выгодъ, заставляя ихъ арендовать у себя, по несоразмѣрно-высокой цѣнѣ, ничего не стоющія земли, или же получая съ нихъ доходы въ формѣ штрафовъ за потравы и т. п. Воспользовалась безвыходнымъ положеніемъ Плещеевскихъ крестьянъ и г-жа Костинская, но совершенно иначе: она, подобно другимъ землевладѣльцамъ, за пользованіе крестьянами прогономъ и пастбищемъ обязала послѣднихъ исполнять всѣ работы по своему имѣнію, но въ тоже время стала заботиться не о томъ, чтобы разорить крестьянъ, а о томъ, чтобы поддержать ихъ. Съ перваго же года своего хозяйства г-жа Костинская стала раздавать крестьянамъ подъ работу муку въ зимнее время по рыночной цѣнѣ и

[1]) См. Хоз. и лѣсъ 1878 и 1880 гг.

тѣмъ устранила для многихъ необходимость продавать скотину и одолжаться за высокіе проценты у ростовщиковъ; затѣмъ она настояла на томъ чтобы крестьяне исполняли свои полевыя работы въ одно время съ нею, перемѣнили сѣмена, которыя сама дала имъ въ долгъ. Результатомъ этого было то, что рожь у крестьянъ родилась такая-же чистая и прекрасная «какъ у барыни», тогда какъ до 1872 года на ихъ поляхъ родился одинъ костеръ». Благодаря прекраснымъ урожаямъ, крестьяне обзавелись скотомъ и теперь пашутъ землю у себя такъ же глубоко, какъ и у барыни. Если у кого либо изъ нихъ является серьезная нужда, то онъ прямо обращается къ «барынѣ», и послѣдняя «вызволяетъ изъ нужды—даетъ взаймы денегъ на покупку лошади, ссужаетъ хлѣбомъ, крупою и пр.» Вообще, по свидѣтельству сосѣдей и по собственному сознанію Плещеевскихъ крестьянъ, исправнѣе ихъ по волости никто не живетъ. Такое исправное хозяйство очень выгодно для г-жи Костинской, такъ какъ всѣ работы по ея имѣнію исполняются ими тщательно, своевременно и быстро; а доброе отношеніе барыни къ крестьянамъ вызываетъ съ ихъ стороны добросовѣстное отношеніе къ ея интересамъ, такъ что нетребуется даже строгаго надзора за правильнымъ исполненіемъ крестьянами своихъ обязанностей, не требуется и лѣснаго сторожа, такъ какъ крестьяне добровольно охраняютъ барскій лѣсъ, пользуясь изъ него «подчисткой», не требуется и особаго пастуха, такъ какъ барынинъ скотъ пасется вмѣстѣ съ крестьянскимъ».[1]).

Читатель самъ знаетъ, что владѣльцевъ, подобныхъ г-жѣ Костинской, немного: чтобы послѣдовать ея примѣру—нужно не только умѣть правильно разсчитывать, но и обладать извѣстными нравственными качествами и съ любовью заниматься хозяйствомъ. Наша же общественная среда не очень-то благопріятствуетъ появленію подобныхъ субъектовъ. Оттого-то въ русскомъ хозяйствѣ и царствуетъ хаосъ, оттого-то мы и не возлагаемъ надежды на описываемый методъ упорядоченія нашего земледѣлія.

Не знаемъ, какая судьба постигла еще одну попытку организовать земледѣліе на солидарности интересовъ помѣщика и крестьянъ, сдѣланную въ своемъ имѣніи землевладѣльцамъ Екатеринославской губерніи, г. Бодянскимъ, и предложенную имъ пятому съѣзду сельскихъ хозяевъ въ г. Одессѣ, какъ лекарство противъ кризиса на югѣ Россіи. Способъ этотъ состоитъ въ привлеченіи рабочихъ къ участію въ прибыляхъ и убыткахъ

[1]) Сб. стат. св. по Моск. губ. т. II, отд. II, стр. 60—61.

хозяйства. «Разъ совершенъ актъ или условіе землевладѣльца съ крестьянами, первый терятъ уже право продажи, передачи и залога своей земли и эксплуатаціи ея по своей волѣ». «Крестьяне подобнымъ актомъ должны пріобрѣтать право полученія опредѣленнаго % чистаго дохода отъ эксплуатаціи земли, право участія въ направленіи эксплуатаціи». Для «увеличенія или уменьшенія земельныхъ участковъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, требуется обоюдное согласіе представителей крестьянъ и землевладѣльца». Съѣздъ южныхъ хозяевъ согласился въ принципѣ съ предложеніемъ г. Бодянскаго и выразилъ желаніе, чтобы послѣдній сообщилъ во всеобще свѣдѣніе, черезъ земледѣльческіе журналы, о результатахъ производимаго имъ опыта подобной организаціи хозяйства. («Скотоводство», 1879 № 7 и 8). Хотя съ тѣхъ поръ прошло уже около 4-хъ лѣтъ, но, насколько намъ извѣстно, сообщеніе г. Бодянскаго въ печати не появлялось, и мы поэтому не можемъ судить вышло ли изъ его проэкта что нибудь, кромѣ пуфа.

Всего благопріятнѣе оканчивается дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы вовсе отказываются отъ собственнаго производства и всѣ или большую часть земли сдаютъ крестьянамъ на не особенно тяжелыхъ условіяхъ [1]). Здѣсь мелкіе землевладѣльцы, хотя и обладаютъ недостаточнымъ количествамъ надѣльной земли, но не стѣсняемые противной стороной, дополняютъ ее угодьями крупнаго владѣльца. Къ сожалѣнію, такая система далеко не можетъ быть признана господствующей, ибо очень многіе помѣщики, отказываясь отъ самостоятельнаго хозяйства, или употребляютъ свою землю для безпощадной эксплуатаціи народа, или сдаютъ ее крупнымъ съемщикамъ, въ рукахъ которыхъ она исполняетъ тоже назначеніе.

Который же изъ разсмотрѣнныхъ способовъ упорядоченія сельско-хозя йственнаго промысла долженъ получить преобладаніе, вызвать къ себѣ симпатіи общества и заботы правительства о его распространеніи? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ другимъ: какая изъ двухъ культуръ—крупная или мелкая имѣетъ виды на будущее, показываетъ признаки здороваго самостоятельнаго существованія, а не прозябанія изъ чужой милости.

На это мы неоднократно отвѣчали раньше. Крупному производству въ Россіи приходится развиваться въ неблагопріятный историческій моментъ. Противъ него вооружаются какъ общіе экономическіе законы, такъ и мелкій русскій производитель, и держится оно пока лишь благодаря той

[1]) Примѣромъ подобнаго положенія можетъ служить „Счасливый уголокъ“ описанный г. Энгельгардтомъ.

специфической обстановкѣ, въ какую насильственн опоставленъ крестьянинъ на перекоръ законамъ историческаго прогресса и интересамъ государства. Но изъ противуестественной комбинаціи не можетъ родиться что либо прочное, не искаженное, и кабала, на которой основано помѣщичье земледѣліе, служитъ преградой успѣхамъ сельскаго хозяйства. Крупная культура, какъ форма экономической организаціи общества, держится на развалинахъ земледѣлія, какъ одной изъ техническихъ отраслей производства. Если мы заитересованы агрикультурными успѣхами Россіи, если мы серьезно стремимся выйти изъ переживаемаго экономическаго кризиса-намъ нужно поддерживать крестьянское хозяйство.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕМЕЙНЫЕ РАЗДѢЛЫ [1]).

Читатель знаетъ, что главную причину разстройства крестьянскаго благосостоянія и земледѣльческаго промысла мы видимъ въ аграрныхъ порядкахъ. Другія лица тоже явленіе приписываютъ хищнической культурѣ земли, пьянству народа, семейнымъ раздѣламъ и пр. Мы съ своей стороны, вовсе не отрицаемъ вреднаго вліянія перечисленныхъ моментовъ, но ставимъ ихъ на второй планъ и думаемъ, что бороться съ ними будетъ гораздо легче послѣ упорядоченія аграрныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, для полноты картины крестьянскаго земледѣльческаго быта намъ кажется не лишнимъ остановиться и на этихъ вредныхъ вліяніяхъ, неограничиваясь простымъ констатированіемъ факта вреда, а по возможности указывая и на его размѣры. Начнемъ съ пьянства, благо его разрушительное вліяніе на благосостояніе народа служитъ въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ объектовъ правительственныхъ и общественныхъ заботъ.

Пить вино вовсе невредно; напротивъ того, употребленіе его съ гигіенической цѣлью полезно въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ человѣка истощается тяжелой работой или болѣзнью, и въ такихъ случаяхъ оно дѣйствительно употребляется въ довольно большихъ размѣрахъ. Врядъ ли можно что-нибудь возразить и противъ періодически повторяющихся умѣренныхъ выпивокъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ развитія народа и обстановки его труда, нетолько извинительны, но и необходимы. Безъ вина жизнь рабочаго была бы черезъ-чуръ однообразна; періоды тяжелаго труда не раздѣлялись бы рѣзкой гранью чего-то совершенно иного, самый трудъ потерялъ бы одного изъ своихъ энергическихъ возбудителей.

[1] „Отечественныя Записки“ 1883 г.

Обстановка труда и жизни нашего крестьянина такова, что потребленіе вина въ указанныхъ предѣлахъ находитъ себѣ оправданіе и съ экономической точки зрѣнія; но такъ какъ формою потребленія вина не опредѣляются его размѣры, то цыфра ежегодно выпиваемаго вина въ Россіи, падающая на работника или на душу, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ «пьянства» народа, т. е. явленія вреднаго въ гигіеническомъ или экономическомъ отношеніи. Не будетъ такимъ указателемъ и прогрессивный ростъ этой цифры изъ года въ годъ, такъ какъ увеличеніе потребленія вина можетъ идти параллельно съ развитіемъ его правильности. Тоже самое нужно сказать о количествѣ мѣстъ продажи питей: большее или меньшее ихъ число создаетъ тѣ или другія удобства полученія вина, но не можетъ служить мѣриломъ пьянства народа. Все это тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе для Россіи, что тогда какъ вопли о пьянствѣ народа раздаются отъ всюду, мало кто обратилъ вниманіе на правильное потребленіе населеніемъ вина, вродѣ того напримѣръ, какъ пьютъ его смоленскіе грабари, описанные г. Энгельгардтомъ, которые, кромѣ гульбы, прибѣгаютъ къ нему и въ случаяхъ тяжкой работы.

Но если даже и допустить, что данныя, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, имѣютъ нѣкоторое качественное значеніе въ смыслѣ указанія на существованіе пьянства то количественная сторона послѣдняго и причины его вовсе ими не опрѣдѣляются; степень экономическаго вреда водки такъ и остается ими не выясненной. Усиленіе, напримѣръ, потребленія вина могло произойти оттого, что значительная часть народа разбогатѣла и не знаетъ, какъ иначе распорядиться своими избытками и свободнымъ временемъ; тоже явленіе можетъ быть послѣдствіемъ внезапнаго освобожденія народа отъ опеки, быстраго измѣненія бытовыхъ условій, зависящаго отъ какой-нибудь иной причины (приближенія къ центрамъ цивилизаціи вслѣдствіе развитія желѣзно-дорожныхъ сообщеній, появленія фабрикъ, на которыхъ начнетъ работать населеніе и пр.), развитія отхожаго промысла, обѣднѣнія и закабаленія народа и т. п. Всѣ эти причины, имѣющія своимъ непосредственнымъ результатомъ измѣненіе или усиленіе потребленія народомъ вина или, если желаете—развитіе пьянства, придаютъ послѣднему каждая свой особый отпечатокъ, вслѣдствіе чего экономическій вредъ его не во всѣхъ случаяхъ одинаковъ. Съ той или другой цыфрой потребляемаго вина не связано никакого представленія о размѣрахъ разрушительнаго вліянія пьянства на благосостояніе населенія; для измѣренія послѣдняго нужны данныя иного рода.

Естественнѣе всего остановиться здѣсь на фактахъ прямого эконо-

мическаго вліянія пьянства, на фактахъ раззоренія, вызваннаго имъ, какъ наиболѣе легко констатируемыхъ; и судя по устнымъ и печатнымъ отзывамъ постоянныхъ, а еще болѣе случайныхъ наблюдателей народнаго быта, вредное вліяніе пьянства въ Россіи несомнѣнно велико. Однако, отзывамъ подобнаго рода врядъ ли можно придавать особое значеніе: случайный наблюдатель народной жизни, незадумывающійся надъ ея явленіями, склоненъ преувеличивать значеніе бросающихся въ глаза фактовъ и отдѣльные рѣзкіе случаи возводить въ законъ. Указанный путь изученія экономическаго значенія потребленія вина приведетъ къ цѣли лишь при условіи систематичности наблюденія и выраженія собраннаго матерьяла въ цыфровыхъ данныхъ. Сдѣлано ли кѣмъ либо что-нибудь подобное? Отвѣтъ читателю вѣроятно извѣстенъ: цыфрового матерьяла, рисующаго вредное экономическое вліяніе въ жизни русскаго народа пьянства—не существуетъ; лишь въ самое послѣднее время явились отрывочныя данныя по небольшимъ районамъ; и эти данныя въ виду полнаго отсутствія фактовъ, необходимыхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, тѣмъ болѣе должны привлечь наше вниманіе. Итакъ, имѣющійся цыфровой матерьялъ подтверждаетъ ли мнѣніе о сильномъ развитіи пьянства среди русскаго народа, и какія даетъ онъ указанія на степень экономическаго разстройства, зависящаго отъ неумѣреннаго потребленія вина?

Первыя извѣстныя намъ данныя прямого вліянія пьянства на благосостояніе населенія собраны московскимъ земскимъ статистическимъ комитетомъ и опубликованы г. Орловымъ. Изслѣдуя экономическое положеніе Московской губерніи, комитетъ собиралъ между прочимъ свѣдѣнія о причинахъ упадка хозяйства дворовъ, переставшихъ обработывать свои надѣлы. Такихъ домохозяевъ въ губерніи насчитывается около 30,000, но данныя, касающіяся всѣхъ ихъ, остаются пока неразработанными, и цифры г. Орлова относятся къ 25 волостямъ разныхъ уѣздовъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-промышленныхъ, и обнимаютъ 4,025 случаевъ раззоренія крестьянъ земледѣльцевъ. Что же оказывается? Несмотря на то, что Московская губернія одна изъ наиболѣе «цивилизованныхъ», гдѣ сильно развиты отхожіе и фабричные промыслы,—пьянство, какъ факторъ разрушенія благосостоянія народа, въ этой своей роли нетолько не первенствуетъ, но хотя и занимаетъ третье мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей въ томъ же направленіи, далеко, однако, уступаетъ всей совокупности вредныхъ вліяній, побуждающихъ мужика разстаться съ исконнымъ занятіемъ. Именно, изъ числа изслѣдованныхъ 4,025 обезземелившихся дворовъ собственно отъ пьянства раззорились 372 или

9%; 10/11 домохозяевъ обязаны своимъ упадкомъ другимъ причинамъ, ничего общаго съ пьянствомъ не имѣющимъ («Земство», 1881, № 43).

Этотъ выводъ о второстепенномъ значеніи въ процессѣ раззоренія народа неумѣреннаго потребленія вина подтверждается аналогичными данными, собранными Рязанскимъ земскимъ статистическимъ комитетомъ и опубликованными г. Личиковымъ; свѣденія собраны въ 1881 году и относятся къ Рязанскому уѣзду, обнимая причины раззоренія 1170 домохозяевъ. Оказывается, что въ этой мѣстности пьянство, какъ экономически вредный факторъ, играетъ еще болѣе второстепенную роль, чѣмъ въ Московской губерніи. Изъ 1170 упавшихъ хозяйствъ, отъ неумѣреннаго употребленія вина пришли въ это положеніе 67 или 5.7%; 15/16 раззорившихся обязаны этимъ другимъ причинамъ. («Московск. Телеграфъ», 1881 г. № 2322).

Читатель видитъ, что земледѣльческая Рязанская губернія страдаетъ отъ неумѣреннаго употребленія вина вдвое меньше промышленной Московской. Такой выводъ можно было предвидѣть и a priori, ибо земледѣльческое населеніе вообще пьянствуетъ меньше фабричнаго. Въ самой Московской губерніи можно наблюдать подобное же различіе между земледѣльческими и фабричными округами, но цифровыхъ указаній на это у насъ нѣтъ; вмѣсто нихъ мы приводимъ слѣдующую выписку изъ докладовъ губернскому земскому собранію сессіи 1881 года, въ которой резюмированы выводы, сдѣланные статистическимъ комитетомъ изъ фактовъ, собранныхъ имъ по интересующему насъ вопросу.

«Самостоятельное земледѣльческое занятіе, если оно ведется при благопріятныхъ условіяхъ (если имѣется необходимое количество скота, рабочій инвентарь, достаточное количество угодій и т. п.) наименѣе располагаетъ къ пьянству, если притомъ населеніе, не отрываясь отъ дому, бываетъ занято въ зимнее время какими либо мѣстными промыслами. Въ земледѣльческомъ населеніи сильнѣе стремленіе къ расширенію и улучшенію своего домашняго хозяйства, въ которое и влагаются всѣ сбереженія, остающіяся за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Въ такихъ селеніяхъ питейныя заведенія встрѣчаются рѣдко, а если и встрѣчаются, то они не производятъ гибельнаго вліянія на бытъ крестьянъ; кабацкой кабалы здѣсь нѣтъ; не трактирщикъ управляетъ міромъ, а міръ держитъ его въ зависимости отъ себя. Крестьяне, можетъ быть, и пьютъ *больше другихъ, но пьютъ во время* и преимущественно дома; трактирная жизнь здѣсь не развита. Внѣшніе признаки подобнаго населенія слѣдующіе: отсутствіе роскоши въ одеждѣ, физическое дородство, большое количество

хозяйственныхъ построекъ, посѣщеніе по праздникамъ храма Божьяго, разсудительность въ хозяйственныхъ разговорахъ, упорство и терпѣливость въ трудѣ. Вообще, это хотя и сѣрыя, но зажиточныя селенія, которыя встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ Московской губерніи, но преимущественно въ Волоколамскомъ, Клинскомъ и Дмитровскомъ. Фабричныя занятія наиболѣе располагаютъ населеніе къ трактирной жизни и пьянству». Впрочемъ, причина этого лежитъ не въ фабричной жизни по ея существу, а въ обстановкѣ этой жизни, какъ она образовалась у насъ при руководительствѣ производствомъ капитала. Чего здѣсь можно достигнуть по части уменьшенія пьянства цѣлесообразными мѣрами, доказываетъ фабрика Милютина: «рабочіе этой фабрики, гдѣ приняты всѣ мѣры для поддержанія семейности въ ихъ бытѣ, гдѣ дѣти воспитываются въ превосходной фабричной школѣ, гдѣ развита любовь къ чтенію, гдѣ со стороны администраціи фабрики предоставлены всевозможныя удобства жизни, отличаются сравнительно высокой трезвостью». Для достиженія такихъ результатовъ нѣтъ надобности непремѣнно въ искуственномъ созданіи усиліями фабриканта жизненной обстановки рабочаго; достаточно если фабричная работа является естественнымъ дополненіемъ земледѣльческаго занятія крестьянъ, если фабрика пристраивается къ крестьянину (какъ это и должно быть въ Россіи), а не ломаетъ всего его прошлаго. Примѣръ такой фабрики представляетъ заведеніе Каулена въ Клинскомъ уѣздѣ: «здѣсь работаетъ населеніе изъ сосѣднихъ деревень, въ которыхъ земледѣльческое хозяйство ведется исправно; на фабрикѣ работаютъ главнымъ образомъ лишніе члены семей, обѣдать и ночевать они приходятъ домой и слѣдовательно не отрываются отъ земли и отъ домашнихъ занятій. Пьянства между рабочими означенной фабрики нѣтъ». «Если хозяйство крестьянъ основано на случайныхъ, хотя бы и весьма значительныхъ заработкахъ, и если трудъ правильно не организованъ (дачныя селенія и т. п), то такія условія благопріятны для развитія пьянства». «Постепенное обѣднѣніе, происходящее вслѣдствіе разныхъ (постоянныхъ и случайныхъ) причинъ, влечетъ за собою неправильное потребленіе спиртныхъ напитковъ и кабацкую кабалу, причемъ пьянство въ свою очередь ускоряетъ процессъ раззоренія. Уничтоженіе промысла, къ которому изстари привыкло населеніе, пожаръ, истребившій селеніе, падежъ скота, эпидемія, задолженность, плохое состояніе надѣла—всѣ эти и подобныя обстоятельства разстраиваютъ крестьянскій бытъ и хозяйство иногда настолько, что населеніе, по выраженію самихъ крестьянъ, «падаетъ духомъ» и въ винѣ ищетъ утѣшенія; оно по необходимости теряетъ значительную долю своей хозяйственной

самостоятельности и нерѣдко подпадаетъ подъ вліяніе содержателей трактировъ и кабаковъ, которые и пользуются стѣсненными обстоятельствами, принимая заклады, давая ссуды и вообще оперируя съ крестьянскимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Если это разъ случилось, то населенію трудно осободиться изъ подъ кабацкой кабалы и нерѣдко оно окончательно раззоряется. Въ примѣръ этого можно привести нетолько рядъ отдѣльныхъ селеній, но и цѣлые большіе округа; такъ напр., можно указать на большую часть селеній Шебанцевской волости Подольскаго уѣзда, жители которыхъ, до проведенія Курской желѣзной дороги, занимались извозомъ и пользовались высокимъ благосостояніемъ, а затѣмъ съ прекращеніемъ промысла стали бѣднѣть и дошли до такого состоянія, что большая часть домохозяевъ находится въ долгу у содержателей мѣстныхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній».

Эти выводы, сдѣланые изъ фактовъ касающихся цѣлой губерніи, еще болѣе умаляютъ значеніе пьянства, какъ самостоятельнаго фактора въ дѣлѣ разрушенія благосостоянія земледѣльца и его промысла. Оказывается, что первые удары тому и другому наноситъ не водка, а рядъ другихъ случайныхъ или постоянныхъ вредныхъ вліяній. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ народнаго благосостоянія они вызываютъ и пьянство, которое такимъ образомъ является послѣднимъ толчкомъ, наносимымъ крестьянину различными, главнымъ образомъ, соціальными факторами, за которымъ уже слѣдуетъ окончательное его раззореніе. Поэтому, борьба съ пьянствомъ, какъ съ явленіемъ производнымъ, обѣщаетъ мало успѣха, и на оборотъ, устраненіе другихъ самостоятельныхъ факторовъ народнаго обѣднѣнія должно нетолько предупредить раззореніе крестьянъ, но и уменьшить пьянство. «Отчего, спрашиваетъ одинъ изъ наблюдателей народнаго быта:—въ сосѣднемъ селѣ настолько уменьшилось пьянство, что кабакъ самъ собою, безъ всякихъ репрессалій, вынужденъ былъ закрыться? Оказывается, что тамъ совершенно случайно, по распоряженію барыни, стали сдавать землю подъ ленъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне поправились, поуплатили недоимки, завели скотъ, поправили хозяйство и стали меньше пить. Мало того, нѣкоторыхъ домохозяевъ, неисправныхъ пьяницъ, поссадили съ хозяйства и замѣнили ихъ сыновьями, отдавши отцовъ имъ подъ надзоръ» (Порядокъ, 1881,256). Въ «счастливомъ уголкѣ», описанномъ г. Энгельгардтомъ, мы можемъ наблюдать подобное же явленіе: съ возвышеніемъ благосостоянія его обитателей, происшедшимъ отъ соціальныхъ причинъ, пьянство, какъ факторъ, вредный экономически и гигіенически, исчезло;

осталось потребленіе вина, иногда даже въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, но безъ его вредныхъ послѣдствій.

Скажемъ еще разъ: при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ крестьянской жизни (нормальныхъ даже въ смыслѣ нашего послѣдняго періода промышленнаго развитія) пьянство народа занимаетъ послѣднюю роль въ дѣлѣ его раззоренія. Вышеприведенныя цыфровыя данныя прямого его вліянія въ указанномъ направленіи мы дополнимъ нѣкоторыми другими указаніями, не менѣе его рисующими значеніе пьянства въ экономической жизни народа. Эти указанія касаются непосредственно пьянства, т. е. характера потребленія вина крестьянами.

803 работника нѣсколькихъ деревень Кадниковскаго (Вологодской губерніи) и Рыбинскаго уѣздовъ, по степени своей приверженности къ вину, распадаются на слѣдующія четыре группы: «1) *трезвые*—или не пьютъ вовсе (по зароку), или выпиваютъ рюмочку крайне рѣдко, по настоянію другихъ, когда ужь никакъ нельзя отказаться; 2) *выпивающіе*—пьютъ охотно при случаѣ стаканчикъ, но напиваются рѣдко и то только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ обычаемъ случаяхъ, каковы престольные праздники, на свадьбахъ, при сдѣлкахъ и т. п.; 3) *пьющіе*—напиваются гораздо чаще и вообще никогда не могутъ противиться соблазну; однако, трудъ у нихъ на первомъ планѣ, ведутъ хозяйство старательно, не рѣшаются пропивать необходимый хлѣбъ, рабочую скотину, платье и т. п.; 4) *пьяницы*—отбились или почти отбились отъ хозяйства и работы, пьянствуютъ постоянно, живутъ на счетъ родныхъ или же промышляютъ воровствомъ, нищенствомъ, знахарствомъ и т. п. Процентное отношеніе этихъ группъ слѣдующее: трезвыхъ 4,5%, выпивающихъ 86%, пьющихъ 8%, пьяницъ 1,5% («Рус. Курьеръ»).

Въ виду изложенныхъ фактовъ и цифръ, мы уже знаемъ, какъ отнестись къ мнѣніямъ, приписывающимъ упадокъ народнаго благосостоянія главнымъ образомъ неумѣренному потребленію вина, и для полноты картины считаемъ не лишнимъ остановиться на одномъ изъ этихъ утвержденій, основанномъ на болѣе или менѣе точныхъ цифровыхъ данныхъ. Мы говоримъ здѣсь о мнѣніи московской земской комиссіи «по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія», признающей всю «важность и крайнюю необходимость неотлагательно принять мѣры къ сокращенію неумѣреннаго употребленія вина въ сельскомъ населеніи». О неумѣренности этой, трактуемой комиссіей, какъ «бичъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго благосостоянія крестьянскаго», комиссія заключаетъ изъ того, что, разсчитывая количество выпускаемаго

въ губерніи въ продажу вина на душу и домохозяйство (въ томъ предположеніи, что все это вино потребляется мѣстными крестьянами), она нашла, что на душу мужскаго пола приходится 2,3 ведра водки въ годъ, а на домохозяина 5,4 вед.; переводя стоимость его на деньги, расходъ на вино составляетъ 15% крестьянскаго годоваго бюджета. Чтобы судить насколько такое для Россіи исключительно большое потребленіе вина можетъ быть названо неумѣреннымъ или пьянствомъ, мы для сравненія приведемъ данныя о томъ же предметѣ изъ другихъ странъ; и вотъ оказывается, что тогда, какъ въ Московской губерніи количество выпиваемаго въ продолженіе года вина будетъ 1,2 ведра на 1 душу обоего пола, во Франціи таже единица истребитъ 0,5 ведра въ годъ, въ Германіи—1 в., въ Англіи—1,8, Швеціи—2 в., въ Даніи—3,3 вед., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—5 вед. [1]). Т. е. по количеству истребляемаго вина Московская губернія превосходитъ лишь двѣ страны и притомъ такія, гдѣ кромѣ водки въ большомъ распространеніи легкія виноградныя вина или пиво; другія страны значительно перегнали въ этомъ отношеніи Московскую губернію, и однако раззореніе отъ вина тамъ не выступаетъ на первый планъ. Что касается до цифры денежнаго расхода на вино московскаго крестьянина, занимающей столь видное мѣсто въ его бюджетѣ (15%), то вѣдь вспомните, что этотъ расходъ почти единственный, дающій крестьянину доступныя ему наслажденія: у него вѣдь нѣтъ тратъ на театры или клубы, на карты, званые обѣды, прогулки и т. п., поглощающія столько денегъ у культурнаго человѣка; у него почти всѣ расходы на наслажденія сосредоточиваются въ стоимости выпитаго вина. Принявъ и это во вниманіе, мы можетъ быть согласимся, что московскій крестьянинъ вовсе ужъ не такъ провинился по части пьянства, какъ это расписываетъ комиссія, хотя, съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы кромѣ вина, ему были доступны и другія развлеченія цивилизованнаго человѣка.

Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ пьянство «народа» является результатомъ другихъ вредныхъ экономическихъ вліяній, такъ что съ исчезновеніемъ послѣднихъ его разрушительное значеніе не мало бы ослабѣло. Кромѣ того, во многихъ же случаяхъ неумѣренное употребленіе вина приводитъ къ раззоренію хозяйства потому только, что пьяница — единственный работникъ въ семьѣ: будь домохозяйство составлено изъ нѣсколькихъ мужчинъ — пьянство одного изъ нихъ не оказывало бы столь

---

[1]) Отеч. Зап. 1879, 3. „Ходячіе предразсудки относительно крестьянъ".

разрушительнаго вліянія. Такимъ образомъ мы здѣсь подходимъ къ другому Макару, на котораго валятся всѣ шишки обвиненія въ бѣдности народа, къ семейнымъ раздѣламъ, будто бы безъ мѣры усилившимся въ послѣднее двадцатилѣтіе. Посмотримъ же, насколько истинно подобное утвержденіе; поищемъ прежде всего и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о пьянствѣ, цифровыхъ указаній на частоту семейныхъ раздѣловъ и ихъ экономическое значеніе.

Изъ имѣющагося матеріала мы должны прежде всего указать на труды московскаго земскаго статистическаго комитета. Въ III томѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній» по этой губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія о населеніи за 1858 и 1877 годы, съ распредѣленіемъ его по поламъ и возрастамъ, а также о числѣ дворовъ въ тотъ и другой годъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что съ 1858 по 1877 г. число семей въ губерніи возросло съ 142,375 до 199,360, т. е. на 40%. Еслибы количество населенія за тотъ же періодъ оставалось неизмѣннымъ, то все происшедшее увеличеніе дворовъ могло быть приписано, пожалуй, семейнымъ раздѣламъ; но такъ какъ населеніе въ указанный промежутокъ времени размножилось на 8%, то естественно, если на такую же цифру увеличится и число дворовъ, безъ того, чтобы участились семейные раздѣлы, а на долю послѣднихъ можетъ быть отнесенъ лишь избытокъ дворовъ надъ этой нормальной цифрой. Увеличивая число дворовъ 1858 г. на 8%, получимъ 153,765 дворовъ, долженствующихъ существовать въ 1877 г., еслибы раздѣлы шли прежнимъ порядкомъ. Вмѣсто того, ихъ насчитывается 199,360, и избытокъ въ 45,595 мы теперь припишемъ семейнымъ раздѣламъ. Итакъ, 153,765 дворовъ, долженствующихъ находиться въ губерніи въ 1877 г. при прежней интенсивности стремленія народа къ семейнымъ раздѣламъ, отдѣлили отъ себя еще 45,595 дворовъ, т. е. увеличились, благодаря семейнымъ раздѣламъ, на 29%.

Прилагая тотъ же методъ вычисленія къ другимъ, имѣющимся у насъ земскимъ статистическимъ даннымъ [1]), мы найдемъ, что въ Рязанскомъ уѣздѣ въ промежутокъ съ 1858 по 1881 г. раздѣлы увеличили число дворовъ на 38%, въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи—на 37,5%, въ Козловскомъ—на 62%.

Такъ какъ семейные раздѣлы важны для насъ по своему экономическому значенію, то ихъ интенсивность въ различныхъ мѣстностяхъ мы выразимъ такими цифрами, которыя указывали бы вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ

[1]) Сб. стат. свѣд. по Тамб. губ. т. I и II, сб. ст. свѣд. по Рязан. г.

на уменьшеніе численнаго состава семьи, такъ и на ослабленіе ея рабочей части; именно, вычислимъ число душъ мужского пола вообще и въ частности число мужчинъ-работниковъ, приходящихся на среднюю семью въ 1858 г. и въ настоящее время, и разницу въ цифрахъ обоихъ моментовъ припишемъ семейнымъ раздѣламъ.

Московская губернія.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1855 г. 3,5 На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1877 г. 2,8	уменьшеніе на 20%.	На 1 дворъ работ. въ 1858 г. . . . 1,8 На дворъ работ. въ 1877 г. . . . 1,4	уменьшеніе на 22%

Борисоглѣбскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г. 4,7 На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1880 г. 3,4	уменьшеніе 28%.	На 1 дворъ чис. раб. въ 1858 г. . 2 4 На 1 дворъ чис. раб. въ 1880 г. . 1,63	уменьшеніе на 33%.

Козловскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г. 5,3 На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1881 г. 3,3	уменьшеніе на 38%	На 1 дворъ раб. мужс. п. въ 1858 г. 2,6 На 1 двовъ раб. мужс. п. въ 1881 г. 1,58	уменьшеніе на 40%.

Рязанскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г. 4,2 На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1881 г. 3,1	уменьшеніе на 26%.

И такъ, численный составъ семей за послѣдніе 20—23 года уменьшился въ Московской губерніи на 20%, въ Рязанскомъ уѣздѣ на 26%, въ Тамбовской губеніи на 28—38%; рабочими силами семьи обѣднѣли еще больше (на 22—40%). Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ экономическаго значенія разсматриваемаго явленія, мы должны указать на нѣкоторыя соображенія, смягчающія выводы, къ какимъ мы приходимъ относительно семейныхъ раздѣловъ, если будемъ основываться исключительно на вышеприведенныхъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что по вычисленіямъ г. Семенова семейные раздѣлы развились значительно медленнѣе, чѣмъ это слѣдуетъ изъ нашихъ цифръ; именно, впродолженіи 17 лѣтъ численный составъ двора уменьшился въ шести губерніяхъ промышленной московской области на 10%, а въ восьми губерніяхъ центральной земледѣльческой полосы на 13%. (Стат. Позем. Собст.). Средняя годовая цифра уменьшенія будетъ здѣсь 0,6% для промышленной области, 0,8% —для земледѣльческой; между тѣмъ какъ по земскимъ даннымъ въ Московской губерніи годовое уменьшеніе семьи будетъ 1%, въ Рязанскомъ уѣздѣ 1,1,

въ Борисоглѣбскомъ—1,3, а въ Козловскомъ даже 1,65%. Чѣмъ обусловливается такая большая разница въ цифрахъ, доходящая до 100%?

Одна изъ причинъ указаннаго явленія кроется, вѣроятно, въ томъ, что тогда какъ данныя о числѣ дворовъ центральнаго статистическаго комитета (которыми пользовался г. Семеновъ) касаются только земледѣльческаго населенія Россіи, имѣщаго право на надѣлъ, земскіе статистики заносили на страницы своихъ изданій всѣхъ жителей, приписанныхъ къ селу, считая за отдѣльнаго домохозяина всякаго безроднаго бобыля, вдову, отставного солдата-старика и пр. Подобные домохозяева въ общемъ счету съ земледѣльцами должны понижать численный составъ средней семьи, такъ какъ (не говоря уже о бобыляхъ) семьи ихъ, по всей вѣроятности, не велики. Эти приписанные къ обществу отставные солдаты, бывшіе дворовые и пр., оторвавшись отъ земли, промышляютъ ремеслами а то и чѣмъ Богъ пошлетъ. Одинъ членъ подобной когда-то земледѣльческой и, можетъ быть, большой семьи, занялся одинъ дѣломъ и пристроился гдѣ-нибудь въ городѣ; другой пошелъ искать лучшаго въ чужую губернію, третій приписался къ селу; лишь въ видѣ исключенія нѣсколько братьевъ подобныхъ промышленниковъ станутъ вмѣстѣ, не разлучаясь, вести борьбу за существованіе. А если это вѣрно, то, входя въ общій счетъ съ земледѣльцами, подобные домохозяева должны понизить численный составъ средней семьи. Обратимъ вниманіе читателя еще на то обстоятельство, что цифры г. Семенова касаются цѣлыхъ губерній, наши же относятся къ отдѣльнымъ уѣздамъ, почему мы не можемъ выдѣлить такіе, вѣроятно, исключительные случаи, какъ Козловскій уѣздъ, съ его громаднымъ стремленіемъ къ раздѣламъ. Кромѣ того, главное различіе въ данныхъ, собранныхъ земствомъ и центральнымъ статистическимъ комитетомъ, заключается не въ тѣхъ цифрахъ, которыя опредѣляютъ современный составъ семьи, а въ тѣхъ, которыя касаются прежняго, дореформеннаго домохозяйства. Если же мы сравнимъ между собой численный составъ теперешнихъ семей, какъ онъ рисуется тѣми и другими изслѣдованіями, то найдемъ между нами лишь небольшое различіе; именно на одну семью приходится мужскаго пола душъ:

Въ Московской губ. цен. ст. к.	3,0	земск.	2,8
„ Рязанскомъ уѣздѣ	3,2	„	3,1
„ Козловскомъ.	3,4	„	3,3
„ Борисоглѣбскомъ.	3,2	„	3,4

Цифры почти одинаковыя, и во всякомъ случаѣ раалличіе между ними столь ничтожно, что не можетъ объяснить громадной разницы быстроты уменьшенія численнаго состава семьи, вычисленной нами и г. Семеновымъ.

Методъ вычисленія въ обоихъ случаяхъ былъ одинаковъ, онъ заключался въ сравненіи числа душъ мужскаго пола, приходившихся на средній дворъ нынѣ и въ моментъ ревизіи; нужно, поэтому, полагать, что корень противорѣчія заключается въ неодинаковыхъ цифрахъ ревизскаго населенія. Не имѣя въ данный моментъ возможности провѣрить правильность показаній прежней семьи по даннымъ того и другого источниковъ и принимая во вниманіе, что г. Семеновъ, въ качествѣ предсѣдателя статистическаго отдѣла центральнаго статистическаго комитета, не могъ не имѣть по этой части вѣрныхъ цифръ; зная къ тому же, что свѣдѣнія о населеніи за оба періода онъ привелъ къ одному знаменателю, наиболѣе для насъ важному (коренному земледѣльческому населенію), мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что его выводы, касающіеся четырнадцати губерній, могутъ быть опровергнуты данными, относящимися къ двумъ-тремъ уѣздамъ. А если это вѣрно, то слѣдуетъ признать, что численный составъ крестьянской семьи за прошедшее послѣ реформы двадцати-трехлѣтіе измѣнился не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это говорятъ земскіе цифры; семья сдѣлалась меньше не на 20—40%, а лишь на 12—17% [1]). Однако, она все-таки уменьшилась, рабочій ея составъ ослабѣлъ, хозяйственный инвентарь раздѣлился; какое же вліяніе должно было это оказать на уровень экономическаго благосостоянія населенія и на крестьянскій земледѣльческій промыселъ?

При попыткѣ разрѣшенія поставленнаго вопроса мы сталкиваемся съ мнѣніемъ, весьма авторитетно и категорически высказаннымъ, между прочимъ, московскими земцами съ г. Самаринымъ во главѣ, мнѣніемъ, по которому семейные раздѣлы являются главной причиной раззоренія народа. По ихъ утвержденію «оборотный капиталъ, при помощи котораго существовалъ въ прежнее время у крестьянъ земледѣльческій промыселъ, еще могъ кое-какъ удовлетворять потребности, потому что бывшее тогда число домохозяевъ было не очень значительно: на дворъ приходилось по 3,5 души. Но когда вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ число домохозяевъ увеличилось на 40% сравнительно съ числомъ домохозяевъ, бывшимъ во

[1]) И эти цифры черезчуръ велики, ибо извѣстно, что въ послѣдніе годы семейные раздѣлы производятся рѣже, чѣмъ въ первое время по освобожденіи. Изъ только что вышедшаго подворнаго описанія трехъ волостей Новгородскаго уѣзда видно, что здѣсь раздѣлы оказали еще меньшее вліяніе на составъ семьи; именно съ 1858 по 1881 г. она уменьшилась всего на 9%, да и то благодаря не исключительно раздѣламъ, а также вліянію приписного и окрестнаго элемента, семьи котораго обыкновенно малодушнѣе кореннаго населенія (Бычковъ. Опытъ подворнаго изслѣдованія экон. полож. и пр.).

время ревизіи, такъ что на дворъ приходится теперь только 2,7 души, то потребовалось значительно увеличить оборотный капиталъ, чтобы каждаго новаго домохозяина поставить на ноги и дать ему возможность вести самостоятельное хозяйство. Для этого, вслѣдствіе бѣдности крестьянъ, у нихъ не оказалось надлежащихъ средствъ; оборотный капиталъ не только не увеличился, а даже уменьшился, и раздѣлы семейные создали многочисленный, почти неизвѣстный у насъ дотолѣ разрядъ домохозяевъ безлошадныхъ, вынужденныхъ бросать земледѣльческій промыселъ, за неимѣніемъ оборотнаго капитала, безъ котораго занятіе этимъ промысломъ невозможно». Стараясь отыскать въ докладѣ комиссіи московскаго губернскаго земства по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія, откуда мы заимствовали приведенную выписку, факты въ подтвержденіе этого положенія, мы встрѣчаемъ цифры, доказывающія, что съ 1869 по 1877 годъ число безлошадныхъ домохозяевъ почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи возрастало быстрѣе, чѣмъ увеличивалось количество дворовъ. Согласно своему воззрѣнію на значеніе семейныхъ раздѣловъ, комиссія по этому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Слѣдовательно, не только всѣ домохозяева, которые вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ прибыли въ послѣдніе 9 лѣтъ, оказываются безлошадными, но и часть прежнихъ лошадныхъ домохозяевъ превратилась въ безлошадныхъ». «Только два уѣзда, Богородскій и Клинскій, составляютъ исключеніе; въ нихъ число домохозяевъ лошадныхъ увеличивается». Обращаясь къ этимъ двумъ исключительнымъ уѣздамъ и, подъ вліяніемъ мысли комиссіи, ожидая встрѣтить здѣсь болѣе рѣдкіе раздѣлы, мы, къ удивленію своему, узнаемъ, что они нетолько не рѣже, но даже чаще средняго по губерніи. Именно, тогда какъ по всей губерніи численный составъ семьи за указанный періодъ времени уменьшился съ 2,9 до 2,7 душъ мужскаго пола, т. е. на 7%, въ Клинскомъ уѣздѣ это уменьшеніе было слишкомъ въ 10%, а въ Богородскомъ даже 13%. Въ другомъ мѣстѣ (Безземельные въ моск. губ.) мы сопоставляемъ цифры, выражающія частоту семейныхъ раздѣловъ по всѣмъ уѣздамъ губерніи съ быстротой обезземеленія народа и также не находимъ между ними той пропорціональности, какая должна существовать, если бы мнѣніе комиссіи о вредномъ ихъ вліяніи было справедливо.

Вотъ, кажется, и всѣ факты, приведенные комиссіей въ подтвержденіе мнѣнія, что главная причина обезлошадыванія крестьянъ Московской губерніи и естественно за нимъ слѣдующаго забрасыванія земледѣльческаго производства кроется въ семейныхъ раздѣлахъ. Факты вовсе

не говорятъ этого, слѣдовательно, не они послужили основаніемъ для заключеній комиссіи; если же мы логически разберемъ разсматриваемое мнѣніе, то ясно увидимъ сколь оно неосновательно и потому произвольно. Въ самомъ дѣлѣ, если «всѣ домохозяева, которые, благодаря семейнымъ раздѣламъ, прибываютъ въ послѣдніе годы, оказываются безлошадными по той причинѣ, что у крестьянъ нѣтъ достаточнаго оборотнаго капитала», чтобы каждаго новаго домохозяина поставить на ноги и дать ему возможность вести самостоятельное хозяйство, то это значитъ, что къ раздѣламъ приступаютъ исключительно тѣ семьи, которыя при нѣсколькихъ работникахъ имѣютъ всего по одной лошади, вслѣдствіе чего отдѣлившіеся члены семьи по необходимости оказываются безъ рабочаго скота. На чемъ основана такая курьезная, не высказанная посылка земскаго мнѣнія—намъ не извѣстно; мы можемъ только заявить, что фактовъ, ее подтверждающихъ, комиссіей приведено не было. Это насъ избавляетъ отъ печальной необходимости считать русскихъ мужиковъ набитыми дураками, сознательно чуть не поголовно лѣзущими въ мертвую петлю, и не лишаетъ насъ права въ противность выше приведенному мнѣнію утверждать, что раздѣлы въ большинствѣ случаевъ совершаются вѣроятно съ такимъ расчетомъ, чтобы отдѣлившіеся по возможности имѣли мало-мальски сносный инвентарь для веденія земледѣльческаго промысла; что въ этихъ видахъ раздѣлы задерживаются и что они происходили бы быстрѣе—будь благосостояніе народа выше; что, наконецъ, раздѣлы, непосредственно ведущіе къ раззоренію, т. е. такіе, которые оставляютъ раздѣлившихся безъ лошади, орудій производства и безъ возможности пріобрѣсти ихъ въ ближайшемъ будущемъ, что такіе случаи раздѣловъ бываютъ сравнительно рѣдко и потому не могутъ служить главной причиной раззоренія народа. Такое наше мнѣніе, основанное на простомъ довѣріи къ разуму народа, подтверждается подробными статистическими изслѣдованіями Московскаго и Рязанскаго земскихъ статистическихъ комитетовъ. Именно, собранныя ими данныя показали, что семейные раздѣлы послужили причиной упадка въ Московской губерніи 10%, а въ Рязанскомъ уѣздѣ 9,3% всѣхъ раззорившихся домохозяевъ.

Вообще семейные раздѣлы трактуются у насъ такимъ образомъ, какъ будто бы они составляютъ страшное зло и притомъ зло спеціально послѣдняго времени; какъ будто бы прежде крестьянская семья была несравненно больше, и это составляло одинъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ ея благосостоянія. Историко-статистическія изслѣдованія, однако, врядъ ли подтверждаютъ такое мнѣніе; по крайней мѣрѣ, сопоставляя данныя гене-

ральнаго межеванія (въ концѣ 18 вѣка) съ современными намъ свѣдѣніями центральнаго статистическаго комитета и не многими данными, собранными земскими статистиками, мы ясно увидимъ, какъ мало измѣнился въ продолженіе цѣлыхъ почти ста лѣтъ численный составъ двора; именно:

Число душъ мужскаго пола на 1 дворъ:

	18 в.	Настоящее время ц. ст. к.	земскія	
Въ Рязанской губ.	3,7	3,3	3,1	(Рязан. у).
„ Тамбовск. „	3,8	3,4	3,4	(Средн. по
„ Орловской „	3,7	3,6		Борисог. и
„ Курской „	3,6	3,4		Козлов. уу.)
„ Пензенской „	3,5	3,3 [1])		

Если, несмотря на сходство цифръ всѣхъ столбцовъ, настоящее время даетъ поводъ раздаваться оглушительнымъ крикамъ о чрезмѣрной частотѣ семейныхъ раздѣловъ, такъ это потому, что первая половина девятнадцатаго вѣка, благодаря господству крѣпостного духа, создала семью больше той, какая была типичной въ прошломъ столѣтіи, насильственно соединила подъ одной кровлей элементы, долженствующіе жить розно. И настоящее стремленіе народа къ раздѣламъ есть продолженіе того же разрушенія крѣпостныхъ порядковъ, какое начато было законодательнымъ актомъ 19 февраля.

Наконецъ, противъ антагонизма между семейными раздѣлами и народнымъ благосостояніемъ говоритъ примѣръ Малороссіи, гдѣ издавна существуетъ обычай отдѣлять на самостоятельное хозяйствованіе каждаго члена семьи, достигшаго совершеннолѣтія и вступившаго въ бракъ. Если-бы въ этомъ заключалось неисправимое зло, то малороссы давно бы разорились поголовно, а между тѣмъ они во всякомъ случаѣ не бѣднѣе великорусскихъ крестьянъ. Объясняется это очень просто тѣмъ, что земледѣльческій промыселъ, какъ онъ ведется въ Россіи, столь еще простъ

[1]) Устои 1882, 2 ст. В. И. Семевскаго. Впрочемъ, сопоставляя данныя различныхъ источниковъ по этому вопросу, мы встрѣчаемся съ противорѣчіемъ, объяснить которое предоставляемъ спеціалистамъ-статистикамъ. Такъ въ Тверской губерніи, по даннымъ г. Семевскаго, семья въ 18 вѣкѣ состояла изъ 3 душъ муж. пола; по цифрамъ г. Семенова передъ освобожденіемъ она была въ 3,6, а въ настоящее время 2,9 д. м. п. Г-же Покровскій считаетъ что въ прошломъ вѣкѣ средняя семья состояла изъ $9^1/_2$ человѣкъ обоего пола (значитъ изъ 4,5 — мужскаго), въ 56 г. въ ней было 8 челов. (ок. 4 д. м. п.), а теперь 6 (3 д. м. п.). Лишь послѣдняя цифра совпадаетъ съ данными другихъ авторовъ, за то огромная разница въ числѣ душъ прошлаго вѣка.

и столь мало подчиняется вліянію раздѣленія труда, что хозяйственная единица можетъ быть здѣсь очень небольшихъ размѣровъ: семья изъ взрослаго мужчины, женщины и полуработника безъ особенныхъ затрудненій справится почти со всѣми земледѣльческими работами.

Хотя мы здѣсь и пытаемся снять съ семейныхъ раздѣловъ обвиненіе въ произведеніи народной бѣдности, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не признать, что, при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ, дворъ, бѣдный рабочими силами, мало способенъ взять призъ въ борьбѣ за существованіе. Это можно видѣть уже изъ разбора данныхъ относительно обѣднѣнія и обезземеленія крестьянъ, показывающихъ, что этотъ печальный процессъ охватываетъ главнымъ образомъ дворы съ слабымъ рабочимъ составомъ. Такъ, г. Покровскій утверждаетъ, что въ Тверской губерніи безлошадная семья по численности своей вдвое меньше обыкновенной. Изъ таблицы г. Личикова [1]) о раззорившихся въ Рязанскомъ уѣздѣ видно, что и здѣсь главная ихъ масса падаетъ на семьи, слабыя рабочей силой, именно: одиночество, сиротство, бобыльство, отсутствіе мужчинъ въ семьѣ

служитъ причиною упадка въ	27,6% всѣхъ раззорившихся.
Болѣзнь, непривычка къ земл. труду . .	11,7%
Большая семья при недост. рабоч. . .	6,8%
Отсутствіе бабъ въ семьѣ.	5,3%
Солдатчина	7,6%
Итого.	60 %

И такъ, больше половины раззорившихся пришли въ это состояніе благодаря главнымъ образомъ малому рабочему составу семей, вслѣдствіе чего болѣзнь одного взрослаго члена, уходъ его въ солдаты, смерть женщины наносятъ непоправимый ударъ благосостоянію семьи. Вѣроятно не малая доля и другихъ группъ раззорившихся (отъ семейныхъ раздѣловъ, пьянства, постепеннаго истощенія и пр.) легко пришла въ такое состояніе вслѣдствіе малого числа рабочихъ въ семьѣ.

Подобный же выводъ окажется и послѣ разбора данныхъ г. Орлова о раззорившихся московскихъ крестьянахъ. Такія причины, какъ полное одиночество, отъ котораго раззорилось 4% всѣхъ обозземелившихся; калѣчество, старость, убожество рабочихъ членовъ, служившія причиною упадка 3%; смерть жены домохозяина—2%; непривычка къ земледѣлію работника, дотолѣ занимавшагося ремесломъ, теперь оставшагося одиночкой послѣ

1) Протоколы засѣданій губ. Тверск. зем. собр. за 1878 г., о платежныхъ средствахъ населенія Тверск. губ., с. 146. Московскій Телеграфъ, id.

смерти отца-хлѣбопашца, приведшая къ забросу земледѣлія 8% безхозяйныхъ; всѣ эти случаи прямо указываютъ на слабый рабочій составъ, какъ на причину прекращенія земледѣльческаго занятія. Но вотъ 7% раззорившихся вслѣдствіе отхожаго промысла! Они также должны быть причислены къ этой группѣ. «Уходя на постоянные заработки въ городъ или поступая на фабрику, крестьянинъ въ первое время поддерживаетъ связь съ деревней, гдѣ у него имѣется семьи и хозяйство: *но безъ работника мужчины*, если такового не остается въ семьѣ, съ деревенскимъ хозяйствомъ справляться трудно, происходятъ разныя упущенія; между тѣмъ крестьянинъ такъ привыкаетъ къ жизни на сторонѣ, что возвращаться къ деревенскимъ занятіямъ становится для него тягостью; постепенно онъ теряетъ связь съ деревней, перестаетъ платить подати и обращается въ такъ называемаго гуляку, живущаго постоянно на сторонѣ и притомъ въ большинствѣ случаевъ безъ паспорта». Тоже самое относится и къ группѣ постепенно истощающихся, обезсиливающихся домохозяевъ, дающей 39% раззорившихся. «Домохозяинъ, вполнѣ трезвый и старательный, не въ состояніи добыть все то, что требуется для прокормленія семьи и для уплаты податей, если нерабочихъ членовъ семьи много, а подати не соотвѣтствуютъ заработкамъ. Въ этихъ случаяхъ, въ силу необходимости, ему приходится исподволь продавать необходимые для самостоятельнаго хозяйства предметы, въ результатѣ чего является полная невозможность обрабатывать свою землю: сначала крестьянинъ запускаетъ одну полосу, потомъ двѣ и наконецъ совершенно перестаетъ заниматься земледѣліемъ и со всею семьею уходитъ на посторонніе заработки куда либо въ городъ или на фабрику; домъ заколачивается, ветшаетъ и наконецъ продается на свозъ или на дрова, и семья дѣлается бездомовою» («Земство»). И такъ, вотъ мы уже насчитали слишкомъ 60% домохозяевъ, въ основѣ раззоренія которыхъ лежитъ слабый рабочій составъ; сюда же можетъ быть причислено и значительное количество раззорившихся отъ другихъ причинъ (пьянство, солдатчина и пр.). Все это вмѣстѣ съ вышеприведенными фактами даетъ намъ право сказать, что малый численный составъ семьи есть обстоятельство роковое для современнаго крестьянина-хозяина, что самое существованіе такой семьи есть уже шагъ на пути къ раззоренію, что она вѣчно находится въ неустойчивомъ равновѣсіи.

Пробѣжавъ эти строки, читатель можетъ быть найдетъ, что заключающаяся въ нихъ мысль противорѣчитъ всему тому, что мы раньше говорили о слабой зависимости современнаго низкаго уровня народнаго благосостоянія отъ семейныхъ раздѣловъ: если въ основѣ раззоренія народа

лежитъ «одиночество», то семейные раздѣлы, приводящіе къ этому послѣднему, должны быть признаны главнымъ факторомъ обѣднѣнія, и мы не имѣемъ права отрицать такое ихъ значеніе.

Это возраженіе читателя было бы справедливо, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ кто нибудь доказалъ, что малая семья появилась одновременно съ обѣднѣніемъ и что она родилась на свѣтъ Божій вслѣдствіе быстро развившагося въ послѣднее время стремленія къ семейнымъ раздѣламъ. Но въ томъ и дѣло, что все это невѣрно! Какъ ни участились семейные раздѣлы, все-таки главная масса одиночекъ образовалась не въ періодъ этого стремленія къ разъединенію; одиночка господствовалъ и въ дореформенный періодъ, что однако нимало не препятствовало русскому народу быть исправно-земледѣльческимъ и не приводило его къ ежегоднему выкидыванію изъ своей среды нѣсколько процентовъ безхозяйныхъ. Что это такъ, что прежняя обыкновенная семья вовсе не отличалась многолюдствомъ, что хозяинъ одиночка не есть продуктъ послѣдняго времени—доказательствомъ служатъ вышеприведенныя цифры численнаго состава семьи конца прошлаго вѣка. Мы знаемъ, что по губерніямъ чернозем ной полосы онъ колебался отъ 3,5 до 3,8 душъ мужскаго пола на дворъ. Принимая, что взрослыхъ рабочихъ въ этомъ числѣ будетъ не больше 50% (въ статистикѣ Янсона производительное населеніе Россіи показано въ 46%), на средній дворъ прошлаго вѣка мы получимъ взрослыхъ мужчинъ отъ 1,7 до 1,9. Это значитъ, что въ каждой сотнѣ семей будетъ работниковъ отъ 170 до 190, смотря по губерніи, т. е. одиночныхъ домохозяевъ въ каждой сотнѣ будетъ не менѣе 30—10 (допустимъ, что безрабочихъ семей тогда вовсе не существовало, что очень близко къ истинѣ). Но послѣднія цифры показываютъ приблизительное число одиночекъ лишь при томъ предположеніи, что въ остальныхъ семьяхъ мужчины распредѣлены равномѣрно, именно по два на каждую. Однако, это не вѣрно: кромѣ одно и двурабочихъ семей есть не малое количество трехъ—четырехъ рабочихъ и болѣе; численный составъ этихъ семей образованъ на счетъ двухрабочихъ, часть которыхъ по этому въ нашемъ вычисленіи должна превратиться въ одиночекъ. Если, напримѣръ, въ прежнее время количество семей съ тремя и болѣе работниками не превышало таковаго же нынѣшняго времени въ Мураевнинской волости Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи и въ Тульскомъ уѣздѣ (о которыхъ у насъ есть свѣдѣнія), т. е. равнялось 18% всѣхъ семей, и если предположить, что каждая такая семья въ среднемъ заключала лишь 3,5 работника, то и въ этомъ

случаѣ все число рабочихъ-мужчинъ въ примѣрной сотнѣ дворовъ прошлаго вѣка распредѣлится между семьями слѣдующимъ образомъ:

	Число дворовъ	мужчинъ въ нихъ
съ 3 и болѣе рабочими	18	(3,5 на двор.) 63
съ двумя „	отъ 25 до 45	(2 на двор.) отъ 50 до 90
съ однимъ „	„ 57 „ 37	„ 57 „ 37
Итого . .	100—100	170—190

По приведенному вычисленію выходитъ, что семьи одиночки составляли въ прошломъ вѣкѣ 37—57% всего числа домохозяевъ; но и эти цифры одиночекъ черезъ-чуръ малы: по общему сознанію, многорабочія семьи въ населеніи прежняго времени составляля большій процентъ, чѣмъ нынѣ; такимъ образомъ изъ всего числа 170—190 рабочихъ на эти семьи отойдетъ больше 63 человѣкъ; оставшіеся должны распредѣлиться между двурабочими и одиночками, а такъ какъ сумма семей всѣхъ трехъ разрядовъ должна быть все-таки сто, то оставшемуся количеству рабочихъ и неудастся образовать прежняго числа двурабочихъ семей (25—45), т. е. число одиночекъ увеличится.

Итакъ, въ концѣ прошлаго вѣка число малорабочихъ домохозяевъ составляло отъ трети до половины всего числа крестьянскихъ семей въ Россіи. Къ эпохѣ освобожденія, правда, численный составъ семьи увеличился на 10% (ср. цифры «Статистики поземельной собственности» съ данными г. Семевскаго), но принимая во вниманіе, что вычисленная нами цифра одиночекъ прошлаго вѣка меньше дѣйствительной, мы должны признать, что составъ крестьянской семьи предъ освобожденіемъ очень мало отличался отъ вычисленной.

Каково же положеніе въ этомъ отношеніи въ настоящее время; какъ теперь распредѣляются между семьями взрослые работники; вѣрнѣе, велико ли число одиночекъ? На этотъ счетъ мы можемъ привести хотя и отрывочныя данныя, но зато отличающіяся такимъ однообразіемъ, что имъ безъ большой натяжки можно приписать общее значеніе. Дворы безъ рабочихъ и съ однимъ мужчиною—рабочимъ составляютъ: въ Тверской губ. и Рязанскомъ у 50% всего числа семей, въ Дьяконовской вол. Курской губ. 52% въ Тульскомъ у. 53%, въ Мураевнинской вол. Рязанской и Кудыкинской вол. Владимирской губ.—57% [1]).

Въ концѣ прошлаго вѣка, по примѣрному вычисленію, на основа-

[1]) Сб. мат. для изученія сельск. позем. общины, т. I, с. 85. Промыслы Владимірск. губ., вып. IV. Сб. стат. свѣд. по Рязанской губ., вып. I, сводная таблица Статистико-эконом. изслѣд. 7 волостей Тульск. у. стр. 22—23. Ист. стат. опис. Тверск. губ., отд. III и IV 1 тома, с. 56. Впрочемъ ,послѣдняя цифра взята изъ исповѣдныхъ вѣдомос,ей.

ніяхъ, приведенныхъ выше, количество дворовъ одиночекъ въ Рязанской губерніи было 42%; передъ освобожденіемъ численный составъ двора увеличился на 10%, слѣдовательно, большой разницы въ количествѣ одиночекъ не произошло; въ настоящее время, ихъ считается 50%. Число ихъ на 100 дворовъ возросло на 8—10. Въ Курской губерніи по таковому же вычисленію число одиночекъ передъ реформой составляло 45% всего числа семей, теперь ихъ (въ Курскомъ уѣздѣ) 52; на сто среднихъ дворовъ число одиночекъ увеличилось на 7—10. Врядъ ли это можно назвать такимъ измѣненіемъ, которое способно замѣтно повліять на экономическое положеніе народа. Если это такъ, то слѣдуетъ перестать всю вину обѣднѣнія крестьянъ взваливать на семейные раздѣлы.

Итакъ, говоря, что одиночество есть слабая сторона современнаг крестьянскаго быта, мы вовсе не противорѣчимъ своему первоначальному утвержденію о второстепенномъ значеніи семейныхъ раздѣловъ, какъ фактора разрушенія благосостоянія народа. Мы констатируемъ лишь наличность двухъ явленій: 1) небольшаго измѣненія въ составѣ крестьянской семьи и 2) упадка, охватившаго хозяйства, слабыя по своему рабочему составу; между обоими явленіями не существуетъ пропорціональности, указывающей на причинную зависимость послѣдняго отъ перваго: упадокъ хозяйства крестьянъ идетъ далеко впереди роста семейныхъ раздѣловъ; онъ охватываетъ не только одиночекъ-новичковъ, явившихся послѣ раздѣла, но и тѣхъ, которые существовали въ дореформенную эпоху. Но избавившись отъ одного противорѣчія, мы повидимому сталкиваемся съ другимъ: если одиночество не было экономически вредно прежде, почему оно разрушаетъ бытъ народа теперь? Вопросъ этотъ сводится къ другому: чѣмъ характеризуется современная экономическая обстановка народнаго труда въ отличіе отъ дореформенной?

Пытаясь отвѣтить на поставленный вопросъ, мы прежде всего увидимъ, что доходы крестьянъ отъ земледѣлія вообще уменьшились. Прежде крѣпостной крестьянинъ, даже барщинный, имѣлъ столько земли, что она ему обезпечивала мало-мальски сносное существованіе — въ этомъ заключался прямой расчетъ владѣльца; оброчные поставлены были еще лучше: они могли пользоваться всей землей, принадлежащей помѣщику. Результатомъ этого было, что даже населеніе нечерноземныхъ губерній удовлетворяло хлѣбопашествомъ большую часть своихъ потребностей [1]). Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, они лишились

[1]) Исаевъ „Промыслы Московск. губ.“.

части земель, которыя обработывали прежде, и вынуждены были поэтому пріобрѣтать ихъ наймомъ; часть ихъ дохода отъ промысла ушла такимъ образомъ на аренду необходимыхъ угодій. Вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за симъ уменьшеніемъ чистаго дохода отъ хлѣбопашества шло увеличеніе денежныхъ расходовъ народа. Здѣсь, во-первыхъ, барщинный крестьянинъ вмѣсто труда, которымъ онъ прежде уплачивалъ владѣльцу повинности, обязался отдавать ему же или въ казну извѣстную сумму деньгами; сумму эту нужно было добыть. Затѣмъ быстро стали расти собственно подати и налоги, а превращеніе натуральнаго хозяйства въ денежное повело за собой новый способъ удовлетворенія народомъ своихъ потребностей: многое изъ того, что хозяинъ прежде добывалъ дома, теперь оказалось нужнымъ пріобрѣтать на рынкѣ. Несоотвѣтствіе всѣхъ этихъ расходовъ съ доходами крестьянина и отсутствіе удобныхъ для него кредитныхъ учрежденій были причиной, что для уплаты по всѣмъ обязательствамъ крестьянинъ прибѣгнулъ къ помощи кулаковъ-ростовщиковъ, содержаніе которыхъ стоитъ ему не меньше всей суммы платежей. Итакъ, при прежнихъ или уменьшившихся ресурсахъ, доставляемыхъ земледѣліемъ, крестьянинъ получилъ много новыхъ расходовъ, которые онъ и долженъ былъ уплачивать изъ посторонних заработковъ. Не всегда имѣя послѣдніе въ достаточныхъ размѣрахъ, крестьянинъ часть своихъ денежныхъ обязательствъ перевелъ на работу (лѣтнюю земледѣльческую), этимъ онъ какъ будто облегчилъ свое положеніе, ибо до извѣстной степени избѣгнулъ необходимости изыскивать способы превращенія своего труда въ деньги. Но бѣда въ томъ, что новый патронъ относился къ нему не такъ, какъ старый помѣщикъ; онъ не входилъ въ интересы его хозяйства, а требовалъ должнаго, что слѣдуетъ по законно-обезпеченному договору, не задаваясь вопросомъ,—мыслимо ли крестьянину бросить въ данный моментъ свое поле, не будетъ ли это съ его стороны самораззореніемъ. И вотъ, крестьянинъ нечерноземной полосы, прежде посвящавшій лѣто земледѣлію, а зиму промыслу, теперь оказался отягощеннымъ такой массой обязательствъ, что вынужденъ отрываться отъ хлѣбопашества и лѣтомъ. Житель черноземныхъ губерній, вмѣсто того, чтобы лѣтомъ всецѣло отдаться своему хозяйству, съ наступленіемъ весны разрывается на части кредиторами, требующими кто денегъ, кто работы, а въ страду спѣшитъ на югъ и востокъ зашибить копейку, надѣясь, что еще успѣетъ вернуться домой для уборки собственнаго хлѣба.

При такой разницѣ въ экономической обстановкѣ современнаго и дореформеннаго крестьянина, естественно, что и орудія борьбы обоихъ за

существованіе не будутъ тождественны. Въ прежнее время крестьянская хозяйственная единица, составленная изъ мужа, жены и подростка, была явленіемъ нормальнымъ, не заключавшимъ въ себѣ чувствительныхъ неудобствъ: въ земледѣльческій сезонъ хозяинъ не отвлекался для постороннихъ занятій; надъ его шеей не висѣлъ постоянно Дамокловъ мечъ въ образѣ сборщика податей, кредитора и т. п., для избавленія отъ которыхъ ему остается только закабалиться помѣщику или кулаку. По этому-то, какъ мы видѣли, господствующей семьей прежняго времени былъ «одиночка», а большія семьи получили преобладаніе въ эпоху наисильнѣйшаго процвѣтанія крѣпостного духа, когда всяческое начальство относилось къ народу лишь какъ къ орудію добычи денегъ и въ интересахъ послѣдней игнорировало нравственныя потребности человѣка. Нынче времена перемѣнились: опека надъ личностью крестьянина значительно ослабѣла; естественное стремленіе человѣка создать собственный уголокъ, въ интимной жизни отдѣлиться отъ другихъ, хотя бы и близкихъ по крови, получило возможность осуществиться, вслѣдствіе чего процентъ одиночныхъ семей въ общей массѣ послѣднихъ увеличился. Измѣненіе же соціальной обстановки народной жизни, напротивъ того, требовало созданія хозяйственной единицы, болѣе сильной, чѣмъ она была въ дореформенныя времена; теперь уже, кромѣ работниковъ, занятыхъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ, хозяйство должно имѣть одного-двухъ совершенно свободныхъ, излишнихъ по размѣрамъ земледѣльческаго промысла, и назначеніе которыхъ—добывать деньгу сторонними заработками для уплаты по многочисленнымъ обязательствамъ, дабы этимъ способомъ обезпечить остальнымъ членамъ семьи возможность безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ. Этого «прикрытія» не имѣютъ одиночныя земьи, и въ этомъ заключается главная причина ихъ современнаго безсилія.

Такимъ образомъ, нравственныя потребности русскаго народа и соціально-экономическая обстановка его жизни развивались въ послѣднее двадцатилѣтіе въ противуположныхъ направленіяхъ: одно требовало разъединенія семей, другое—ихъ соединенія или созданія иной формы ассоціаціи. Еслибы соціальная обстановка измѣнилась въ указанномъ смыслѣ вдругъ, еслибы требованіе денегъ предстало воображенію крестьянина сразу въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло къ концу пореформеннаго періода, тогда онъ можетъ быть и затруднился бы свободно удовлетворить проснувшимся нравственнымъ требованіямъ своей природы, сохранилъ бы семейную обстановку, развивающую снохачество, порабощеніе женщины и столь излюбленную нашими охранителями. Но много-

различныя претензіи предъявлялись карману мужика съ извѣстной постепенностью и совершенно неожиданно для крестьянина, ждавшаго отъ воли чего-то другого; почему онъ не только не успѣлъ достодолжнымъ образомъ вооружиться для ихъ удовлетворенія, но продолжалъ снимать и имѣющіеся тяжелые доспѣхи больше-семейной боевой организаціи.

Итакъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе въ народной жизни совершается процессъ разложенія большой семьи, представлявшей типическую, если не господствующую хозяйственную единицу крѣпостной эпохи. Процессъ этотъ вызванъ былъ проснувшимися нравственными инстинктами народа, долго сдерживавшимися цѣпями деспотизма помѣщика и чиновника. Но если разсматриваемое явленіе и представляло нѣкоторую оригинальность въ нравственномъ отношеніи, то въ хозяйственную жизнь народа оно не вносило ничего новаго: конечный его результатъ—хозяинъ-одиночка—существовалъ и прежде; вмѣсто десяти теперь ихъ сдѣлалось двѣнадцать—и только! Поэтому, новыя отношенія въ жизни народа, приведшія къ его настоящему неустойчивому экономическому положенію, возникли не изъ семейныхъ раздѣловъ. Насколько здѣсь участвуетъ семейная организація—вопросъ, напрашивающійся нашему вниманію, который несправедливо сводили обыкновенно къ раздѣламъ, есть вопросъ о цѣлесообразности господствующей у насъ нынѣ и существовавшей прежде мелкой хозяйственной единицы. Мы видѣли, что вопросъ этотъ сдѣлался животрепещущимъ послѣ того, какъ въ соціальной жизни народа произошелъ рядъ измѣненій, вслѣдствіе которыхъ мужикъ лишился части средствъ производства, между тѣмъ, какъ одновременно же къ нему были предъявлены такія финансовыя требованія, удовлетворить которыя онъ затруднился бы и съ прежнимъ хозяйственнымъ вооруженіемъ. Слѣдовательно, вопросъ прежде всего сводится къ оцѣнкѣ раціональности совершившихся финансовыхъ и экономическихъ преобразованій и мѣропріятій и къ изысканію мѣръ возстановленія поколебленной устойчивости народнаго хозяйства.

Но допустимъ, что требуемое сдѣлано; что въ нашей соціальной жизни исправлены всѣ экономическія ошибки преобразовательной эпохи; что мужику дано все то, что возможно нынѣ ему дать, а требованія съ него сведены къ необходимому minimum'у. Что же, разрѣшимъ ли мы этимъ сейчасъ поставленный вопросъ о хозяйственной организаціи мелкаго земледѣлія? Господствующій нынѣ одиночка сдѣлается ли послѣ этого достаточно сильнымъ для того, чтобы, не опасаясь за свою судьбу, онъ могъ открытой грудью встрѣтить всякую неожиданность, какую ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ приподнесетъ цивилизація? Иначе говоря,

не замѣчаемъ ли мы уже и теперь тѣхъ тучъ, которыя неизбѣжно должны обложить только что прояснившійся (въ нашемъ воображеніи) небосклонъ мелкаго производителя?

Мы уже столь далеко зашли на пути цивилизаціи, что возвращеніе назадъ врядъ ли возможно. А если такъ, то чѣмъ больше мы будемъ жить, тѣмъ больше намъ предстоитъ разныхъ тратъ. Уже въ настоящее время, какъ бы мы не облегчали финансовую обузу народа, намъ не возвратить ему тѣхъ потерь, какія вызваны были превращеніемъ натуральнаго хозяйства въ денежное, развитіемъ потребностей народа и общественно-государственными преобразованіями. А вѣдь на достигнутомъ мы не остановимся, и траты поэтому будутъ продолжать рости. Для примѣра укажемъ хотя бы на тѣ расходы, какіе связаны съ болѣе или менѣе удовлетворительной постановкой медицинскаго дѣла. По вычисленію г. Ленскаго, сносная организація одной этой части (въ Московской губерніи) потребуетъ суммы денегъ, равной всей совокупности платежей, лежащихъ на населеніи. (Слово 1879, 11). Но вѣдь кромѣ этой потребности, у народа есть масса неудовлетворенныхъ другихъ (укажемъ хотя бы на образованіе); и тѣ въ свою очередь требуютъ денегъ и денегъ! Итакъ, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ остановиться на общественныхъ и государственныхъ расходахъ, какіе несемъ въ настоящее время; тѣ и другіе непремѣнно будутъ рости и очень быстро. Еще быстрѣе должна развиваться производительность народнаго труда, иначе нельзя будетъ удовлетворить развивающимся, на ряду съ государственными, личнымъ потребностямъ населенія. Ростъ этой производительности не можетъ заключаться въ организаціи капиталическаго производства; необходимыя измѣненія должны произойти въ области мелкаго. Поэтому, недалеко то время, когда на сцену неизбѣжно выступитъ слѣдующій вопросъ: существующая нынѣ семейная хозяйственная единица достаточно ли сильна для того, чтобы бороться со всѣми затрудненіями цивилизаціи; не наступилъ ли моментъ ея преобразованія въ болѣе сложную форму? Если этотъ вопросъ еще можетъ быть впереди для семейно-хозяйственной организаціи вообще, то весьма вѣроятно, что для слабѣйшей единицы господствующаго типа хозяйства—для одиночки—онъ уже поставленъ ребромъ. Если большая семья еще въ силахъ вести борьбу за существованіе, то можетъ быть одиночка является для этого уже положительно непригоднымъ. И если это такъ, то поелику невозможно всѣ мелкія семьи превратить въ большія—на сцену выступаетъ вопросъ о новой хозяйственной единицѣ, основанной не на семейномъ началѣ. Тѣ затрудненія въ экономической жизни народа, которыя со стороны

происхожденія и по способу ихъ устраненія до сихъ поръ сводились къ раздѣламъ, нельзя разрѣшить простымъ семейнымъ способомъ; вмѣсто нравственнаго вопроса мы имѣемъ дѣло съ общественнымъ.

Итакъ, въ чемъ заключаются слабыя стороны одиночной земледѣльческой семьи?

Этотъ вопросъ сильно интересуетъ между прочимъ г. Трирогова, горячаго противника малой семьи; какіе же недостатки видитъ онъ въ послѣдней? Вотъ какъ излагаетъ онъ рабочую жизнь одиночнаго и семейнаго домохозяйства.

Съ начала земледѣльческаго сезона, «во время ростополья всѣ домохозяева держатся болѣе дома и каждый копошится вокругъ двора. Въ артельномъ домохозяйствѣ одинъ членъ чиститъ дворъ и ходитъ за скотиной, другой оправляетъ крышу, заборы и т. п., а третій чинитъ сохи, бороны, везетъ ихъ въ кузницу. Одинокій же все это долженъ успѣть самъ сдѣлать. Вотъ земля провѣтрилась настолько, что пора приступить къ пашнѣ; въ назначенный день нужно идти въ поле на жеребьевку земли. Отъ артельныхъ (большой семьи) идетъ кто-нибудь одинъ, а другіе остаются дома для разныхъ дѣлъ. Кто-нибудь изъ семьи старается воспользоваться первымъ колеснымъ путемъ и отвезти что-нибудь на дальній рынокъ, покуда подвозъ продуктовъ не великъ, и барышъ вѣрнѣе и больше. Одинокій же долженъ быть въ дѣлежѣ земли самъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ есть сопайщики и когда они входятъ въ положеніе одинокаго; но и въ послѣднемъ случаѣ одинокій отъ дому отлучаться не можетъ. Какъ только открылись полевыя работы, здѣсь представляются наблюдателю двѣ категоріи сохъ: сохи ретивыя и сохи лѣнивыя. Первыя принадлежатъ преимущественно домохозяевамъ артельнымъ, а вторыя—одинокимъ. Не маловажное значеніе состоитъ еще въ томъ, что какъ у одинокаго нѣсколько загоновъ въ полѣ и въ разныхъ мѣстахъ, такъ и у артельнаго; но у одинокаго маленькіе загоны, и онъ принужденъ переѣзжать отъ одного загона до другого большое пространство, а у семьянаго большіе загоны, такъ что одинъ членъ семьи выѣзжаетъ на одинъ загонъ безъ переѣздовъ, а на другой загонъ выѣзжаетъ другой членъ семьи. То же самое рѣзкое отличіе между домохозяйствами усматривается и по уборкѣ хлѣба. Въ изслѣдуемой мѣстности бываютъ случаи, что овесъ созрѣваетъ такъ, что его можно косить только на зорькахъ; позднѣе же овесъ получаетъ свойство надламываться на шейкѣ. Въ этихъ случаяхъ лишь артельное домохозяйство успѣваетъ убирать свой овесъ безъ потерь. Раздѣленіе труда въ домохозяйствѣ артельнаго кустаря проявляется въ томъ, что одинъ от-

правляется на базары для сбыта издѣлій и покупки матеріала, другой остается дома за издѣліемъ, третій занятъ въ полѣ или участвуетъ на сходахъ, въ понятыхъ и т. п.» («Община и подать», с. 72—3).

Какъ ни старается авторъ выставить всѣ преимущества большой семьи надъ малой, но читатель видитъ, что эти преимущества мало касаются собственно земледѣльческаго производства, и одиночка имѣетъ возможность, хотя и съ большимъ напряженіемъ силъ, конкуррировать съ рабочимъ артельной семьи. И понятно, почему это такъ: въ земледѣліи, какъ оно ведется русскимъ крестьяниномъ, вовсе отсутствуетъ раздѣленіе труда между взрослыми. Состоитъ ли семья изъ одного или изъ трехъ работниковъ—все равно пахата производится каждымъ отдѣльно какъ бы самостоятельнымъ хозяиномъ; всѣ части этой операціи продѣлываются каждымъ пахаремъ на обрабатываемомъ имъ участкѣ. Тоже самое относится и къ уборкѣ хлѣба: одинъ жнецъ дѣлаетъ тоже, что и другой—работаютъ ли они каждый для себя или всѣ для одной семьи; въ обоихъ случаяхъ сумма сработаннаго ими будетъ одна и тоже. Различіе выступаетъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, «овесъ созрѣетъ такъ, что его можно косить только на зорькахъ» и т. п. Но это уже не общее правило, а случайность, почему мы ее въ счетъ и не поставимъ.

Если нѣтъ большой разницы въ успѣшности земледѣльческаго производства большой и малой семьи, то во всякомъ случаѣ одиночное хозяйство не можетъ состоять изъ одного только мужчины; нормальный его составъ, это—мужъ съ женой и полуработникъ. Роль послѣдняго въ экономической жизни семьи двояка: если это подростокъ, способный къ труду (можетъ пахать и жать), онъ много увеличитъ доходы семьи, такъ какъ съ нимъ можно засѣять нѣсколько лишнихъ десятинъ (разумѣется если есть около земля); если же это старуха или старикъ—они освобождаютъ хозяйку отъ заботъ по дому, что даетъ ей возможность все время посвятить жнитву; они же возятъ снопы съ поля, а хозяева могутъ не отвлекаться для этой легкой работѣ отъ жнитва и сѣнокоса. Вообще, если мужъ и жена не отрываются отъ полевыхъ работъ заботами по дому, имѣя возможность возложить ихъ на старуху, или у нихъ есть мальчикъ или старикъ для возки сжатаго хлѣба, семья одиночки справится съ 8-ю десятинами посѣва (въ двухъ поляхъ), принимая лишь нѣсколько чужихъ рабочихъ дней, если время сѣнокоса и жнитва совпадаютъ. Съ этимъ согласенъ и г. Трироговъ (см. с. 251 собранія его изслѣдованій), а такъ какъ, по его же словамъ, нормальный участокъ семьи, состоящей изъ двухъ рабочихъ, равенъ 20 десятинамъ (с. 35), то и выходитъ, что при

благопріятныхъ обстоятельствахъ, одиночка работаетъ почти такъ же успѣшно, какъ и семьяный. Но это лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ, именно, когда хозяйка избавлена отъ заботъ по дому и о дѣтяхъ, или, не имѣя вовсе послѣднихъ, или имѣя въ семьѣ старуху, на которую и возлагаются эти обязанности; и когда у нихъ есть помощникъ-мальчикъ или старикъ для возки сноповъ, ночной пастьбы скота и пр. Въ противномъ случаѣ, хозяйка много тратитъ времени на ежедневныя путешествія въ поле и обратно, а мужикъ отвлекается отъ тяжелой работы — косьбы или сѣва — для такого сравнительно легкаго дѣла, какъ возка; и въ такомъ случаѣ имъ не обойтись безъ помощи наемной силы или придется сократить площадь посѣва. Выгоды большой семьи, что касается собственно процесса обработки земли, въ томъ именно и заключаются, что перечисленныя благопріятныя условія—существованіе старухи и полуработника — почти всегда имѣются на лицо, а потому здѣсь въ полной мѣрѣ можетъ быть осуществлено раздѣленіе труда между сильнымъ и слабымъ; первый не вынуждается растрачивать свои силы на работу послѣдняго.

Еслибы климатическія условія Россіи дозволяли заниматься земледѣліемъ круглый годъ, такъ что доходы отъ разсматриваемаго промысла обезпечивали бы удовлетвореніе всѣхъ потребностей крестьянина; еслибы затѣмъ уплата податей производилась послѣ того, какъ доходъ отъ хлѣбопашества, по естественному ходу дѣла, приметъ денежную форму или когда крестьянинъ добудетъ на подати отъ сторонняго заработка, то вѣроятно различіе въ благосостояніи большой и малой семьи не было бы особенно сильно. Но такъ какъ условія нашей жизни въ томъ и другомъ отношеніи—иного рода, то вотъ и основа для проявленія рѣзкаго различія въ экономическомъ отношеніи между малой семьей и большой. «Когда, послѣ уборки хлѣба, наступаетъ осень, т. е. то вообще время, когда начинаютъ гнать подушныя, одиночкѣ предстоитъ два исхода: или продать хлѣбъ, сколько Богъ далъ, чтобы выручить 12 руб., или рѣшить все хозяйство и идти въ кабалу. Если у него не хватаетъ духу, чтобы уничтожить свое хозяйство, онъ вступаетъ въ то положеніе, которое обрисовывается словомъ переколачиваться, перебиваться. Онъ везетъ на базаръ часть своего хлѣба и оставляетъ себѣ на прокормъ столько, чтобы хватило до весны, расчитывая на новые заработки, зимніе или весенніе»; весною же хлѣбъ онъ покупаетъ въ три дорога (Id. с. 217, 218). Семьяный хозяинъ въ аналогичныхъ случаяхъ изворачивается менѣе убыточнымъ способомъ. Одинъ изъ членовъ семьи отправляется на

заработки спеціально для добыванія податей: «если вы встрѣтите рабочаго, нанимающагося отъ семьи, то увидите, что заработки его равняются суммѣ повинностей, лежащихъ на семьѣ», говоритъ г. Трироговъ.

Если гдѣ выгоды большой семьи несомнѣнны, такъ это при потребленіи продуктовъ. Г. Трироговъ доказываетъ это учетомъ всѣхъ статей дѣйствительнаго дохода и расхода домохозяйствъ обоихъ типовъ, при чемъ оказывается, что хозяинъ-одиночка для собственнаго потребленія производитъ продуктовъ на 139 рублей, а вдвое большая артельная семья тратитъ не 278 р., какъ слѣдовало бы по пропорціи, а лишь 225 р. Понятно, отчего это такъ: «если одинокому нужно израсходовать въ теченіи года на гостей три ведра вина, то артельное вмѣсто шести ведеръ, которые слѣдовало бы израсходовать по расчету одинокаго, израсходуетъ не болѣе пяти, у него явится экономія на одно ведро; такимъ же образомъ расходуется и мясо, и пшено, и т. п. (Id., c. 77).

Обратимся къ другому автору, еще болѣе рѣзко напирающему на невыгодныя стороны малой семьи, къ г. Энгельгардту. Онъ прямо говоритъ, что «бѣдность и слѣдствіе ея, обезземеленіе большею частью происходитъ отъ раздѣловъ». Такъ какъ въ подтвержденіе этого вывода имъ не приводится цифровыхъ указаній, то мы и не можемъ провѣрить насколько это положеніе, противорѣчащее всему тому, что мы видѣли выш истинно для Смоленской губерніи и насколько оно есть лишь результатъ предубѣжденія и поспѣшнаго заключенія изъ немногихъ дѣйствительно наблюдаемыхъ фактовъ. Къ тому же, въ данный моментъ насъ интересуютъ не столько раздѣлы, сколько типъ одиночки, какимъ бы способомъ онъ ни произошелъ. Въ этомъ отношеніи аргументація г. Энгельгардта недостаточно убѣдительна, ибо онъ смѣшиваетъ одиночку вообще съ таковымъ же, происшедшимъ вслѣдствіе раздѣла, какъ будто бы иного прошлаго у него, одиночки, и нѣтъ. Такъ, г. Энгельгардтъ указываетъ на потери, происходящія оттого, что каждая новая семья должна обзаводиться «ложками и плошками», воздвигнуть постройки прежде не нужныя и пр. Все это всецѣло относится къ раздѣлившимся; мы же должны взять семью одиночки, уже обладающую необходимыми приспособленіями для веденія земледѣльческаго промысла. Главная ея спеціально-земледѣльческая невыгода заключается, по мнѣнію автора, кажется, въ томъ, что при малыхъ надѣлахъ «нивы дѣлятся на узенькія нивки, которыя и обработать хорошо нельзя, потому что не только пахать, но и боронить нельзя». Но когда затѣмъ авторъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса: «можетъ ли зажиточно жить пара—мужъ съ женой—трудами рукъ своихъ»,

и когда съ этой цѣлью онъ прослѣживаетъ всю ея годовую трудовую жизнь, то нигдѣ не указываетъ такихъ семейныхъ недостатковъ, которые сильно бы вредили ей въ земледѣльческомъ отношеніи. На этотъ счетъ онъ говоритъ только, что «въ страдное время предполагаемая пара должна будетъ работать изо всѣхъ силъ». Но какъ только г. Энгельгардтъ закончилъ земледѣльческій сезонъ и приступилъ къ описанію періода, свободнаго отъ хлѣбопашества, то тутъ-то и оказалось все различіе большой и малой семьи, одиночки: «и весною и осенью почти ничего на сторонѣ заработать нельзя, потому что нельзя отлучиться отъ хозяйства». «Нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей, такому одиночкѣ часто, волей-неволей, приходится брать на обработку землю и покосы у помѣщика, брать съ половины». Вслѣдствіе чего «половину самаго важнаго страднаго времени приходится работать на другого, наминуемо является бѣдность».

Слѣдовательно, дѣло заключается не въ антагонизмѣ между земледѣліемъ, какъ оно ведется у насъ, и одиночествомъ, а въ другихъ условіяхъ крестьянской жизни. Съ этимъ въ сущности согласенъ и г. Энгельгардъ, что видно изъ слѣдующей его тирады: «но, конечно, не всегда раздѣлъ влечетъ за собой безземеленіе: если земли у деревни довольно, если земля хороша, въ особенности, если хороши конопляники, если при раздѣлѣ каждому досталось довольно лошадей, скота, денегъ на постройку, если при этомъ раздѣлившіеся всѣ хорошіе хозяева, хорошіе работники, лябятъ землю, то они могутъ оставаться до извѣстной степени зажиточными». (Письма изъ деревни, с. 280—305). Иначе говоря, одиночка, обладающій полнымъ инвентаремъ, который въ случаяхъ раздѣла можетъ быть ему доставленъ помощью кредита, и достаточнымъ количествомъ земли, нетолько не раззорится, но будетъ себѣ существовать болѣе или менѣе благополучно. Фактическое подтвержденіе этого мы находимъ въ книгѣ того же автора: въ описанномъ имъ «Счастливомъ Уголкѣ» почти вовсе нѣтъ бѣдныхъ, и однако, изслѣдуя положеніе этого уголка въ прошедшемъ и настоящемъ, съ цѣлью опредѣлить причины его благополучія, Энгельгардъ останавливается на существованіи выгодныхъ зимнихъ заработковъ, отсутствіи необходимости продавать лѣтній трудъ, возможности арендовать достаточное количество земли на выгодныхъ условіяхъ, и т. п., но о рѣдкости раздѣловъ и отсутствіи типа одиночки-домохозяина онъ не говоритъ ни слова, между тѣмъ какъ будь они главной причиной раззоренія народа, «Счастливый Уголокъ» представлялъ бы въ этомъ отношеніи рѣзкое различіе отъ окрестнаго населенія, и авторъ,

придающій такое значеніе «одиночеству», не приминулъ бы обратить на это обстоятельство наше вниманіе.

Итакъ, мы можемъ, кажется, утверждать, что въ сельско-хозяйственномъ отношеніи одиночка не представляется какой-то аномаліей: съ помощью полуработника, онъ легко управится со всѣми полевыми работами и если будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ участію наемной силы, то всего на какія-нибудь одну-двѣ лѣтнія недѣли. Невыгоды одиночества выступаютъ рѣзче, когда приходится подумать о дополнительномъ неземледѣльческомъ заработкѣ: хорошо, если таковой найдется на мѣстѣ и въ свободное отъ хлѣбопашества время, тогда и малосемейному можно обратиться къ нему безъ особаго ущерба своему хозяйству; но такъ какъ для добыванія денегъ очень часто приходится отлучаться, хотя бы то и зимой, на сторону, то большая семья имѣетъ здѣсь полное преимущество надъ малой: для надзора за хозяйствомъ она можетъ оставить дома мужчину, одиночкѣ же приходится возложить въ этомъ отношеніи всѣ свои упованія на болѣе слабую женщину или подростка. Положеніе крестьянина центральной нечерноземной полосы, повидимому, болѣе нормально: онъ имѣетъ подсобный промыселъ на мѣстѣ, и отдаетъ ему свободное отъ земледѣлія время; но здѣсь вмѣсто вышеуказаннаго неудобства, выступаетъ новое, столь же, если еще не болѣе вредное для хлѣбопашества: кустарный промыселъ организованъ у насъ такимъ образомъ, что работающіе находятся въ вѣчной кабалѣ у кулаковъ, въ силу чего они, во-первыхъ, лишаются значительной части своего промысловаго заработка почему не могутъ содержать въ должной исправности земледѣльческій инвентарь; во-вторыхъ, всячески вынуждаются продлить свой промышленный рабочій сезонъ насчетъ земледѣльческаго. Въ силу обоихъ этихъ моментовъ, кустари посвящаютъ хлѣбопашеству меньше времени, чѣмъ они желаютъ и могли бы отдавать ему при другихъ условіяхъ.

Если мы настаиваемъ на земледѣльческой, такъ сказать, правоспособности одиночки, то имѣемъ здѣсь въ виду хозяина съ полнымъ инвентаремъ, обладающаго (въ черноземныхъ губерніяхъ) двумя лошадьми. Послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе въ дѣлѣ оцѣнки земледѣльческой состоятельности хозяина. Земледѣлецъ съ двумя лошадьми одновременно пашетъ и боронуетъ; однолошадный же совершаетъ обѣ операціи одна послѣ другой, слѣдовательно, нетолько тратитъ относительно больше времени на посѣвъ, но и создаетъ условія, неблагопріятныя для произрастанія посѣяннаго зерна (одновременность пашни и роньбы имѣетъ весьма важное значеніе, особенно въ случаяхъ засухи)

Такое же различіе въ быстротѣ работы выступаетъ между обоими типами домохозяевъ и въ періодъ возки хлѣба съ поля: однолошадный въ каждый оборотъ везетъ одинъ возъ, двулошадный—два, что имѣетъ иногда не маловажное значеніе, при существующихъ у насъ огромныхъ разстояніяхъ полей отъ селъ. Происходящую отъ обоихъ обстоятельствъ потерю однолошадника, при десяти десятинахъ посѣва въ двухъ поляхъ, можно опредѣлить приблизительно въ 14 дней. Хотя и эта цифра, составляя 15- 20% земледѣльческаго сезона, имѣетъ немаловажное значеніе для хозяйства, но послѣднее еще въ большей степени страдаетъ оттого, что однолошадный лишенъ возможности въ зимнее время заниматься извозомъ (безвыгоднымъ при одной лошади), очень распространеннымъ промысломъ въ черноземной полосѣ (смотри на этотъ счетъ, напримѣръ, «Труды комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи») и для добыванія денегъ на подати и другія потребности, если онъ не владѣетъ какимъ-либо ремесломъ, въ большинствѣ случаевъ вынужденъ—или бросить поле и уйти куда-нибудь на стороннюю работу или продать свой лѣтній трудъ, а хозяйство поставить на задній планъ. Въ виду сказаннаго, между одно и двулошаднымъ одиночкой существуетъ рѣзкое различіе въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: производительность труда послѣдняго мало чѣмъ отличается отъ таковой же большесемейнаго хозяина; производительность труда перваго значительно ниже. Поэтому при классификаціи домохозяйствъ по ихъ земледѣльческой состоятельности, одиночка двулошадный долженъ быть отдѣленъ отъ однолошаднаго и причисленъ къ группѣ сильныхъ домохозяйствъ, или, по крайней мѣрѣ, образовать среднюю группу; и намъ кажется, что г. Трироговъ поступилъ нецѣлесообразно, зачисливъ такихъ крестьянъ въ одну группу съ безлошадными, слабосильными и т. п.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ что для правильнаго заключенія о положеніи мелкаго земледѣльческаго хозяйства въ Россіи, нужно основываться нетолько на семейномъ составѣ, съ чѣмъ мы имѣли дѣло раньше, но и на матеріальной силѣ хозяйствъ. Съ этой точки зрѣнія, къ числу слабыхъ малоспособныхъ къ хлѣбопашеству, должны быть причислены не безлошадные только, но и владѣющіе одной лошадью крестьяне. Нужно помнить, что такіе земледѣльцы не въ состояніи должнымъ образомъ утилизировать свою рабочую силу: лѣтомъ они отвлекаются отъ хозяйства для посторонняго заработка; зимою кое-какъ перебиваются поденной работой, которой однако оказывается крайне недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ непроиз-

водительную растрату человѣческой силы, потерю значительной части возможнаго заработка (непроизводительно проведенная зима, самозакабаленіе за половинную цѣну на лѣтнія работы, упущенія по своему хозяйству и проч.), вслѣдствіе чего являются положительные убытки для крестьянина, отражающіеся и на доходахъ государства. Вотъ почему цифровыя свѣдѣнія о распредѣленіи рабочаго скота между крестьянами, о процентѣ, какой въ общей суммѣ всѣхъ хозяйствъ составляютъ дву и болѣе лошадные, имѣетъ очень важное значеніе. Ими рисуется нетолько степень благосостоянія населенія, но и производительность народнаго труда; по нимъ можно судить о той растратѣ рабочей человѣческой силы, какая имѣетъ мѣсто при существующей у насъ организаціи земледѣльческаго производства и которая не можетъ быть объясняема степенью культурнаго развитія страны. Ими же рѣшается вопросъ о цѣнѣ, какой стоилъ народу послѣдній періодъ нашего промышленнаго развитія, такъ какъ одно-и безлошадные хозяева суть продуктъ, главнымъ образомъ, послѣдняго времени.

Итакъ, каково распредѣленіе рабочаго скота между домохозяевами-крестьянами? Болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія на этотъ счетъ мы имѣемъ лишь о немногихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Драгоцѣнный матеріалъ и, что главное, обнимающій всѣ мѣстности Россіи, представляетъ данныя военно-конской переписи 1882 года, если они будутъ опубликованны.

Въ Тверской губерніи изъ всей массы 231,342 надѣльныхъ домохозяйствъ безлошаднымъ принадлежитъ 24,514 или 10,6%, однолошаднымъ 113,828 или 49%, дву-и болѣе лошаднымъ 93,000, т. е. около 40%. Въ семи уѣздахъ Московской губерніи находится безлошадныхъ 40,7%, однолошадныхъ 40,8%, дву-и болѣе лошадныхъ 18,5%; въ одномъ изъ наиболѣе исправныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи уѣздѣ этой губерніи, Клинскомъ, число хозяевъ, имѣющихъ двѣ лошади и болѣе, поднялось всего до 30%. Изъ 213,000 крестьянскихъ хозяевъ Рязанской губерніи не имѣютъ вовсе лошадей 56,000 или 26%, однолошадныхъ столько же; слѣдовательно, половина крестьянъ должна быть причислена къ слабосильнымъ земледѣльцамъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ земскимъ статистическимъ комитетомъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ безлошадныхъ домохозяевъ 38%, однолошадныхъ 35. Въ Ставропольской губерніи безлошадныхъ домохозяевъ 37,8%, однолошадныхъ 38,8; исправныхъ земледѣльцевъ поэтому всего только 23,5% [1]).

[1]) Историко-Стат. описаніе Тверской губ., отд. III и IV тома 1-го, с. 56 Докладъ комиссіи по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія и Сб. ст. св. по Московской губерніи, т. II. Конская перепись въ Европейской Россіи, Рязанская губернія. „Русскій Курьеръ“, 1880, 214.

Приведенныя свѣдѣнія обнимаютъ цѣлую губернію или значительную ея часть; теперь мы укажемъ на такія, которыя касаются отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ двѣнадцати волостяхъ Курскаго уѣзда, по изслѣдованію земскаго статистическаго комитета, безлошадныхъ крестьянъ 21%, однолошадныхъ—столько же. Въ Сенгилевскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, по даннымъ военно-конской переписи 1882 года, количество безлошадныхъ домохозяевъ составляетъ 31%, однолошадныхъ 39% всего числа семей. Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, 18,3% надѣльныхъ хозяевъ не имѣетъ вовсе лошадей, 28,3% имѣютъ ихъ по одной; исправными земледѣльцами поэтому могутъ быть признаны лишь 53,5% крестьянъ. Въ Козловскомъ уѣздѣ той же губерніи однолошадныхъ столько же, безлошадныхъ 26%; исправныхъ домохозяевъ остается 48%. Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губ. безлошадныхъ 22%, однолошадныхъ 34,7, дву-и болѣе лошадныхъ 4%3. Въ Тульскомъ уѣздѣ безлошадныхъ домохозяевъ 25,5%, однолошадныхъ 32,8; исправныхъ земледѣльцевъ по этому 42% [1]).

Сопоставляя нужныя намъ цифры вмѣстѣ, мы получимъ слѣдующую таблицу числа домохозяевъ, могущихъ разрабатывать землю, не растрачивая непроизводительно своего труда.

Въ Курскомъ у.	дву-и болѣе лошадныхъ.	58%	однол.	21%
„ Тамбов. губ. (въ 2 у.)	„ „	50 „	„	27 „
„ Рязанской губерніи	„ „	48 „	„	26 „
„ Орловской (1 уѣздъ)	„ „	43 „	„	33 „
„ Тульской (7 волост.)	„ „	42 „	„	33 „
„ Тверской губерніи	„ „	40 „	„	49 „
„ Симбирской (1 уѣздъ)	„ „	30 „	„	39 „
„ Ставропольской	„ „	24 „	„	39 „
„ Московской	„ „	19 „	„	41 „

Мы видимъ, что въ земледѣльческихъ губерніяхъ число хлѣбопашцевъ, способныхъ въ полной мѣрѣ утилизировать рабочую силу если не всѣхъ членовъ семьи, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ мужчинъ, не составляетъ и половины общаго количества домохозяевъ. Другая половина нхъ распадается на безлошадныхъ, которые, допустимъ, вовсе не ведутъ самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства и однолошадныхъ. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ однолошадныхъ домохозяевъ почти вдвое больше сравнительно съ черноземными. Это однако не доказываетъ, что въ соотвѣтствующей степени низко стоитъ тамъ и земледѣліе, а зависитъ отъ разницы въ условіяхъ зимняго заработка. Тогда какъ въ черноземной

[1]) Извѣстія Географич. Общ., т. XVII, вып. 3. Борисовъ. Стат. экон. изсл. 7 волостей Тульск. губ.

мѣстности заработокъ состоитъ главнымъ образомъ въ извозѣ, въ нечерноземной существуетъ масса кустарныхъ промысловъ, фабрикъ; тамъ же развиты и отхожіе промыслы, не требующіе участія лошадей. Поэтому то или иное количество скота имѣетъ діагностическое значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи лишь для черноземной полосы и для тѣхъ мѣстностей промышленной, гдѣ извозъ составляетъ главное занятіе населенія.

Какъ показываютъ цифры, отъ четверти до трети мелкихъ хозяевъ черноземныхъ губерній не имѣютъ рабочаго скота въ такихъ размѣрахъ, чтобы въ полной мѣрѣ утилизировать свою рабочую человѣческую силу; продолжая, однако, заниматься хлѣбопашествомъ, они теряютъ въ производительности труда. Имѣя лишнюю лошадь, они могли бы добывать гораздо больше хлѣба, и проводить производительно зиму, и, хотя теперь часть лѣта они отдаютъ постороннему заработку, но, при существованіи собственнаго хозяйства, послѣдній будетъ или случайнымъ, или идти въ ущербъ первому. Въ обоихъ случаяхъ доходы такого крестьянина меньше нормальныхъ, трудъ его не вполнѣ производителенъ; здѣсь происходитъ растрата человѣческой силы въ то время, когда и полная-то ея утилизація доставляетъ средства еле-еле достаточныя для существованія.

Гдѣ же причина столь печальнаго явленія и какъ отъ него избавиться? Съ перваго взгляда кажется, что отвѣтъ на вторую половину вопроса очень простъ: дайте крестьянину 30—40 руб. для покупки второй лошади и изъ полунаемника вы его сдѣлаете настоящимъ хозяиномъ-земледѣльцемъ. Однако, ближайшее изслѣдованіе покажетъ, что приведенное рѣшеніе вопроса не только не поправитъ дѣла, но пожалуй еще ухудшитъ его, по, крайней мѣрѣ, въ черноземныхъ мѣстностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы всѣхъ однолошадниковъ превратимъ въ двухлошадниковъ, то этимъ самымъ мы дадимъ имъ возможность обработать гораздо больше земли, чѣмъ они запахиваютъ въ настоящее время: вмѣсто 6—7 десятинъ, засѣваемыхъ нынѣ, такой хозяинъ потребуетъ пожалуй 8—10 десятинъ. На цѣлую губернію, значитъ (возьмемъ къ примѣру хоть Рязанскую губ., гдѣ однолошадныхъ крестьянъ слишкомъ 50 т.) явится требованіе на 100 тыс. десятинъ, если не больше, превышающее количество земли обрабатываемой тамъ крестьянами въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ въ настоящее время. Гдѣ же взять земли для удовлетворенія подобнаго спроса? Въ надѣлѣ крестьянъ ея нѣтъ, нужно поэтому обратиться къ арендѣ помѣщичьихъ угодій. Что же выйдетъ? Наемныя цѣны земли и при настоящемъ спросѣ на нее достигли высоты далеко превышающей нормальную ренту. Можно сказать, не опасаясь

ошибиться, что высота ихъ составляетъ одну изъ причинъ обѣднѣнія народа. Если же требованія на землю со стороны народа возрастутъ, то существующая арендная плата еще болѣе повысится; возможность вынести ее мелкому земледѣльцу окажется еще болѣе шаткой, чѣмъ въ настоящее время; доходы народа понизятся сравнительно даже съ теперешней невысокой нормой; положеніе нынѣ кое-какъ держащихся дву- и болѣе лошадныхъ домохозяевъ ухудшится, процессъ превращенія ихъ въ однолошадниковъ пойдетъ быстрѣе, и черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ имѣть опять прежнюю массу однолошадныхъ домохозяевъ съ тою разницею, что положеніе полныхъ хозяевъ сдѣлается хуже, такъ какъ поднявшаяся рента будетъ стараться сохранить свои размѣры. Возвышеніе земледѣльческой состоятельности однолошадниковъ еще инымъ способомъ неблагопріятно отразится на благосостояніи дву-и болѣе лошадныхъ домохозяевъ. Послѣдніе не всѣ свои силы посвящаютъ собственному хозяйству, ибо для полнаго приложенія ихъ къ нему они не находятъ достаточнаго количества земли. Это даетъ имъ возможность часть лѣтняго времени употреблять на обработку владѣльческихъ земель, а зимой они обращаются къ какому-нибудь другому заработку, для котораго тоже требуются лошади (возка лѣса, хлѣба и т. п.). Если количество подобныхъ домохозяевъ возрастетъ на 50% (однолошадники составляютъ не менѣе половины многолошадныхъ домохозяевъ), то въ соотвѣтствующей степени подвинется и запросъ со стороны крестьянъ на работы лѣтнія и зимнія. Существующая плата за трудъ въ Россіи вовсе не такихъ размѣровъ, чтобы слѣдовало желать ея пониженія; скажемъ больше: послѣднее отразится роковымъ образомъ на благосостояніи народа; а между тѣмъ, это пониженіе, при увеличеніи числа двулошадныхъ, неизбѣжно, ибо здѣсь возрастетъ только предложеніе труда, но не спросъ на него. Итакъ, превращеніе однолошадныхъ домохозяевъ въ двулошадныхъ, путемъ даже дарового предложенія имъ скота, не приведетъ къ цѣли поднятія производительности труда мелкихъ землевладѣльцевъ; напротивъ того, оно вѣроятно ухудшитъ положеніе дѣлъ, такъ какъ результатомъ его будетъ уменьшеніе доходовъ, при которыхъ и то еле держится средній домохозяинъ-хлѣбопашецъ. Этимъ же отчасти рѣшается и вопросъ о причинахъ происхожденія однолошадныхъ и безлошадныхъ хозяйствъ. Если бы мы всѣхъ рабочихъ мужчинъ черноземной полосы надѣлили двумя лошадьми каждаго, то они могли бы обработать гораздо больше земли, чѣмъ ее есть въ дѣйствительности; по вычисленіямъ, напримѣръ, г. Никольскаго, («Русская мысль») въ семи черноземныхъ губерніяхъ недостаетъ 6,59 милліоновъ

десятинъ земли или иначе тамъ существуетъ излишекъ въ 867,000 рабочихъ, ненужныхъ для земледѣлія. Итакъ, условія агрикультурныя причиной того, что не вся рабочая сила черноземной полосы можетъ быть занята хлѣбопашествомъ на мѣстѣ; поэтому и количество рабочаго скота тамъ не будетъ пропорціонально силѣ. Этимъ, однако, вопросъ не рѣшается; остается неизвѣстнымъ, почему существующее количество скота не распредѣлено между всѣми домохозяевами равномѣрно; почему рядомъ съ полными земледѣльцами существуютъ безлошадные и однолошадные. Такое положеніе дѣлъ зависитъ уже не отъ агрономическихъ условій, а отъ аграрныхъ: своей земли у крестьянъ такъ мало, что лишь немногіе земледѣльцы имѣютъ ее въ размѣрахъ, могущихъ дать работу двумъ лошадямъ, а тѣмъ паче способныхъ занять всѣ рабочія силы; недостающее количество приходится арендовать, а такъ какъ земли вообще меньше чѣмъ требованія на нее, то арендыя цѣны очень высоки и уплачиваются онѣ, притомъ, частью деньгами, частью земледѣльческимъ трудомъ. Деньги же въ свою очередь добываются или тѣмъ же земледѣльческимъ трудомъ, или другимъ, обыкновенно требующимъ тоже участія на ряду съ человѣческой и лошадиной силы. Итакъ, если домохозяинъ черноземной полосы пожелаетъ достать столько земли, сколько онъ можетъ запахать однимъ работникомъ, посвящающимъ все лѣто хлѣбопашеству, онъ долженъ имѣть лишнюю лошадь и работника, назначеніе которыхъ—расплачиваться за арендную землю. Это значитъ, что многолошадные большесемейные домохозяева имѣютъ преимущество надъ двулошадными одиночками въ дѣлѣ добыванія земли; т. е. борьба за землю, вызываемая ея недостаткомъ ложится тяжелѣе на двулошаднаго одиночку и легче выносится большесемейнымъ домохозяйствомъ. Поэтому всякое обстоятельство, случайное или постоянное, способное ослабить экономическую силу крестьянина, отражается скорѣе всего на двулошадномъ одиночкѣ и если только оно поведетъ къ утратѣ имъ одной лошади, то ужь пѣсенка его спѣта, возвратиться на прежнюю высоту врядъ ли для него возможно, такъ какъ положеніе однолошаднаго, по выше приведеннымъ основаніямъ, еще тяжелѣе. Излишне, кажется, говорить, что хозяинъ, лишившійся и послѣдней лошади, вовсе ужъ устраняется съ арены самостоятельнаго земледѣльческаго труда: «разъ кто обезлошадѣлъ, говорятъ крестьяне, тому никогда не поправиться, того хозяйство рѣшено», такъ какъ у него остается главнѣйшая забота: «знай припасай все въ подати», которая и поглащаетъ всѣ излишки отъ дневного пропитанія. Здѣсь мы подходимъ къ другимъ причинамъ обезлошаденія населенія, но изслѣдовать ихъ дальше

не станемъ, такъ какъ главная все-таки заключается въ порядкахъ землевладѣнія, и цѣль, которую мы имѣли въ виду, останавливаясь на этомъ вопросѣ, вовсе не изслѣдовать происхожденіе однолошадниковъ, а указать на зависимость существованія этого типа хозяина отъ такихъ коренныхъ условій экономическаго устройства страны, какъ то или иное распредѣленіе землевладѣнія, и показать невозможность превратить ихъ въ полныхъ земледѣльцевъ, оставаясь исключительно на почвѣ финансовыхъ мѣропріятій.

Есть лица, которыя усомнятся въ необходимости вообще какихъ-либо мѣръ помощи упавшимъ и падающимъ земледѣльцамъ: если существующаго количества скота достаточно для обработки всей земли, скажутъ они, а распредѣленіе его между домохозяевами происходитъ естественно, по законамъ борьбы за существованіе, причемъ слабые неизбѣжно первые опускаютъ оружіе, то зачѣмъ, спрашивается, станете вы возбуждать новую борьбу, результатомъ которой должна быть непремѣнно потеря для одной изъ воюющихъ сторонъ; вѣдь «побѣдители» и въ настоящее время еле дышатъ и могутъ быть названы таковыми лишь по сравненію съ побѣжденными, а между тѣмъ, своимъ покровительствомъ слабымъ вы достигнете того, что они получатъ еще нѣсколько лишнихъ ударовъ. Съ другой стороны, побѣжденные излишни для земледѣлія, они должны выбрать себѣ иной родъ занятій, превратиться въ новое колесо общественно-экономической машины. Найдя себѣ подходящее мѣсто, они, во-первыхъ, выиграютъ сами, промѣнявъ менѣе выгодный промыселъ на болѣе выгодный; во-вторыхъ, послужатъ на пользу общей экономіи страны».

Съ этой точки зрѣнія, какъ видитъ читатель, выходитъ, что обезлошаденіе части населенія есть начало естественнаго и неизбѣжнаго процесса диференцированія въ сферѣ однороднаго земледѣльческаго класса, процесса образованія промышленнаго сословія. Но чтобы утверждать это, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что въ такомъ спеціально-промышленномъ слоѣ явилась уже необходимость, что на аренѣ промышленнаго труда преобладаетъ спросъ, а не предложеніе, а на торговомъ рынкѣ существуетъ недостатокъ въ требуемыхъ продуктахъ обрабатывающей промышленности. Однако, намъ кажется, что доказать это врядъ ли возможно; мы знаемъ, что выдающейся чертой промышленнаго развитія послѣднихъ годовъ было появленіе крупныхъ предпріятій и соотвѣтствующее уничтоженіе прежнихъ ремесленныхъ способовъ удовлетворенія той же потребности, результатомъ чего явилось или должно явиться въ близкомъ будущемъ сокращеніе запроса на трудъ. Извѣстно намъ и то, что хотя въ

сферѣ кустарнаго промысла и произошло сильное движеніе впередъ, но стремленіе народа къ промыслу оказалось еще сильнѣе, такъ что арена труда и здѣсь вся уже занята, а рынокъ продуктовъ переполненъ ими. Посудите же теперь, каковы будутъ послѣдствія новой волны человѣческаго труда, направляющейся отъ земледѣлія къ промыслу; что произойдетъ, когда отъ четверти до трети взрослаго населенія (такую долю домохозяевъ составляютъ однолошадные, подлежащіе упраздненію) Россіи бросятся на промышленный рынокъ съ предложеніемъ своего труда въ чистомъ видѣ или въ формѣ продуктовъ кустарнаго производства. Очевидно, что кромѣ пониженія и безъ того крайне низкой заработной платы и доходовъ кустарей не произойдетъ ничего иного, и что даже послѣ такого сокращенія размѣра вознагражденія рабочихъ, масса послѣднихъ останется все-таки незанятой, такъ какъ, при отсутствіи внѣшняго сбыта товаровъ, уменьшеніе доходовъ мужика есть въ тоже время и сокращеніе запроса на продукты внутренней промышленности, т. е. условіе благопріятное для обратнаго движенія самого производства. А между тѣмъ, дѣло клонится именно къ такому исходу; мужикъ несомнѣнно вытѣсняется изъ земледѣльческой сферы, но вытѣсняется въ пустое пространство. Своими реформаціонными усиліями послѣдняго времени мы отнимаемъ у мужика прежнее орудіе производства, не вручая ему другого; мы лишаемъ его стараго заработка, не давая новаго; мы всѣми силами клонимъ (разумѣется, безсознательно) къ тому, чтобы нетолько понизилось народное благосостояніе, но упало бы и національное богатство; мы толкаемъ не одинъ низшій слой народа, но и общество и государство на путь невозможнаго существованія. Можетъ быть въ этомъ залогъ лучшаго будущаго для русскаго народа: понявъ, наконецъ, что національное богатство Россіи и финансовое благосостояніе государства немыслимы безъ упроченія народнаго благосостоянія, правящіе классы примутся за послѣднее, а достигнуть его безъ упорядоченія земледѣльческихъ отношеній, безъ возвращенія землѣ оторваннаго отъ нея работника и слѣдуя образцу диференцированія населенія на классы, представляемому исторіей Запада, невозможно. Тамъ гдѣ земледѣльческое населеніе по географическимъ условіямъ вынуждено полгода заниматься другимъ промысломъ, тамъ вы не превратите его въ *спеціально* земледѣльческій классъ; тамъ вы не создадите и многочисленнаго промышленнаго сословія. Самъ земледѣлецъ будетъ и промышленникомъ, а промышленникъ правратится въ земледѣльца. Если на нашихъ глазахъ происходятъ обратное, то мы должны признать это экономической ошибкой, которая рано или поздно должна быть исправлена.—И такъ,

соединеніе земледѣльческаго и промышленнаго труда, начало которому должно быть положено упорядоченіемъ земледѣльческаго промысла, поднятіемъ падающаго земледѣльческаго класса—вотъ очередная задача экономической политики Россіи.

Мы начали съ вопроса: въ чемъ заключаются слабыя стороны одиночки. Оказывается, что хотя производительность земледѣльческаго труда послѣдняго и меньше таковой же семьянаго домохозяина, тѣмъ не менѣе, разница эта не настолько значительна, чтобы результатомъ ея неизбѣжно явилось раззореніе одиночки. Напротивъ, примѣръ недавняго прошлаго доказываетъ, что большесемейность вовсе не составляетъ необходимаго условія для безбѣднаго существованія, ибо и тогда, какъ и теперь, одиночка домохозяинъ въ общей массѣ далеко не представлялся исключеніемъ. Различіе обоихъ типовъ выступаетъ рѣзче, когда приходится подумать о добываніи денегъ работой внѣ своего поля. Большая семья въ подобномъ случаѣ отряжаетъ одного изъ членовъ на выгодную лѣтнюю работу, если таковая представляется, а на весенніе и осенніе заработки на сторонѣ можетъ отпустить даже нѣсколько человѣкъ (собственныя земледѣльческія работы этого времени не требуютъ ихъ пребыванія дома, которое зато безусловно необходимо въ періодъ страды). Одиночка же нетолько большую часть лѣта долженъ посвятить своему хозяйству, отдавая свободныя минуты выполненію работъ, на которыя онъ подрядился еще зимой по кабальнымъ цѣнамъ, но и въ относительно свободные моменты земледѣльческаго сезона можетъ взяться лишь за работу на мѣстѣ. Поэтому, тогда какъ большая семья забираетъ *выгодную* работу, гдѣ бы послѣдняя ни представилась, получаетъ maximum возможнаго заработка, одиночка стѣсненъ въ этомъ отношеніи мѣстомъ и временемъ, онъ принужденъ набрасываться на первый заработокъ, удовлетворяющій условіямъ, вытекающимъ изъ его одиночества, какъ бы мало ни представлялъ онъ выгодъ. Зимой, когда мѣсто и время перестаютъ стѣснять одиночку въ выборѣ занятій, является новое препятствіе на томъ же пути, именно—однолошадность, столь распространенная среди этого типа домохозяевъ. Связь между однолошадностью и одиночествомъ не случайна [1]): утрата вслѣдствіе какого-нибудь ничтожнаго обстоятельства лошади не ведетъ большую семью къ неизбѣжному опущенію, такъ какъ для покупки новой готовы силы нѣсколькихъ человѣкъ, работающихъ при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Очутившись въ томъ же положеніи, одиночка поставленъ въ большинствѣ случаевъ въ безвы-

[1]) На это указываетъ, повидимому, и совпаденіе цифръ одиночекъ съ суммою безлошадныхъ и однолошадныхъ крестьянъ.

ходное положеніе: самое крайнее напряженіе его силъ обыкновенно все-таки недостаточно, чтобы выскочить изъ бѣды; у него болѣе важная забота: «знай, припасай все въ подати!» Поэтому всѣ разнообразныя несчастныя экономическія случайности (случайности ли?)—имъ же имя легіонъ—отражаются совершенно иначе на дальнѣйшей судьбѣ большой и малой семьи.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что не одиночество само по себѣ, а главнымъ образомъ общественно-экономическія условія служатъ причиною того, что положеніе малосемейнаго столь же прочно, какъ и зданіе, построенное на пескѣ. Мы видимъ, что одиночка имѣетъ время для пополненія доходовъ отъ земледѣлія, но нѣтъ для него подходящаго заработка: поле труда слишкомъ узко, чтобы вмѣстить всѣхъ жаждущихъ, и дѣло врядъ ли можетъ измѣниться путемъ преобразованія семейнаго состава.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть одиночка вовсе исчезнетъ съ лица нашей земли, пусть все крестьяне поставлены въ условія, наиболѣе выгодныя для приложенія ихъ труда... этимъ мы достигнемъ только усиленія конкурренціи между работающими, но не расширенія требованія на трудъ. Поэтому, сравнивая двѣ эпохи крестьянской жизни, раздѣленныя двадцатилѣтнимъ періодомъ послѣдняго преобразовательнаго времени, и пытаясь подмѣтить тѣ различія, которыя могли бы объяснить современный упадокъ народнаго благосостоянія, мы должны указывать нетолько на измѣненіе семейнаго состава домохозяевъ, но и на разницу въ отношеніи, существующемъ между спросомъ и предложеніемъ труда. Первый въ своемъ развитіи отстаетъ отъ послѣдняго, причины чего заключаются прежде всего въ увеличеніи денежныхъ расходовъ крестьянина, происшедшемъ одновременно съ уменьшеніемъ основного источника его доходовъ; а затѣмъ, въ односторонности заботъ о развитіи крупнаго производства безъ соотвѣтствующаго возвышенія народнаго благосостоянія. Дореформенный крестьянинъ жилъ лучше не потому, что находился подъ охраною семьи-артели (случай этотъ не всегда былъ господствующимъ), а потому, что имѣлъ больше земли, меньше денежныхъ расходовъ и надобности въ сторонніхъ заработкахъ. Современный же хозяинъ, съ сокращеніемъ собственнаго хлѣбопашества, вынужденъ набрасываться на стороннюю работу, и, хотя количество послѣдней, съ развитіемъ товарнаго хозяйства, возросло, но еще быстрѣе ростетъ предложеніе труда. Отсюда ясно, что народное благосостояніе останется въ неустойчивомъ равновѣсіи до тѣхъ поръ, пока не расширится сфера приложенія труда; что часть взрослыхъ рабочихъ—будутъ ли они домохозяева-одиночки или члены большихъ семей—обречена

на бездѣятельность до той поры, когда размѣры производства перестанутъ, наконецъ, опредѣляться запросомъ на продукты лицъ, имѣющихъ деньги, а будутъ зависѣть отъ потребностей массы народа.

А пока это случится—одиночка является такой слабой хозяйственной единицей, на которой не можетъ быть построено прочное зданіе общественной организаціи. Но нельзя ли помочь горю такими, напримѣръ, измѣненіями въ условіяхъ труда земледѣльца, какъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія и т. п. Посмотримъ, можно ли ограничиться исключительно этой, впрочемъ, важнѣйшей реформой.

Въ настоящее время почти всѣ поля обрабатываются крестьянами на правахъ собственности или арендаторства (напомнимъ читателю, что, по вычисленію г. Южакова, лишь 11% земель нашего отечества воздѣлывается капиталистическимъ способомъ); поэтому, переходъ даже всей земли въ руки крестьянъ не произведетъ въ этомъ отношеніи замѣтнаго измѣненія. Главнѣйшее значеніе имѣло бы это явленіе — разъ оно совершилось и земля осталась бы въ общинномъ владѣніи — въ дѣлѣ равномѣрнаго распредѣленія угодій между самими крестьянами: тогда и одиночка имѣлъ бы землю въ достаточномъ количествѣ, между тѣмъ, какъ въ настоящее время въ отношеніи аренды недостающихъ угодій этотъ типъ домохозяйства по своему слабосилію находится въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ. Избавившись, такимъ образомъ, отъ аграрныхъ недостатковъ современной жизни, мы, однако, не устраняемъ еще цѣлую массу затрудненій иного рода, съ которыми такъ или иначе все-таки придется считаться. Мы должны, напримѣръ, признать тотъ фактъ, что съ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія не уничтожится потребность народа въ промышленномъ заработкѣ; такое заключеніе вытекаетъ изъ того обстоятельства, что большая часть народа и тогда будетъ имѣть много свободнаго времени и что растущія потребности лица и государства не дозволятъ большинству хлѣбопашцевъ удовлетвориться доходами одного земледѣлія. Въ какую же форму выльется потребность народа въ промышленномъ заработкѣ? И въ настоящее время у народа есть масса неудовлетворенныхъ потребностей, есть и свободныя руки для развитія соотвѣтствующихъ отраслей промышленности, но у него нѣтъ орудій производства, а капиталъ, который могъ бы пополнить этотъ недостатокъ, не находитъ выгоднымъ вмѣшиваться въ дѣло при тѣхъ условіяхъ, при какихъ ему приходится орудовать въ Россіи. Изъ нихъ мы теперь укажемъ лишь на одно, тѣсно связанное съ земледѣльдескимъ производствомъ: населеніе нуждается въ заработкѣ лишь въ свободное отъ хлѣбопашества

время, поэтому и промышленныя заведенія, отвѣчающія такой потребности, должны бы работать съ перерывами, что, однако, находится въ полномъ противорѣчіи съ законами капиталистической экономіи и не можетъ быть терпимо при болѣе или менѣе широкомъ господствѣ указаннаго принципа. Тѣ же самыя отношенія сохранятся и въ нашемъ гипотетическомъ случаѣ; поэтому мы должны признать, что въ дѣлѣ пополненія земледѣльческихъ доходовъ народа капиталъ будетъ играть всегда второстепенную роль и что для удовлетворенія разнообразныхъ своихъ потребностей народъ долженъ самъ создать соотвѣтствующую промышленную систему. Можетъ ли онъ это сдѣлать, сохраняя теперешнюю хозяйственную организацію, съ ея слабосильными, маломочными и т. п. хозяевами? Не говоря уже о фабрикахъ, требующихъ широкаго приложенія принципа кооперацiи, даже простые кустарные промыслы достигли той степени раздѣленія труда, что лишь артельная мастерская работаетъ болѣе или менѣе успѣшно, а одиночка можетъ разсчитывать на жалкій заработокъ, лишь растягивая свой рабочій день до 16—18 часовъ и больше. И кромѣ того, неужели народному производству такъ-таки вѣчно оставаться на ремесленной ступени развитія, не пытаясь организоваться въ мануфактуру? Если не прямой разсчетъ, то законы промышленнаго прогресса не допустятъ такого застоя, и по всѣмъ признакамъ моментъ требуемаго преобразованія наступилъ: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя бы вышеупомянутый восемнадцати-часовой трудовой день кустаря-одиночки.

Но и помимо сказаннаго, необходимость въ новой хозяйственной единицѣ или, что тоже, въ болѣе широкомъ приложеніи къ экономической жизни народа принципа кооперацiи вытекаетъ изъ условій собственно земледѣльческаго производства. Напомнимъ читателямъ, что этотъ промыселъ требуетъ неравномѣрнаго приложенія труда въ разные моменты рабочаго сезона. Такъ, въ періоды посѣва одинъ человѣкъ (въ черноземной мѣстности) можетъ управиться съ 20 десятинами земли; для уборки же этой площади, въ періодъ страды, требуется отъ 4 до 7 человѣкъ. Это значитъ, что хозяинъ, работающій полной силой, во время жнитва долженъ привлекать къ производству въ 4—7 разъ больше народу, чѣмъ въ періодъ посѣва; но такъ какъ лишь немногія семьи своимъ составомъ удовлетворяютъ этому условію, то и оказывается, что масса крестьянъ (при достаточномъ количествѣ земли) для уборки хлѣба вынуждена прибѣгать къ участію наемной силы. Коль скоро существуетъ спросъ на трудъ—явится и предложеніе; тѣмъ или инымъ путемъ хозяйственные мужики принудятъ своихъ наиболѣе экономически слабыхъ сосѣдей отда-

вать имъ часть рабочаго времени, то-есть нѣчто въ родѣ обезземеленія народа неизбѣжно явится и въ общинѣ, по возможности, обезпеченной угодьями, если только сохранится господствующая хозяйственная (семейная) организація производства. Къ тому же выводу мы придемъ и присматриваясь ближе къ деталямъ этой организаціи.

Именно, допуская даже, что всѣ экономическія невзгоды, обрушивающіяся на хозяина (потеря лошади и проч.), своевременно тѣмъ или инымъ способомъ исправляются, такъ что это не вынуждаетъ его бросать собственное хозяйство и искать наемнаго заработка, мы все-таки откроемъ въ общинѣ значительное число лицъ, при настоящей организаціи производства вынужденныхъ, благодаря своему семейному положенію, существовать исключительно или по преимуществу наемнымъ трудомъ. Такъ, напримѣръ, въ Рязанскомъ уѣздѣ въ числѣ 24,539 домохозяевъ находится 1,690 семей (около 7%) вовсе безъ работника или только съ полуработникомъ; въ Тульскомъ уѣздѣ семьи, лишенныя мужчины рабочаго, составляютъ около 5%; въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, 5,3%; въ Новгородскомъ (судя по тремъ волостямъ)—9,6%; въ Московскомъ бобыли, бобылки, отставные солдаты и семьи умершихъ солдатъ образуютъ около 10% населенія [1]). Всѣ эти семьи, въ большинствѣ случаевъ, не въ силахъ вести самостоятельнаго хозяйства и вынуждены добывать средства къ жизни работой по найму. Сюда же нужно причислить и тѣхъ мужчинъ, которые забрасываютъ хозяйство вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ бабъ, настолько же необходимыхъ для него, какъ и мужчины; такихъ раззорившихся безбабьихъ домохозяевъ насчитывается въ Московской губерніи 2%, а въ Рязанскомъ уѣздѣ 5% всего числа упавшихъ хозяевъ (см. работы гг. Орлова и Личикова); забрасываютъ хозяйство и семьи солдатъ-одиночекъ, находящихся на службѣ, и т. п. Возьмите еще въ разсчетъ ту неопредѣлимую долю семей, которая вынуждена забрасывать хозяйства по неспособности къ нему мужчины, неспособности, вытекающей изъ физическихъ или нравственныхъ недостатковъ и особенностей организма; причислите сюда же и часть нынѣшнихъ безлошадныхъ домохозяевъ, ибо ихъ безлошадность не есть результатъ только стеченія неблагопріятныхъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, а естественное послѣдствіе господствующей хозяйственной организаціи въ связи съ той густотой населенія, какой достигла центральная часть Рос-

[1]) Сб. стат. свѣд. по Рязанской губ.; Стат. экон. описаніе семи волостей Тульской губ.; Сб. стат. свѣд. по Московск. губ. Т. I, вып. 2. Извѣстія географич. общества. Т. XVII, вып. 3; Бычковъ, id.

сіи. Именно для обработки всей пашни многихъ губерній достаточно скота тѣхъ домохозяевъ, которые успѣли его сохранить; т. е. еслибы и тѣ семьи, которыя, по безлошадности, нынѣ забросили хозяйство, принялись за него (пріобрѣтя, разумѣется, нужный для этого скотъ), то ихъ бы оказалось слишкомъ много для даннаго пространства пашни. Въ силу этого, нѣкоторые крестьяне рано или поздно пришли бы къ тому, что все-таки забросили бы земледѣліе. Примите все это въ разсчетъ и вы согласитесь, что при настоящей хозяйственной организаціи промысла не менѣе 10—15% населенія общины, даже при наиболѣе благопріятныхъ аграрныхъ условіяхъ, вынуждены будутъ прибѣгать къ продажѣ своего труда. Они же и нынѣче входятъ составнымъ элементомъ въ тотъ источникъ, изъ котораго черпаютъ недостающую рабочую силу хозяйственные мужики. Хотя, такимъ образомъ, эти слабосильныя домохозяйства играютъ въ современной жизни извѣстную общественно-экономическую роль, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ крайне ненормальное и не выгодно ни для нихъ самихъ, ни для общества: обезпеченный и сравнительно большой заработокъ эти бѣдняки имѣютъ лишь въ періодъ уборки хлѣба; въ остальное время они кое-какъ перебиваются частью случайной работой, частью нищенствомъ. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ, во-первыхъ, крайне низкое экономическое положеніе значительной части населенія; во-вторыхъ, безплодную для нихъ самихъ и для всего общества потерю рабочей силы. Возвысить первое и утилизировать вторую можно не иначе, какъ создавъ такую хозяйственную организацію, въ которую бы эти семьи вошли постояннымъ составнымъ элементомъ и гдѣ бы они заняли соотвѣствующую своимъ силамъ роль.

Итакъ, развитіе кооперації среди земледѣльцевъ — вотъ задача, по своей важности и своевременности, стоящая вслѣдъ за аграрной реформой. Вопросъ только, мыслимо ли выполненіе этой задачи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ? Говорятъ, напримѣръ, что непреодолимымъ препятствіемъ этому процессу будетъ служить все развивающійся индивидуализмъ народа. Но вѣдь индивидуализмъ, по скольку онъ есть выраженіе проснувшагося сознанія личнаго достоинства крестьянина и протестъ противъ крѣпостной опеки, вовсе не исключаетъ совмѣстной дѣятельности на экономической почвѣ. У насъ, правда, индивидуалистическое направленіе, развивающееся въ народѣ, осложнилось кулачествомъ и жаждою наживы. Причины этого кроются, во-первыхъ, въ обѣднѣніи массы, въ сознаніи трудности существованія производительнымъ трудомъ; во-вторыхъ, въ легкой возможности выскочить изъ общей трудовой лямки, благода-

ря развившемуся товарному производству, требующему цѣлой массы посредниковъ между производителями и потребителями. Лишь эта кулаческая сторона идивидуализма служитъ препятствіемъ развитію среди народа кооперації, такъ какъ послѣдняя основана на равномѣрности пользованія благами извѣстнаго предпріятія, кулакъ же стремится къ привилегированному положенію, къ монополіи. Но по скольку крестьянскій индивидуализмъ вообще осложненъ кулачествомъ, поскольку каждый крестьянинъ стремится къ легкой наживѣ—явленіе это временное, и кончится оно тѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше будутъ удовлетворены государствомъ сознанныя экономическія потребности народа. Ибо рядовой крестьянинъ вѣдь долженъ же, наконецъ, понять, что соблазняющая его возможность нажиться безъ тяжелаго труда, выдѣлиться изъ общей массы тянущихъ трудовую лямку—есть удѣлъ немногихъ счасливцевъ, а стремленіе къ такой цѣли его, рядового мужика, основано на разрывѣ съ односельцами, съ міромъ, и служитъ лишь къ пущему его собственному обѣдненію; съ другой стороны, улучшеніе экономическаго положенія народа, если таковое сдѣлается цѣлью постоянныхъ заботъ нашихъ, устранитъ и часть причинъ, породившихъ въ мужикѣ столь неблагоразумное поползновеніе отдѣлиться отъ міра, дѣйствовать въ одиночку на свой страхъ и счастье. Въ такомъ случаѣ экономическая дѣятельность народа станетъ опредѣляться не фантазіями кулаческаго пошиба, а реальными интересами производства, которые требуютъ не разъединенія, а кооперації.

И дѣйствительно, даже теперь, въ разгаръ индивидуализма, въ жизни народа мы можемъ наблюдать цѣлую массу фактовъ, доказывающихъ, что крестьяне сознаютъ выгоды кооперації и пользуются ею. Мы не станемъ говорить здѣсь о такъ-называемой помочи, ибо многіе признаютъ ее вымирающимъ остаткомъ прежней широкой общинной жизни, нынѣ держащейся лишь благодаря традиціи; мы имѣемъ въ виду другія формы единенія, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ лицъ (а не цѣлой общины), соединяющихся совершенно свободно и не всилу традиціонной привязанности къ артели, а во имя совершенно реальныхъ потребностей современнаго своего существованія.

Такъ, мы, знаемъ, что недостатокъ скота составляетъ очень распространенное въ нашей жизни явленіе, что оно служитъ причиной забрасыванія населеніемъ хлѣбопашества, но что его вредныя послѣдствія могутъ быть парализованы соединеніемъ нѣсколькихъ хозяевъ, для производства общими средствами работъ, непосильныхъ или затруднительныхъ каждому изъ нихъ. И мы видимъ, что дѣйствительно подобнаго форма

кооперацiи играетъ непослѣднюю роль въ народной жизни. Больше всего кажется обычай соединять свой инвентарь для общей работы распространенъ среди славянскихъ индивидуалистовъ-малороссовъ. Объясняется это тѣмъ, что условiи тамошняго хозяйства требуютъ для вспашки земли тяжелыхъ орудiй и большого количества скота; многiя семьи не имѣютъ послѣдняго и вмѣсто того, чтобы бросить вовсе хозяйство, они соединяются съ себѣ подобными, образуютъ такимъ образомъ полный плугъ, которымъ и обработываютъ участки другъ друга одинъ вслѣдъ за другимъ. Эта форма артели распространена повсюду въ южной Россiи, гдѣ только существуетъ вызывающiя ея естественныя условiя: въ Малороссiи, въ Юго-Западномъ краѣ, въ Кубанской области, среди Терскаго казачества и пр. Какъ видите, она развита всего больше тамъ, гдѣ господствуетъ индивидуализмъ, принципiальный будто бы противникъ единенiя, артели, и вызывается къ жизни между прочимъ именно этимъ самимъ индивидуализмомъ. Интересный примѣръ такой зависимости разсматриваемой формы артели отъ «индивидуализма» представляетъ Кубанская область; въ составъ ея вошли два войска: линейное-великорусское и черноморское-малорусское. Линейцы живутъ еще по традицiи, большими семьями; черноморцы, по обычаю малороссовъ, постоянно дѣлятся; семьи первыхъ поэтому обыкновенно владѣютъ полнымъ инвентаремъ, необходимымъ для земледѣлiя; у вторыхъ онѣ очень часто принадлежатъ къ разряду слабыхъ. Сообразно этому и примѣненiе «супряги» встрѣчается гораздо чаще у вторыхъ, чѣмъ у первыхъ. [1]).

Разсматриваемый обычай ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписанъ переживанiю въ смыслѣ повторенiя его по привычкѣ. Если даже первоначально онъ и явился какъ результатъ развитой общинной жизни, то въ настоящее время онъ совершенно примѣнился къ новымъ условiямъ существованiя земледѣльца, онъ играетъ извѣстную, необходимую экономическую роль и имѣетъ полные шансы нетолько на сохраненiе, но и на развитiе въ будущемъ. И дѣйствительно, объ его значенiи можно судить потому, что, напримѣръ, въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губернiи по способу «супряги» обработываютъ свои поля 90% всѣхъ хозяевъ. [2]).

Такъ какъ описаваемый родъ артели вызванъ къ жизни въ Малороссiи недостаткомъ скота для исполненiя извѣстнаго рода работъ, то естественно, что онъ станетъ распространяться и въ Великороссiи, по мѣрѣ

---

[1]) Щербина. Очерки южно-русскихъ артелей, с. 257.

[2]) Матерiалы для оцѣнки земель. Борзенскiй уѣздъ, Приложенiе 6.

того, какъ на него будетъ предъявляться требованіе. Это послѣднее должно быть основано или на необходимости перейти отъ легкой сохи къ болѣе тяжелымъ пашушимъ орудіямъ, требующимъ уже не одной, а нѣсколькихъ лошадей и потому доступнымъ лишь богатымъ семьямъ и артелямъ; или на неимѣніи у крестьянина средствъ для покупки каждому лошади, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ соединяется для пріобрѣтенія одной на всѣхъ. Дѣйствительно, въ послѣднее время мы встрѣчаемъ и среди великороссовъ случаи соединенія хозяевъ того и другого рода. Такъ, напримѣръ, въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, гдѣ почва обрабатывается сабанами, требующими для передвиженія 4—5 лошадей, нѣсколько хозяевъ складываются вмѣстѣ и обработываютъ участокъ одного члена артели, потомъ другого и такъ далѣе. Въ разоренныхъ мѣстностяхъ Московской губерніи (напримѣръ, въ Загарьи) не имѣющіе скота крестьяне соединяются вмѣстѣ и пріобрѣтаютъ лошадь для лѣтнихъ работъ. Въ Терской области, пострадавшей въ прошломъ году отъ падежей, хозяева соединялись вмѣстѣ для боронованія посѣвовъ. [1]).

Но само собой разумѣется, что единеніе крестьянъ не ограничивается перечисленными случаями; они соединяются вездѣ, гдѣ этого требуютъ обстоятельства дѣла. Такъ, вывозка навоза очень часто производится сообща всей общиной или артелью изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Этотъ обычай существуетъ издавна, поэтому могутъ сказать, что онъ держится по традиціи; но вотъ напримѣръ, молотильныя машины—дѣло новое, и, однако, въ Костромской губерніи онѣ пріобрѣтаются на общинный счетъ, въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ онѣ арендуются на время, крестьяне «обыкновенно соединяются по 2, по 3 человѣка и на своихъ лошадяхъ обмолачиваютъ хлѣбъ». [2]). Хотя помочь есть дѣйствительно явленіе старое, существующее издавна; но это не мѣшаетъ ей «обновляться», подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, и въ такомъ случаѣ она уже теряетъ свой архаическій характеръ и становится фактомъ, рисующимъ современное, а не традиціонное направленіе народной жизни, указывающимъ на зачатки общинности, выдѣляющіеся изъ безпабашнаго разгула индивидуализма. Такъ, напримѣръ, владимірцы разумѣется принадлежатъ къ типу крестьянъ, наиболѣе разорвавшихъ съ общинными традиціями: въ силу этого, одна, напримѣръ община-волость Владимірскаго уѣзда, состоящая изъ пяти деревень, раз-

[1]) Сб. мат. для изученія общины, т. I, с. 358. Исаевъ. Промыслы Московской губерніи. 1881 годъ въ с.-хоз. отношеніи, с. 66.

[2]) Сб. матер. для изученія общины с. 235. Промыслы Владимірской губерніи, вып. I, изслѣдованіе В. С. Пругагина, с. 61.

дѣлила свой общій лугъ между всѣми деревнями. Сѣна на лугахъ такъ много, что крестьянскія семьи не успѣваютъ убирать его собственными силами и вынуждены прибѣгать къ найму рабочихъ; но вотъ, лѣтъ 10—12 назадъ, на сходѣ всѣхъ деревень крестьяне порѣшили бросить эту неимѣющую смысла игру въ индивидуализмъ и помогать другъ другу при уборкѣ и возкѣ сѣна безплатно; порѣшили, чтобы на каждый душевой участокъ, кромѣ своего работника, выходило трое изъ чужихъ деревень; распредѣленіе ихъ по дворамъ происходитъ по согласію.

Помочь при уборкѣ хлѣба есть также явленіе древнее, но если оно примѣняется такъ кстати, какъ это было, напримѣръ, въ прошломъ году въ Уфимской губерніи, гдѣ, за недостаткомъ рабочихъ, много хлѣба осталось неубраннымъ, то мы должны согласиться, что индивидуализмъ не очень ужь заѣлъ русскаго мужика и что въ случаѣ очевидной выгоды онъ не прочь превратитьея и въ общинника. Тамъ крестьяне «цѣлыми селеніями выходили въ поле и убирали хлѣбъ подрядъ, помогая другъ другу и не разбирая, кому изъ нихъ принадлежитъ десятина; старики и подростки слѣдовали за работниками съ молотилками и обмолачивали въ полѣ убираемый ихъ односельцами хлѣбъ». Развивающійся индивидуализмъ не помѣшалъ и тому, что въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, взаимопомощь, въ особенности въ примѣненіи къ сѣнокосу, жнитву и сноповозу, развивается все больше и больше, такъ что вся страда проходитъ весело, въ обоюдномъ подчиваніи [1]).

Допустимъ, что индивидуализмъ, осложненный кулачествомъ, привелъ къ тому, что крестьяне, прежде арендовавшіе чужія земли (напримѣръ, удѣльныя) міромъ, теперь во многихъ случаяхъ упустили ихъ изъ своихъ рукъ, за что и переплачиваютъ кулаку (можетъ быть, ихъ же довѣренному по арендѣ) втридорога. Но это же прямое послѣдствіе «индивидуализма», въ свою очередь, способное оказать на народъ вліяніе прямо противуположное, побудитъ его опять соединиться для совмѣстнаго преслѣдованія извѣстной цѣли. И вотъ крестьяне юго-западнаго края, обыкновенно арендующіе земли каждый для себя у евреевъ, снимавшихъ ее цѣлыми имѣніями, стали и сами составлять компаніи для аренды ея по примѣру своихъ соперниковъ изъ первыхъ рукъ («Рус. Курьеръ», 1881, 71). Въ Новороссійскомъ краѣ наблюдается тоже явленіе, причемъ арендованная обществомъ земля нерѣдко и обрабатывается общиннымъ способомъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ наблюдателей на-

[1]) „Отеч. Зап.“, 1881 г., ст. Златовратскаго. 1881 годъ въ сел.-хоз. отношеніи, с. 59. Тр. В. Э. О., 1878, II.

родной жизни, г. Щербина: «Въ послѣднее время въ средѣ южно-русскаго населенія все чаще и чаще начинаетъ проявляться стремленіе къ ассоціаціоннымъ формамъ труда для урегулированія съ помощью этихъ формъ своихъ взаимныхъ отношеній, и притомъ къ формамъ, отличающимся своей новизною и несомнѣнными совершенствами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, напримѣръ, сельскія общества сами совершенно самостоятельно и добровольно стремятся къ тому, чтобы замѣнить участковое землевладѣніе общиннымъ». Подобное движеніе возбудилось даже среди евреевъ, которые тоже устраиваютъ земледѣльческія артели на началахъ равенства. Авторъ описываетъ двѣ ассоціаціи среди крестьянъ, изъ которыхъ одна возникла по иниціативѣ помѣщика.

Крестьяне Кузьмичской волости, Рославльскаго уѣзда, сообща купили имѣніе въ 16,000 дестяинъ. Эксплуатировать они его думаютъ не раздѣляя на участки, общиннымъ способомъ, подъ руководствомъ бывшаго управляющаго имѣнія г. Кроэра, благодаря которому и устроилось указанное дѣло («Порядокъ», 1881, 96).

Вышеизложенные факты приведены здѣсь не въ доказательство (для этого ихъ черезчуръ мало), а въ поясненіе нашей мысли. Индивидулизмъ, какъ законное стремленіе личности освободиться отъ путъ, связывающихъ ее въ крѣпостную эпоху, если и привелъ народъ въ пылу перваго увлеченія свободой къ разъединенію, неоправдываемому обстоятельствами дѣла и вредному въ экономическомъ отношеніи, то на это нужно смотрѣть не иначе, какъ на реакцію деспотизму, связывавшему народъ прежде. Успокоившись же отъ перваго возбужденія, крестьянинъ пойметъ, что существованіе, по образу савраса безъ узды, невозможно: если ты не покоришься старшему, міру, обычаю, свободному соглашенію, то все равно попадешь въ руки кулака, фабриканта, всякой случайности. Эта новая зависимость вовсе не такъ красна, чтобы у мужика не являлось желанія въ свою очередь освободиться и отъ нея, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея путы нестоль жестокими. А достигнуть указанной цѣли онъ можетъ лишь подчинившись другимъ узамъ, принятымъ на себя уже совершенно свободно и послѣ основательнаго разсчета. Проблески этого, назовемъ его, пожалуй, анти-индивидуалистическимъ, движенія замѣтны всюду: мы его наблюдаемъ въ стачкахъ фабричныхъ рабочихъ, въ стачкахъ земледѣльцевъ для возвышенія заработной платы и пониженія арендной, въ мірскихъ приговорахъ о таксѣ за духовныя требы, исполняемыя священниками, въ свѣжей струйкѣ въ области артельно-общинныхъ предпріятій и проч. Правда, отъ этого и до созданія новой хозяйственной единицы

еще далеко, но вѣдь историческія явленія и не совершаются въ нѣсколько лѣтъ. Важно и утѣшительно хотя то, что сознаніе пользы солидарности начинаетъ развиваться въ народѣ въ періодъ, когда капитализмъ еще не завладѣлъ производствомъ и когда общая соціальная обстановка, созданная исторіей, неблагопріятствуетъ его процвѣтанію въ Россіи. Въ нашихъ рукахъ находится и средство, способное ускорить процессъ образованія новой хозяйственной единицы: все, что улучшаетъ обстановку мелкаго земледѣльческаго промысла, что устраняетъ безцѣльныя траты крестьянина и закрѣпляетъ его свободную связь съ землей; все, что дѣлаетъ существованіе при помощи производительнаго труда болѣе возможнымъ, чѣмъ въ настоящее время—все это устраняетъ надобность и стремленіе крестьянина выскочить изъ общей лямки, «попасть на линію», воспользоваться всякимъ представляющимся для наживы случаемъ. Коль скоро все перечисленное будетъ приведено въ исполненіе—положеніе крестьянина хозяина сдѣлается достаточно устойчивымъ и въ общинѣ; всѣ его помыслы перестанутъ направляться исключительно на одну точку: какъ бы прокормиться и уплатить подати, ради чего онъ оказывается не рѣдко вынужденнымъ поступаться мірскимъ единеніемъ. Тогда онъ способенъ взглянуть на свой промыселъ и положеніе шире, отнестись къ вопросу безъ того опасенія за свое брюхо, съ точки зрѣнія котораго онъ оцѣниваетъ всѣ явленія въ настоящее время, и которое положительно мѣшаетъ ему попытаться испытать что-либо новое; тогда онъ можетъ не опасаться легкомысленнымъ шагомъ испортить то еле сносное существованіе, какого онъ добился всякими правдами и неправдами, пользуясь каждымъ случаемъ прижать сосѣда, не уступая своего чужому ни на грошъ и проч. Исчезнетъ дилемма, стоящая передъ крестьяниномъ нынѣ: щукой быть ему или карасемъ? Перспектива сдѣлаться первой потеряетъ значительную часть своей прежней обольстительности, основанной на легкой возможности иначе превратиться въ послѣдняго. А вѣдь въ осложненіи щучьимъ элементомъ главнымъ образомъ и заключается разъединяющая роль современнаго крестьянскаго индивидуализма.

РОЛЬ АРЕНДНОЙ ЗЕМЛИ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ [1]).

„Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій". Т. I—VI. Изд. Черниговскаго земства.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ." Т. I, ч. 1 и 2. Собрано и обработано статистическимъ бюро подъ редакціей Н. Терешкевича.

Выдающейся чертой литературной дѣятельности послѣднихъ годовъ нужно считать появленіе цѣлой массы сборниковъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы по экономическому положенію Россіи. Кромѣ многихъ единовременныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ изданій, томъ за томомъ печатаются систематически ведущіяся изслѣдованія мѣстностей или группы явленій. На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить, конечно, земскія предпріятія, замѣчательныя какъ по программѣ и методу наблюденія, такъ и по числу издаваемыхъ сборниковъ собранныхъ матеріаловъ. Теперь уже можно насчитать до 20 земствъ, приступившихъ или рѣшившихся приступить къ статистико-экономическому описанію своихъ губерній. Если дѣло пойдетъ въ томъ же направленіи, то недалеко время, когда мы будемъ обладать такимъ матеріаломъ по экономическому положенію страны, подобнаго которому нѣтъ нигдѣ въ Европѣ. Но, кромѣ земскихъ предпріятій, въ послѣдніе годы появилось нѣсколько другихъ, имѣющихъ цѣлью также систематическое изученіе русской жизни; для примѣра укажемъ на комиссію по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ; на ежегодно издающіеся министерствомъ государственныхъ имуществъ сборники свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ; на предпринятое имъ же изученіе русскаго овцеводства; на изданіе центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній о землевладѣніи, а министерствомъ путей сообщенія подробныхъ статистическихъ данныхъ о движеніи грузовъ по желѣзнымъ и водянымъ путямъ сообщенія; на изслѣдованія долгоруковской комиссіи о санитарномъ состоянія фабрикъ и заводовъ и пр., и пр. Но сколь богатой становится наша спеціальная экономическая литература, настолько же мы бѣдны разработкой собраннаго матеріала или даже простой передачей наиболѣе интересныхъ фактовъ въ популярной формѣ. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что десятки томовъ, напримѣръ, земскихъ статистическихъ сборниковъ вызвали всего какой-нибудь десятокъ журнальныхъ статей; про спеціально-научную разработку собираемаго матеріала слышно тоже очень

[1]) „Наблюдатель". 1884 г.

мало. А между тѣмъ, помимо разнообразія въ программахъ и методахъ изслѣдованія различныхъ статистическихъ учрежденій, они собрали массу интересныхъ данныхъ, способныхъ въ значительной степени выяснить смыслъ совершающихся около насъ явленій: и весь этотъ матеріалъ лежитъ почти нетронутымъ и публикѣ мало извѣстнымъ.

Въ виду сказаннаго, мы предполагаемъ отъ времени до времени знакомить читателя съ главными и наиболѣе интересными фактами и выводами, заключающимися въ статистико-экономическихъ изданіяхъ какъ частныхъ лицъ такъ и общественныхъ и правительственныхъ учрежденій; и на первый разъ остановимъ свое вниманіе на трудахъ черниговскаго и полтавскаго (главнымъ образомъ перваго) земскихъ статистическихъ отдѣленій.

Цѣлью работъ черниговскаго статистическаго отдѣленія было собрать данныя о доходности земель; эта же послѣдняя зависитъ не отъ однихъ естественныхъ факторовъ, а и отъ формы производства, такъ что, казалось бы, отдѣленію слѣдовало заняться изученіемъ двухъ культуръ—крупной и мелкой. Однако оно этого не сдѣлало, и вотъ на какомъ отнованіи

Ознакомившись съ степенью распространенія обѣихъ системъ производства въ губерніи, статистическое отдѣленіе увидало, что крупная культура въ черниговской губерніи почти отсутствуетъ, и что главную часть доходовъ землевладѣльцы получаютъ, сдавая свои угодья по мелочамъ крестьянамъ. И дѣйствительно, изъ числа 965 имѣній (имѣющихъ больше 50—100 дес.) въ шести уѣздахъ (сюда вошли, впрочемъ, не всѣ частновладѣльческія экономіи, хотя и значительное большинство ихъ) 523 или 54%, сдаютъ всю землю въ мелкую аренду и не имѣютъ вовсе собственныхъ запашекъ. Остальные 46% практикуютъ одновременно обѣ системы полученія дохода съ земли или эксплуатируютъ ее исключительно собственнымъ инвентаремъ; но экономій послѣдняго сорта крайне мало. Такъ, въ Черниговскомъ уѣздѣ нѣтъ (или не было въ 1877 году) ни одного имѣнія, запахивающаго всю землю своимъ скотомъ и орудіями; въ Борзенскомъ уѣздѣ всего въ 11 экономіяхъ изъ 122, т. е. всего въ 9%, большая часть земли воздѣлывается по типу крупнаго производства; въ Нѣжинскомъ уѣздѣ изъ 330 имѣній, превышающихъ 50 десятинъ, только 25 (8%) обработываютъ всю землю собственными плугами и рабочими; но и эти 25 имѣній почти всѣ принадлежатъ казакамъ, которые управляются съ землей безъ помощи наемныхъ рабочихъ, силами собственныхъ семей. Въ Козелецкомъ уѣздѣ больше третьей части земли запахиваются въ 17 имѣніяхъ изъ 102 (17%), а эти имѣнія, какъ и въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, принадлежатъ по преимуществу казакамъ, а слѣдовательно, хозяйство здѣсь

ведется скорѣе по принципу семейной организаціи, чѣмъ капиталистическимъ способомъ.

Въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя придерживаются обѣихъ системъ полунія дохода—сдачи земли мелкимъ съемщикамъ и собственной ея обработки—послѣдній источникъ является обыкновенно крайне ничтожнымъ. Въ Черниговскомъ уѣздѣ его можно даже вовсе не принимать во вниманіе, ибо въ этомъ отношеніе уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто; въ лучше поставленномъ, Борзенскомъ, въ 24-хъ имѣніяхъ (изъ 44, практикующихъ смѣшанную систему хозяйничанія) собственная запашка занимаетъ 7% всего пространства экономій (о другихъ 20 нѣтъ свѣдѣній); въ Нѣжинскомъ владѣлецъ (или крупный арендаторъ) раздаетъ почти всю землю крестьянамъ, оставляя себѣ лишь нѣсколько десятинъ (иногда, впрочемъ, можетъ быть и десятокъ-другой) главнымъ образомъ подъ табачную плантацію; такъ что статистикъ г. Русовъ рѣшился высказать заключеніе, что «на пространствѣ Нѣжинскаго уѣзда хозяйствъ широкой культуры почти нѣтъ». Свѣдѣнія о Конотопскомъ и Козелецкомъ уѣздахъ гораздо бѣднѣе, хотя, впрочемъ, статистикъ прямо говоритъ, что въ первомъ изъ нихъ частновладѣльческое хозяйство «занимаетъ не свыше 10% всей пашни уѣзда», а въ послѣднемъ крестьянскимъ инвентаремъ обработывается около $^9/_{10}$ всей пашни уѣзда. Для такихъ маленькихъ запашекъ помѣщикамъ, разумѣется, нѣтъ надобности тратиться на хозяйственный инвентарь. Достаточно имѣть одинъ-два плуга, нѣсколько головъ рабочаго скота, и держать нѣсколько человѣкъ наемныхъ рабочихъ. Ибо зачѣмъ имъ тратиться на большее, если къ ихъ услугамъ крестьяне-арендаторы, которые, снимая помѣщичью землю, кромѣ условленной платы, обязываются еще отработать владѣльцу нѣсколько дней. Этимъ путемъ помѣщикъ и обмолотитъ свой хлѣбъ, и свезетъ его въ городъ, и сѣно уберетъ. Если этихъ, такъ называемыхъ, басаринокъ не хватитъ—онъ отдастъ снять хлѣбъ съ собственной запашки «съ копы», обмолотить его—«съ коробки» и т. д. Нечего поэтому удивляться, что въ Черниговскомъ уѣздѣ усовершенствованныя орудія (въ количествѣ 90 штукъ вѣялокъ, молотилокъ, боронъ, сѣялокъ и проч.) встрѣчаются всего въ 27-ми имѣніяхъ изъ 122; въ Нѣжинскомъ—число усовершенствованныхъ орудій простирается до 300 экземпляровъ, и встрѣчаются они въ 32-хъ экономіяхъ изъ всего количества послѣднихъ, превышающаго три сотни. Во всѣхъ хозяйствахъ этого уѣзда въ совокупности имѣется только 315 плуговъ (въ среднемъ меньше одного на хозяйство), держатъ они 744 годовыхъ и срочныхъ рабочихъ.

Нѣсколько лучше поставлено дѣло въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, и это

тѣмъ интереснѣе, что названный уѣздъ въ почвенномъ отношеніи стоитъ далеко ниже, напримѣръ, Борзенскаго. «Здѣсь не рѣдкость улучшенные сѣвообороты и орудія, травосѣяніе, собственныя значительныя запашки и удобреніе. Здѣсь ухаживаютъ за землей, питаютъ ее, въ то время, какъ тамъ, на черноземѣ, не знаютъ ничего лучше трехполья, а объ удобреніи имѣютъ весьма ложныя представленія». Впрочемъ, какую бы свѣтлую картину процвѣтанія помѣщичьихъ хозяйствъ ни рисовалъ новозыбковскій статистикъ, г. Варзеръ, это очень мало измѣняетъ наши заключенія объ относительномъ распространеніи въ разсматриваемой мѣстности крупной и мелкой культуры. Ибо, во 1 хъ, число экономій, всю землю раздающимъ въ скопщину или оставляющихъ для себя не больше $^1/_8$—$^1/_{10}$ площади имѣнія, превосходитъ 50% общаго ихъ количества; въ остальной половинѣ, запахивающей не менѣе $^1/_9$ части, $^9/_{16}$ экономій обработываютъ всего отъ $^1/_9$ до $^1/_2$ своей земли, причемъ онѣ управляются съ ней, вѣроятно, не столько наемными рабочими, сколько скопщиной; такъ можно судить по тому, что во всемъ уѣздѣ обнаружено лишь слѣдующее количество усовершенствованныхъ орудій: 3 жатвенныя машины, 6 молотилокъ, 7 сѣялокъ и 62 иностранныхъ плуговъ. Во-вторыхъ, процвѣтаніе новозыбковскихъ хозяйствъ врядъ-ли можно считать предтечею общаго подъема крупнаго земледѣлія въ губерніи (хотя мы соглашаемся, что послѣдніе годы способны были временно оживить эту форму производства), ибо оно не пріостанавливаетъ идущаго своимъ чередомъ процесса упадка помѣщичьихъ экономій. «Прежде въ Новозыбковскомъ уѣздѣ собственныхъ запашекъ было больше у владѣльцевъ, чѣмъ теперь. Прежде, напримѣръ, экономія Бѣлаго Колодезя стояла на высокой степени культуры и имѣла большія запашки; въ 1876 г. владѣлица Б. Кривца большинство своихъ земель запахивала сама, а въ 1877 г. она большинство раздала съ копы, и т. д. Такихъ примѣровъ немало.» Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, тоже «во всѣхъ помѣщичьхъ хозяйствахъ за послѣднее время число скота уменьшилось, вслѣдствіе уменьшенія района собственной запашки». И это произошло послѣ размежеванія, смыслъ котораго заключается въ томъ, чтобы, отдѣливъ черезполосныя владѣльческія имѣнія въ отрубные участки, развязать помѣщикамъ руки и тѣмъ предоставить возможность улучшить хозяйство, возвысить культуру. Но именно послѣ размежеванія владѣльческія хозяйства и упали еще ниже. «Отрубныя владѣнія не только не явили примѣровъ лучшей сельско-хозяйственной техники, но представили изъ себя образцы того, чѣмъ хозяйство быть не должно». (Козелецкій у). А между тѣмъ въ жертву межеванію было принесено немало интересовъ.

Достаточно уже одного того, что до межеванія поля всѣхъ черезполосныхъ владѣльцевъ служили общимъ выгономъ; съ выдѣленіемъ же отрубныхъ участковъ, владѣльцы пріобрѣтали право не пускать чужаго скота на свои поля, что дало имъ новый источникъ дохода и повысило аредныя цѣны сѣнокосовъ. Этому сокращенію выгона конотопскій статистикъ приписываетъ высокій процентъ безупряжныхъ хозяевъ уѣзда. Въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи помѣщичье хозяйство находится въ лучшемъ положеніи. Распространяя тѣ свѣдѣнія, которыя собраны статистиками о 418 имѣніяхъ привилегированныхъ лицъ, на всѣ остальныя, предполагая затѣмъ, что въ арендуемыхъ имѣніяхъ пашня распредѣляется между скопщиной и запашкой арендатора точно въ томъ же отношеніи, какъ и въ экономіяхъ, не сдаваемыхъ въ аренду, мы путемъ вычисленія пришли къ заключенію, что изъ всей владѣльческой пашни находится подъ посѣвомъ собственниковъ и арендаторовъ около 16,300 дес., а въ скопщинѣ 19,000 дес. А такъ какъ весь посѣвъ уѣзда равняется 91,000 дес. (мы его опредѣлили взявъ $^2/_3$ пахатной земли уѣзда), то помѣщичья запашка занимаетъ 18% всей запашки уѣзда. Цифра эта сократится до 13%, если принять во вниманіе, что крестьяне арендуютъ не 19 т. дес., а 23,786 (см. подворн. опись), и въ распоряженіи помѣщиковъ остается слѣдовательно не 16,300, а всего 11,500 дес. посѣвной земли. Арендаторы, какъ можно изъ этого заключить, сдаютъ крестьянамъ больше земли, чѣмъ собственники.

Перечисленные факты достаточно ясно показали, что крупная культура въ Черниговской губерніи имѣетъ ничтожные размѣры и что при рѣшеніи вопроса о доходности земельныхъ угодій главное вниманіе нужно обратить на мелкое производство. Такъ именно и поступали черниговскіе статистики, собирая матеріалы объ урожайности земель и о стоимости ихъ обработки. Впрочемъ, главнымъ основаніемъ для опредѣленія доходности статистическое отдѣленіе считало цѣны, по которымъ сдавались земли въ аренду, ибо цѣна эта должна быть выраженіемъ именно того чистаго дохода, который остается, за вычетомъ издержекъ производства, процента на капиталъ, прибыли предпринимателя и т. п., и который составляетъ чистую ренту. Поэтому оно обратило особенное вниманіе на условія сдачи земель въ аренду и собрало на этотъ счетъ весьма цѣнный и интересный матеріалъ. А такъ какъ въ губерніи господствуетъ мелкая аренда, то этотъ же матеріалъ можетъ служить и для характеристики крестьянскаго хозяйства.

Въ разсматриваемый мѣстности преобладаетъ не только мелкая, но и

натуральная аренда, т. е. такая, при которой рента уплачивается не деньгами, а долею продукта. Съемщикъ производитъ всѣ работы на арендованой землѣ и, снявши хлѣбъ, условленную «копу» отвозитъ владѣльцу, которому остается только обмолотить ее и свезти зерно на рынокъ. Земля сдается владѣльцемъ или крупнымъ арендаторомъ обыкновенно непосредственно въ руки лицъ, ее обрабатывающихъ, для чего въ благоустроенныхъ экономіяхъ она разбита на участки соотвѣтствующей величины. Такъ какъ земля въ имѣніи не одинаковаго достоинства и, отдавая ее безъ системы, владѣлецъ рискуетъ за плохія угодья получить меньше, чѣмъ это ему желательно, то каждый участокъ, сдаваемый въ однѣ руки, состоитъ обыкновенно изъ лучшей и худшей земли. Точно также владѣлецъ стремится сдать вмѣстѣ часть озимаго и яроваго поля, ибо запросъ со стороны крестьянъ на первое значительно больше, и подчиняясь ему безропотно, владѣлецъ яровое поле долженъ будетъ сдавать дешевле. Помощью же описанной системы онъ уравниваетъ спольщину на всей своей землѣ. «При нуждѣ крестьянъ въ пахоти, ловкій подборъ кусковъ при раздачѣ земли и умѣніе получить при этомъ наибольшее число доплатъ составляетъ всю суть искусства управленія имѣніемъ въ нашемъ уѣздѣ», говоритъ черниговскій статистикъ. Во многихъ имѣніяхъ земля разбита на такіе большіе участки, обработать которые одному не подъ силу; здѣсь поэтому является необходимость или въ артельной арендѣ, или въ посредничествѣ другихъ лицъ. Съ тѣмъ и другимъ мы и встрѣчаемся въ дѣйствительной жизни. Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, гдѣ вообще значительно развитъ артельный способъ аренды земли (или, можетъ быть, случайно приведено о немъ больше свѣдѣній), мы встрѣчаемся и съ различными ступенями развитія типа рядчика, изъ котораго, по мнѣнію г. Варзера, «со временемъ легко можетъ вырости ирландскій midle-man». Такъ, иногда одно или нѣсколько лицъ, снимающихъ на свое имя помѣщичью» землю, въ дѣйствительности являются представителями общества или артели, за что имѣютъ отъ послѣднихъ какое-либо ничтожное вознагражденіе; въ другой разъ крестьянинъ беретъ участокъ, сдаваемый помѣщикомъ, но, не имѣя силы обработать его лично, принимаетъ въ кампанію другихъ «безъ пользы»; въ третьемъ случаѣ на сцену выступаетъ уже польза въ видѣ лучшей земли, оставляемой съемщикомъ себѣ; а худшая отдается товарищамъ. Наконецъ, съемщикъ является настоящимъ аферистомъ (Борзенскій уѣздъ), берущимъ землю большимъ кускомъ и переоброчивающимъ ее мелкимъ съемщикамъ за значительно повышенную плату. Такимъ посредникомъ является обыкновенно или богатый казакъ, или нѣмецъ-ко-

лонистъ. Если перечисленные мною факты не случайно попали въ труды черниговскихъ статистиковъ, такъ что недостатокъ подобныхъ данныхъ для другихъ уѣздовъ указываетъ и на отсутствіе въ дѣйствительной жизни соотвѣтствующихъ явленій, то слѣдуетъ добавить, что мелкіе посредники между владѣльцами или крупными арендаторами цѣлыхъ имѣній съ одной стороны, и съемщиками-крестьянами—съ другой, играютъ болѣе или менѣе замѣтную роль только въ двухъ уѣздахъ—Новозыбковскомъ и въ особенности Борзенскомъ.

Потребность крестьянъ въ арендѣ чужихъ земель—явленіе общее въ Черниговской губерніи, такъ какъ на правахъ собственности они пользуются значительно меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ въ состояніи ее обработать. Такъ, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ на 1 дворъ среднимъ числомъ приходится по 5,3 десятины, въ Козелецкомъ—6—7; между тѣмъ какъ обработать можетъ малая семья 8—14 десятинъ. Естественно, что потребность въ арендѣ помѣщичьихъ земель обща всему населенію губерніи. Впрочемъ, совешенно опредѣленныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ въ матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій нѣтъ; только изъ подворной переписи Козелецкаго уѣзда мы узнаемъ, что пашню снимаютъ тамъ 45% всѣхъ дворовъ уѣзда; въ описаніи Конотопскаго уѣзда сказано, что «почти полное отсутствіе съемки крестьянами земли встрѣчается только въ сравнительно богатыхъ землею селахъ казенныхъ крестьянъ Самбургской волости». Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ изъ 20,000 дворовъ не участвуетъ въ арендѣ всего около 200, т. е. около 1%. Объ остальныхъ уѣздахъ—данныхъ мы не имѣемъ. Но и безъ этихъ детальныхъ свѣдѣній все-таки очевидно, что съ теченіемъ времени нужда крестьянъ въ арендѣ помѣщичьей земли растетъ, и это обстоятельство не можетъ оставаться безъ вліянія какъ на доходы съемщиковъ отъ арендуемыхъ угодій, такъ и на положеніе помѣщичьяго хозяйства.

Выше мы сказали, что въ Черниговской губерніи преобладаетъ испольная аренда, такъ-называемая «скопщина»: владѣлецъ получаетъ обыкновенно $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_5$, $^1/_2$ урожая. Но такъ какъ эти простыя, легко измѣримыя доли сильно разнятся одна отъ другой, между тѣмъ какъ разнообразіе почвы и другихъ условій, опредѣляющихъ арендную плату, требуетъ большой постепенности въ переходѣ отъ одной цѣны къ другой, то на практикѣ, въ добавленіе къ долямъ хлѣба, которыми измѣряется рента, явились разныя доплаты, въ формѣ-ли труда (отбутка, панщина, басаринки), денегъ (хабаръ, процентъ, тринкаль), или продукта («гостинецъ, дарунокъ»). Чѣмъ дальше, тѣмъ большее затрудненіе испытываютъ кре-

стьяне въ арендѣ земли, тѣмъ раньше каждый изъ нихъ старается обезпечить себя ею. Еще задолго до работъ, за полгода и больше, крестьянинъ уже начинаетъ отыскивать землю. Первымъ его шагомъ будетъ визитъ къ владѣльцу съ гостинцемъ. «На первый день Різдва, якъ тілько разговіються, такъ и сипнуть люде по панамъ, а черезъ два дня хоть и не ищи земли—нігдѣ не найдешь. Безъ гостинца не ходи, а гостинецъ—ковбаса четвериста, копіекъ 20 стоить, пирогъ». При наймѣ сѣнокоса крестьянинъ Черниговской губерніи несетъ гостинецъ: «казаку—кварту горілки; жиду—насыпку (пудъ муки, мѣрка овса и т. п.), пирога, чи ковбасы, попу—яйца, чи курку». Впрочемъ, подобныя приношенія имѣютъ мѣсто только относительно мелкихъ владѣльцевъ, и не ими обусловливается роль доплатъ въ процессѣ опредѣленія арендной платы. Гораздо важнѣе оплаты трудомъ: отработки, басаринки. Если владѣлецъ думаетъ возвысить арендную плату, то онъ начинаетъ именно съ этихъ отработковъ; кромѣ $^1/_3$, которую, напримѣръ, онъ получалъ раньше, теперь онъ требуетъ $^1/_3$ и одинъ день труда; на слѣдующій годъ потребуетъ два дня и такъ дальше, до тѣхъ поръ, пока сумма этихъ доплатъ не образуетъ, наконецъ, такой величины, что испольщику становится выгоднѣе отдавать владѣльцу уже прямо $^2/_5$ или $^1/_2$ урожая безъ всякихъ доплатъ. Особенно бойко оперировали такимъ образомъ землевладѣльцы въ послѣдніе годы высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ; и въ самомъ дѣлѣ, поднятіе арендной платы идетъ такъ быстро, что его легко замѣтить даже изъ года въ годъ. Въ интересахъ этого поднятія, владѣльцы даже сокращаютъ сроки, на которые сдаютъ землю, и тѣ, кто сдавалъ ее на три года, стараются теперь сдать только на одинъ, чтобы не лишиться возможности накинуть и на слѣдующій годъ аренду (Новозыбковскій уѣздъ). Быстрый ростъ арендныхъ платъ за послѣдніе годы доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Козелецкомъ уѣздѣ, изслѣдованномъ въ 1881 г., число дачъ съ испольной платой, меньшей $^1/_2$ урожая, нашлось всего 4 изъ 46, или 9%; между тѣмъ какъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, изслѣдованномъ въ 1879 г. такихъ дачъ оказалось 10 изъ 51, или 20%, а въ Борзенскомъ и Черниговскомъ, описанныхъ еще двумя годами раньше—45% и 19%. Такимъ образомъ уѣздъ, описанный послѣднимъ, имѣетъ наиболѣе высокую арендную плату. «По густотѣ населенія и качеству почвы, эти уѣзды, кромѣ Черниговскаго, не могутъ быть поставлены ниже Козелецкаго, и мы имѣемъ право объяснить большую высоту испольныхъ платъ въ Козелецкомъ уѣздѣ разновременностью собиранія свѣдѣній, т. е. постепеннымъ возрастаніемъ испольныхъ платъ». Но есть, впрочемъ, и прямыя доказательства быст-

раго роста ренты. «Въ Обмачевѣ, Конотопскаго уѣзда, еще три года тому назадъ, владѣлецъ давалъ спольщику половину сѣмянъ и самъ убиралъ свою долю урожая. Теперь въ Обмачевѣ сѣмянъ не даютъ, спольщикъ убираетъ весь хлѣбъ и, кромѣ того, еще обработываетъ въ пользу владѣльца». Въ Григоровкѣ испольныя платы возрастали такъ:

Въ 1874 году владѣлецъ получалъ $^1/_3$ урожая, въ 1875 г. $^1/_2$ 1876—8 г.г. $^1/_2$ и отработокъ, стоющій 50 к., въ 1879 г. $^1/_2$ и отработокъ около 1 р. 50 к.

Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, со времени произведеннаго тамъ изслѣдованія (1877—77 гг.), арендная плата во многихъ мѣстахъ изъ $^1/_8$ перешла въ $^1/_2$, а копѣйки доплатъ превратились въ рубли (Журн. экстр. и чрезв. уѣздн. земск. собр., 1882 г.).

Помимо прямаго, открытаго соглашенія земледатчика со съемщиками, причемъ каждая сторона дѣйствуетъ съ должною осмотрительностью, возвышеніе арендной платы достигается еще слѣдующими способами: «экономіей назначается день для раздачи, и всѣ желающіе изъ окружныхъ селъ являются въ экономію; тогда, вмѣстѣ съ прикащикомъ и конторщикомъ, толпа ходитъ и на мѣстѣ предлагается желающимъ торговаться за тотъ или другой участокъ; при торговлѣ конкуренція надбавляетъ услугу до 2—3 р.—«на зло»—и такимъ образомъ разбираются всѣ земли» (Новозыбковскій уѣздъ). Такой же торгъ съ его естественными результатами распространяется и въ Черниговскомъ уѣздѣ. Этимъ пріемомъ возбужденія страстей («на зло») земледатчики достигаютъ того, что ихъ участки разбираются по цѣнамъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ. Нѣкоторые, пользуясь своимъ положеніемъ, прибѣгаютъ даже къ такимъ пріемамъ, которые не оправдываются и съ точки зрѣнія свободной конкуренціи; уговорившись съ испольщикомъ о такой то платѣ, владѣлецъ при уборкѣ требуетъ большей и, въ случаѣ отказа, беретъ ее силою (Нѣжинскій уѣздъ). Съ своей стороны и крестьяне не прочь обмануть владѣльца а для предупрежденія непрерывнаго роста арендной платы уговариваются не давать больше опредѣленнаго размѣра скопщины. Владѣльцы отвѣчаютъ на подобное соглашеніе контръ-соглашеніемъ—держаться всѣмъ одинаково высокихъ цѣнъ (Козелецкій уѣздъ). Впрочемъ, крупнымъ землевладѣльцамъ нечего безпокится: ихъ земли такъ привлекаютъ крестьянъ, что тѣ не обойдутъ ихъ никакимъ способомъ.

Слѣдствіемъ сильнаго стремленія крестьянъ къ арендѣ чужихъ земель является то, что высота платы за пользованіе полевыми угодьями опредѣляется не одними лишь, такъ сказать, нормальными—естественными и

соціальными—факторами: плодородіемъ почвы, близостью къ центру сбыта и пр.; значительную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ и специфическій факторъ—нужда въ землѣ, иногда преобладающая надъ всѣми другими разсчетами. Только изслѣдовать вліяніе этого условія крайне трудно, такъ какъ оно составляетъ общее явленіе, въ силу чего, въ пространствѣ, т. е. въ разныхъ районахъ уѣзда или губерніи, на арендной платѣ «рѣзче, выражается дѣйствіе качества земли, такъ какъ запросъ на землю подверженъ сравнительно незначительнымъ колебаніямъ; зато во времени яснѣе видно дѣйствіе постоянно возрастающей потребности въ землѣ, такъ какъ другой факторъ—качество земли—остается неизмѣннымъ». И мы дѣйствительно видѣли, какъ быстро растутъ арендныя платы. Но случается, что и въ пространствѣ очень ясно выражается значеніе разсматриваемаго фактора въ дѣлѣ опредѣленія высоты арендной платы. Это именно будутъ случаи черезчуръ большаго уклоненія отъ обычныхъ условій, и примѣры такого уклоненія попадаются нерѣдко. Такъ, часть дачи Олишевки, Козелецкаго уѣзда, прилегаетъ къ мѣстностямъ, отличающимся плохой почвой и малоземельемъ крестьянъ, часть же граничитъ съ дачами многоземельными и съ хорошей почвой; и вотъ тотъ же владѣлецъ одну часть имѣнія сдаетъ по одной, большей цѣнѣ, а другую, хотя она и доброкачественнѣе, по низшей. Въ Конотопскомъ уѣздѣ «соціальныя условія дѣйствуютъ на условія спольщика столь сильно, что совершенно затемняютъ вліяніе различной производительности почвы; это станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что испольныя платы, за немногими исключеніями, выше въ тѣхъ дачахъ, въ которыхъ есть крупныя экономіи» (гдѣ, слѣдовательно, больше малоземельныхъ помѣщичьихъ крестянъ и гдѣ владѣлецъ до нѣкоторой степени земледатчикъ—монополистъ). Впрочемъ, это положеніе сдѣлается болѣе яснымъ, если мы обратимся къ самой величинѣ испольныхъ платъ и постараемся опредѣлить ихъ отношенія къ доходамъ съемщиковъ.

Мы вычислили (приблизительно) доходы отъ скопщины по всѣмъ дачамъ пяти уѣздовъ и въ результатѣ получили слѣдущее [1]):

Чистый доходъ съемщика.	Нѣжинск.	Чернигов.	Борзенск.	Козелец.	Конотоп.
Убытокъ (съ 1 дес. озими) отъ 1 до 10 пуд. ржи имѣютъ	49 дачъ	82 д.	28 д.	11 д.	3 дачи.
или	92%	75 %	60%	20%	9 %
Безъ убытка и барыша.	3 дачи	10 д.	1 д.	2 д.	1 дача.
или	6%	8%	2%	4%	3%

[1]) При вычисленіи мы основывались на методѣ, предложенномъ въ VI томѣ «Матеріаловъ», стр. 38—9.

Доходъ отъ 1 до 5 пудовъ ржи	1 дача	18 д.	13 д.	31 д.	14 д.
	2%	16 %	28%	56%	43%
Доходъ отъ 6 до 8 пуд.	—	—	4 д.	10 д.	15 д.
	—	—	10%	20 %	45%
Доходъ 16½ пудовъ. .	—	—	1 дача	—	—

Итакъ, въ двухъ уѣздахъ громадное большинство крестьянъ, (92 и 75%) а въ одномъ тоже большинство, хотя и не столь громадное, 60% отъ аренды имѣютъ только убытки. Дабы читатель не думалъ, что указанный курьезный выводъ есть результатъ искаженія нами (можетъ быть и неумышленнаго) пріемовъ вычисленія, мы приведемъ для Новозыбковскаго уѣзда вычисленія особой земской комиссіи, изслѣдовавшей экономическое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, съ цѣлью найти прочныя основанія для пониженія выкупныхъ платежей. И вотъ ея выводы. При урожаѣ самъ-4, испольщикъ отъ аренды имѣетъ чистаго дохода 2 р. 36 к. или 3 пуда ржи съ десятины; при урожаѣ самъ-3, испольщикъ отъ аренды не имѣетъ дохода; при самъ-2, испольщикъ отъ аренды имѣетъ убытка 2 р. 20 к. или 2½ пуда ржи, т. е. валоваго дохода въ этомъ случаѣ недостаточно для оплаты его труда, оцѣниваемаго по обыкновеннымъ рыночнымъ нормамъ. Если къ сказанному прибавимъ, что средній урожай въ уѣздѣ—самъ-2,4 [1]), т. е. далеко ниже той пограничной черты (самъ-3), при которой крестьянинъ не имѣетъ ни убытка, ни выгоды, то читатель согласится, что огромное большинство населенія Новозыбковскаго уѣзда по отношенію къ доходамъ отъ операціи найма земли находится въ одной группѣ съ Нѣжинскимъ и Черниговскимъ, и наши вычисленія доходовъ отъ аренды должны быть признаны приблизительно вѣрными.

Итакъ, крестьянинъ Черниговской губерніи, нанимая землю, не гонится непремѣнно за барышами; онъ готовъ работать въ пустую, даже въ убытокъ; иначе говоря, готовъ не дополучать обычнаго вознагражденія за трудъ, лишь бы воздѣлывать землю въ качествѣ хозяина, а не наемника. Это заставляетъ насъ предположить, что арендуемая земля играетъ въ жизни крестьянина болѣе важную роль, чѣмъ обыкновенная доходная статья, что есть какія-то обстоятельства, *вынуждающія* мелкаго хозяина нанимать ее, что безъ такой аренды онъ теряетъ нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ деньги, почему и соглашается скорѣе наложить на себя новый налогъ въ пользу землесдатчика, чѣмъ потерять это нѣчто, для него болѣе дорогое или болѣе высокое. Что же это за таинственныя вліянія, путающія самые элементарные разсчеты производителя, заставляющія че-

[1]) Журналъ экстрен. и чрезвыч. Новозыбк. уѣздн. земск. собр. 1882 г.

ловѣка въ сферѣ, гдѣ все основано на учетѣ копѣекъ и рублей, гдѣ каждый стремится къ увеличенію количества этихъ знаковъ въ своемъ карманѣ, дѣйствовать совершенно обратно, расточать даже тѣ ничтожные запасы, которые онъ съ такимъ трудомъ собралъ, работая на своемъ надѣлѣ, въ отходѣ и пр.? Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ не лишнимъ устранить одно теоретическое затрудненіе.

Лица, прикидывающія къ окружающимъ явленіямъ жизни шаблоны, вынесенные изъ школы, скажутъ, что нашъ вопросъ вовсе не требуетъ изслѣдованія, такъ какъ онъ есть просто результатъ невѣрныхъ вычисленій или наблюденій. Ибо политическая экономія учитъ, что всякое предпріятіе, за которое человѣкъ берется произвольно, должно окупить всѣ издержки производства и дать, кромѣ того, извѣстную прибыль; въ противномъ случаѣ онъ откажется отъ неудачно-избраннаго предпріятія и перенесетъ свой трудъ и капиталъ на другую отрасль промышленной дѣятельности.

Точку зрѣнія на окружающія явленія, лежащую въ основѣ этого разсужденія и выражающуюся словами —барышъ, убытокъ, дорого, дешево — можно считать господствующею въ нашей литературѣ; ею руководствуются публицисты, когда предлагаютъ крестьянину не черноземной полосы бросить зерновое хозяйство и заняться маслодѣліемъ, когда они протестуютъ противъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и предсказываютъ быстрое уничтоженіе кустарныхъ промысловъ. Мы не отрицаемъ важнаго значенія «барыша», «дорого» и пр. для нашей жизни, но тѣмъ не менѣе считаемъ, что есть и другіе экономическіе принципы, которые значительно ослабляютъ силу кабинетныхъ учетовъ выгодъ и убытковъ отъ различныхъ промышленныхъ предпріятій.

Прежде всего замѣтимъ, что подробные ариѳметическіе разсчеты составляютъ необходимое основаніе капиталистическихъ предпріятій; здѣсь, дѣйствительно, работа въ убытокъ не можетъ продолжаться сколько-нибудь значительное время, хотя бы по одному тому, что этимъ путемъ истощается капиталъ, между тѣмъ, какъ основная его тенденція — не уменьшаться, а возрастать. Поэтому, какъ только предприниматель замѣтитъ, что на избранномъ поприщѣ онъ терпитъ убытки, онъ неизбѣжно обратится къ другимъ предпріятіямъ. Сдѣлать это ему нетрудно, потому, что форма современнаго капитала (деньги) весьма удобна для быстраго его перемѣщенія не только отъ предпріятіи къ предпріятію, но и съ одного конца міра на другой. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится мелкій производитель и въ особенности земледѣлецъ.

Тогда какъ капиталистъ участвуетъ въ предпріятіи обыкновенно только своимъ имуществомъ, мелкій производитель вкладываетъ въ него главнымъ образомъ свой трудъ; поэтому, тогда какъ убытки капиталистическаго предпріятія неизбѣжно ведутъ къ уменьшенію капитала, недочеты по мелкому производству могутъ быть до извѣстной степени восполнены сокращеніемъ потребленія трудящихся. Затѣмъ, мелкій производитель не можетъ легко переходить отъ одной отрасли къ другой, сообразуясь лишь съ разсчетомъ ихъ выгодности, ибо, будучи прежде всего работникомъ, онъ связанъ своимъ спеціальнымъ искусствомъ, внѣ котораго онъ только чернорабочій. Если все это вѣрно по отношенію къ мелкому производителю, работающему на рынокъ, и потому подвергающемуся всѣмъ случайностямъ колебанія спроса и предложенія продуктовъ, имъ поставляемыхъ, то для *земледѣльца* можно указать еще одно обстоятельство, тѣсно связывающее хозяина съ его промысломъ, именно на то, что главная масса добытыхъ имъ продуктовъ будетъ потреблена его же семьей. Слѣдовательно, тѣ рыночныя колебанія (напримѣръ, пониженіе цѣны продукта), которыя на кустарѣ отражаются значительнымъ сокращеніемъ его доходовъ, на земледѣльца дѣйствуютъ гораздо слабѣе; примите все это во вниманіе и вы согласитесь, что крестьянинъ долженъ крѣпче держаться за избранное имъ занятіе, нежели капиталистъ, и что въ интересахъ собственнаго хозяйства онъ можетъ дѣйствовать по разсчетамъ, противорѣчащимъ правиламъ буржуазной политической экономіи и вовсе недоступнымъ капиталисту-предпринимателю. И черниговскій крестьянинъ можетъ имѣть достаточно побудительныхъ причинъ для того, чтобы нанимать землю себѣ въ убытокъ. Посмотримъ же, нельзя-ли намъ что либо узнать объ этихъ причинахъ: суть-ли онѣ больше нравственнаго порядка, т. е. вытекаютъ-ли дѣйствія крестьянина изъ желанія лучше получить хоть немного, но зато въ качествѣ самостоятельнаго хозяина, чѣмъ гоняться за большимъ батрацкимъ заработкомъ, или причины эти—въ существѣ экономическія, т. е. арендуемая въ убытокъ земля играетъ какую либо важную роль въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина.

Всякій, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что заработная плата въ Россіи вообще крайне низка, но и она не падаетъ еще ниже лишь потому, что масса крестьянства устраняется отъ наемнаго заработка, что предложеніе труда на рынкѣ, благодаря стремленію народа по возможности больше запахать на свой страхъ, сравнительно невелико. А что выйдетъ, если крестьянинъ сократитъ самостоятельное хозяйство и большую часть своего времени отдастъ наемному труду—можно видѣть на примѣрѣ централь-

ныхъ черноземныхъ губерній; тамъ положеніе мелкаго земледѣльца до нѣкоторой степени приближается къ подобному идеалу, и тамъ же заработная плата—и безъ того самая низкая въ Россіи—умудряется еще уменьшиться на 30—50%, благодаря способу такъ называемой зимней наемки. Мы не въ состояніи математически опредѣлить степень вліянія, оказываемаго величиной заработной платы въ Россіи на воздержаніе крестьянина отъ наемнаго заработка и на его привязанность къ собственному хозяйству; мы можемъ только съ большой вѣроятностью предположить, что ему неоднократно приходилось собственнымъ опытомъ испытать дѣйствіе закона зависимости заработной платы отъ размѣровъ предложенія труда, и что онъ убѣжденъ въ непрочности существующаго ея уровня. Поэтому, когда отъ него зависитъ выбирать между наемнымъ и самостоятельнымъ трудомъ или комбинировать оба, сообразуясь съ обстоятельствами минуты, возможность заработать много (!), въ качествѣ батрака, не ослѣпляетъ его насчетъ общаго значенія заработка у себя и по найму, и перспектива, ожидающая батрака pur sang рисуется его воображенію достаточно ясно и не особенно привлекательно. Итакъ, мы можемъ сказать, что существующія условія наемнаго труда въ Россіи таковы, что даже высокая заработная плата, вмѣсто того, чтобы отрывать крестьянина отъ земли, какъ бы этого слѣдовало ожидать на основаніи обыкновеннаго коммерческаго разсчета, способна, напротивъ того, укрѣпить его связь съ нею. Спрашивается, поэтому, есть-ли въ положеніи черниговскаго земледѣльца такія условія, которыя бы требовали отъ него жертвоприношеній, подъ угрозой въ противномъ случаѣ разрушить его хозяйственную самостоятельность и связанное съ нею относительное благополучіе? И аренда чужихъ земель, въ большинствѣ случаевъ не покрывающая расходовъ производства, не есть-ли именно такая жертва, необходимая по условіямъ собственнаго крестьянскаго хозяйства?

Въ статьѣ «Крестьянское хозяйство и агрономія» мы указывали на порядки аграрнаго устройства освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, поставившіе ихъ хозяйство въ органическую зависимость отъ угодій, принадлежащихъ ихъ бывшимъ владѣльцамъ. Одного этого обстоятельства было-бы достаточно для объясненій чрезмѣрной высоты арендныхъ платъ за снимаемую крестьянами земли. Но малороссійское хозяйство имѣетъ еще черту, усугубляющую потребность крестьянина въ чужой землѣ. Малороссійское хозяйство отличается отъ обычнаго великороссійскаго тѣмъ, что пашущее орудіе требуетъ здѣсь запряжки не одной, какъ въ послѣднемъ, а 4—8 штукъ рабочаго скота. А такъ какъ стоимость со-

держанія послѣдняго падаетъ на хозяйство, то дабы окупить издержки производства, минимальные размѣры крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи должны быть больше таковыхъ же великорусскихъ. Если, напримѣръ, въ Великороссіи три десятины запашки есть наименьшій размѣръ ея, при которомъ стоитъ еще держать лошадь, то въ мѣстности, гдѣ работаютъ восьмью лошадьми, принимая даже, что урожай отъ этого повышается вдвое, размѣры запашки домохозяина всетаки должны быть, не ниже 10—12-ти десятинъ. Слѣдовало поэтому ожидать, что въ Малороссіи мелкое крестьянское хозяйство вовсе уничтожится, и земельная организація приметъ характеръ нѣмецкій, съ его полными крестьянскими хозяевами съ одной стороны и безземельными батраками — съ другой. Но русскій народъ избѣгнулъ такой перспективы, и бѣдные земледѣльцы, не имѣющіе достаточнаго количества скота, соединяются вмѣстѣ и составляютъ сборный плугъ, которымъ обрабатываютъ участки другъ друга поочередно.

Хотя, при помощи супряги, черниговскій крестьянинъ и избѣжалъ необходимости держать непремѣнно четыре-восемь штукъ рабочаго скота и создалъ себѣ возможность въ крайнемъ случаѣ ограничиться, по примѣру своего великорусскаго собрата, одной-двумя штуками, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, малороссійское крестьянское хозяйство должно имѣть все-таки больше рабочаго скота, чѣмъ великороссійское. Это потому, что чѣмъ меньше скота имѣетъ крестьянинъ, тѣмъ больше неудобствъ испытываетъ онъ при супрягѣ. Такъ напр., чтобы образовать плугъ, одноконнымъ хозяевамъ нужно соединиться четыремъ-восьмерымъ человѣкамъ; весьма вѣроятно, что въ такую группу войдетъ скотъ разнаго достоинства—сильный и слабый—отчего выгоды одного хозяина будутъ принесены въ жертву слабости другого. Затѣмъ поле однихъ вспашется раньше, другихъ—позже что иногда отразится на урожаѣ хлѣба; наконецъ, чѣмъ больше лицъ соединятся въ супрягѣ, тѣмъ возможнѣе споры и раздоры («ты богато мого зализа стеръ», «ты мою палицю зломывъ» и т. д.). Поэтому, не смотря на то, что супряга остается господствующимъ способомъ обработки полей въ Черниговской губерніи, каждый крестьянинъ тѣмъ не менѣе стремится имѣть возможно больше скота: кто не въ силахъ содержать полный плугъ, старается хоть приблизиться къ этому идеалу. Сказанное подтверждается и прямымъ сравненіемъ Черниговской губерніи и Великороссіи въ отношеніи числа дворовъ съ одной штукой рабочаго скота и нѣсколькими. Необходимыя данныя почерпнуты нами изъ подворныхъ переписей, сдѣланныхъ земствами, или изъ военно-конскихъ переписей:

	Дворы съ: 1 шт. рабоч.	2 и бол. скота.	отношеніе.
Орловская губ. (1 уѣздъ).	33%	43%	1,3
Тамбовская губ. (2 уѣзда).	27 »	50 »	1,9
Рязанская губ.	26 »	48 »	1,9
Курская губ. (1 уѣздъ) .	21 »	50 »	2,4
Черниговская г. (1 уѣздъ).	16 »	51 »	3,2

Мы видимъ, что въ Черниговской губерніи число богатыхъ скотомъ домохозяевъ, относительно, въ $1^1/_2$—3 раза больше, чѣмъ въ черноземныхъ великороссійскихъ, и что къ ней въ этомъ отношеніи нѣсколько приближается одна Курская губернія. Между тѣмъ, по размѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія, Черниговская губернія, какъ и вся Малороссія, не выдѣляется изъ другихъ областей Россіи. Такъ, беря имѣющіяся подъ рукой данныя, мы увидимъ, что въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 12 десятинъ земли, въ Моршанскомъ 8,7 дес., въ Рязанскомъ—около 7 дес., въ Козелецкомъ (Черниговской губ.) всего 6,9 десятины, а въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи даже около 5,5 десят. Итакъ, малороссійскій землевладѣлецъ, владѣя приблизительно тѣмъ же количествомъ земли, что и великорусскій крестьянинъ, держитъ больше рабочаго скота; это значитъ, что издержки производства ложатся на его участокъ тяжелѣе, чѣмъ на надѣлъ великорусскаго хозяина и что для ихъ уравненія черниговецъ долженъ сильнѣе великоросса стремиться къ арендѣ чужихъ земель: послѣдняя даетъ работу скоту (который иначе значительную часть времени кормился бы даромъ), и такимъ образомъ издержки по его содержанію падутъ уже не на собственный участокъ крестьянина, а распредѣлятся между нимъ и землей арендованной.

Есть еще одно обстоятельство, дѣйствующее въ томъ же направленіи. Въ Великороссіи преобладаетъ общинное землевладѣніе, ведущее къ болѣе или менѣе равномѣрному распредѣленію земли между всѣми крестьянами; въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ значительная часть земледѣльцевъ владѣетъ землей на личномъ правѣ, почему она между ними распредѣлена крайне неравномѣрно. Такъ, напримѣръ, среди казаковъ и государственныхъ крестьянъ Козелецкаго уѣзда, имѣюшихъ средній надѣлъ на дворъ 8,5 десятинъ, мы встрѣтимъ: огородниковъ (имѣющихъ меньше одной десятины на дворъ) 12—6,7%, владѣющихъ 1 – 3 дес.—16 – 12%, имѣющихъ отъ 3—5 дес.—16—18%, 15—25 д.—9 – 11, 6%, 25—100 дес.—5,3—3,8%.

Столь неравномѣрное распредѣленіе земли легко можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что значительная часть крестьянъ вовсе лишится хозяйственной самостоятельности, ибо только въ рѣдкихъ случаяхъ 1—2-хъ-десятинный надѣлъ въ состояніи вынести издержки по пріобрѣтенію и ремонту инвентаря. Нѣсколько большую устойчивость пріобрѣтетъ малоземельный крестьянинъ, если онъ, кромѣ своей земли, станетъ обрабатывать еще арендованную.

Этихъ разсужденій достаточно для того, чтобы убѣдиться, что аренда земель составляетъ жизненную необходимость для черниговскаго земледѣльца; въ его рукахъ она не только выполняетъ роль источника доходовъ, но прежде всего служитъ необходимымъ элементомъ организаціи его собственнаго хозяйства. Лишаясь аренды, крестьянинъ теряетъ не только соотвѣтствующую часть дохода, но и бо̀льшую или меньшую долю своей хозяйственной устойчивости: почва подъ нимъ колеблется, промыселъ разрушается, и онъ опускается на низшую ступень хозяйственной самостоятельности. Если наши соображенія вѣрны, то они должны найти себѣ подтвержденіе въ явленіяхъ дѣйствительной жизни: коль скоро аренда чужой земли возвышаетъ хозяйственную самостоятельность крестьянина, то въ группахъ домохозяевъ съ тѣмъ же размѣромъ землевладѣнія арендующіе чужіе угодья должны въ этомъ отношеніи занимать высшую ступень сравнительно съ неарендующими. Для провѣрки заключенія мы можемъ воспользоваться единственно данными подворной переписи Козелецкаго уѣзда, такъ какъ только здѣсь собранныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дворахъ сгруппированы по важнѣйшимъ экономическимъ факторамъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, относится размѣръ землевладѣнія, аренда земли и способъ ея обработки. О хозяйственной самостоятельности группы мы будемъ судить по тому, какимъ образомъ ея члены (по способу обработки своей и арендованной земли) распредѣляются между нанимающими чужой скотъ, пашущими супрягой и исключительно собственнымъ скотомъ. Чѣмъ большій процентъ выпадетъ на долю перваго способа обработки и меньшій—на послѣдній, тѣмъ не устойчивѣе хозяйственная самостоятельность группы, и наоборотъ. Для сравненія мы возьмемъ 4 группы съ землевладѣніемъ отъ 1 до 13 десятинъ; крестьяне, имѣющіе большіе участки, намъ не интересны, ибо одно собственное ихъ землевладѣніе способно придать имъ значительную хозяйственную устойчивость. Въ каждой группѣ мы будемъ сравнивать крестьянъ, имѣющихъ рабочій скотъ, слѣдовательно, ведущихъ хозяйство.

Земли на дворъ.			Дворы аренд. землю.	Не аренд. и не отдающіе своей.
1—3 дес.	обраб. землю	наймомъ скота .	9,6%	50,0%
	„ „	супрягой	79,4 „	42,0 „
	„ „	своимъ скотомъ .	11,0 „	8,0 „
3—5 дес.	„ „	наймомъ скота .	4,4 „	34,6 „
	„ „	супрягой	79,9 „	57,4 „
	„ „	своимъ скотомъ .	15,7 „	8,0 „
5—9 дес.	„ „	наймомъ скота .	12,0 „	18,0 „
	„ „	супрягой	51,4 „	16,6 „
	„ „	своимъ скотомъ .	36,6 „	14,4 „
9—13 дес.	„ „	наймомъ скота .	0 „	10,0 „
	„ „	супрягой	29,0 „	40,0 „
	„ „	своимъ скотомъ .	71,0 „	50,0 „

Повсюду мы замѣчаемъ одно и то же явленіе: домохозяева, арендующіе землю, рѣже прибѣгаютъ къ найму скота и чаще обрабатываютъ ее исключительно собственнымъ инвентаремъ, по сравненію съ тѣми, которые ограничиваются надѣломъ. А такъ какъ количество арендуемой первыми земли составляетъ отъ 25 до 200 и даже 300% собственныхъ участковъ крестьянъ, то и выходитъ, что хозяева, устраняющіеся отъ аренды, труднѣе справляются съ количествомъ земли въ 2—3 раза меньшимъ того, какое обрабатываютъ крестьяне, нанимающіе чужія угодья. Особенно ясно это видно на группахъ съ низшимъ землевладѣніемъ. Такъ, часть группы съ 1—3 десятинами, нанимающая землю (по 3,2 дес. на дворъ), запахиваетъ своихъ и арендованныхъ угодій слишкомъ вдвое больше, чѣмъ другая часть группы, устраняющаяся отъ аренды; и не смотря на это, лишь 9,6% ея членовъ вынуждены прибѣгать къ найму скота, а 90% слишкомъ обрабатываютъ землю совершенно самостоятельно или супрягой; изъ той же части группы, которая не прибѣгаетъ къ арендѣ, половина домохозяевъ не можетъ справиться со вдвое-втрое меньшей запашкой. Читатель видитъ, насколько хозяйственная самостоятельность послѣднихъ ниже первыхъ, и какую силу придаетъ крестьянину возможность, въ дополненіе къ собственной запашкѣ, присоединить арендованную. Немудрено, что онъ готовъ для этого на всякія жертвы.

Читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что если даже черниговскій землевладѣлецъ и готовъ на всякія жертвы, лишь бы арендовать землю, но все имѣетъ свой предѣлъ, и въ данномъ случаѣ онъ чуть-ли уже не перейденъ. Ибо, если арендуемая пашня даетъ крестьянину одинъ только убытокъ, то, значитъ, она не выполняетъ назначенія взять на себя часть издержекъ по содержанію инвентаря, и въ такомъ случаѣ аренда теряетъ свой raison d'être. На это мы отвѣтимъ, что если бы крестьянинъ всѣ

расходы по обработкѣ уплачивалъ наличными деньгами, то, дѣйствительно, продолжать такое хозяйство у него не было бы возможности; но такъ какъ съ землею онъ управляется собственными силами, то описанное положеніе дѣлъ приводитъ лишь къ тому, что за трудъ, приложенный къ своему хозяйству, онъ получаетъ меньше его рыночной стоимости; а принимая во вниманіе, что на себя онъ работаетъ съ большей энергіей, можно допустить, что денежной потери онъ вовсе не несетъ. Однако, все же остается вѣрнымъ положеніе, что значительная часть черниговскихъ крестьянъ имѣютъ отъ арендуемой земли не больше, чѣмъ они получили бы, работая по найму; слѣдовательно, расходы по содержанію инвентаря, нужнаго для собственнаго хозяйства, падаютъ въ сущности не на арендованную землю, а на личный заработокъ, и потому, казалось-бы, крестьянинъ можетъ обойтись безъ аренды, нанимаясь на постороннія работы.

Приведенное разсужденіе имѣло бы нѣкоторый смыслъ въ томъ случаѣ, если-бы крестьянинъ самъ выбиралъ время для наемнаго труда и могъ бы поэтому отдаваться ему безъ ущерба для собственнаго хозяйства. Но такъ какъ въ дѣйствительной жизни временемъ труда распоряжается наниматель, то нѣтъ ничего удивительнаго, если интересы его и работника-хозяина не всегда совпадаютъ и удовлетворить одной сторонѣ можно только въ ущербъ другой. Поэтому лѣтній наемный заработокъ, если онъ даже нѣсколько превышаетъ доходъ отъ аренды, для земледѣльца все таки менѣе привлекателенъ, чѣмъ послѣдняя. Работа на арендованномъ полѣ есть продолженіе его труда на собственномъ участкѣ; то и другое вмѣстѣ составляютъ одинъ хозяйственный оборотъ. Работа же на сторонѣ есть нѣчто совершенно иное, обыкновенно идущее въ разрѣзъ съ интересами хозяйства.

Наконецъ, весьма вѣроятно, что во всемъ этомъ явленіи не послѣднюю роль играютъ и нравственные мотивы: можетъ быть, крестьянинъ готовъ на матеріальныя потери, лишь бы сохранить нравственныя выгоды, связанныя съ положеніемъ самостоятельнаго хозяина. «Быть хозяиномъ», а не «работникомъ» или «челядникомъ»—это идеалъ каждаго сельскаго жителя Нѣжинскаго уѣзда. Высшая похвала относительно хозяина, произносимая не безъ нѣкоторой зависти, заключается въ томъ, что онъ имѣетъ возможность постоянно работать надъ землею. Поэтому онъ такъ жадно стремится къ арендѣ; «вотъ почему и въ панскихъ имѣніяхъ вся система хозяйства построена на скопщинѣ, т. е. раздачѣ исполу и пахатныхъ, и сѣнокосныхъ угодій». Это наблюдается не только въ Черниговской губ. «Какія-бы суммы ни предлагалъ помѣщикъ—прилагать

свой трудъ къ его землѣ есть для крестьянина (кромѣ меньшинства бѣдняковъ) всегда крупная жертва», говоритъ г. Шараповъ (Докладъ Моск. Общ. сел. хоз. о малоземелiи кр.). Въ «постоянные годовые работники въ Псковской губ. поступаютъ преимущественно крестьяне-односемейники, пропившiе или продавшiе по нуждѣ единственную лошадь или корову и лишившiе себя этимъ возможности поступить въ испольные или издѣльные работники» или лица съ физическими недостатками, негодные для усиленныхъ крестьянскихъ работъ; солидные члены многосемейнаго хозяина идутъ иногда въ батраки на время «чтобы что нибудь заработать и потомъ оправиться». (Веберъ, Оч. сел. хоз. въ Псковской губ.). Заставить Воронежскаго крестьянина «наниматься въ рабочiе можетъ лишь крайняя нужда» («Сел. хоз. и лѣс.» 1881,6); солидный хозяинъ-крестьянинъ въ Курской губ. идетъ въ батраки только «вслѣдствiе временнаго затрудненiя».

Мы, пожалуй, готовы согласиться и съ тѣмъ положенiемъ, что предѣлъ уступокъ, на какiя способенъ крестьянинъ въ интересахъ своего хозяйства, уже близокъ или даже перейденъ, и что дальнѣйшее повышенiе арендной платы въ губернiи не пройдетъ безнаказанно для его хозяйственной самостоятельности. Какую форму приметъ тогда земледѣльческое производство—угадать не беремся; мы можемъ только утверждать, что положенiе вещей, созданное интенсивнымъ стремленiемъ мелкаго хозяина къ поддержанiю своей самостоятельности, если и сдѣлалось уже способнымъ оказать на него противоположное вліянiе, то оно еще менѣе благопрiятно для капиталистическаго хозяйства; ибо земля оказывается до того обремененной арендной платой, что ей уже не въ моготу выносить другiя издержки, связанныя съ такой системой производства. Вѣроятно, именно этой причинѣ мы обязаны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ черноземномъ районѣ Козелецкаго уѣзда (о которомъ есть детально разработанныя свѣдѣнiя) аренда земли надъ сдачей ея преобладаетъ лишь въ группахъ крестьянъ и казаковъ, собственные участки которыхъ не превышаютъ 13 десятинъ надворъ; въ слѣдующихъ же группахъ (13—50 д. на 1 дворъ) отдача земли значительно превышаетъ ея аренду [1]) и только въ группѣ съ землевладѣнiемъ выше 50 дес. на дворъ первая нѣсколько уступаетъ послѣдней. Но и здѣсь изъ 3 домохозяевъ, арендующихъ 470 десятинъ, двое (нанимающiе 410 дес.)

---

[1]) Укажемъ кстати на ошибку въ таблицѣ, помѣщенной на 156 стр. т. V. Въ графѣ 7 для 9 группы показано количество арендованной земли 2,050 дес., между тѣмъ какъ, провѣряя эту цифру на основанiи данныхъ с. 152—153 оказывается, что вмѣсто нея должно быть 250. Сообразно этому, преувеличенъ и общiй итогъ земли, арендуемой всѣми группами.

показаны обрабатывающими землю своимъ скотомъ и сдающими ее (причемъ одинъ изъ нихъ, имѣющій собственной земли 72 дес. и арендованной 268 дес., сдаетъ ее, вѣроятно, почти всю, такъ какъ самъ держитъ только 1 штуку рабочаго скота). Это значитъ, что часть угодій, находящихся въ ихъ распоряженіи, они эксплуатируютъ не путемъ ея обработки, а сдачею мелкимъ съемщикммъ; т. е. эти два двора, вѣроятно, принадлежатъ къ тѣмъ посредникамъ, о которыхъ мы говорили выше и которые нанимаютъ помѣщичьи земли съ тѣмъ, чтобы переотдавать ихъ мелкимъ хозяевамъ. Борзенскій статистикъ тоже утверждаетъ, что «богатые казаки чаще всего предпочитаютъ сдавать землю изъ доли урожая и употреблять свободное время на различныя торговыя операціи» (с. 94). Въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, «многіе земельные казаки по одиночкѣ или товариществами занимаются арендой помѣщичьихъ имѣній, частью для обработки земли за свой счетъ семейными и наемными рабочими, частью для раздачи ея по мелочамъ малоземельнымъ съемщикамъ». Даже крупные владѣльцы, хозяйничающіе на собственной землѣ, устраняются отъ производства, благодаря высокимъ арендным цѣнамъ; такъ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ, «чѣмъ большая доля урожая отходитъ владѣльцу при скопщинѣ, тѣмъ менѣе относительное пространство экономической запашки». Впрочемъ, полукапиталистическое крестьянское хозяйство не вовсе отсутствуетъ въ губерніи; но такъ какъ по условіямъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, оно не можетъ дать большихъ выгодъ, если будетъ вестись на обыкновенномъ комерческомъ основаніи (наймомъ рабочихъ по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ), то здѣсь оно принимаетъ кулацкую форму, строится на кабалѣ, на принужденіи рабочаго тѣмъ или другимъ способомъ отдавать свой трудъ даромъ или за ничтожное вознагражденіе. Теперь было бы всего удобнѣе перейти къ обозрѣнію формъ наемнаго земледѣльческаго труда въ малороссійскихъ губерніяхъ; но чтобы не возвращаться больше къ арендным цѣнамъ, скажемъ нѣсколько словъ о практическихъ выводахъ, какіе строятъ черниговскіе статистики на собранномъ ими матеріалѣ для оцѣнки доходности земли съ цѣлью ея обложенія.

Опредѣлить чистый доходъ отъ земли можно двумя способами: вычисляя его на основаніи средней урожайности разныхъ угодій и стоимости обработки полей, или обращаясь прямо къ арендной платѣ и считая таковую именно за чистый доходъ, даваемый земледѣліемъ. Черниговскіе статистики предпочитаютъ второй способъ, по той причинѣ, что чистый доходъ здѣсь дается непосредственно, тогда какъ въ первомъ случаѣ его нужно опредѣлить вычисленіемъ, основываясь на данныхъ, не вполнѣ от-

вѣчающихъ дѣйствительности, въ силу крайняго разнообразія явленій, приблизительнымъ выраженіемъ которыхъ они служатъ. Черниговское же уѣздное земское собраніе въ сессію 1879 г. приняло, напротивъ того, этотъ неодобряемый статистиками способъ вычисленія. Но какое бы мнѣніе ни восторжествовало, во всякомъ случаѣ избранный методъ опредѣленія чистаго дохода земли не можетъ быть одинаково прилагаемымъ къ владѣльческимъ и крестьянскимъ землямъ. Ибо, какъ мы это видѣли выше, при существующихъ арендныхъ цѣнахъ крестьянская земля несетъ на себѣ двоякаго рода расходы: во-первыхъ, стоимость обработки ея самой, во-вторыхъ, часть расходовъ за арендуемую землю. Но мы видѣли также, что послѣдняя необходима для крестьянскаго хозяйства; слѣдовательно, расходы, связанные съ ея арендованіемъ, должны быть причислены къ тратамъ на собственное хозяйство крестьянина, почему чистый доходъ съ десятины его участка, при остальныхъ сходныхъ условіяхъ, долженъ быть признанъ меньше того, какой имѣетъ крупный владѣлецъ. Впрочемъ, Борзенское земское собраніе поступило еще осмотрительнѣе: въ сессію 1878 г. оно постановило обложить владѣнія выше 20 десятинъ вдвое большимъ процентомъ, чѣмъ маленькіе участки, и, при оцѣнкѣ доходности земель, въ число издержекъ производства вносить выкупные платежи. Однако, не смотря на то, что большинство собранія, высказавшееся за этотъ предметъ, принадлежало именно къ группѣ владѣльцевъ, имѣющихъ выше 20 десятинъ, губернаторъ опротестовалъ постановленіе собранія, и съ его протестомъ согласился сенатъ.

Выше мы видѣли, что скопщина, кромѣ хорошаго дохода землевладѣльцу, даетъ ему еще и руки для обработки той части полей, которую онъ оставляетъ въ своемъ распоряженіи, вѣроятно, для поддержанія престижа капитализма. А гдѣ басаринокъ для этого не хватаетъ, тамъ онъ прибѣгаетъ къ прямому найму; къ нему же обращаются и крестьяне, когда собственныхъ силъ недостаточно для обработки полей. Главнѣйшія земледѣльческія операціи, это—пашня съ посѣвомъ и уборка растеній. Такъ какъ послѣдняя требуетъ гораздо большого числа рукъ, чѣмъ первая, то къ помощи наемнаго труда при уборкѣ хлѣба должны прибѣгать и тѣ мелкіе хозяева, которые запахиваютъ много земли, хотя бы и силами только своей семьи. Напротивъ того, бѣднѣйшіе крестьяне, не бросающіе однако хлѣбопашества, могутъ сами убрать хлѣбъ на 2—3 десятинахъ своего посѣва, но, будучи лишены рабочаго скота, вынуждены прибѣгать къ найму въ другихъ земледѣльческихъ операціяхъ. Такимъ образомъ, въ Черниговской губерніи наемъ на обработку полей практикуется главнымъ образомъ бѣдными крестья-

нами, а на уборку ихъ—средними и зажиточными. Благодаря супрягѣ вспахать поле безъ помощи найма можетъ и очень бѣдный земледѣлецъ, почему этотъ родъ заработка распространенъ гораздо меньше, чѣмъ наемъ для уборки хлѣбовъ. Господствующая форма найма въ этомъ послѣднемъ случаѣ—такъ-называемый «зажонъ», т. е. уборка изъ части. Зажонщикъ жнетъ хлѣбъ, ставитъ его въ копы и за трудъ получаетъ пятую, шестую часть и т. п. О степени распространенія зажона можно судить по тому, что въ Зеньковскомъ уѣздѣ, изъ 21,000 домохозяйствъ, занимаются имъ 3,585 или 17%. Прежде этотъ способъ натуральнаго вознагражденія господствовалъ въ Черниговской губерніи, теперь онъ начинаетъ пошатываться, а въ Новозыбковскомъ и Козелецкомъ уѣздахъ уступилъ первенство денежному найму. Причины этой замѣны одной формы найма другою кроются, вѣроятно, въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ послѣднихъ годовъ, вслѣдствіе чего хозяину выгоднѣе дать жнецу денежную плату, почти не измѣняющуюся изъ года въ годъ, чѣмъ уплачивать дорогимъ хлѣбомъ, не смотря даже на то, что доля жнеца все уменьшается. Иниціаторами же въ этой замѣнѣ натуральнаго вознагражденія денежнымъ являются крупные землевладѣльцы. Но зажонъ сокращается и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти всецѣло господствуетъ натуральная плата. Если это не случайное явленіе, вызванное, напримѣръ, неурожаями, а постоянно существующій фактъ, то причинами его могутъ быть слѣдующія обстоятельства: или часть крестьянъ, прежде жавшихъ за снопъ, теперь работаютъ самостоятельно, или многоземельные домохозяева съ размноженіемъ населенія превратились въ среднеземельныхъ. И дѣйствительно, сами крестьяне, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ объясняютъ замѣченную перемѣну: «не стало многоземельныхъ хозяевъ, какъ землю подѣлили на души, да и неурожаи все» (т. VI, с. 33). Главный контингентъ зажонщиковъ доставляется мѣстными безземельными и малоземельными крестьянами; но значительная ихъ часть приходитъ со стороны, даже изъ чужихъ губерній, точно также какъ и здѣшніе въ свою очередь отправляются, напримѣръ, въ Полтавщину. Договариваются на работу зажонщики заранѣе, особенно въ послѣднее время, когда запросъ на трудъ сокращается, сравнительно съ его предложеніемъ. Поэтому, не смотря на то, что работа начинается въ іюлѣ, сторонніе являются наниматься въ маѣ, а мѣстные уговариваются еще раньше: на Пасху, Великимъ постомъ или даже о Рождествѣ. Нерѣдко, работники изъ года въ годъ нанимаются къ тѣмъ же хозяевамъ. Въ Конотопскомъ уѣздѣ, при этомъ замѣчено интересное явленіе: крестьяне стараются брать мѣстныхъ зажонщиковъ, говоря, что сторонніхъ нужно еще

учить жать; поэтому послѣдніе работаютъ главнымъ образомъ въ экономіяхъ. Вѣроятно, въ свою очередь, и мѣстные крестьяне охотнѣе нанимаются къ своему брату, иначе они шли бы къ помѣщикамъ. Что влечетъ зажонщиковъ къ «хозяевамъ» и отвращаетъ отъ экономій—сказать навѣрное мы не беремся; можетъ быть, здѣсь вліяетъ то обстоятельство, что у крестьянина зажонщикъ получаетъ харчи, а у помѣщика нѣтъ; что здѣсь онъ можетъ разсчитывать на помощь хозяина при обработкѣ своего поля или въ другомъ затруднительномъ случаѣ. Не нужно забывать и нравственныхъ мотивовъ, заключающихся въ томъ, что у крестьянина зажонщикъ находится на положеніи семьянина, равнаго между равными. По райней мѣрѣ, этой причинѣ, вѣроятно, обязано своимъ существованіемъ то же явленіе предпочтенія работникомъ мужика барину, напримѣръ, въ Московской губерніи. «Нѣшто хорошій работникъ пойдетъ къ барину? разсуждаетъ солидный московскій крестьянинъ.—У меня то ему свободнѣе: онъ за однимъ столомъ сидитъ, чай пьетъ, хоть и меньше получаетъ; а тамъ то онъ, словно песъ на цѣпи» (Сб. стат. свѣд. по Моск. губ. т. V, вып. I). Наконецъ, нѣкоторую роль здѣсь, вѣроятно, играетъ и экономическая зависимость, въ какой находится малоземельный крестьянинъ отъ богатаго своего односельца: ему часто приходится занимать весною хлѣбъ (главнымъ образомъ у крестьянина же), причемъ онъ «обязывается въ жнивное время, помимо отдачи занятаго, отработать за каждый пудъ одинъ день или нажать копу» (Новозыб. у. с. 35). Гораздо яснѣе для насъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ хозяинъ предпочитаетъ мѣстнаго работника пришлому и которыя онъ скрываетъ отъ любопытнаго наблюдателя ссылкой на то, что будто бы послѣдній не умѣетъ жать. Чтобы понять эти таинственныя причины, нужно подробнѣе ознакомиться съ способами и размѣрами вознагражденія труда зажонщиковъ.

Мы сказали, что въ губерніи преобладаетъ натуральная плата, въ видѣ части продукта (снопъ, копа), которую и получаетъ зажонщикъ. Эта часть въ разныхъ дачахъ не одинакова, но, въ среднемъ, по уѣздамъ она колеблется между $^1/_5$ и $^1/_7$, т. е. оставляетъ отъ 15 до 20% ужона. Затѣмъ, она очень замѣтно понижается почти изъ года въ годъ. Но подобно тому, какъ при скопщинѣ, и здѣсь существуютъ доплаты трудомъ со стороны зажонщиковъ; эти-то доплаты, вмѣстѣ съ тѣми, которыя выговариваютъ богатые крестьяне, отдавая въ скопщину свою собственную или арендованную землю—и служатъ орудіемъ, при помощи котораго они выжимаютъ изъ малоземельнаго огромную массу дарового друда. Такимъ образомъ они получаютъ возможность на свой страхъ эксплуатировать

землю, которую—нанимай они рабочихъ на обыкновенномъ комерческомъ основаніи—имъ было бы выгоднѣе отдавать мелкимъ съемщикамъ.

Дѣло въ томъ. что въ крупныхъ экономіяхъ доплаты зажонщиковъ принимаютъ опредѣленную форму столькихъ-то дней труда или исполненія такой-то работы. У богатыхъ же крестьянъ уговоръ о доплатахъ формулируется въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ («по сусѣдски послухать», «якъ хозяинъ покличе»), которыя даютъ полную возможность безсовѣстному, но вліятельному хозяину превратить зажонщика почти что въ работника. Правда, доля урожая, даваемая зажонщику крестьяниномъ, обыкновенно выше той, какую бы онъ получилъ у помѣщика, но ужь за это онъ съ него и выжметъ! «Одно слово, робишь отъ снігу до снігу», говоритъ такой запутавшійся въ хозяйскихъ тенетахъ; «басаринокъ хуже панщины». «Зажонщикъ, вступающій въ семью, поступаетъ съ женой въ полное распоряженіе хозяина, съ ранней весны до окончанія зимняго посѣва. Работаетъ онъ не каждый день, а когда «хозяинъ загадае», но все-таки почти все время отдаетъ хозяину; только когда зажонщикъ не нуженъ хозяину, онъ успѣетъ «отскочить и поробить, що треба дома». Съ весны онъ начинаетъ городить, поправлять орудія, потомъ орать, ралить, сѣять, косить, причемъ жена его гребетъ... Получивши свою долю, зажонщикъ свозитъ сначала хозяйскій, а потомъ и свой хлѣбъ на хозяйскихъ подводахъ и съ хозяйскими харчами и дегтемъ Послѣ этого онъ долженъ еще намолотить хозяину жита на посѣвъ и помочь ему отсѣяться и тогда кончаются его отношенія къ хозяину. Когда обязательныя работы зажонщика кончились и обѣ стороны остались довольны, ставится обоюдный могарычъ, благодарятъ другъ друга и хозяинъ проситъ прійти еще на другой день помолотить конопель. Зажонщикъ приходитъ, а хозяинъ говоритъ: «Хай ще конопли постоять, а помолотимъ, лишень, просо» (ленъ и т. п.); на другой день тоже самое. Это—хитрость, всѣмъ извѣстная и повторяющаяся изъ года въ годъ, но, благодаря ей, зажонщикъ проработаетъ иногда еще съ недѣлю. Тогда хозяинъ даетъ ему снопъ конопель молотитъ съ нимъ свои и зажонщикъ, наконецъ, окончательно уходитъ, иногда тутъ же договариваясь «у молочу». Если найдется такой несговорчивый работникъ, что выразитъ сомнѣніе въ пропорціональности басаринка услугѣ, какою онъ самъ пользуется отъ хозяина, то послѣдній его утѣшаетъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «Усе одно, тобі нічого робить на своему хозяйстві!» Или: «не лінуйся, брате, а йди косить якъ слідъ! Теперь вже неможно, прокосівши дві ручки, про горілку думати. Бачъ, и я роблю, не отдыхаючи. А ви всі думаете, що гуляючи, спан-

нямъ, та лежаннямъ хлібъ заробляти можно! Лежні въ гору не йдуть: що треба, то вже треба». Подобными пріемами богатый мужикъ достигаетъ того, что и ему удается «паномъ зробитися».

Въ Полтавской губерніи, гдѣ малоземелье развито болѣе, нежели въ Черниговской, гдѣ и помѣщичьи хозяйства поставлены лучше, вслѣдствіе чего дополнять недостатокъ собственныхъ угодій арендою чужихъ крестьянину труднѣе,—тамъ зависимость бѣднаго крестьянина отъ богатаго кажется тяжелѣе, и зажонщикъ еще больше прилѣпляется къ чужому хозяйству. «Раннею весною, какъ только станетъ сходить снѣгъ съ поля, къ «панъ-отцю», т. е. къ богатому домохозяину, начинаютъ являться бѣдняки съ предложеніемъ помѣститься на жниво. Начинается торгъ и послѣ долгихъ бесѣдъ, во время которыхъ «богатырь» сидитъ обыкновенно на крыльцѣ своего дома, а будущіе жнецы стоятъ поодаль, опершись на высокія палки, «панъ-отецъ», наконецъ, соглашается принять жнецовъ, напр. за 5-й снопъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они для своей же пользы помогали ему подготовить жниво. Такъ какъ малороссы вообще большіе охотники до краснаго словца, то тутъ естественно изъ устъ «панъ-отця» является слѣдующій монологъ: «Ну-те, хлопци, коли вже вы впросились до мене въ жніва, той робить соби, якъ знаете, щобъ тоді на мене не жалкували, що вдався такій, та сякій хлібъ. Ось вамъ комора, тамъ закромы новыи, беріть зерно, точить, щобъ було чисте; ось вамъ мішки безъ дірокъ, сійте, не буде сквозь дірки сипатись; ось вамъ кони, волочить, щобъ не сказали, що ка зна якъ заволочено, та погано по груді жаты». Такимъ образомъ начинается долгая, почти на все лѣто, эксплуатація жнеца. Онъ долженъ помогать хозяину чистить зерно для посѣва или, вѣрнѣе, самъ чистить только подъ хозяйскимъ надзоромъ, сѣять вмѣстѣ съ хозяиномъ, волочить, потомъ косить траву, такъ какъ она же идетъ для корма воловъ или лошадей, заморенныхъ, дескать, жнецами во время весеннихъ полевыхъ работъ. По словамъ жнецовъ, рѣдкій изъ хозяевъ откидаетъ имъ четвертую или пятую копицу за уборку сѣнокоса; большею-же частью это дѣлается безплатно, въ видѣ услуги со стороны благодѣтельствуемыхъ жнецовъ. Такимъ же образомъ производится и возка хлѣба съ поля на токъ. Жавшій за снопъ у хозяина старается не упустить случая помѣститься у него же и на молотьбу съ 8-й или 9-й коробки на хозяйскихъ харчахъ. Тутъ опять рядъ услугъ со стороны жнеца. Онъ долженъ все подготовить хозяину для возки хлѣба: исправить возы, ярма, пасти воловъ по ночамъ, возить и складывать хлѣбъ въ клуню или въ стоги, пока-то дойдетъ очередь до самой молотьбы. Въ концѣ концовъ, всѣ

почти полевыя работы исполняются исключительно жнецами, и самый богатый хозяинъ старается не держать ни одного взрослаго наемнаго рабочаго.

И всего интереснѣе то, что подобная отдача рабочей силы одного въ полное распоряженіе другаго почти изъ-за однихъ харчей происходитъ, повидимому, безъ явнаго или замаскированнаго насилія со стороны «богатыря»-хозяина. По крайней мѣрѣ, мы только по одному уѣзду Черниговской губ. встрѣтили указаніе, что бѣдные весной берутъ у богатыхъ хлѣбъ, съ тѣмъ, чтобы за процентъ исполнить извѣстную работу. Съ другой стороны мы видимъ, что зажонщики не заставляютъ себя долго просить, а сами ищутъ, кому бы подарить свой трудъ. Очевидно, что на полѣ труда, вообще, мѣста крайне мало; въ противномъ случаѣ они бы не позволили такъ грубо эксплуатировать себя «хозяевамъ». Скажутъ, что зажонщикъ можетъ за высшую плату продать свой трудъ помѣщику: но тамъ, во 1-хъ, мало работы; во 2-хъ, не даютъ харчей. Единица его труда въ экономіи оплатится дѣйствительно лучше, но вся масса цѣнностей, которыя онъ оттуда вынесетъ, будетъ меньше. Правда, у него зато останется свободное время; но къ чему оно, если его нельзя утилизировать! Подобное положеніе—не исключительное въ своемъ родѣ; оно есть отголосокъ общаго хода дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ предложеніе труда съ теченіемъ времени все больше обгоняетъ спросъ, и гдѣ поэтому образуется значительная масса лицъ, не знающихъ, что съ собой дѣлать, куда приткнуться. Такъ, напримѣръ, чѣмъ мыкаться по «хозяевамъ», безземельному крестьянину было-бы всего проще избрать какое-нибудь ремесло, спеціализироваться въ немъ и жить припѣваючи. Но чтобы ремесленныхъ занятій хватило на всѣхъ жаждущихъ, рынокъ долженъ представлять извѣстный запросъ на разнообразные продукты и увеличивать его по мѣрѣ привлеченія къ ремесламъ новыхъ лицъ, вытѣсненныхъ изъ земледѣльческой области. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если покупательная сила населенія будетъ непрерывно расти. Въ дѣйствительности же мы этого не видимъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что безземельные не могутъ пристроиться ни къ какому занятію, которое позволило бы имъ жить по человѣчески. Вмѣсто того чтобы, подобно другимъ труженикамъ, имѣть постоянную работу, заботиться о ея добросовѣстномъ выполненіи, откуда уже естественно вытечетъ удовлетвореніе его потребностей,—безземельный или малоземельный крестьянинъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ измѣряетъ степень разнообразія и настоятельности своихъ нуждъ, и затѣмъ уже придумываетъ, какимъ бы способомъ удовлетворить всѣ ихъ или только

главнѣйшія. Первая его потребность—ѣсть! И вотъ онъ «старается прежде всего, такъ сказать, заложить фундаментъ для своего годичнаго пропитанія, т. е. заработать потребное количество зерна со снопа или съ коробки. Когда такой запасъ сдѣланъ, тогда всякій начинаетъ думать «о придбаніи одежды» и т. п., для чего бѣдняки принимаются или за поденщину, или за ремесло, или за какой либо кустарный промыселъ (Зеньковскій у.). Естественно, что бѣднякъ при этомъ не столько гонится за производительнымъ употребленіемъ своего труда, сколько старается исчерпать источникъ, который онъ заполучилъ сегодня, не обращая вниманія на то, въ какую цѣну идетъ его трудъ. А если при этомъ его еще кормятъ, то чего-же лучше! По крайней мѣрѣ, больше хлѣба останется на зиму. «Усе одно, тобі нічого робить на своему хозяйстві»,—основательно указываетъ хозяинъ артачащемуся работнику. Онъ могъ-бы еще прибавить, что и въ другомъ хозяйствѣ, кромѣ моего, ты не нуженъ, и никакое иное дѣло тебя не ждетъ. Вотъ почему, не смотря на очевидную эксплуатацію однихъ другими—оба остаются довольны взаимными отношеніями, благодарятъ другъ друга и на слѣдующій годъ одинъ опять просится въ ярмо другого.

ИЗЪ ПРАКТИКИ НАРОДНАГО КРЕДИТА [1]).

Извѣстно, что русское земледѣліе находится на очень низкой ступени развитія и что это обстоятельство многими считается главнѣйшей причиной переживаемаго нами кризиса. Сообразно такому пониманію сущности болѣзни, и лѣчебныя средства, предлагаемыя нѣкоторыми публицистами, сводятся главнымъ образомъ къ возвышенію сельско-хозяйственной культуры. Не смотря, однако, на всю важность, съ упомянутой точки зрѣнія, вопроса о сельско-хозяйственномъ прогрессѣ, постановка его у насъ не отличается особенной глубиной и серьезностью. Обыкновенно здѣсь ограничиваются тѣмъ, что констатируютъ низкій уровень русскаго земледѣлія, указываютъ ему въ видѣ образца западно-европейское хозяйство и проэктируютъ рядъ отдѣльныхъ мѣропріятій, способныхъ подвигнуть хозяевъ къ желательному улучшенію или дать имъ нѣкоторую помощь, когда такое желаніе уже проявилось. Словомъ, вопросъ, въ сущности соціально-экономическій, трактуется, однако, либо съ агрикультурной, либо съ инди-

[1]) „Наблюдатель“, 1884 г.

видуально-экономической точки зрѣнія; немудрено если практическое его разрѣшеніе очень мало подвигается впередъ.

По нашему мнѣнію, возвышеніе интенсивности русскаго земледѣлія есть прежде всего вопросъобщественно-экономическій, почему и подступать къ нему слѣдуетъ не съ той стороны, съ какой у насъ обыкновенно это дѣлаютъ. Пусть хозяева и агрономическія общества разработываютъ техническія подробности земледѣльческой реформы; но общественная наука и литература не могутъ довольствоваться указаніемъ на необходимость перемѣны; онѣ должны выяснять экономическую обстановку грядущаго преобразованія, ибо ею въ концѣ концовъ опредѣляются какъ размѣры возможныхъ агрикультурныхъ измѣненій, такъ и необходимость предварительнаго совершенія тѣхъ или другихъ экономическихъ преобразованій, безъ которыхъ невозможны и успѣхи спеціально сельско-хозяйственные. Относясь къ вопросу съ этой точки зрѣнія, мы должны отдѣльно изучать крупное и мелкое хозяйства, различающіяся какъ по задачамъ, преслѣдуемымъ производствомъ, такъ и по ихъ отношенію къ другимъ экономическимъ факторамъ общаго и мѣстнаго характера. Въ силу этого различія, та и другая форма производства не одинаково подготовлены и къ грядущему агрикультурному преобразованію. Одна изъ нихъ можетъ быть наиболѣе удобна для быстраго прогресса, другая—таить въ себѣ задатки безсилія. Общепринятое мнѣніе на этотъ счетъ таково, что крупное производство и есть именно та форма послѣдняго, которая выведетъ русское хозяйство на путь прогрессивнаго развитія. И дѣйствительно, два главные рычага всякаго успѣха,– знаніе и деньги,—къ услугамъ не мелкаго, а именно крупнаго хозяйства, и еслибы дѣло зависѣло только отъ этого, то судьба интенсивнаго капиталистическаго земледѣлія была бы обезпечена. Но въ томъ то и бѣда, что по своей сущности дѣло зависитъ отъ весьма многихъ соціально-экономическихъ вліяній, и сколько-бы мы ни старались различными мѣропріятіями поддерживать ту или иную форму производства, она очень мало оправдаетъ наши надежды, если противъ нея идутъ общіе экономическіе законы. Чуть-ли не въ такомъ именно положеніи, относительно важнѣйшихъ экономическихъ законовъ и вліяній, находится крупное русское земледѣліе. Для его возвышенія на слѣдующую ступень интенсивности требуются большія затраты капитала; а процентъ у насъ такъ высокъ, что не смотря на большое предложеніе капитала, онъ остается мало доступнымъ для крупныхъ хозяевъ. Параллельно съ развитіемъ сельско-хозяйственной культуры должно-бы идти возвышеніе цѣнъ на продукты земледѣлія, или, по крайней мѣрѣ, среди сельскихъ хозяевъ должа бы су-

ществовать увѣренность, что настоящія цѣны продуктовъ сохранятся безъ пониженія въ теченіе довольно продолжительнаго времени. А въ дѣйствительности мы видимъ противоположное явленіе: цѣна, напримѣръ, зерна въ Англіи (главнѣйшемъ пунктѣ международнаго рынка) безпрерывно понижалась въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, а благодаря продолжающемуся привлеченію къ торговлѣ странъ съ неистощенными почвами, это пониженіе, вѣроятно, не остановится въ ближайшемъ будущемъ. Кромѣ этихъ обще-экономическихъ вліяній, крупному хозяйству не благопріятствуютъ и главнѣйшія мѣстныя условія производства. Стремленіе крестьянъ къ хозяйственной самостоятельности, вмѣстѣ съ недостаткомъ у нихъ земли, создало огромный спросъ на владѣльческія угодья, результатомъ чего явились такія высокія арендныя цѣны, что земля сдѣлалась почти недоступною капиталисту-фермеру. Отсутствіе безземельнаго класса, при господствующемъ стремленіи крестьянина къ самостоятельному хозяйству, создаетъ крупному земледѣлію новое препятствіе, заключающееся въ недостаткѣ рабочихъ, способныхъ служить дѣлу организаціи капиталистической культуры. Словомъ, крупное хозяйство находится у насъ въ такомъ положеніи, что связать судьбу русскаго земледѣлія съ его судьбою—чуть-ли не значитъ окончательно погубить дѣло сельско-хозяйственнаго прогресса. Остается другая форма производства, которая, быть можетъ, находится въ большей гармоніи съ общими экономическими законами и потому скорѣе можетъ взять на себя задачу возвышенія сельско-хозяйственной культуры.

И дѣйствительно, тѣ обстоятельства, которыя столь разрушительно дѣйствуютъ на крупное производство, или вовсе не оказываютъ вреднаго вліянія на мелкое, или если и производятъ надъ нимъ нѣкоторое насиліе, то уже на иномъ основаніи. Можно, кажется, безошибочно утверждать, что общія экономическія условія, созданныя текущимъ историческимъ моментомъ въ широкомъ смыслѣ слова, почти вовсе не противорѣчатъ интересамъ мелкаго хозяйства; и главнѣйшія затрудненія послѣдняго вытекаютъ изъ той конкретной обстановки, въ какую поставлено мужицкое хозяйство не безстрастной исторіей, основывающейся только на соціологическихъ законахъ, а весьма страстными, и подчасъ пристрастными дѣйствіями общественныхъ, сословныхъ и др. силъ, очень часто находящихся въ противорѣчіи съ соціальными законами, вмѣсто того чтобы слѣдовать ихъ указаніямъ. Такъ, напримѣръ, тотъ или другой процентъ на капиталъ и условія международной торговли всего меньше зависятъ отъ домашнихъ, такъ сказать, обстоятельствъ, а опредѣляются общими соціально-экономическими законами; и мы знаемъ, что оба эти фактора наиболѣе разру-

шительно дѣйствуютъ на наши помѣщичьи хозяйства. Отношеніе же ихъ къ мелкому земледѣлію совершенно иное. Начать съ того, что капиталъ или, вѣрнѣе, деньги въ мелкомъ производствѣ играютъ не такую выдающуюся роль, какъ въ крупномъ: здѣсь почти нѣтъ тратъ на заработную плату, на ремонтъ орудій, производимый обыкновенно самимъ хозяиномъ; въ значительномъ числѣ случаевъ земледѣлецъ не несетъ расходовъ и на наемъ земли, работая на собственномъ участкѣ; поэтому высокій процентъ на капиталъ мелкому производителю вынести легче, чѣмъ крупному. Главное-же,—то «чрезмѣрное» вознагражденіе, требуемое капиталомъ, та высота роста, какая создана естественными соціальными отношеніями настоящаго момента жизни человѣчества, какъ они отразились въ Россіи, тѣ 8—10%, которые окончательно обезсиливаютъ нашихъ помѣщиковъ,—*по своей легкости* составляютъ нѣчто, для русскаго мужика недостижимое: онъ счастливъ, если заплатитъ за пользованіе капиталомъ вдвое и втрое дороже того, что окончательно губитъ крупныхъ хозяевъ; ему нечего больше и желать съ этой стороны, какъ возстановленія нарушенныхъ естественныхъ экономическихъ отношеній, распространенія на него общихъ экономическихъ законовъ, столь разрушительно дѣйствующихъ на крупное хозяйство. Пониженіе цѣны зерна на международномъ рынкѣ и начавшаяся борьба стараго и новаго свѣта въ области мясной торговли—обстоятельства, покрывающія зловѣщимъ мракомъ будущее крупнаго земледѣлія въ Россіи,—тоже не очень страшны мелкому хозяйству. Тутъ можно опять повторить: устраните «средостѣніе» между внѣшнимъ рынкомъ и русскимъ крестьяниномъ продавцомъ зерна, добейтесь того, чтобы рыночныя цѣны были доступны мужику, вынужденному теперь отдавать свой продуктъ указанному «средостѣнію» по кабальнымъ цѣнамъ—и вы увидите, что мелкій земледѣльческій промыселъ не склонить, подобно капиталистическому, покорно свою голову передъ американскимъ сельскимъ хозяйствомъ, а воспрянетъ духомъ. Но и помимо сказаннаго, пусть иностранные рынки со временемъ вовсе закроются для нашего производства,—мелкому хозяину это не страшно: онъ станетъ производить для внутренняго спроса, который будетъ расти вмѣстѣ съ упроченіемъ крестьянскаго хозяйства и вытекающимъ отсюда возвышеніемъ народнаго благосостоянія; масса самихъ производителей, теперь не доѣдающихъ, даже не «допивающихъ», не смотря на свою славу пьяницъ—вотъ кто будетъ потреблять продукты развивающагося мелкаго земледѣлія.

Другіе два экономическіе фактора, о которыхъ, мы упоминали выше—рента и трудъ—носятъ въ себѣ гораздо больше специфическихъ чертъ,

созданныхъ современной русской искусственной дѣйствительностью, руководимой узкими сословными интересами и не болѣе того широкими предвзятыми теоріями. Высокая арендная плата и низкое качество наемнаго труда явились, прежде всего, результатомъ стремленія крестьянъ сохранить свою хозяйственную самостоятельность. Поскольку въ нихъ слышенъ указанный мотивъ—мы должны ихъ признать явленіемъ естественнымъ, сообразнымъ съ общими историческими законами,—неблагопріятствующими водворенію въ молодыхъ странахъ капиталистическаго производства,—и полезнымъ для мелкой культуры. Но высота ренты въ Россіи лишь частью обусловливается борьбой мелкой и крупной формы производства; другая причина этого явленія, отразившаяся также и на заработной платѣ пониженіемъ ея въ послѣднее десятилѣтіе, есть уже всецѣло продуктъ вліяній специфически-русскихъ. Какъ извѣстно, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ юридическимъ освобожденіемъ личности отъ чужого произвола, широко развилось экономическое стѣсненіе мелкаго производства. Взамѣнъ раньше господствующаго принципа—надѣленія крестьянства, по мѣрѣ его размноженія, землей въ размѣрахъ, достаточныхъ для занятія всѣхъ рабочихъ силъ,—начало преобладать другое стремленіе: разъ навсегда ограничить землевладѣніе народа, стѣснить его разселеніе по территоріи страны въ видахъ обезпеченія крупнаго производства рабочей силой, обратить свободныя земли на поддержаніе того же крупнаго хозяйства. Такимъ образомъ, одновременно начало развиваться малоземелье крестьянъ и искусственное скученіе населенія въ нѣкоторыхъ районахъ, поведшія съ одной стороны къ еще большему возвышенію арендной платы для жаждущихъ земли мужиковъ, съ другой—къ пониженію заработной платы.

Здѣсь мы уже разстались съ экономическими факторами общечеловѣческаго,—выразимся такъ,—характера, не оказывающими разрушительнаго вліянія на мелкое производство, и вступаемъ въ сферу условій специфическихъ, созданныхъ культурными классами, вопреки законамъ прогресса. Сообразно такому происхожденію, и отражаются они на народномъ производствѣ уже иначе: если они не въ силахъ уничтожить эту форму промысла, зато легко раззоряютъ ея представителя. Такимъ образомъ, чтобы оцѣнить тѣ условія, при которыхъ мелкой культурѣ въ Россіи приходится вести земледѣліе на высшую ступень развитія, недостаточно знать ея отношеніе къ основнымъ факторамъ экономической жизни; нужно еще хорошо изучить ту искусственную атмосферу, которою дышетъ крестьянское хозяйство, которая явилась такъ сказать извнѣ, и извнѣ-же можетъ быть уничтожена. Главнѣйшій изъ составныхъ элементовъ этой атмосферы

есть малоземелье. Не смотря на его важное значеніе мы ограничимся о немъ сказаннымъ выше, такъ какъ вопросъ этотъ достаточно выясненъ нашей литературой. По той-же причинѣ затронемъ лишь мимоходомъ и вопросъ о податной тягости; о ней скажемъ только, что платежи, лежащіе на крестьянахъ, превышаютъ доходность ихъ надѣловъ на 50—300% (см. Янсона. Опытъ статистич. изслѣд. и пр.). Малоземелье и финансовая тягость послужили основаніемъ, на которомъ выросло много другихъ печальныхъ явленій экономической народной жизни. Всѣ они въ совокупности образуютъ такую хозяйственную обстановку мелкаго промысла, при существованіи которой врядъ-ли основательно надѣяться на прогрессъ земледѣлія, не смотря на то, что общіе историко-экономическіе законы благопріятствуютъ процвѣтанію мелкой культуры. Въ самомъ дѣлѣ, сельское хозяйство движется по пути прогресса все болѣе и болѣе растущими затратами на производство, одновременно, капитала и труда; если даже главныя измѣненія промысла будутъ заключаться въ болѣе тщательной обработкѣ почвы, т. е. въ усиленіи затратъ труда, то и при этомъ необходимо имѣть свободный капиталъ для пріобрѣтенія лучшихъ орудій (плуга вмѣсто сохи, желѣзной бороны вмѣсто деревянной и пр.) и скота; а между тѣмъ измѣненія, совершающіяся въ сферѣ хозяйственнаго инвентаря крестьянина за послѣднее время, прямо противоположны указаннымъ: вмѣсто его пополненія, мы наблюдаемъ утрату (главнымъ образомъ, скота), нерѣдко доводящую хозяина до необходимости вовсе прекращать производство. Еще безнадежнѣе покажется положеніе вещей, если принять во вниманіе, что агрикультурные недостатки нашего временя заключаются не въ одной только небрежной обработкѣ почвы; задача, стоящая на очереди, это—измѣненіе сѣвооборота съ сокращеніемъ посѣва озими, введеніемъ культуры корнеплодовъ, травъ и пр. Поэтому, расходы, предстоящіе русскому крестьянину-преобразователю, вызываются далеко не однимъ измѣненіемъ инвентаря; гораздо больше затратъ потребуетъ пріобрѣтеніе сѣмянъ травъ, искусственныхъ удобреній, покупка на содержаніе семьи ржи взамѣнъ той, на счетъ посѣва которой произойдетъ измѣненіе сѣвооборота, и т. д. Словомъ, свободный капиталъ, и капиталъ немалый (прикупать рожь, напримѣръ, на продовольствіе нужно будетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ)—вотъ что составляетъ главнѣйшее условіе развитія интенсивности мелкаго хозяйства. Обращаясь-же къ карману мужика, мы увидимъ, что у него не только нѣтъ средствъ для полезныхъ преобразованій, но и текущія его нужды обыкновенно удовлетворяются въ счетъ будущихъ благъ; хозяйственнаго оборота крестьянина не всегда достаточно

для покрытія всѣхъ тратъ по удовлетворенію его личныхъ, общественныхъ и государственныхъ потребностей. Если бы съ ними онъ еще какъ нибудь и справился, то возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ болѣзненныхъ общественныхъ явленій, существованіе которыхъ основано на эксплуатаціи того же мужика. Сильно развившееся капиталистическое обращеніе товаровъ—характеристическая черта современнаго строя Россіи—призвало къ жизни цѣлую массу посредниковъ между производителями и потребителями, содержать которыхъ выпало, разумѣется, на долю крестьянина, какъ главнѣйшаго реальнаго производителя; пошатнувшееся благосостояніе народа и разрушеніе его общинной солидарности—естественные результаты усилій водворить у насъ капитализмъ — выбросили на поверхность житейскаго моря цѣлую массу лицъ, порвавшихъ съ трудомъ и производствомъ, жаждущихъ легкой наживы и нашедшихъ ее въ эксплуатаціи, тѣмъ или инымъ способомъ, все того же мужика-производителя; падающее капиталистическое земледѣліе, вынужденное работать при стѣснительныхъ условіяхъ—дорогомъ капиталѣ, высокой арендной платѣ и низкихъ цѣнахъ хлѣба—пытается удержаться, создавъ благопріятную обстановку со стороны третьяго элемента производства—труда, т. е. путемъ вынужденія мужика работать за возможно малое вознагражденіе.

Выразители и представители всѣхъ этихъ «общественныхъ» потребностей не могутъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ удовлетворить своимъ вождѣленіямъ путемъ прямого насилія; они должны легализировать послѣднее, придать эксплуататорскимъ столкновеніямъ съ крестьянствомъ видъ добровольнаго соглашенія. Этого они достигаютъ, пользуясь тѣмъ моментомъ, когда крестьянину до зарѣза нужны деньги: ссужая его ими подъ видомъ той или другой сдѣлки, они сами диктуютъ условія соглашенія, какія найдутъ для себя выгодными.

Такимъ образомъ, крестьянинъ имѣютъ массу расходовъ, для своевременнаго возмѣщенія которыхъ у него нѣтъ свободныхъ средствъ; съ другой стороны около него ютится стая хищниковъ, ожидающихъ того момента, когда ему понадобятся деньги, ибо тогда-то и наступаетъ время ихъ жатвы. По здравому смыслу и по элементарнымъ экономическимъ представленіямъ, временная потребность производителя въ деньгахъ должна удовлетворяться краткосрочнымъ кредитомъ, построеннымъ на обыкновенномъ комерческомъ основаніи; такой кредитъ даетъ капиталисту извѣстный доходъ и не можетъ разорительно дѣйствовать на получающаго ссуду, ибо господствующій въ странѣ процентъ на капиталъ обусловливается всѣмъ ея соціально-экономическимъ строемъ и потому находится въ соотвѣтст-

віи съ доходами отъ производства, существующаго естественно, безъ искусственной поддержки. Но при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится русскій мелкій производитель и которыя мы нѣсколькими штрихами очертили выше, временная настоятельная потребность въ деньгахъ,—имѣющая въ другихъ странахъ или для другихъ производителей въ Россіи естественные пути своего удовлетворенія, пути, помощью которыхъ предупреждаются разорительныя сдѣлки производителей съ цѣлью добычи денегъ, и они имѣютъ возможность продолжать свое комерческое предпріятіе и довести его до естественнаго конца—каждая такая нужда мелкаго русскаго хозяина сейчасъ отражается на самихъ основаніяхъ;его производства и на исходѣ его хозяйственнаго предпріятія, или непосредственно—путемъ разорительной продажи своего труда и его продукта,—или черезъ посредство дорогого займа, приводящаго въ концѣ концовъ къ тому же. Поэтому, въ жизни русскаго мелкаго производителя мы наблюдаемъ то интересное и печальное явленіе, что всѣ экономическія сдѣлки его съ другими лицами совершаются подъ давленіемъ крайней нужды въ деньгахъ и при отсутствіи дешевыхъ кредитныхъ учрежденій. Подъ вліяніемъ этой нужды крестьянинъ не доводитъ своего предпріятія до естественнаго конца—продажи продукта по вольной рыночной цѣнѣ; настоятельная потребность въ деньгахъ и невозможность пріобрѣсти ихъ обычнымъ кредитнымъ путемъ не дозволяетъ крестьянину выжидать цѣнъ, вступать съ продавцомъ въ свободное соглашеніе; онъ долженъ сбыть хлѣбъ сейчасъ-же за плату, какую предложитъ ближайшій скупщикъ, т. е. въ тридешево. Это обстоятельство служитъ въ свою очередь причиной, что крестьянинъ отчуждаетъ больше хлѣба, чѣмъ онъ продалъ-бы при возможности взять за него естественную цѣну, что опять ведетъ къ необходимостн покупать хлѣбъ для пропитанія или посѣва весною и, разумѣется, въ тридорога. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ замаскированнымъ займомъ: крестьянинъ осенью пріобрѣтаетъ деньги, отдавая въ залогъ хлѣбъ, который обязуется выкупить весной съ уплатой роста въ 30, 50 и 100 процентовъ. Что актъ купли продажи составляетъ здѣсь только форму, облекающую заемъ, становится очевиднымъ въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда оба момента сдѣлки (продажа хлѣба осенью и покупка весной) совершаются крестьяниномъ съ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, причемъ иногда и хлѣбъ весною онъ получаетъ свой же, лишь пролежавшій зиму въ амбарѣ кулака-скупщика.

Еще легче подмѣтить кредитную сдѣлку въ другомъ экономическомъ явленіи: въ запродажѣ крестьяниномъ своего труда. Если посторонній заработокъ является естественнымъ дополненіемъ крестьянскаго бюджета вслѣд-

ствіе недостаточности дохода, даваемого его самостоятельнымъ хозяйствомъ, то онъ имѣетъ извѣстное историко-экономическое оправданіе; но въ такомъ случаѣ нанимающійся продаетъ свой трудъ тогда, когда покупатель предъявляетъ на него требованіе, и продаетъ его по вольной рыночной цѣнѣ. Но у насъ дѣло это стоитъ въ иномъ положеніи: мотивомъ къ преждевременной запродажѣ крестьяниномъ своего труда является не выгодность сдѣлки и не всегда даже невозможность удовлетворяться доходами отъ хозяйства на своей и арендованной землѣ; непосредственной причиной ея является отсутствіе кредитныхъ учрежденій, способныхъ отвѣтить на требованіе народомъ денегъ. Это требованіе возникаетъ обыкновенно зимой, и тогда крестьянинъ идетъ занимать деньги къ сосѣднему землевладѣльцу, который даетъ ихъ съ условіемъ возвратить долгъ работой по пониженнымъ цѣнамъ. Мужику, можетъ быть, вовсе нѣтъ надобности наниматься: собственное хозяйство способно поглотить почти весь его лѣтній трудовой періодъ; но у него нѣтъ другаго выхода; это не наемъ, а заемъ. И вотъ лѣтомъ хозяинъ теряетъ драгоцѣнное время, отданное за половину его стоимости другому; кое-какъ вспашетъ, засѣетъ свое поля спѣша на чужія работы.

Обѣ указанныя нами сдѣлки, какъ видитъ читатель, лишены вовсе того условія, при которомъ онѣ могутъ быть признаны естественными: свободы соглашенія сторонъ. Эти сдѣлки, имѣя видъ свободной продажи и найма, на самомъ дѣлѣ суть вынужденные, замаскированные займы, произведенные при невыгодныхъ условіяхъ для одной стороны. По своимъ результатамъ, они подобны тѣмъ займамъ, къ которымъ прибѣгаетъ бѣдная часть населенія городовъ, отдающая поцѣннѣе вещь ростовщику и платящая несоразмѣрно высокіе проценты. Разница лишь въ томъ, что объектомъ сдѣлки крестьянина съ его кредиторомъ являются такіе важные факторы существованія, какъ хлѣбъ, трудъ, и что заемщикъ здѣсь не можетъ ни избѣжать выкупа заложеннаго предмета (покупки хлѣба весной), ни уклониться отъ уплаты по займу (трудомъ), предоставивъ кредитору воспользоваться залогомъ; роль послѣдняго играетъ здѣсь договоръ найма, засвидѣтельствованный законнымъ порядкомъ или поддерживаемый экономической зависимостью одной стороны отъ другой. Такимъ образомъ, прямымъ результатомъ отсутствія организованнаго народнаго кредита является кабала крестьянъ; они по кабальнымъ (вынужденнымъ) цѣнамъ продаютъ свой хлѣбъ; идутъ въ кабалу, нанимаясь работать; платятъ кабальные проценты, устраивая кредитную сдѣлку въ ея чистомъ видѣ. Чтобы по-

казать, какія потери несетъ народъ отъ такого положенія дѣлъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Когда крестьянину понадобятся деньги, онъ пытается достать ихъ прежде путемъ прямого займа. Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, что условія такихъ займовъ крайне тяжелы для крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало цифровыхъ данныхъ, по которымъ мы могли бы болѣе или менѣе точно вычислить потери, несомыя крестьянами. Въ печать обыкновенно попадаютъ исключительные случаи займовъ, а систематическое изслѣдованіе народнаго быта только что начинается. Но и произведенными наблюденіями земскихъ статистическихъ комитетовъ далеко не вездѣ собраны матеріалы, рисующіе эту сторону народной жизни; намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно всего двѣ-три болѣе или менѣе удачныя попытки выяснить положеніе народнаго кредита въ районѣ уѣзда или губерніи. Прежде всего, мы здѣсь укажемъ на изслѣдованіе г. Орлова, напечатанное въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московской же губерніи, т. I. Тамъ мы узнаемъ, что въ десяти волостяхъ московскаго уѣзда въ 1875—76 г. было произведено займовъ цѣлыми обществами у частныхъ лицъ на сумму 27,000 р. (цифра займовъ всего уѣзда приблизительно опредѣляется г. Орловымъ въ 70,000 р.), средній процентъ оказазался $35^1/_2$, а съ побочными расходами 40, но колеблется онъ по отдѣльнымъ займамъ между 10 и 105—въ годъ. «Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ самихъ же крестьянъ—говоритъ г. Орловъ,—что въ быту ихъ бываютъ такія обстоятельства, что предложи имъ денегъ изъ 100% въ мѣсяцъ, они и на это согласятся». Какъ-бы то ни было, ненормально высокіе % тяжело отзываются на крестьянахъ. Такъ, встрѣчаются не только отдѣльные крестьяне, но и цѣлыя сельскія общества, которыя разорились исключительно отъ займовъ за высокіе проценты; таковы напр., села Усково, Борисово, д. Большое Голубино и др. Но не одни высокіе проценты по займамъ у частныхъ лицъ разорительны для крестьянъ; съ этимъ вмѣстѣ они сильно страдаютъ отъ хищнической ловкости, съ которою мѣстные ростовщики совершаютъ свои операціи. Въ одной изъ волостей, напр., нѣкое лицо, призванное наставлять народъ, занимается однако ростовщичествомъ и вотъ уже нѣсколько лѣтъ держитъ 5 деревень въ своихъ тяжелыхъ рукахъ. Беря по ссудамъ 50% и выговаривая значительныя неустойки за просроченное время, это лицо назначаетъ такіе сроки уплаты, когда крестьянамъ не представляется ни малѣйшей возможности выполнить свое обязательство. Это обыкновенно ведетъ за собой значительное увеличеніе неустойками ссуженной суммы и затѣмъ продажу скота за ничтожную

цѣну. Между ростовщиками часто встрѣчаются сельскія власти, которыя свое право собирать подати утпотребляютъ на то, чтобы получать для себя обильныя выгоды. Обыкновенно эти власти не собираютъ податей тогда, когда у крестьянъ есть деньги, а поджидаютъ времени полнаго безденежья, съ наступленіемъ котораго и начинаютъ принимать всѣ мѣры понужденія; между этими мѣрами не послѣднюю роль играетъ продажа скота; безъ скота же крестьянину—чистое разореніе. Староста это знаетъ и предлагаетъ ссудить недоимщика требуемою ссудою. Разумѣется, крестьянинъ не задумывается воспользоваться предложеніемъ своего благодѣтеля и даетъ такое долговое обязательство, какое этому благодѣтелю вздумается взять. Но главный контингентъ ростовщиковъ представляютъ собою деревенскіе трактирщики и московскіе мелкіе торговцы. Послѣдніе сами разыскиваютъ нуждающихся въ деньгахъ и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы, по выраженію крестьянъ, «надуть ихъ на документахъ». Одинъ изъ такихъ благодѣтелей, напр., въ 1871 г. ссудилъ крестьянамъ с. Борисова 2,800 р. за небольшой сравнительно процентъ—20; но, видно, «документъ» составленъ былъ умѣло, ибо въ продолженіе четырехъ лѣтъ крестьяне уплатили ему 4,400 р., т. е., кромѣ процентовъ, 2,160 р. долгу, и все таки за ними осталось еще 2,600 р. «Ужъ такой онъ ловкій человѣкъ, говорятъ крестьяне, такъ насъ подвелъ, что мы и опомниться не можемъ». Или вотъ другой, тѣмъ болѣе интересный примѣръ, что ловкимъ человѣкомъ является не торгашъ, а человѣкъ интеллигентный, и, нужно полагать, не бѣдный, именно—инженеръ. Малоголубинское общество еще въ 1864 г. имѣло несчастіе занять у него для уплаты податей 140 р. Хотя проценты по ссудѣ были назначены всего 33 въ годъ т. е. меньше 50 р., но прошло 12 лѣтъ, общество (15 дворовъ) десять разъ погасило свой долгъ, переплативъ кредитору до 1,500 р., т. е. отдавало въ годъ не 33, а трижды тридцать три процента, и тѣмъ не менѣе, еще остается ему должнымъ, но уже не 140, а 400 р. «Крестьяне говорятъ, что заемъ этотъ разоряетъ ихъ»... въ чемъ мы, разумѣется, не подумаемъ усомниться.

Другая попытка выяснить состояніе народнаго кредита была сдѣлана земскимъ самарскимъ статистическимъ бюро. При этомъ оказалось, что въ самарскомъ уѣздѣ существуетъ 10 крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій (волостныхъ банковъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ); но изъ нихъ только два удовлетворяютъ своему назначенію—доставлять дешевый кредитъ заурядному крестьянину, остальные-же или существуютъ въ интересахъ состоятельной части населенія, или извѣстны только на бумагѣ, такъ какъ кассы ихъ давно пусты, деньги-же находятся въ рукахъ крестьянъ,

однажды взявшимъ ихъ и не возвращающихъ назадъ, или просто растрачены волостнымъ писаремъ, старшиною и т. п. Въ виду этого, крестьянамъ, нуждающимися въ кредитѣ, приходится обращаться къ частнымъ лицамъ, причемъ сдѣлки договаривающихся сторонъ нерѣдко записываются въ «книгу сдѣлокъ и договоровъ», имѣющуюся при каждомъ волостномъ правленіи, откуда и почерпнуты нижеприводимыя данныя. Оказывается, что въ теченіе 1879—82 г. въ упомянутыя книги по самарскому уѣзду занесено 800 слишкомъ случаевъ займовъ на сумму не меньше 150,000 р. Изъ 574 случаевъ, гдѣ извѣстна сумма долга, 86 на 40,000 р., принадлежатъ обществамъ, занявшимъ деньги подъ круговую поруку, и 488 случаевъ на сумму 74,400 р. записаны, какъ сдѣлки частныхъ лицъ. Общественные займы однако совершаются чаще, чѣмъ это можно подумать, основываясь на приведенныхъ цифрахъ, такъ какъ многіе случаи займовъ, произведенные отъ имени 1—2 лицъ, на самомъ дѣлѣ заключены обществомъ. Изъ 70 случаевъ займовъ, въ которыхъ извѣстенъ процентъ, подъ которой они сдѣланы, въ 53-хъ средній годовой процентъ равняется 41; въ 7-ми случаяхъ онъ не выше 15; въ 4-хъ отъ 50 до 70; въ четырехъ же—100, и наконецъ въ двухъ—120 и 150%. «Само собой разумѣется, только сильная нужда въ чужомъ капиталѣ побуждаетъ крестьянъ выплачивать, за пользованіе имъ, такой высокій процентъ». И дѣйствительно, насколько это видно изъ собранныхъ фактовъ, общественные займы заключаются въ большинствѣ случаевъ для аренды земли и уплаты податей; займы отдѣльныхъ лицъ дѣлаются на хозяйственныя нужды: ремонтъ избъ, прикупку сельскохозяйственныхъ орудій, покупку сѣмянъ и скота. Все это такія потребности, которыя должны быть удовлетворены во что бы то ни стало; нечего, поэтому, удивляться, если въ «книгѣ сдѣлокъ и договоровъ» встрѣчается приговоръ, въ родѣ того, какой былъ въ 1882 г. составленъ обществомъ крестьянъ Нижне-Печерскихъ хуторовъ: нуждаясь въ деньгахъ для аренды земли и не зная, гдѣ ихъ достать, оно составило приговоръ «на полученіе у кого либо заимообразно и *за какіе угодно проценты* 3,600 р». Неуплата ссуды въ срокъ—обыкновенное явленіе послѣ неурожая—ведетъ къ отстрочкѣ, сопровождаемой повышеніемъ процентовъ или добавленіемъ натуральныхъ повинностей: жнитва и т. п. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ крестьянинъ превращается почти въ неоплатнаго должника, и разсчетъ по ссудѣ, сдѣланной на годъ, растягивается на многіе годы, чѣмъ разумѣется, совершенно подрывается кредитъ заемщика. Общество д. Преображенки, напримѣръ, въ 1876 г. не уплатило въ срокъ аренды, не смотря на всѣ старанія добыть у кого либо нужную

сумму—1,900 р. Окружной судъ постановилъ продать крестьянскую общественную землю съ публичнаго торга. Не знаемъ, было-ли приведено это рѣшеніе суда въ исполненіе, еслибы не нашелся благодѣтель, ссудившій крестьянъ деньгами подъ залогъ общественной земли всего за 12%. Пришелъ 1882 годъ, а за обществомъ все же числилось 307 рублей долгу.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ обоянскимъ статистическимъ бюро (Курской губерніи) общественные займы, главнымъ образомъ на уплату податей, заключаются обыкновенно изъ 60%, колебаніе процента 40—160% въ годъ (кромѣ одного случая, въ которомъ деньги были ссуждены помѣщикомъ изъ 5% [1]).

Тверскія статистическія учрежденія собрали нѣкоторыя очень интересныя данныя о народномъ кредитѣ въ цѣлой губерніи. Оказывается (по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій), что для одной только уплаты податей крестьяне въ 1881 г. заняли до 1 милліона рублей. Общественныя кредитныя учрежденія (волостные банки и ссудо-сберегательныя товарищества) считаютъ за своими должниками слишкомъ $^1/_2$ милліона рублей; но значительная часть этой суммы давно уже разобрана по рукамъ и не возвращается обратно; съ другой стороны извѣстно, что большая часть займовъ изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ совершается не ради повинностей; поэтому г. Покровскій считаетъ, что изъ милліона рублей, нужнаго крестьянамъ для своевременнаго взноса въ казначейство, не менѣе 750 тысячъ пріобрѣтается займомъ у частныхъ лицъ. Что касается условій этихъ займовъ, то здѣсь они значительно легче, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія (впрочемъ, намъ неизвѣстенъ способъ, какимъ были получены данныя о процентахъ по ссудамъ въ Тверской губ.; поэтому мы и не можемъ судить, въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія). Именно, средній годовой процентъ при займѣ у частныхъ лицъ 20—24. При этомъ замѣчено интересное явленіе: чѣмъ бѣднѣе мѣстность и въ той же мѣстности чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ выше процентъ, по которому ему удается занять деньги. Въ бѣдной волости тверскаго уѣзда, Первитинской, крестьяне кредитуются изъ 3% вмѣсто 2-хъ; въ богатыхъ волостяхъ—«Логиновской и Тургиновской, гдѣ частный кредитъ рѣдко требуетъ больше 12% годовыхъ, бѣдняки занимаютъ изъ 2% въ мѣсяцъ». Въ ржевскомъ уѣздѣ крестьяне обыкновенно кредитуются изъ 24—30% въ годъ; въ бѣднѣйшихъ же волостяхъ уѣзда—

---

[1]) Сб. стат. свѣд. по Самарской губ. в. I, гл. VII. Сб. стат. свѣд. по Обоянскому уѣзду.

Жуковской и Пыжевской—большинство крестьянъ занимаетъ изъ 48—60%. Чтобы судить о томъ, на какія потребности, кромѣ податей, крестьяне занимаютъ деньги, приведемъ свѣдѣнія о 381 случаяхъ займовъ изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ тверскаго уѣзда, собранныя въ 1881 году г. Розовымъ при подворномъ описаніи селеній. Оказывается, что ссуды на продовольствіе составляютъ 27½% всего числа займовъ, на пріобрѣтеніе скота—24½%, на постройки—17½%, повинности—12%, свадьбу—6½, кормъ скоту, орудія, посуду—5, уплату частныхъ долговъ—4, сѣмена для посѣвовъ— 1½, торговлю — 1, кустарные промыслы—½% [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ, правда немногочисленныхъ, но зато относящихся къ разнороднымъ мѣстностямъ Россіи, видно, что заемъ крестьянину обыкновенно обходится въ 40—60% годовыхъ; и это нужно сказать про общественный заемъ, т. е. такой, который наиболѣе гарантируетъ возвратъ занятой суммы; частные-же займы, по всей вѣроятности, стоятъ еще дороже. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что процентъ по ссудѣ иногда подымается до 150; а зная нужду, для которой крестьянинъ обыкновенно ищетъ денегъ,—уплата податей, наемъ земли, покупка хлѣба,—мы легко повѣримъ заявленію крестьянъ, что бываютъ моменты, когда они готовы заплатить за ссуду все, что только ни спроситъ заимодавецъ. Изъ тѣхъ-же фактовъ читатель видитъ, что не смотря на шумъ, произведенный ссудо-сберегательными товариществами, заурядный крестьянинъ—а такихъ громадное большинство—теперь также беззащитенъ отъ эксплуатаціи ростовщика, какъ будто-бы упомянутыхъ кредитныхъ учрежденій (вкупѣ съ волостными кассами) и не существовало: въ большинствѣ случаевъ касса товарищества давнымъ давно опустѣла, ссуды изъ года въ годъ переписываются на тѣхъ-же личностей; а гдѣ кредитное учрежденіе существуетъ не на одной только бумагѣ—тамъ оно полезно лишь зажиточнымъ крестьянамъ.

Не смотря на всю тяжесть условій разсмотрѣннаго вида кредита, нужно однако сказать, что эта форма послѣдняго — одна изъ наиболѣе легкихъ. Другіе способы добыванія крестьянами денегъ приводятъ къ цѣли лишь подъ условіемъ гораздо большихъ потерь, чѣмъ тѣ, съ какими мы познакомились; не 40 и 60, а 100—вотъ обыкновенный процентъ, платимый крестьяниномъ въ другихъ формахъ кредита [2]). Изъ этихъ послѣд-

[1]) Истор.-стат. опис. Тверской губ., т. I.

[2]) Изъ только что вышедшаго Сборн. статист. свѣд. по Екатеринославской г. видно, что обыкновенный % по займамъ крестьянъ ростовскаго уѣзда

нихъ наиболѣе распространенъ у насъ заемъ подъ работу, но мы здѣсь остановимся на займѣ-продажѣ.

Казалось-бы что въ земледѣльческой странѣ продажа продуктовъ хозяйства будетъ лишь естественнымъ заключеніемъ хозяйственнаго оборота, реализаціей дохода отъ производства; но у насъ продажа крестьяниномъ продукта своего труда очень часто имѣетъ другое значеніе, вытекаетъ изъ иныхъ, нехозяйственныхъ мотивовъ. Доказывается это тѣмъ, что сбытъ крестьянскихъ земледѣльческихъ продуктовъ имѣетъ мѣсто не только въ спеціально-земледѣльческой полосѣ, гдѣ сельско-хозяйственный промыселъ составляетъ почти единственное обезпеченіе населенія и потому даетъ или долженъ давать, сверхъ потребленія семьи, извѣстный избытокъ, обращаемый въ продажу; крестьяне сбываютъ хлѣбъ и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ его не хватаетъ на пропитаніе и гдѣ, поэтому, важную статью въ крестьянскомъ бюджетѣ составляютъ доходы отъ побочныхъ промысловъ. Очевидно, что мотивомъ къ отчужденію хлѣба здѣсь обыкновенно является не стремленіе мелкаго производителя реализировать доходы отъ промысла, что продажа зерна совершается вопреки экономическимъ разсчетамъ. Она есть результатъ крайней нужды въ деньгахъ; она имѣетъ исключительной цѣлью пріобрѣсти ихъ сейчасъ же и во что бы то ни стало; короче говоря, это—заемъ, но заемъ безличный и заключаемый при условіяхъ, невыгодныхъ для кредитующагося, почему послѣднему заемъ этотъ долженъ стоить не дешево.

Если крестьянинъ нечерноземной полосы, получающій мало хлѣба, имѣющій помимо земледѣлія другіе источники дохода, тѣмъ не менѣе долженъ по окончаніи земледѣльческихъ работъ прибѣгать къ такому невыгодному способу пріобрѣтенія денегъ, какъ продажа хлѣба, нужнаго самому себѣ, то естественно, что житель черноземной мѣстности, всю зиму лишенный заработковъ, къ концу земледѣльческаго сезона находится въ еще болѣе затруднительномъ денежномъ положеніи; продать свой продуктъ какъ можно скорѣе—составляетъ для него еще болѣе настоятельную потребность, т. е. реализація чистаго дохода мелкаго производителя черноземной полосы совершается при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; онъ непремѣнно продешевитъ, вслѣдствіе чего продаетъ хлѣба больше, чѣмъ онъ это можетъ сдѣлать безъ ущерба для самого себя; продаетъ не только излишекъ, а и часть собственнаго продовольствія, которую потомъ придется возвращать

30—120, крайнія колебанія 12—600% годовыхъ; въ обезпеченіе долга нерѣдко выдается вексель на сумму вдвое больше занятой.

въ тридорога или жить до нови впроголодь. Такимъ образомъ, можно сказать вообще, что продажа крестьянскихъ земледѣльческихъ продуктовъ въ значительной степени обусловливается отсутствіемъ организованнаго кредита; она замѣняетъ послѣдній, и потому должна обладать признаками, свойственными нашему народному кредиту вообще, т. е. нести за собой большія для крестьянина потери. Возвращая долгъ или—что то же—покупая хлѣбъ, онъ заплатитъ за него значительно дороже той суммы, какую получилъ за свой продуктъ осенью; и разница въ цѣнахъ весенняго и осенняго хлѣба будетъ процентомъ, платимымъ за ссуду. Какъ великъ этотъ процентъ—видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Что продажа хлѣба вмѣсто займа денегъ, продажа, практикуемая крестьянами, у которыхъ хлѣба не хватаетъ на пропитаніе, есть явленіе общераспространенное,—свидѣтельствуютъ показанія лицъ, спеціально изслѣдовавшихъ хлѣбную торговлю Россіи. Такъ, Чаславскій о примосковномъ районѣ говоритъ: «продавая хлѣбъ осенью, крестьяне обыкновенно покупаютъ его для продовольствія весной и зимой»; г. Барковскій о верхневолжскомъ бассейнѣ заявляетъ: «крестьяне для уплаты податей продаютъ тотчасъ по уборкѣ часть своего хлѣба, а потомъ обращаются къ покупному и зачастую собственнаго производства, пріобрѣтая его по цѣнѣ, гораздо высшей, чѣмъ та, по которой продали». Эти огульныя заявленія подтверждаются частными примѣрами, идущими изъ другихъ источниковъ. Очень многіе крестьяне темниковскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, «чтобы добыть денегъ на подати осенью и въ началѣ зимы, торгуютъ необходимыми имъ самимъ продовольственными запасами, а затѣмъ покупаютъ ихъ на счетъ какихъ нибудь стороннихъ заработковъ» [1]). Суражскій крестьянинъ, продавая изъ нужды хлѣбъ, теряетъ на этой операціи больше 100%. Новгородскую губернію никто не назоветъ хлѣбородной, никто, поэтому не удивится, что она покупаетъ зерно; но тотъ же крестьянинъ, который вынужденъ дѣлать это весной, осенью сбываетъ свой хлѣбъ. Обыкновенно крестьянинъ продаетъ хлѣбъ еще на корню по 4 р. 80 к.—5 р. 20 к. четверть ржи и 2—3 р. четверть овса мѣстнымъ кулакамъ, которые черезъ 3 мѣсяца перепродаютъ его: по 7—8 р. рожь и до 4 р. овесъ; т. е. нужда въ деньгахъ не дозволяетъ земледѣльцу подождать три мѣсяца и продать хлѣбъ 50-ю процентами дороже; онъ вынужденъ занять деньги раньше, обязуясь возвратить долгъ хлѣбомъ съ уплатою 50% за 1/4 года, что составитъ 200% годовыхъ. Но этимъ потеря его не ограничивается:

[1]) Цитировано по ст. Николая—она. („Слово“, 1880, № 10). Сб. ст. св. по

продавъ свой продуктъ дешевле самыхъ низкихъ осеннихъ цѣнъ, потерявъ 50% (заемной суммы) на этой операціи, крестьянинъ затѣмъ покупаетъ его обратно, платя уже вдвое дороже. Впрочемъ устюжанскіе земледѣльцы нѣсколько счастливѣе: «побуждаемые крайней нуждой, они продаютъ рожь осенью 5—6 р., а весной покупаютъ по 8—9 руб.», т. е. теряютъ въ продолженіе полугода не 100, а 30—80%, а старорусскіе—кредитуются еще выгоднѣе, платя лишь 25—30%. Московскій крестьянинъ продаетъ овесъ осенью по $2^1/_2$ р., а покупаетъ для сѣмянъ весной за 5^1 — 6 р. четверть, т. е. уплачиваетъ за ссуду больше 200% годовыхъ; если онъ прямо займетъ хлѣбомъ у кулака, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ можайскій земледѣлецъ, то за 8 пудовъ обяжется черезъ 8 мѣсяцевъ возвратить 20 п., что выйдетъ тоже слишкомъ 200% годовыхъ. Въ чернухинской волости Нижегородской губерніи «хватило бы всякому своего хлѣба до нови, еслибы не продавать; продаютъ почти всѣ и помногу, потому что зажиточныхъ крестьянъ въ нашей волости очень мало, а большая половина—голь перекатная». Продавая весной по 50—60 коп. пудъ хлѣба, осенью крестьянинъ покупаетъ его за 80 — 95, то есть 60—90% дороже. Въ Опольщинѣ (мѣстность въ юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи), «весною 20—25% крестьянъ принуждены покупать овесъ для обсѣмененія полосы: осенью — время крайней нужды въ деньгахъ,—овесъ продается за дешево по 3—$3^1/_2$ р. четверть. Весной-же крестьянинъ вынужденъ платить за четверть 5—$5^1/_2$ руб. Такимъ образомъ, онъ переплачиваетъ при этомъ за каждую четверть овса $1^1/_2$—2 руб.» [1]). Въ Тверской губерніи мы встрѣчаемся съ подобнымъ-же явленіемъ: «гдѣ родится хлѣба достаточно для мѣстнаго потребленія, крестьяне нерѣдко продаютъ осенью хлѣбъ для уплаты повинностей, чтобы такое же количество хлѣба купить весною для собственнаго потребленія». «Изъ году въ годъ неизмѣнно повторяется при неурожаяхъ (въ Олонецкой губ.) одна и та же исторія,—осенью бѣднякъ продаетъ богатому сосѣду хлѣбъ по 60 коп., а весною покупаетъ у него тотъ-же хлѣбъ по 1 р. 20 коп. или, иначе говоря, онъ на своей землѣ, и принимая на себя всѣ издержки производства, постоянно работаетъ исполу на богатаго сосѣда». Крестьяне котельническаго уѣзда Вятской губерніи, широко практикуя разсматриваемый способъ кредита, попали при этомъ въ заколдованный кругъ: они

[1]) „Тр. В. Э. О.“, 1879 г. № 8 и 1880 г. № 12. Сб. ст. св. по Моск. губ., в. V. и 142 стр. „Рус. Вѣд.“, 1880 г., № 30. Сб. стат. и справ. свѣд. по Нижегор. губ. 1880 г., с. 91, З. Пругавинъ, „Сельская община и пр. Юрьевскаго уѣзда“, с. 84.

также продаютъ хлѣбъ осенью по дешевой цѣнѣ и покупаютъ весной—по дорогой; но, чтобы добыть денегъ для послѣдней операціи, имъ ничего болѣе не остается, какъ заложить будущіе урожаи хлѣба и сѣна; послѣ этого продажа названныхъ продуктовъ становится уже положительной необходимостью: предыдущая операція неизбѣжно влечетъ за собой таковую-же слѣдующую. Потери, несомыя крестьянами при этихъ сложныхъ финансовыхъ махинаціяхъ, по истинѣ, баснословны: въ 1869 г., напримѣръ, они платили по займу до 1,000% годовыхъ [1]).

Все это, однако, не болѣе, какъ примѣры, рисующіе намъ потери крестьянина, вынужденнаго продавать нужный самому хлѣбъ, но ничего опредѣленнаго не говорящіе о томъ, какъ часто крестьянинъ прибѣгаетъ къ этому виду кредита. Что же касается послѣдняго обстоятельства, то на этотъ счетъ мы можемъ привести лишь одинъ разсчетъ, относящійся къ небольшому району мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи. По свѣдѣніямъ земскаго статистическаго бюро, 23% домохозяевъ осенью продаютъ 9,830 пудовъ хлѣба по 60 к., а зимой и весной покупаютъ его 8,440 пудовъ,—по 1 руб. пудъ. Они какъ бы закладываютъ 8,440 пуд. хлѣба за 5,100 р., а черезъ $^1/_2$ года выкупаютъ его за 8,440 рублей; 3,360 р. будетъ процентомъ, уплачиваемымъ при этомъ крестьянами, что составитъ 120% [2]).

Это ежегодное путешествіе хлѣба изъ рукъ мелкаго производителя къ кулаку и обратно дало поводъ лишній разъ проявиться народному юмору. Почти всюду въ нечерноземной полосѣ сложились поговорки: «не тужи овесъ, что въ Москву повезъ, весной хоть въ триторога заплачу, да назадъ ворочу», сопровождаетъ такими словами свою продажу москвичъ; «не тужи матушка рожка, что выпала въ городъ дорожка, ужо переплачу да назадъ ворочу», утѣшается тверской крестьянинъ; «не плачь мучка, что теперь продаю, весной ворочу, да втрое заплачу», говоритъ каргополецъ, и т. д.

Въ черноземныхъ губерніяхъ указанное явленіе не такъ рѣзко бросается въ глаза: имѣя больше хлѣба, крестьянинъ кое-какъ дотягиваетъ до весны, и родство его въ этомъ отношеніи съ мужикомъ нечерноземной полосы проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, какъ и послѣдній, спѣшитъ скорѣе сбыть осенью свой продуктъ, почему цѣны на него сильно падаютъ.

---

[1]) Сб. мат. для стат. Тв. губ., в. Ш, с. 70; см. также в. 2, с. 64. „Рус. Вѣд.“ 80. № 73. „Съ сѣвера Россіи“. „Слово“. 1875 г., № 9, „Предвѣстники земской ликвидаціи“.

[2]) Труды статистич. экспед. казанск. губ. земства, 1883 года.

Крестьяне борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи, арендуя помѣщичьи земли съ условіемъ уплаты денегъ въ періодъ уборки хлѣба, должны во что бы то ни стало къ этому времени раздобыть по десяткудругому рублей. Это заставляетъ ихъ спѣшить продажей хлѣба съ надѣльной земли, немедленно по снятіи его съ поля. «Вслѣдствіе этого, на мѣстные рынки вывозится крестьянами одновременно громадное количество хлѣба, причемъ послѣдніе поставлены въ необходимость продать его во что бы то ни стало. Послѣдствія очевидны: цѣны крестьянскаго хлѣба понижаются въ это время иногда на 50% и болѣе». Осенью 1879 г. крестьяне продавали рожь по 36—40 к. за пудъ, а потомъ сами-же покупали за 60—70 коп., уплативъ слѣдовательно по займу на нѣсколько мѣсяцевъ до 100%. Данковское (Рязанской губерніи) земское собраніе одною изъ причинъ обѣдненія населенія уѣзда признало именно несвоевременную и дешевую продажу имъ своего хлѣба, каковая замѣняетъ тамъ краткосрочный кредитъ. Необходимость занимать деньги съ обязательствомъ заплатить урожаемъ по пониженнымъ цѣнамъ малоархангельское (Орловской губерніи) земство считаетъ одною изъ причинъ разстройства крестьянскаго хозяйства уѣзда. Въ Волынской губерніи «потребность въ деньгахъ заставляетъ крестьянъ продавать хлѣбъ по весьма дешевой цѣнѣ»; въ волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, во время сбора податей, хлѣбъ теряетъ 30% стоимости. Въ Уфимской губерніи кулаки осенью скупаютъ хлѣбъ у нуждающихся въ деньгахъ крестьянъ, а весною продаютъ имъ же въ тридорога; такъ, въ белебеевскомъ уѣздѣ весеннія цѣны жизненныхъ продуктовъ обыкновенно вдвое выше осеннихъ, благодаря тому, что крестьяне, нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей и разсчета за арендованныя земли, быстро пускаютъ въ продажу осенью всѣ избытки и тѣмъ понижаютъ стоимость продукта [1]). Продавая такимъ образомъ изъ года въ годъ свои избытки за половинную цѣну, населеніе черноземныхъ мѣстностей доходитъ наконецъ до того, что избытка хлѣба уже не хватаетъ на всѣ расходы, и ему приходится пустить въ ходъ продовольствіе; т. е. земледѣлецъ хлѣбородной полосы становится въ этомъ отношеніи на одну доску съ крестьянионмъ обиженнаго природой сѣвера и нечерноземнаго центра Россіи. Мы сейчасъ имѣли примѣръ въ этомъ родѣ борисоглѣбскаго мужика. Крестьяне тамбовскаго уѣзда вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ-копятъ недоимку, которая растетъ, независимо отъ

[1]) Сб. ст. св. по Тамб. губ. т. I, отд. II, с. 64—65. „Русск. Вѣдом." 1881 г. № 317. 1882 годъ въ сел. хоз. отн., в. III, отд. II, с. 59. 1883 г. въ с. х. от., в. III, отд. II, с. 127. „Рус. Курьеръ" 1880 г. № 27.

того—урожайный годъ или нѣтъ. Причина этого, по объясненію волостныхъ правленій, кроется въ необходимости продажи хлѣба для уплаты податей; а на земскомъ собраніи 1878 г. выяснилось, что для той-же цѣли крестьяне нерѣдко продаютъ зерно, необходимое для собственнаго прокормленія. Крестьяне Харьковской и Тамбовской губерній, весною 1884 г., покупали хлѣбъ, не смотря на урожай предыдущаго года; это вышло потому, что большая часть сбора была продана для уплаты недоимокъ и долговъ, сдѣланныхъ (тамбовскими крестьянами) въ 1882 г. Симбирскіе крестьяне въ 1882 г. продавали не только избытки, но и собственное продовольствіе, въ виду необходимости уплатить подати и долги, накопившіеся въ тяжелый 1880 годъ. Степнякъ-екатеринославецъ давно уже живетъ въ долгъ, занимая въ счетъ настоящаго и даже будущаго урожая; иногда (какъ это, напримѣръ, было въ 1877 г.) онъ продаетъ хлѣбъ по 4 р. четверть, вмѣсто нормальной—рыночной стоимости его 12 –14 р. И одесскіе крестьяне нерѣдко сбываютъ хлѣбъ дешево осенью, а весною покупаютъ его для яроваго посѣва по дорогой цѣнѣ; это отражается даже на размѣрахъ запашки [1]).

Гдѣ недалеко отъ производителей находится центръ сбыта хлѣба, и они могутъ до нѣкоторой степени воспользоваться выгодами конкуренціи въ средѣ противной стороны, конкуренціи, не допускающей паденія цѣнѣ до очень низкаго уровня,—тамъ покупатели прибѣгаютъ къ прямому обману: обмѣру, обвѣсу и другимъ столь-же почтеннымъ пріемамъ. Въ Одессѣ, напримѣръ, вся эта операція производится слѣдующимъ образомъ: «Каждый транспортъ хлѣба далеко за городомъ встрѣчаетъ стая кулаковъ. Везущіе хлѣбъ выдерживаютъ цѣлую осаду. Заманчивыя обѣщанія, ласковые, заискивающіе уговоры, угрозы, ругань, все пускается въ ходъ, чтобы понудить везущихъ хлѣбъ къ продажѣ. Положеніе продающихъ трагическое: небо, степь и шайка покупателей, готовая отнять товаръ, если онъ не будетъ добровольно проданъ. Ожидать какой нибудь помощи—нечего. Доѣзжаетъ продавецъ подъ конвоемъ одного или двухъ членовъ шайки, осаждающей уже новый транспортъ, до магазиновъ и тамъ ссыпаетъ свой хлѣбъ. Пріемка хлѣба кулаками, это—верхъ мошенническаго искусства. Коромысло, цѣпи, доски, гири—все приспособлено такъ, чтобы незамѣтно для глазъ продающаго уменьшать дѣйствительный вѣсъ хлѣба. Если-же продавецъ зазѣвается, то за спиной его моментально разрѣзывается мѣ-

[1]) 1882 г. въ с. х. от., в. III, отд. II, с. 101. 1883 г. въ с. х. отн., в. III, отд. II. с. 29, 98. „Новое Время“ 1879 г. № 1112, „Земство“ 1881 г. 32. Матеріалы для оцѣнки земельн. угодій Херс. губ. т. I, с. 145.

шокъ, и хлѣбъ высыпается въ общую кучу не въ зачетъ. Принявъ такимъ образомъ товаръ, перекупщики разсчитываютъ продавца не только по биржевой цѣнѣ, но и выше, такъ что поселянинъ, ворча на свою домашнюю хлѣбную мѣру, въ восторгѣ отъ полученной имъ цѣны на хлѣбъ. А между тѣмъ кулаки, посуливъ высокою цѣну, въ пріемкѣ заработали около 2 р. на четверть». Аналогичные порядки существуютъ и въ другихъ портовыхъ городахъ, напр. въ Бердянскѣ. Но понятно, что обманъ продавца-производителя имѣетъ мѣсто не въ однихъ центрахъ торговли земледѣльческими продуктами. Грайворонскій уѣздъ находится далеко отъ центральныхъ пунктовъ сбыта, но и тамъ выскабливаніе дна мѣры и другіе пріемы русской торговли практикуются въ широкихъ размѣрахъ; скупщики Новгородской губерніи также не кладутъ охулки на руку. Еслибы въ прилукскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи нашелся такой любопытный крестьянинъ, который пожелалъ-бы провѣрить однообразіе вѣсовъ у скупщиковъ табаку, для чего онъ свою партію названнаго продукта сталъ бы предлагать то одному, то другому купцу, то онъ очень удивится, какъ это въ одномъ мѣстѣ его табакъ вѣситъ 11 пудовъ, въ другомъ—18, тамъ 25 и т. д. Большинство, однако, не настолько любознательно или скептично, а это имѣетъ слѣдствіемъ, что «чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе практикуется подобный открытый грабежъ» [1]).

Указанныя потери крестьяне несутъ при продажѣ не только хлѣба, но и другихъ продуктовъ своего незатѣйливаго хозяйства, лишь бы они обладали способностью доставлять имъ кредитъ. Извѣстно, что въ большей части Россіи одинъ родъ продуктовъ земледѣлія крестьянинъ предназначаетъ для собственнаго потребленія, другой добываетъ для продажи на уплату податей. Къ числу послѣднихъ относятся ленъ и конопля. Зная это, заботливое сельское начальство собираетъ подати именно тогда, когда поспѣютъ поименованныя растенія; мѣстами крестьяне почти не считаютъ названныхъ продуктовъ своей собственностью, и начальство распоряжается ими, какъ найдетъ удобнымъ для неупустительнаго сбора податей. Въ трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, напримѣръ, по земскимъ свѣдѣніямъ, большинство населенія изъ года въ годъ питается смѣсью изъ мякины, жмыховъ и небольшой доли ржаной муки. Крестьяне почти поголовно состоятъ неоплатными должниками у земства (по продовольственному капиталу), купцовъ и другихъ частныхъ лицъ, а между тѣмъ подати собираются съ нихъ безнедоимочно. Дѣло въ томъ, что населеніе

[1]) „Порядокъ“ 1881, 266 „Землед. газ.“ 1880 г., № 3. „Тр. В. Э О.“ 1880 г., № 12. „Порядокъ“, 1881 г., № 247.

сѣетъ коноплю, которую молотитъ осенью, а обработываетъ весною, т. е. въ то именно время, когда идетъ сборъ податей. Сельскому начальству извѣстно количество конопли и пеньки, находящейся у каждаго хозяина, и послѣдній, до уплаты податей, не смѣетъ продавать ее по вольной цѣнѣ. Нерѣдко сумма, нужная для уплаты податей, занимается у купцовъ безъ вѣдома крестьянъ, но за поручительствомъ старшины, старостъ и сборщиковъ налога, а по окончаніи обработки конопли или пеньки, этотъ продукъ крестьянскаго хозяйства везется, подъ присмотромъ поручителей, къ купцу въ уплаты сдѣланнаго долга. Понятное дѣло, что лица, заключившія сдѣлку, при этомъ не останутся въ накладѣ, а крестьянинъ наверстаетъ потерю лишней долей мякины, которую прибавитъ къ хлѣбу. Саратовскій крестьянинъ осенью продаетъ коноплю по вольной цѣнѣ, но такъ какъ эта вольная цѣна устанавливается подъ давленіемъ сборщиковъ податей, то она оказывается крайне низкой. Немалая часть крестьянъ, однако, отдаетъ свой продуктъ еще дешевле: задолго до сбора они запродаютъ сѣмя прасоламъ, уступая 5—20 копѣекъ съ пуда противъ той низкой цѣны, какая будетъ осенью. Скупщикъ выдаетъ впередъ часть денегъ, а коноплю, выждавъ цѣны, продаетъ 40% дороже. Почти все населеніе суражскаго уѣзда запродаетъ съ весны для уплаты податей на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ весь урожай пеньки и конопли будущаго года. Тверскіе скупщики покупаютъ у крестьянъ ленъ такъ дешево, что, передавая его на фабрики, наживаютъ 100%. Тульскіе крестьяне, получая задатокъ подъ свекловицу, поставляютъ ее на сахарные заводы по не нормально дешевой цѣнѣ [1]).

Продажа осенью скота для покупки хлѣба и уплаты податей въ случаѣ недорода—обыкновеннѣйшее явленіе въ крестьянской жизни. Во многихъ мѣстахъ барышники нарочно обходятъ деревни въ извѣстные имъ моменты и скупаютъ скотъ за безцѣнокъ. Но, кромѣ этой формы отчужденія, крестьяне иногда прибѣгаютъ къ операціямъ гораздо болѣе сложнымъ. Въ усманскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, напримѣръ, крестьянинъ беретъ въ февралѣ мѣсяцѣ у кулака деньги, съ условіемъ отдать ему черезъ три мѣсяца овцами по цѣнѣ, пониженной сравнительно съ рыночной на 25% (что составляетъ 100% годовыхъ). Въ другихъ мѣстностяхъ того же уѣзда крестьянинъ добываетъ деньги подъ птицу и другую живность, но потери отъ этого не дѣлаются меньше. Подобнымъ же образомъ, пользуясь отсутствіемъ организованнаго народнаго кредита, образуютъ свои

[1]) Смирновъ: Экономич. быт. населенія Сарат. г. с. 50. 1883 г. въ с. х. отн., в. III, отд. II, с. 65, 76.

стада гурто-промышленники Самарской губерніи, которые, для лучшаго обиранія крестьянъ, дѣлятъ уѣздъ на участки и распредѣляютъ ихъ между собою). Архангельскіе рыболовы обязываются сбывать добычу кулакамъ (у которыхъ они въ вѣчномъ долгу) за цѣну, назначаемую послѣдними и т. д., и т. д.

Установившіеся способы сбыта крестьянскихъ продуктовъ, основанные на неудовлетворенной потребности народа въ кредитѣ, служатъ причиной того, что и урожайные годы мало способствуютъ возвышенію крестьянскаго благостоянія, и выгоды отъ такихъ годовъ попадаютъ въ руки кулаковъ же. «Много было, да сплыло» — говорятъ, напримѣръ, самарцы про 1881 г. — «и въ нынѣшній урожайный годъ мы голоднѣе, чѣмъ въ прошлый». Въ самомъ дѣлѣ, какъ же имъ не быть голоднѣе, когда всѣ избытки—даже больше того—должны идти на уплату запущенной недоимки и громадныхъ частныхъ долговъ, а хлѣботорговцы, въ виду урожая, принимаютъ спеціальныя мѣры эксплуатаціи народной потребности въ деньгахъ? Такъ, самарскіе купцы въ урожайный 1874 г. согласились не давать крестьянамъ за лучшую пшеницу дороже 40 коп. за пудъ; нижегородскіе хлѣботорговцы, предвидя повышеніе цѣнъ хлѣба въ 1880 г.. съ цѣлью захвата въ свои руки мѣстныхъ запасовъ, объявили цѣну за пудъ 1 р. 60 коп.; когда же крестьяне, прельщенные перспективой большихъ доходовъ, потянулись съ хлѣбомъ въ городъ, стоимость его тамъ упала до 1 р. 10 коп.; а съ переходомъ зерна въ руки купцовъ, снова возвысилась до 1 р. 80 коп.. Съ другой стороны, крестьяне неурожайныхъ мѣстностей продали большую часть скота и накопили огромные долги. Такъ, въ саратовскомъ уѣздѣ, одной частной арендной недоимки числится за обществомъ с. Карабулакъ 20.000 р.; крестьяне д. Алексѣевки должны помѣщику за землю въ среднемъ по 100 рублей съ домохозяина; арендный долгъ отдѣльныхъ крестьянъ с. Пристаннаго простирается до 500—600 р. и т. д. [2]).

ЗИМНЯЯ НАЁМКА [3]).

Въ послѣднее время, въ обществѣ опять возникъ вопросъ о необходимости обезпечить исполненіе договора найма, заключаемаго крупнымъ хозяиномъ съ рабочими и постоянно будто-бы нарушаемаго послѣдними. Въ

[1]) „Слово“, 1879 г. „Труды В. Э. О“. 1879 г. № X.

[2]) „Русск. Курьеръ“, 1881 г. № 203, „Земство“, 1881, 3. Смирновъ, ib., с. 75—6.

[3]) „Наблюдатель“ 1885 г.

концѣ прошлаго года г. Лишинымъ былъ сдѣланъ объ этомъ предметѣ докладъ Вольно-Экономическому Обществу, въ которомъ онъ разсматривалъ наемъ рабочихъ, какъ договоръ, основанный на свободномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ. Не смотря однако на эту свободу, долженствующую предупреждать невыгодныя сдѣлки, рабочій съумѣлъ заставить хозяина вступить съ нимъ въ соглашенія, противныя интересамъ хозяйства, и благодаря этому, мы имѣемъ рѣдкій примѣръ экономическихъ отношеній, гдѣ не богатый эксплуатируетъ бѣдняка, а наоборотъ. Такого результата этотъ невѣжественный простякъ мужикъ достигъ очень простымъ пріемомъ: онъ «не рядится безъ задатка, получая его нерѣдко за 6 мѣсяцевъ впередъ, и такимъ образомъ землевладѣлецъ становится въ полную зависимость отъ рабочихъ. Опредѣленнымъ мѣстомъ жительства землевладѣльца или нанимателя и *полученнымъ задаткомъ* рабочій обезпечивается вполнѣ, тогда какъ наниматель, въ случаѣ неисполненія рабочимъ договора, не имѣетъ ни матеріальныхъ, ни судебныхъ гарантій». Итакъ, по мнѣнію г. Лишина, деньги, получаемыя нанимающимся впередъ, суть ничто иное, какъ задатокъ, котораго онъ требуетъ въ обезпеченіе исполненія договора со стороны нанимателя; но создавая себѣ такимъ образомъ возможность заработать извѣстную сумму лѣтомъ, крестьянинъ дѣлаетъ это безъ твердой рѣшимости выполнить договоръ; онъ его заключилъ лишь на случай, если ему не удастся выгоднѣе утилизировать лѣтнее время, и такъ какъ обыкновенно случается противное, то «сплошь и рядомъ нанятые и получившіе заранѣе—въ осеннее и зимнее время—задатки, рабочіе не являются къ сроку начала работъ, а многіе даже и вовсе не являются», или, проработавъ тихое время, въ горячую пору нанимаются къ другому хозяину. Такимъ образомъ, въ картинѣ найма, которую мы нарисовали читателю, пользуясь указаніями г. Лишина. владѣлецъ какъ бы играетъ незавидную роль вѣчно попадающаго въпросакъ, а тѣмъ Мефистофелемъ, который завлекаетъ его на путь хозяйственнаго паденія, является не ловкій адвокатъ, прошедшій огонь и воду сутяжническихъ ухищреній, а простой деревенскій мужикъ; и пріемы, употребляемые послѣдними,—не образцы хитроумныхъ подвоховъ, вѣчно измѣняющихся и являющихся нанимателю все въ новыхъ и болѣе привлекательныхъ краскахъ, а одинъ и тотъ же повторяющійся изъ году въ годъ фокусъ—требованіе впередъ денегъ.

Невольно является вопросъ: для чего-же наниматель поддается на такую грубую уловку; неужто мужикъ хитрѣе и умнѣе его, и почему, вмѣсто того, чтобы выдавать работнику задатокъ, наниматель не потребуетъ его въ свою очередь? А если мужикъ не такъ простъ, чтобы помѣ-

няться мѣстомъ съ бариномъ, то почему владѣлецъ на откажетъ крестьянину въ его требованіи задатка и не предложитъ другого способа обезпеченія договора, напр., засвидѣтельствованія формальнымъ порядкомъ, хотя-бы въ волостномъ правленіи? А въ случаѣ отказа со стороны рабочаго, лишающагося вслѣдствіе такого пріема возможности надуть хозяина на нѣсколько рублей, почему владѣлецъ вовсе не прекратитъ указаннаго способа найма рабочихъ за 1/2 года впередъ и не набираетъ ихъ весной, когда опредѣлится требованіе на рабочія руки и размѣръ предложенія послѣднихъ, когда и наниматель, и нанимающійся сходятся на все лѣто, и крестьянинъ видитъ всѣ выгоды предстоящей ему сдѣлки и невозможность лучшаго заработка сравнительно съ тѣмъ, какой ему предлагаетъ данный землевладѣлецъ?

Если хозяинъ нанимаетъ рабочаго за полгода впередъ и въ обезпеченіе нерушимости договора соглашается выдавать задатокъ, рискуя его потерять,—мы не можемъ вывести отсюда другого заключенія, кромѣ того, что наемъ, совершенный при такихъ условіяхъ, представляетъ хозяину какія либо ощутительныя выгоды. Эти послѣднія могутъ быть двоякаго рода. Возможно, что въ рабочихъ вообще ощущается недостатокъ, и отложить наемъ до весны—значитъ рисковать остаться безъ нихъ; при такихъ условіяхъ заблаговременный наемъ является актомъ простого благоразумія и предусмотрительности хозяина. Но возможно и то, что къ зимнему найму владѣлецъ прибѣгаетъ не изъ хозяйственныхъ, а изъ финансовыхъ соображеній; что онъ при этомъ вовсе не хлопочетъ объ обезпеченіи себя рабочей силой, достать которую во всякое время не представляется затрудненій, а пользуется случаемъ нанять дешеваго работника. Сказаннаго онъ достигаетъ выдачей впередъ денегъ, и задатокъ поэтому никоимъ образомъ не есть обезпеченіе договора, требуемое работникомъ, какъ таковое; для послѣдняго онъ-то и является самой сущностью сдѣлки, для хозяина—пріемомъ, помощью котораго онъ понижаетъ заработную плату. Которое-же изъ двухъ возможныхъ объясненій соотвѣтствуетъ дѣйствительности? По мнѣнію г. Лишина—первое: онъ утверждаетъ, что хозяева большею частью страдаютъ отъ недостатка и дороговизны рабочихъ рукъ. Если это—такъ, если къ зимнему найму прибѣгаютъ изъ предусмотрительности, то это должно извѣстнымъ образомъ отразиться на географическомъ распространеніи указаннаго способа пріобрѣтенія рабочей силы. Именно, къ нему должны прибѣгать главнымъ образомъ хозяева степныхъ губерній, гдѣ населеніе рѣдко, а рабочій дорогъ; въ центральной-же черноземной полосѣ, характеризующейся избыткомъ населенія сравнительно съ

потребностью сельскаго хозяйства въ рабочихъ, владѣльцы смѣло могутъ не безпокоиться о томъ, что весною они останутся безъ рабочихъ, и не прибѣгать къ способу найма, служащему источникомъ постоянныхъ раздоровъ между договаривающимися сторонами. Обращаясь-же къ фактамъ, мы увидимъ, что въ дѣйствительной жизни замѣчается какъ разъ обратное ожидаемому: зимняя наемка распространена тѣмъ больше, чѣмъ скученнѣе населеніе какой либо мѣстности, и въ степной части черноземной полосы она пользуется гораздо меньшимъ правомъ гражданства, нежели въ центральной. Пріютилась она, главнымъ образомъ, въ густо населеныхъ мѣстностяхъ, потому что малоземелье и низкая заработная плата, вмѣстѣ съ слабымъ развитіемъ промысловъ, удерживаютъ доходы здѣшняго крестьянина на такомъ уровнѣ, при которомъ въ его хозяйствѣ являются постоянныя прорѣхи, для прикрытія которыхъ онъ долженъ прибѣгать къ займамъ. За отсутствіемъ-же прямого кредита, ему приходится измышлять различныя формы косвеннаго. Крестьянинъ не можетъ обратиться для займа въ кредитное учрежденіе, ему остается одно: идти къ денежному сосѣду. Но послѣдній не держитъ кассы ссудъ: онъ—торговецъ, гуртопромышленникъ, землевладѣлецъ; онъ согласенъ удовлетворить потребность крестьянина въ деньгахъ, но съ условіемъ, чтобы онѣ не выходили изъ его хозяйственнаго оборота. «Тебѣ нужны деньги, а мой капиталъ предназначенъ для составленія гурта. Такъ вотъ бери ихъ у меня, а назадъ возврати овцой, которую ты прокорми 3—4 мѣсяца»—отвѣчаетъ крестьянину одинъ заимодавецъ. «Ты просишь у меня денегъ, а я, братъ, не ростовщикъ! Возьми, пожалуй, тѣ, которыя приготовлены для найма рабочихъ—мнѣ все равно придется ихъ истратить на то-же, да и ты безъ чужой работы не обойдешься. Такъ чѣмъ намъ ждать весны, закончимъ сдѣлку сейчасъ-же: бери деньги, а лѣтомъ отдашь работой»—вотъ что приблизительно слышитъ кредитующійся отъ другого денежнаго сосѣда.

Въ степной мѣстности крестьянинъ имѣетъ отъ земледѣлія большіе доходы, въ нечерноземныхъ онъ зарабатываетъ деньги промысломъ; поэтому къ займу ихъ подъ работу ему приходится обращаться рѣже, и зимняя наемка распространена тамъ слабѣе.

Итакъ, крестьянинъ, нанимающійся зимою на лѣтнюю работу, дѣлаетъ это не съ цѣлью заранѣе приготовить себѣ выгодный заработокъ; а, требуя впередъ часть жалованья, не имѣетъ при этомъ въ виду гарантировать нерушимость договора со стороны нанимателя. Сдѣлка начинается не наймомъ, а займомъ, и условія возврата долга (трудомъ) диктуются не занимающимъ, а кредиторомъ. Вся сдѣлка поэтому является

совершенно обратною той, какую рисуетъ г. Лишинъ: здѣсь нѣтъ *задатка*, требуемаго рабочимъ съ цѣлью забрать въ руки хозяина; здѣсь фигурируетъ *ссуда*, служащая средствомъ обезпеченія хозяйства дешевой рабочей силой. Эта послѣдняя окажется непремѣнно дѣчевой, какъ бы ни разсматривать сдѣлку: какъ заемъ или какъ наемъ. Въ первомъ случаѣ фактъ обращенія крестьянина за ссудой къ человѣку, вовсе не занимающемуся кредитными операціями, показываетъ, что деньги ему очень нужны, а взять ихъ негдѣ; это даетъ кредитору полную возможность предписать тяжелыя условія займа. Во второмъ случаѣ крестьянинъ продаетъ вещь (лѣтній трудъ), которая покупателю теперь не нужна; очевидно, во 1-хъ, что послѣдній пріобрѣтетъ ее лишь при условіи, если она обойдется дешево; во 2-хъ, что продавецъ дорожиться не станетъ, иначе онъ не получитъ денегъ, которыя ему очень нужны, если онъ продаетъ то, чѣмъ можетъ распорядиться лишь въ будущемъ. И дѣйствительно, ниже читатель увидитъ, что при зимней наемкѣ стоимость труда уменьшается отъ $^1/_3$ до $^1/_2$; это значитъ, что ссуда крестьянину обходится въ 50—100% за время, далеко меньшее года, а отсюда вытекаютъ нѣкоторыя весьма важныя экономическія и хозяйственныя послѣдствія. Въ бюджетѣ крестьянина напримѣръ, образовался дефицитъ въ 15 р.; онъ его можетъ пополнить обработкой владѣльцу 2-хъ десятинъ земли, что стоитъ, допустимъ, столько-же и на что, по условію хозяйства, у него есть время. Пользуйся онъ дешевымъ кредитомъ, дѣло-бы устроилось очень просто: онъ занялъ-бы 15 р. по 1% въ мѣсяцъ, такъ что за 7 мѣсяцевъ заплатилъ бы лишній рубль серебромъ. Теперь-же онъ ихъ беретъ подъ работу, причемъ стоимость десятины цѣнится уже не въ 8, а въ 4 р., и чтобы возвратить занятую сумму, ему придется лѣтомъ обработать не двѣ, а 4 десятины, т. е. такую площадь, съ которой онъ не въ силахъ справиться безъ замѣтнаго ущерба для собственнаго хозяйства. Приходитъ лѣто, и крестьянину предстоитъ такая дилемма: отправившись отработывать долгъ—упустишь собственное хозяйство; займешься на своемъ дѣлѣ—пострадаетъ заимодавецъ. Нужно гораздо болѣе высокое нравственное развитіе, чѣмъ даже то, какимъ обладаютъ наши культурные классы, чтобы при такихъ условіяхъ въ душевной борьбѣ врестьянина вѣсы постоянно склонялись на сторону отвлеченной справедливости; особенно, если работникъ при этомъ вспомнитъ, что за свой трудъ онъ взялъ половинную цѣну и что упущенія въ хозяйствѣ поставятъ его въ будущемъ еще въ болѣе затруднительное положеніе.

Итакъ, исполнитъ-ли крестьянинъ договоръ съ владѣльцемъ, или

нѣтъ—во всякомъ случаѣ хозяйство страны въ его цѣломъ страдаетъ: въ первомъ случаѣ ослабляется имущественная состоятельность мелкаго земледѣльца, во второмъ убытки несетъ крупный. Поэтому и выходъ изъ затруднительнаго положенія, предлагаемый г. Лишинымъ и К° и основанный на побужденіи рабочаго къ выполненію договора—не устранитъ потерь, а перенесетъ ихъ на одну сторону. Въ большинствѣ случаевъ и теперь дѣло устраивается подобнымъ-же образомъ: владѣлецъ хорошо знаетъ окружающихъ его крестьянъ; онъ имъ крайне нуженъ не только какъ кредиторъ, но и какъ собственникъ угодій, безъ которыхъ хозяйство крестьянъ немыслимо. Поэтому и послѣдніе, подряжаясь къ нему на работу, въ общемъ не могутъ не исполнить договора и всѣ потери берутъ на себя. Слѣдовательно, владѣльцы нашли способъ обезпечить свое хозяйство отъ потерь, естественно связанныхъ съ зимней наемкой; и практикуй они эту послѣднюю въ извѣстныхъ, ограниченныхъ предѣлахъ—имъ бы не пришлось жаловаться на неисполнительность рабочаго. Но что дозволительно дѣлать частнымъ лицамъ, то еще далеко отъ задачи государства! И спрашивается, во имя чего-же послѣднее должно вступить на тотъ-же путь покровительства одной сторонѣ? Во имя святости договора, свободно заключеннаго обѣими сторонами? Но вѣдь это договоръ займа изъ 50—100%, и можетъ-ли такой договоръ считаться по нашимъ законамъ свободнымъ и тѣмъ паче святымъ! Ради охраненія хозяйственныхъ интересовъ страны и предупрежденія упадка крупной культуры? Но вѣдь проэктируемыми мѣрами хозяйство страны не улучшится, ибо крупное земледѣліе здѣсь сохранится цѣною упадка мелкаго. Частному лицу естественно ошибаться и желать, чтобы государство вмѣшалось въ его отношенія къ другимъ съ цѣлью защиты интересовъ, которые онъ считаетъ нарушенными; но государство не можетъ смотрѣть на дѣло такъ односторонне. Оно видитъ, что въ данномъ случаѣ нарушеніе договора зависитъ не столько отъ злой воли нарушителя, сколько отъ фальшиваго положенія, въ которомъ онъ очутился. А это послѣднее своимъ существованіемъ обязано опять таки даже не ошибкѣ даннаго лица, а частью извѣстнымъ общественнымъ неустройствамъ, частью доброй волѣ противной стороны. За отсутствіемъ кредитныхъ учрежденій, крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, долженъ запродавать свой трудъ. Хозяинъ пользуется этимъ, чтобы нанять работника за половиннуюплату. Но что дешево, то гнило, и претендовать на противное, значитъ, не понимать законовъ производства и обмѣна. А именно такую претензію выражаетъ г. Лишинъ и К°, когда взываютъ къ правительству о помощи. Ибо, въ сущности, здѣсь

рѣчь идетъ даже не о поддержаніи хозяйства, падающаго будто бы именно отъ неисполнительности рабочаго; зимняя наемка, будучи причиной этой неисполнительности и связанныхъ съ нею потерь, даетъ въ то-же время и средства, облегчающія хозяина: одинъ нанятый рабочій не придетъ, другой броситъ хозяина на половинѣ работы, за обоими пропадаютъ задатки; но за то третій доводитъ дѣло до конца, а онъ стоитъ хозяину половину нормальной цѣны. Убытки, происходящіе отъ неисполнительности одного, покрываются барышами, нажитыми отъ дешевизны другого. Въ общемъ, владѣльцы не остаются въ потерѣ (иначе—они не прибѣгалибы къ зимнему найму и выдачѣ задатковъ), слѣдовательно, и въ спеціальныхъ мѣрахъ помощи не нуждаются. Что-же касается принципа, оберегать который—обязанность государства, то, вѣдь, еще вопросъ: какой принципъ въ данномъ случаѣ страдаетъ? Вы говорите, что здѣсь договоръ найма, а другіе утверждаютъ, что это заемъ подъ лихвенные проценты съ обязательствомъ уплатить долгъ трудомъ. Если вѣрно послѣднее, то защитѣ подлежитъ уже не наниматель, а нанимающійся, и во всякомъ случаѣ государство не можетъ покровительствовать лихоимству.

Правда, привычка не исполнять договоръ, развившись сначала на почвѣ экономической, потомъ уже существуетъ самостоятельно, отчего страдаютъ и хозяева, не имѣющіе никакихъ эксплуататорскихъ поползновеній и достойные поэтому защиты закона. Но спрашивается, какъ-же вы отличите одинъ случай отъ другого, и кто будетъ судьей между рабочимъ и хозяиномъ? Лица, требующія для себя спеціальныхъ законовъ, недовольны теперешними мировыми судьями, держащими будто-бы руку рабочихъ, хотя они принадлежатъ къ сословію крупныхъ-же собственниковъ. Не создавать-же новаго суда, исключительно изъ лицъ, практикующихъ зимнюю наемку!

Уничтожьте условія, питающія послѣднюю, дайте народу кредитныя учрежденія, добейтесь того, чтобы крестьянинъ, продавая свой трудъ, совершалъ дѣйствительно свободную сдѣлку, и тогда требуйте защиты закона отъ неисполнительности рабочаго, которая въ этомъ случаѣ будетъ зависѣть уже отъ злой воли послѣдняго, до нѣкоторой степени поддающейся воздѣйствію кары. А пока экономическія отношенія сохраняютъ прежній характеръ—законодателю дѣлать нечего. Съ другой стороны, въ рукахъ самихъ хозяевъ находятся средства борьбы съ неисполнительностью рабочаго, и къ этимъ средствамъ прибѣгаютъ тѣ изъ нихъ, которые не желаютъ пользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестьянина. Никто не обязываетъ хозяина нанимать рабочаго за $^1/_2$ года впередъ,

и многіе владѣльцы вовсе прекратили выдачу задатковъ. Другіе, опасающіеся остаться при такомъ способѣ дѣйствія безъ рабочихъ, продолжаютъ выдавать деньги, но въ платѣ за трудъ не условливаются, а соглашаются сойтись на тѣхъ условіяхъ, какія своевременно будутъ установлены рынкомъ. Наконецъ третьи, уговорившись въ платѣ, обѣщаютъ извѣстную прибавку при томъ или другомъ урожаѣ хлѣба.

Итакъ, въ рукахъ хозяевъ находится два способа найма рабочихъ: одинъ—путемъ свободнаго соглашенія и за настоящую (рыночную) цѣну, причемъ неисполнительность рабочаго доводится до minimum'а, другой основанъ на крайней нуждѣ крестьянина; это—въ сущности замаскированная кредитная сдѣлка подъ лихвенные проценты, почему должникъ весьма часто оказывается несостоятельнымъ къ уплатѣ. Ниже мы пытаемся собрать разбросанные тамъ и здѣсь случаи этой формы кредита, чтобы показать читателю какъ степень распространенія ея, такъ и тяжесть, какая возлагается ею на плечи заемщика.

Богатаго матерьяла по этому вопросу естественно искать у такъ называемой Валуевской комисіи, ибо цѣлью ея было выяснить положеніе, въ какомъ находится у насъ крупное и мелкое хозяйство. Къ сожалѣнію, при своей работѣ комиссія не обратила на этотъ предметъ достаточнаго вниманія и заносила въ протоколы лишь тѣ факты, которые случайно были заявлены экспертами. Послѣдніе-же, принадлежа въ большинствѣ случаевъ къ классу, играющему въ указанной операціи роль молота, не очень были расположены распространяться о тяжести ударовъ, испытываемыхъ наковальнею, вслѣдствіе чего въ ихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемъ очень мало указаній по интересующему насъ вопросу. Земскіе статистическіе комитеты тоже даютъ намъ больше словесныя заявленія, чѣмъ цифровыя свѣдѣнія о зимней наемкѣ. Однако, если сюда присоединить извѣстія, разбросанныя въ агрономическихъ журналахъ и отвѣтахъ корреспондентовъ департамента земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности, то можно составить довольно ясную картину степени распространенія указанной формы кредита и особенно стоимости его для заемщика.

Всего болѣе данныхъ объ этомъ предметѣ мы имѣемъ относительно Тамбовской губерніи. Такъ, еще въ трудахъ упомянутой комисіи (Прил. I, отд. I, с. 117) о Козловскомъ уѣздѣ говорится, что «при совершеніи зимой съ крестьянами условій насчетъ обработки земли и при выдачѣ имъ всѣхъ денегъ впредъ, обработка обойдется вдвое дешевле, чѣмъ при наймѣ работниковъ лѣтомъ, но выполненіе работъ не всегда бываетъ вѣрно». То же самое можно сказать и о Кирсановскомъ уѣздѣ. Переводя

эту замаскированную кредитную сдѣлку въ явную,—это значитъ, что крестьянинъ, занимая зимой какой-нибудь десятокъ-другой рублей, черезъ 6—8 мѣсяцевъ возвращаетъ иха трудомъ, уплачивая за подержаніе 100%. Указанныя отношенія, существовавшія 10 лѣтъ назадъ, сохранились и по настоящее время; такъ, о Борисоглѣбскомъ уѣздѣ мы узнаемъ слѣдующее: подрядъ на лѣтнія работы «происходитъ большею частью не въ началѣ сельско-хозяйственнаго сезона, а задолго прежде того; такъ, на весеннюю вспашку крестьяне рядятся еще съ осени, на уборку хлѣбовъ—въ первые три мѣсяца новаго года». Столь умилительная заботливость крестьянъ о крупномъ хозяйствѣ очень просто объясняется нуждою ихъ въ деньгахъ, наступающею именно въ указанные моменты, причемъ достать требуемое имъ удается не иначе, какъ подъ условіемъ возврата ссуды работой. Что деньги крестьянамъ дѣйствительно нужны именно во время самозапродажи, что сдѣлка заключается ими не изъ опасенія остаться лѣтомъ безъ наемнаго заработка, т. е., что со стороны крестьянъ это будетъ заемъ,—видно изъ расходованія суммы, полученной яко-бы за работу; она идетъ во 1-хъ—на уплату податей; во 2-хъ—въ задатокъ за землю, которую въ это-же время крестьяне заарендовываютъ у помѣщиковъ; въ 3-хъ—на текущія потребности по дому. Ясно, что мотивомъ сдѣлки со стороны крестьянъ является не желаніе выгодно продать свой трудъ, а неудовлетворенная кредитная потребность. Впрочемъ, это-же самое прямо заявляютъ тамбовскіе статистики. «Сколько намъ извѣстно, у землевладѣльцевъ Козловскаго уѣзда весьма распространена наемка рабочихъ на будущія работы съ выдачею всѣхъ или большей части денегъ. Контингентъ такихъ рабочихъ составляется изъ наиболѣе бѣдныхъ крестьянъ, которые даже усиленно добивались заключать невыгодные контракты съ землевладѣльцами, ибо постоянно находятся въ крайней нуждѣ и не имѣютъ средствъ платить подати». «Крестьяне Моршанскаго уѣзда въ огромномъ большинствѣ, въ особенности малоземельные, уже въ началѣ зимы, заплативъ подати или еще не доплативъ ихъ, нуждаются въ денежныхъ ссудахъ на покупку хлѣба, корма скоту, и на всякія другія нужды въ своемъ хозяйствѣ. Отъ этого распространенъ у крестьянъ обычай наниматься на работы слѣдующаго лѣта осенью и зимой, съ полученіемъ значительной части или всѣхъ денегъ впередъ». Очевидно, во 1-хъ, что для крестьянина это—заемъ, съ обязательствомъ уплатить долгъ трудомъ, въ 2-хъ, что зимняя наемка является здѣсь не въ видѣ исключенія, а составляетъ обычный способъ заподряда на лѣтнія работы.

Во что-же обходится подобный заемъ одной сторонѣ, и что стоитъ

лѣтній работникъ другой? Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи, откуда мы почерпаемъ нужныя намъ данныя, относительно Борисоглѣбскаго уѣзда отвѣчаетъ на поставленный вопросъ отдѣльными примѣрами, потому что всѣ случаи похожи другъ на друга. Изъ этихъ примѣровъ видно, что лѣтнія цѣны на $1^1/_2$—$2^1/_2$ раза выше зимнихъ, т. е., что, занимая подъ свой трудъ, крестьянинъ за 6—8 мѣсяцевъ уплачиваетъ 50—150%. Одинъ помѣщикъ заявляетъ даже, что «уборка яровой пшеницы при зимнемъ наймѣ обошлась по 12 р. на кругъ; еслибы пришлось дѣлать наемъ въ рабочую пору, то уборка стоила бы 50 р.». Въ Спасскомъ уѣздѣ лѣтняя наемка дороже зимней на 60—70%, что и будетъ процентомъ, платимымъ крестьяниномъ за ссуду денегъ на 6—8 мѣсяцевъ; въ Шацкомъ уѣздѣ средняя цѣна обработки круга при лѣтнемъ наймѣ 11 р., при зимнемъ—8 р.; 3 рубля идетъ, какъ процентъ за 6—8 мѣсяцевъ на полученныя впередъ деньги, которыя далеко не всегда равняются всей выговоренной суммѣ и нерѣдко составляютъ лишь половину послѣдней; въ такомъ случаѣ процентъ за ссуду достигаетъ 100 годовыхъ и больше. Впрочемъ, относительно Моршанскаго и Козловскаго уѣздовъ, земскій статистикъ, г. Романовъ, выражается на этотъ счетъ такъ неопредѣленно, что мы лишаемся возможности опредѣлить разницу въ цѣнахъ лѣтней и зимней наемки и рискуемъ даже составить ложное понятіе о предметѣ. Такъ, опредѣливъ конкретными случаями среднюю стоимость обработки двухъ десятинъ при зимнемъ наймѣ въ 10—11 руб., онъ говоритъ, что при лѣтнемъ наймѣ обработка обойдется не меньше 12 р., иногда—гораздо дороже [1]). Разница, какъ видитъ читатель, очень велика; но сравнивать обѣ цифры невозможно, ибо первая изъ нихъ средняя, а вторая представляетъ minimum расходовъ. Обращаясь къ другимъ источникамъ, мы будемъ имѣть свѣдѣнія уже болѣе опредѣленныя, но зато и рисующія разсматриваемую сдѣлку гораздо менѣе выгодной для крестьянина. Такъ, корреспонденты министерства государственныхъ имуществъ, прибавимъ кстати, принадлежащіе къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ, заявляютъ, что въ Тамбовской губерніи при зимней наемкѣ посѣвъ и уборка десятины яроваго хлѣба стоитъ 5—6 р., а при лѣтней 6—10 р.; ржаная десятина въ первомъ случаѣ обходится въ 6—8 р., во второмъ 8—14 р. Въ Усманскомъ уѣздѣ заемъ крестьянами осенью денегъ подъ лѣтнія работы стоитъ имъ 152% годовыхъ. Такъ какъ разсматриваемый видъ кредита здѣсь очень распространенъ, то и потери населенія громадны:

---

[1]) Сб. ст. свѣд. по Тамб. губ. т. I, отд. II, т. V, VI, II, III.

усманцы такимъ способомъ занимаютъ 240,000 р., возвращая работой 500 тысячъ; а потери всего населенія Тамбовской губерніи отъ такой выгодной операціи опредѣляются г. Девелемъ въ $9^1/_2$ милліоновъ рублей. Хотя разсматриваемый способъ найма земледѣльческихъ рабочихъ заранѣе по уменьшенной цѣнѣ находитъ себѣ экономическое оправданіе въ томъ, что онъ совершается съ уплатою впередъ денегъ, которыя должны-же дать процентъ; но, разъ возникнувъ, онъ примѣняется и въ такихъ обстоятельствахъ, когда о процентѣ не можетъ быть и рѣчи. Именно, снимая владѣльческую землю, крестьянинъ часть арендной платы обязуется отдать трудомъ; казалось-бы, что оцѣнка этого труда должна быть сдѣлана по лѣтней нормѣ, такъ какъ денегъ впередъ здѣсь владѣлецъ не платитъ, а крестьянинъ получитъ ожидаемый доходъ отъ аренды лишь на будущее лѣто. Однако, вознагражденіе съемщика за трудъ, который онъ обязанъ отдать землевладѣльцу, опредѣляется тяжелыми условіями зимняго найма. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ, напримѣръ, снявъ 1 дес. земли за 15—16 р., крестьянинъ отдаетъ деньгами 10—11 р., а вмѣсто 5—6 рублей обязуется обработать $1^1/_2$—2 десятины по цѣнѣ $2^1/_2$—$4^1/_2$ р., между тѣмъ какъ при лѣтнемъ наймѣ стоимость этой работы равняется 10 рублямъ, т. е. въ 2—4 раза дороже [1]).

Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи повторяется то же самое, хотя цифровыя указанія не столь богаты. Изъ одной только Симбирской губерніи мы имѣемъ данныя, идущія изъ земскаго источника, о всѣхъ уѣздахъ за 1879 годъ. Оказывается—зимняя наемка настолько здѣсь распространена, что офиціальное учрежденіе публикуетъ о ней свѣдѣнія наряду съ данными о лѣтнемъ наймѣ. Не этимъ свѣдѣніямъ (см. «Земскую Газету») цѣна лѣтняго найма на жнитво лишь на 25—30% превышаетъ зимнюю наемку; между тѣмъ какъ по заявленіямъ, идущимъ изъ другихъ источниковъ, разница въ стоимости труда при обоихъ видахъ найма гораздо значительнѣе. Такъ, дѣлая разсчетъ на основаніи данныхъ, приводимыхъ въ докладахъ сельско-хозяйственной комисіи, заемъ зимою денегъ подъ лѣтнія работы въ началѣ 70-хъ годовъ обходился симбирскому и сосѣднему казанскому крестьянину въ 80—90%. О Симбирскомъ уѣздѣ за послѣднее время г. Красовскій выражается слѣдующимъ образомъ: «если землевладѣльцу удастся сдать работу за половину того, что стоитъ она въ дѣйствительности, то за эту эксплуатацію народной нужды онъ считается хорошимъ хозяиномъ»; здѣсь уже процентъ, платимый крестьяниномъ, по-

[1]) 1882 г. въ с.-х. отношеніи, с. 77. „Слово“, 1879, 2. Тр. ком. по изслѣд. Куст. Пром., в. I. 1883 г. въ сел.-хоз. отношеніи, в. III, отд. II, с. 100.

дымается до 100 за 6—8 мѣсяцевъ. Это потдверждается и другими свѣдѣніями о томъ же уѣздѣ, по которымъ жнитво при зимней наемкѣ стоитъ 3—4 р. + 1 пудъ муки + 10 фунт. гречневой крупы, тогда какъ лѣтомъ за ту же работу нужно заплатить 5—10 р. [1]). Во всякомъ случаѣ, однако, степень эксплуатаціи мелкаго земледѣльца описываемымъ способомъ въ Симбирской губерніи кажется гораздо менѣе интенсивной чѣмъ въ Тамбовской.

Въ Тульской губерніи наемъ лѣтнихъ рабочихъ зимой — столь-же обыкновенное явленіе, хотя цифровыхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ здѣсь уже крайне мало. По словамъ тульскаго губернатора, «осенью, когда наступаетъ время вносить въ казначейство подати, крестьяне, нуждаясь въ деньгахъ, продаютъ свой трудъ *за безцѣнокъ*»; пользуясь этимъ, богатые купцы заподряжаютъ тогда рабочихъ на два, на три года впередъ. Корреспондонты департамента земледѣлія изъ всѣхъ почти уѣздовъ губерніи заявляютъ о необходимости заблаговременно запасаться рабочими на страдную пору. Въ Веневскомъ уѣздѣ, напримѣръ, «нужда заставляетъ крестьянъ продавать свой трудъ на годъ и два впередъ; многіе изъ нихъ уже теперь (1883 г.) проѣдаютъ работу 1884—1885 г.». Что-же касается стоимости такого займа—объ этомъ мы можемъ привести лишь извѣстіе изъ Чернскаго уѣзда, гдѣ при зимнемъ наймѣ на уборку хлѣба крестьянъ берутъ 5 р. за десятину вмѣсто 7 р., т. е. платятъ за 10 мѣсяцевъ 40% [2]). Въ сѣверовосточной части Воронежской губерніи крестьянинъ, нанимаясь зимой и получая деньги впередъ, лишается $^1/_2$—$^2/_3$ рыночной стоимости труда, а будучи въ особенно затруднительномъ положеніи, соглашается работать и на одну седьмую! Въ Воронежскомъ уѣздѣ, лѣтъ 10 назадъ, этимъ наиболѣе распространеннымъ способомъ найма рабочихъ хозяева сохраняли третью часть нормальнаго расхода на трудъ, т. е. крестьяне теряли 50%; теперь въ томъ-же уѣздѣ зимою владѣльцы нанимаютъ крестьянъ на уборку хлѣба по $2^1/_2$—3 р. за десятину, тогда какъ лѣтняя цѣна ей $5^1/_2$—10 р. Въ Богучарскомъ уѣздѣ той-же губерніи наемъ рабочихъ начинается «лишь только сельскія власти приступятъ къ сбору податей», и тогда наниматели платятъ рабочему въ $1^1/_2$—3 раза меньше лѣтней цѣны. Какъ видитъ

---

1) „Земледѣльческая Газета“ 1880, 1; Докл. ком., ib., прил. VI, с. 8; Сб. мат. для изуч. сельск. позем. общ. Т. I, с. 372; Труды В. Э. О. 1879, 9. Впрочемъ, по отвѣтамъ корреспондентовъ департамента земледѣлія за 1883 годъ, разница въ стоимости лѣтняго и зимняго найма приближается къ той, какая указана „Земской Газетой“.

2) Докл. ком. и пр., Пр. VI, ч. с. 59; „Земледѣльческая Газета“ 1879, 34; 1883 годъ въ с.-х. отн., періодъ II, с. 36, в. III, с. 76.

читатель, процентъ на ссуду на 6—8 мѣсяцевъ подымается до 200! Въ 1883 г. въ Курской губерніи недостатка въ рабочихъ не было, между прочимъ, потому, что «многіе хозяева запаслись рабочими еще съ осени». О потеряхъ, какія выпадаютъ при этомъ видѣ найма крестьянину, можно судить по тому, что въ Суджанскомъ уѣздѣ уборка десятины хлѣба при уплатѣ денегъ впередъ обходилась въ 2—3 р., а при своевременномъ наймѣ 5 р. 50 к.—8 р. Въ Пензенской губерніи рабочіе, подрядившись на уборку хлѣба зимой, получаютъ вдвое меньше лѣтней платы, т. е. отдаютъ за ссуду на 6—8 мѣсяцевъ 100%; колебанія цѣны женскаго труда меньше. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи крестьянинъ, занимая зимой 1881 года 3—4 руб., обязывался лѣтомъ уплатить работой 4—7 руб., т. е. терялъ 30—75%. Экспертъ въ сельско-хозяйственной (Валуевской) комисіи объ Изюмскомъ уѣздѣ ограничился заявленіемъ, что подесятинныя работы вообще сдаются крестьянамъ «за хворостъ, покосы, землю, а также за деньги, которыя выдаются во время сбора податей» — скромно умалчивая о тѣхъ барышахъ, какіе наживаютъ при этой операціи наниматели. По заявленію Волчанскаго земства правительству, по поводу пониженія выкупныхъ платежей, —хозяйство всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда разстроено, между прочимъ, благодаря необходимости продавать свой трудъ во время сбора податей по невозможно дешевой цѣнѣ [1]). Въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи осенью крестьяне берутся убрать десятину табаку за 20 р. вмѣсто 30, а хлѣбъ за $1^1/_2$ р. вмѣсто $2^1/_2$, т. е. платятъ, занимая на 8 мѣсяцевъ, 50--60% [2]). Въ Полтавскомъ уѣздѣ десятки экономій убираютъ хлѣбъ должниками, забирающими въ продолженіе года различные хозяйственные продукты или получающими зимою часть денегъ за уборку. Это «удешевляетъ стоимость работъ въ два и болѣе разъ»; иначе говоря, знаемъ на время, далеко меньшее года, обходится крестьянину слишкомъ въ 100%. Мы уже не говоримъ о такихъ способахъ пріобрѣтенія рабочей силы, какъ «отработокъ за мытье бѣлья, за право выпустить утокъ на хозяйскій прудъ» и т. п., хотя было-бы не безъинтересно узнать, во что, напримѣръ, владѣлецъ пруда цѣнитъ то безпокойство, какое претерпѣваетъ его собственность, нося на себѣ пернатыхъ пловцовъ. Эксперты сельско-хозяйствен-

---

[1]) Докл. ib., ч. 1. с. 39, ч. II, с. 55; „Отечественныя Записки“ 1881, X, изъ „Порядка“; „Сельское хозяйство и лѣсоводство“ 1881, 6. 1883-й г. въ сел.-хоз. отношеніи. Періодъ I, с. 36; вып. III, отд. II, с. 83—84. Свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣба и травъ за лѣтній періодъ 1881 г.; 1882 г. въ с.-х. отн. с. 92; Докл. ком. и пр. пр. I, отд. I, с. 125—127.

[2]) Сб. по хоз. стат. Полт. губ. т. II, с. 107 21.

ной комисіи изъ Орловской губерніи по интересующему насъ вопросу выразились столь политично («въ видахъ обезпеченія, нанимаемъ рабочихъ заранѣе», «если не подумать о рабочихъ заблаговременно, то, пожалуй, останешься и безъ нихъ»), что мы можемъ сдѣлать заключеніе лишь о преобладаніи указаннаго способа найма рабочихъ въ губерніи, но не о степени эксплуатаціи труда; общая распространенность зимняго найма подтверждается и корреспондентами департамента земледѣлія. Изъ другого источника мы узнаемъ, что благодаря описываемому способу займа денегъ орловскій крестьянинъ приступаетъ къ уборкѣ своего хлѣба тогда, когда онъ уже на половину осыпался. Въ Болховскомъ уѣздѣ господствующая тамъ издѣльная обработка помѣщичьей земли при зимней наемкѣ совершенно подрываетъ батрацкое хозяйство, такъ какъ первымъ способомъ десятина обрабатывается за 5 руб., а вторымъ за 7 слишкомъ [1]). Въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи обработка земли разсматриваемымъ, сильно распространеннымъ тамъ способомъ, обходится владѣльцу въ 8—12 р. «пара» десятинъ, а иногда значительно ниже—если нанимающійся очень ужъ нуждается въ деньгахъ; это «еще болѣе обезсиливаетъ и такъ близкихъ къ разоренію крестьянъ, такъ какъ эта же самая работа, при условіи полученія платы по мѣрѣ ея исполненія, обходится нанимателю не дешевле 17 р.» Значитъ, кредитующійся описываемымъ способомъ крестьянинъ за время не болѣе $^1/_2$—$^2/_3$ года платитъ росту не менѣе 40—100%. Въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ наемъ на «подесятинную обработку» земли заранѣе, иногда за 1—2 года съ выдачею всѣхъ денегъ впередъ, распространенъ столь сильно, что земскіе статистики въ своихъ «дополненіяхъ къ экономическимъ таблицамъ» не имѣли даже случая привести нормальныя лѣтнія цѣны, вслѣдствіе чего и мы не можемъ сказать, во что обходится этотъ заемъ крестьянину. Мы знаемъ только, что полная обработка десятины отдается зимою за 4—6 р., т. е. приблизительно по той же цѣнѣ, что и въ Скопинскомъ уѣздѣ, почему и процентъ, уплачиваемый кредитующимися, не долженъ быть ниже 40—100. Одною изъ причинъ разстройства хозяйства помѣщичьихъ крестьянъ въ Спасскомъ уѣздѣ мѣстное земство считаетъ необходимость продавать свой трудъ впередъ за низкую цѣну. Судя по цѣнамъ издѣльнаго труда въ Рязанскомъ, Касимовскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ ($5^1/_2$—6 р. полная обработка десятины), нужно полагать, что и здѣсь господствуетъ тотъ-же

[1]) Докл. и пр. Пр. VI. ч. I. с. 70 и 147; 1883 г. въ с.-х. отн. в. III, отд. II, с. 70, 1884 г. въ с.-х. отн. пер. I, с. 54. „Земледѣльческая Газета“ 1880 г. „Сельское хозяйство и лѣсоводство“ 1880, 11 и 12.

пріемъ зимней наемки; обычное явленіе составляетъ онъ и въ Сапожковскомъ уѣздѣ [1]). Словомъ, заемъ крестьянами денегъ зимою, съ обязательствомъ уплатить долгъ лѣтнимъ трудомъ, есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ народнаго кредита въ Рязанской губерніи, почему и 60—200% годовыхъ—обыкновенная цѣна, платимая крестьяниномъ за ссуду. Въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи татары осенью берутся обработать десятину земли за 5 руб., тогда какъ при своевременномъ наймѣ стоимость этихъ работъ равняется 8 р., процентъ за ссуду на 8—10 мѣсяцевъ здѣсь будетъ 70; въ другихъ уѣздахъ губерніи онъ достигаетъ 100% (Труды статистической экспедиціи 1883 г.).

Посмотримъ на наши степи. Тамъ населеніе до того рѣдко, что его не хватаетъ на обработку полей, тамъ мужикъ нуженъ и, повидимому, его эксплуатировать не легко. Но это только повидимому; на самомъ-же дѣлѣ мужикъ вездѣ мужикъ, а въ Самарской губерніи онъ, можетъ быть, еще въ большей степени обладаетъ тѣми специфическими чертами, которыя характеризуютъ мелкаго русскаго производителя и къ числу которыхъ, между прочимъ, относится разсматриваемый нами способъ добычи денегъ. По словамъ г. Гиляранскаго, въ этой губерніи можно найти цѣлыя села, даже волости, заложившія свой трудъ по контракту на многіе годы, и не будь положительнаго запрещенія закона — разсматриваемый видъ займа крестьянами денегъ привелъ-бы къ полному ихъ закрѣпощенію. Теперь-же кабала ихъ временная: черезъ извѣстные промежутки крестьяне на часъ сознаютъ себя свободными людьми, чѣмъ они и пользуются для того, чтобы опять закабалиться. Выгоды, пріобрѣтаемыя ими отъ такого балансированія между свободой и рабствомъ, рисуются слѣдующими фактами. Еще въ 1877—8 г. г. купцы, подряжая крестьянъ для возки хлѣба за полгода впередъ и отдавая всѣ деньги на руки, платили 11 коп. съ пуда за разстояніе, которое при своевременномъ наймѣ обошлось-бы имъ не менѣе 15—20 коп., то есть крестьяне занимали деньги за 70—200% годовыхъ. То же самое имѣло мѣсто и въ спеціально земледѣльческой сферѣ; такъ, по словамъ англичанина Рота, зимой, отдавъ деньги впередъ, можно подрядить крестьянъ убирать хлѣбъ за 3 руб. десятину, тогда какъ при лѣтнемъ наймѣ цѣны подымались до 7 р.; въ Бугурусланскомъ уѣздѣ осенняя наемка обходилась въ $1^1/_2$ раза дешевле лѣтней. Это было нѣсколько лѣтъ назадъ; послѣдніе неурожайные году уро-

1) Докл. членовъ Рязанской губ. земск. упр. о ревизіи уѣздовъ, 1875, с. 463. Сборн. стат. св. по Рязанской губ.; 1883 г. въ с.-х. отн., в. III, отд. II, с. 89; XIX очередное Рязанское губ. зем. собр., с. 427.

нили, если это только возможно, еще болѣе кредитную силу крестьянина. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 1881 г. при наймѣ башкиръ зимою платили въ $1^1/_2$—2 раза меньше, чѣмъ лѣтомъ, что соотвѣтствуетъ 100—200% готовыхъ; а въ Новоузенскомъ—мужикъ, занимая для поддержанія своего бреннаго существованія $1^1/_2$ пуда муки цѣнностью въ 3 р. 30 коп., обязывался за нее сжать десятину хлѣба, что стоитъ 8—12 р., т. е. занималъ за 200—400 процентовъ годовыхъ [1]). Впрочемъ мелкій самарскій производитель можетъ утѣшаться, что онъ не единственный въ этомъ родѣ; голодъ не тетка, что онъ доказалъ, между прочимъ, и хвалынскому крестьянину. Въ зиму 80—81 г. онъ столько задолжалъ, что выплачивать долгъ ему придется работой двухъ слѣдующихъ лѣтъ; сообразно такому длинному сроку уплаты, процентъ по займу оказывается уже ни съ чѣмъ несообразный: именно жать хлѣбъ крестьяне согласились за 1—$1^1/_2$ р. десятина вмѣсто обычныхъ 8—15 р., что составитъ не меньше, а, можетъ быть, и больше 400—500% годовыхъ. Раньше въ той-же Саратовской губерніи мужикъ занималъ деньги на менѣе тяжелыхъ условіяхъ; такъ въ Саратовскомъ уѣздѣ въ концѣ 70-хъ г.г. разница въ цѣнѣ при зимней и лѣтней наемкѣ составляла 40—100%, да и теперь, при обычномъ теченіи жизни, она обыкновенно колеблется около 100%; въ другихъ уѣздахъ трудъ, проданный по нуждѣ, цѣнился обыкновенно вдвое дешевле вольнаго [2]).

Въ Бессарабской области «обыкновенно на уборку хлѣба рабочіе нанимаются въ декабрѣ съ уплатой всѣхъ денегъ впередъ. Наемъ-же рабочихъ во время уборки происходитъ рѣдко, потому что цѣны бываютъ слишкомъ высоки»; потеря, какую несетъ при этомъ нанимающійся, сирѣчь кредитующійся, «доходитъ иногда до 100%, но никогда не менѣе 50»; то-же отношеніе сохранилось и въ послѣдующее время: въ 1881 г. предусмотрительные хозяева, запасшіеся рабочими съ осени или весны платили за извѣстную работу $5^1/_2$—9 р., остальнымъ-же она обошлась въ 8—10 р. [3]). Въ Херсонской губерніи уборка хлѣба производится лишь частью простымъ, яснымъ своевременнымъ наймомъ, обыкновенно-же крестьяне работаютъ или за выпасъ скота, или за деньги, взяты въ кредитъ; въ

---

1) „Слово“, 1878 г. Тр. В. Э. О., 1878, 5, 11, „Сел. Хоз. и Лѣс.“, 1878. Свѣд. объ урожаѣ и пр., с. 32; „Рус. Курьеръ“, 1881, 140.

2) „Земство“, 1881, № 22. „Сел. Хоз. и Лѣс.“ 79, Х. Сб. стат. св. по Сарат. губ. Т. I, отд., II, с. 17. Смирновъ, Экономич. быт. Сарат. губ. с. 83. „Отеч. Записки“ 1879, 5.

3) Докл. комис. и пр., с. 133. Св. объ урожаѣ и т. д., с. 2.

послѣднемъ случаѣ крестьянинъ за 2 р. 50 к. соглашается убрать 1 дес. хлѣба и 2 дес. сѣна, между тѣмъ какъ уборка одного только хлѣба стоитъ больше этой сумму (Докл., прил., VI, ч. 1, с. 228). Многія экономіи Одесскаго уѣзда ссужаютъ зимою нуждающихся крестьянъ деньгами съ обязательствомъ отработать лѣтомъ поцѣнамъ, обыкновенно въ $1^1/_2$ раза низшимъ сравнительно съ рыночными [1]). Даже въ молодой Уфимской губ. для уборки сѣна подряжаютъ еще съ осени башкиръ за половинную, разумѣется, цѣну.

Приведенные факты, какъ видитъ читатель, относятся къ черноземной, хлѣбородной мѣстности. Это очень просто объясняется тѣмъ, что тамъ именно пріютился крупный хозяинъ, нуждающійся въ кабальномъ земледѣльческомъ трудѣ для поддержанія престижа капиталистическаго производства. Въ нечерноземной полосѣ господствуютъ другія формы народнаго кредита или, что тоже, другіе способы эксплуатаціи народной нужды; но и здѣсь, поскольку крупное хозяйство еще влачитъ свое существованіе, оно, по примѣру своихъ южныхъ собратьевъ, пытается основаться тоже на кабалѣ, ради чего беретъ на себя обязанность удовлетворять кредитную потребность сосѣдей-крестьянъ. Такъ, въ Смоленской губерніи, по словамъ г. Энгельгардта, помѣщичьи хозяйства только и держатся этой нуждой крестьянъ въ хлѣбѣ, деньгахъ (а также выгонахъ), заставляющей ихъ съ зимы подряжаться на владѣльческія работы по такой цѣнѣ, что за лѣтній рабочій день мужикъ получитъ 15 коп. на своемъ содержаніи. Впрочемъ это говоритъ не одинъ г. Энгельгардтъ; другіе хозяева также заявляютъ, что земледѣльческія работы нерѣдко тамъ производятся издѣльно «крестьянами, законтрактованными съ зимы или даже осени» (1881 г. въ с.-х. отн.). Въ Московской губерніи ссуда крестьянамъ хлѣба или денегъ служитъ однимъ изъ обыкновенныхъ способовъ пріобрѣтенія рабочей силы. Но благодаря, можетъ быть, тому обстоятельству, что эта губернія представляетъ обширное поле приложенія наемнаго труда, крестьянинъ платитъ меньшій процентъ, т. е. продаетъ себя относительно дороже. Судя по примѣрамъ, приводимымъ статистическимъ земскимъ сборникомъ, (Т. V, в. I), процентъ этотъ всего 60—100 годовыхъ (въ Волоколамскомъ уѣздѣ, напримѣръ, за каждые 8 р., занятые на 7—8 мѣсяцевъ, вмѣсто процента скашивается десятина луга, что врядъ-ли стоитъ дешевле 4—5 р.). Въ Псковской губерніи крестьянинъ уже менѣе счастливъ: въ Порховскомъ уѣздѣ, напримѣръ, «чуть успѣла стать

[1]) Мат. для оцѣнки земель Херс. губ. Т. I, с. 137—8.

зима, а ужъ изъ деревень идутъ толпой мужики, стучатся во всѣ помѣщичьи дворы: нанимаются въ напащики артелями». Какъ помѣщикъ ни отговаривается (и «денегъ-то нѣтъ», и «пьяницы-то вы», и «пашете-то вы скверно»), но въ концѣ концовъ снисходитъ къ просьбѣ крестьянъ, даетъ имъ по 10—15 р. денегъ, съ условіемъ отработать круговую десятину за 25—35 р. вмѣсто нормальной цѣны 50—60 р. Принимая во вниманіе, что впередъ выдается каждому «напащику» только 10 р., для полученія каковой суммы онъ соглашается потерять въ заработной платѣ до 35 р., мы согласимся, что процентъ за ссуду этого рода, платимый мелкимъ производителемъ, достигаетъ 350 за время, далеко меньшее года. Въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, беря впередъ деньги, крестьянинъ соглашается косить за 15 коп. въ день вмѣсто обычной платы 30 к., т. е. теряетъ ровно половину заработка. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, занимая весною до новаго урожая четверть ржи стоимостью 7—8 р., земледѣлецъ вмѣсто процента обязуется сжать десятину хлѣба, что равняется уплатѣ $3^1/_2$—5 р. деньгами; за 5—6 мѣсяцевъ займа это составитъ 50—75% [1]).

Приведенныхъ фактовъ, соглашаемся съ этимъ, недостаточно... но лишь для того, чтобы развернуть передъ глазами читателя полную картину эксплуатаціи народа описаннымъ способомъ. Но ихъ, кажется, вполнѣ довольно, чтобы догадаться, что разсматриваемое явленіе крайне распространено въ черноземныхъ губерніяхъ, что этотъ видъ кредита служитъ средствомъ пріобрѣтенія владѣльцами, по крайней мѣрѣ, половины нужной имъ рабочей силы, а въ такихъ губерніяхъ, какъ Тамбовская, Бессарабская, Орловская, о которыхъ есть прямыя указанія,—и гораздо большей части; что, слѣдовательно, 100—200—300% годовыхъ—обыкновеннѣйшее вознагражденіе, предлагаемое (?) мелкимъ производителемъ, вынужденнымъ прибѣгать къ описываемому виду займа, своему кредитору. А гдѣ недостаетъ фактовъ этого рода, тамъ встрѣчаются указанія, хотя столь-же отрывочныя, о другомъ близкомъ явленіи, имѣющемъ для мужика, пожалуй, еще болѣе тяжелое значеніе.

Положеніе, въ какомъ находятся денежныя дѣла крестьянина, вызываетъ у насъ къ жизни особаго рода торговлю и классъ лицъ, ею занимающихся—торговлю рабочей силой. Торговля эта развивается одинаково какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Съ юга, напримѣръ, въ «Правду» пишутъ что особаго рода аферисты снабжаютъ зимою крестьянъ деньгами, беря съ

[1]) Сб. матер. для изуч. сел. поземл. общ. Т. I. с. 322. „Недѣля“ 1880, № 49. Тр. В. Э. О. 1879, № X.

нихъ обязательство возвратить долгъ лѣтнимъ трудомъ и пріобрѣтенную такимъ образомъ рабочую силу въ свое время продаютъ въ 2—3 раза дороже. Кулаки сѣвера нанимаютъ своихъ должниковъ по 1½—3 р. въ недѣлю, а сами перепродаютъ ихъ на лѣтнія работы лѣсопромышленникамъ, за 4—5 р., наживая такимъ образомъ 80—100 р. на каждомъ, или больше 100%. «Зимою, когда бѣдняку (Олонецкой губ.) угрожаетъ экзекуція за неплатежъ податей, или весною, когда ему ѣсть нечего, десятникъ (такъ здѣсь называется торговецъ людьми) за безцѣнокъ покупаетъ лѣтній трудъ бѣдняковъ, выдавая имъ впередъ задатки 15—30 р. на человѣка. Весною десятники гонятъ цѣлыя артели рабочихъ на лѣсныя выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродавъ ихъ за двойную цѣну крупнымъ промышленникамъ. Другіе торговцы людьми разъѣзжаютъ по деревнямъ спеціально для покупки дѣтей. Многіе бѣдные родители за дешевую цѣну продаютъ дѣтей на нѣсколько лѣтъ. Накупивъ такимъ образомъ десятка два дѣтей, скупщикъ отправляетъ ихъ на подводахъ въ Петербургъ, подобно тому какъ возятъ въ городъ телятъ промышленники по этой части. Въ Петербургѣ дѣти распродаются по двойной и тройной цѣнѣ въ ремесленныя заведенія и торговыя лавки... Впрочемъ, чтобы не слишкомъ возмущать чувство читателя противъ Олонецкой г.,—утѣшаетъ авторъ,—мы дѣлаемъ оговорку, что торговля людьми, въ томъ видѣ какъ она описана выше, не есть мѣстное олонецкое явленіе, но существуетъ повсемѣстно въ Россіи». И дѣйствительно, въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губ., напримѣръ, подрядчики покупаютъ дѣтей для обученія ремеслу по 10 р. за мальчика, а перепродаютъ ихъ ремесленникамъ за 60 р. Такъ какъ продажа совершается и въ другія губерніи, то родители нерѣдко теряютъ изъ виду своихъ кровныхъ. «Агенты и подрядчики компаній желѣзныхъ дорогъ и каменноугольныхъ копей являются въ общества (Скопинскаго уѣзда Рязанской губ.), какъ будто по чутью, въ самое тяжелое для крестьянина время сбора податей и при помощи волостного, а частью и сельскаго начальства, задабривая ихъ, совершаютъ условія, выдавая отъ 10 до 25 р. задатка рабочимъ и законтрактовывая ихъ на отхожій трудъ, часто несоразмѣрный; при невыполненіи урочныхъ по условію работъ, дѣлаются вычеты изъ остального вознагражденія, такъ что рабочіе возвращаются большею частью до срока, приходятъ ни съ чѣмъ домой, упустивъ работы полевыя и не вознаградивъ ихъ отхожими». Въ Саратовской губерніи (Кузнецкомъ уѣздѣ) съ открытіемъ весны крестьяне отправляются искать работы или, вѣрнѣе, денегъ. Находятъ они ихъ обыкновенно въ базарныхъ селахъ служащихъ центрами продажи рабочей силы. Здѣсь они попадаютъ въ руки

подрядчика, обязавшагося поставить окрестнымъ помѣщикамъ столько-то рабочихъ и по такой-то цѣнѣ; выдавая крестьянину деньги впередъ, онъ ихъ нанимаетъ обыкновенно вдвое дешевле; такъ, напримѣръ, за жнитво десятины даетъ 4 р. вмѣсто вольной цѣны 8 р. Нерѣдко посредникомъ при наймѣ служитъ волостное правленіе, продающее крестьянъ и обращающее деньги въ уплату податей [1]).

Къ той-же категоріи торговли человѣческой силой относится наемъ на работы недоимщиковъ обыкновенно безъ ихъ согласія, а по сдѣлкамъ съ волостнымъ начальствомъ. Такъ, г. Молчановъ разсказываетъ, что богатые Екатеринославскіе землевладѣльцы зимою посылаютъ въ Великороссію своихъ приказчиковъ, которые отыскиваютъ тамъ волости съ большимъ числомъ недоимщиковъ, уговариваются съ волостнымъ начальствомъ о цѣнѣ и количествѣ ихъ, на какое они могутъ разсчитывать, и заканчиваютъ сдѣлку выдачей задатка, обращаемаго на уплату податей нанимающихся (въ чемъ и кроется суть дѣла для волостного правленія). Про Курскую губернію Чаславскій говоритъ, что «агенты южныхъ хозяевъ разъѣзжаютъ весной по волостямъ и здѣсь нанимаютъ недоимщиковъ, выдавая задатки, которые тутъ же идутъ въ уплату прежнихъ недоимокъ». Въ частности о Бѣлгородскомъ уѣздѣ этой губерніи мы узнаемъ, что здѣшніе недоимщики посылаются на работы къ мѣстнымъ коротиламъ помѣщикамъ, а ихъ заработокъ вносится послѣдними прямо въ волостное правленіе, гдѣ и зачитывается въ счетъ недоимки. Въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи недоимщики подряжаются волостными правленіями на лѣсныя работы, и нерѣдко случается, что, кромѣ небольшого задатка, крестьяне не только не получаютъ ничего за нѣсколько мѣсяцевъ работы, но еще остается въ долгу, который и отрабатываетъ впослѣдствіи. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской г. подряды крестьянъ на заводскія и лѣсорубочныя работы дѣлаются черезъ посредство волостныхъ правленій, которыя тутъ-же получаютъ часть слѣдующихъ рабочему денегъ и вносятъ ихъ въ счетъ податей. Нерѣдко нанимаемые (татары) бываютъ только безмолвными свидѣтелями сдѣлки, которая за нихъ заключается волостнымъ начальствомъ [2]). Но кажется, что описываемый способъ добыванія рабо-

---

1) „Моск. Вѣд.“ 79, 162. Сел. Хоз. и Лѣс. 78, 11; Рус. Вѣд. 80, 73. „Съ сѣвера Россіи“; Недѣля, 9, 28. Докл. чл. губ. зем. упр. о ревизіи уѣз. 1875 г. с. 480—1 „От. Зап.“, 1878, 5, ст. Трирогова.

2) Нов. Вр., 1876, 1115. Хлѣбн. торг. въ центр. районѣ, ч. II, с. 242. Рус. Кур. 1881, 74. Докл. с.-х. ком. прил. 1, отд. II, с. 206. Анапаевская волость, с. 156.

чихъ практикуется, главнымъ образомъ, сахарными заводами, и здѣсь нерѣдко комбинируются оба рода торговли людьми: продажа и самопродажа.

«Сахарозаводчики въ большинствѣ случаевъ не сами нанимаютъ рабочихъ, а обращаются къ подрядчикамъ, которые обязуются поставить извѣстное количество рабочихъ съ содержаніемъ отъ себя. Эти посредники, при содѣйствіи сельскихъ властей, вербуютъ деревенскій людъ и платятъ ему всегда меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Кромѣ того, они обираютъ рабочихъ и другими способами. Такъ, въ нѣкоторыхъ заводахъ устроены шинки, лавочки и пр. Что касается штрафовъ, то тутъ царитъ полный произволъ» («Порядокъ», 1881, 266). Ну, само собой разумѣется! Наиболѣе жалкими рабочими свеклосахарныхъ заводовъ являются проданные туда за недоимки, какъ, напримѣръ, крестьяне голодныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи—Мглинскаго и Суражскаго. «Ранней весной и даже зимой являются въ Суражскій уѣздъ подрядчики отъ сахарозаводчиковъ, лѣсоторговцевъ и судохозяевъ нанимать рабочихъ, съ которыми они и заключаютъ условія въ волостномъ правленіи. Подрядчиками являются въ большинствѣ случаевъ евреи, обратившіе наемъ рабочихъ въ свою спеціальную профессію, пріѣзжающіе изъ года въ годъ въ одни и тѣ же мѣста, хорошо знакомые съ мѣстными условіями и сельскимъ начальствомъ, оказывающимъ имъ немалыя услуги при наймѣ рабочихъ. Имъ извѣстно, гдѣ въ данномъ году сильнѣе всего потребность въ заработкѣ, когда идетъ усиленное взысканіе податей и т. п...» «Въ случаѣ надобности начальство можетъ и усилить свою дѣятельность по взысканію налоговъ, за что получитъ вещественную благодарность со стороны подрядчиковъ, и время ихъ пріѣзда—золотая пора для сельскихъ властей». «Задатокъ, выдаваемый рабочему и служащій главной приманкой для нанимающагося, почти всегда непосредственно переходитъ въ руки сборщика податей». Наемъ рабочихъ для сахарныхъ заводовъ Сумскаго уѣзда Харьковской г. иногда дѣлается особыми факторами. «Чтобы возможно дешево нанять рабочихъ — нужно имѣть немалую смекалку. Прежде всего разузнается, нѣтъ-ли въ ближайшихъ мѣстностяхъ голодовокъ, взысканій значительно накопившихся недоимокъ, а еще лучше, если есть гдѣ повальный падежъ скота или недавно выгорѣвшія деревни. Въ эти мѣстности наниматели ѣдутъ прежде всего, разсчитывая нанять тамъ рабочихъ скоро и, главное, дешево. Ѣдущіе нанимать рабочихъ держатъ въ строжайшей тайнѣ отъ другихъ заводовъ открытый ими бѣдствующій пунктъ, чтобы не встрѣтить при наймѣ конкуррентовъ». Условія заключаются съ лицами, изъявившими желаніе наняться, а также и съ не изъявившими желанія и отсутствующими, ко-

торыхъ волостное начальство сочтетъ нужнымъ назначить по своему усмотрѣнію, подъ предлогомъ отработка податей. Во время совершенія условій идетъ разливное море разныхъ могарычей и пропоя задатковъ, подъ вліяніемъ которыхъ крестьянами плохо сознаются тѣ условія, на которыхъ они соглашаются идти работать на заводы» [1]). Несмотря на все это, сахарозаводчики считаютъ обиженными не рабочихъ, а самихъ себя; по крайней мѣрѣ, такъ они заявили министру финансовъ года два тому назадъ, плачась на обиды со стороны рабочихъ, берущихъ задатки одновременно у нѣсколькихъ нанимателей,—и на волостныя правленія, утверждающія такія безнравственныя сдѣлки, несмотря на то, что за вѣрную службу они получаютъ съ сахарозаводчиковъ по 2 р. съ проданной головы. Министръ финансовъ отвѣтилъ имъ, что рабочій вопросъ вообще нынѣ разсматривается правительствомъ, но что если кіевскій биржевой комитетъ представитъ ходатайство, то вопросъ спеціально о заводскихъ рабочихъ можетъ быть, не дожидаясь хода всего дѣла, внесенъ на разсмотрѣніе ближайшей сессіи государственнаго совѣта. («Новое Время», 1880, № 1660). Подобныя же жалобы на неисправность рабочихъ, нанятыхъ заранѣе, раздаются и со стороны помѣщиковъ и даже цѣлыхъ земскихъ собраній, причемъ представители народа хлопочутъ, что бы ихъ довѣрители за указанную неисправность въ уплатѣ денегъ (ибо это вѣдь не наемъ, а заемъ) подвергались уголовной отвѣтственности.

Не одни сахарозаводчики пользуются дешевымъ кабальнымъ трудомъ. Описываемый способъ займа волостнымъ начальствомъ денегъ, на счетъ недоимщика, практикуется, напримѣръ, въ Вятской губерніи, откуда посылать зарабатывать долгъ на сахарные заводы было-бы черезчуръ далеко. Къ счастью для репутаціи усердія волостного начальства, жаждующіе дешеваго труда находятся всюду, такъ что и вятскіе недоимщики могутъ отправляться на сторонніе работы партіями отъ 30 до 300 человѣкъ сразу. Въ 1880 г., напримѣръ, недоимщики Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ были проданы Франко-Россійскому Уральскому обществу, владѣющему пермскими заводами, на шесть мѣсяцевъ для рубки дровъ. Видно, дѣло было спѣшное, такъ какъ подряженныхъ сгоняли съ полей «ровно подъ турку», не давая даже покончить съ уборкой своего хлѣба. Наиболѣе развитой промыселъ губерніи—бурлачество—всецѣло основанъ на той-же необходимости для крестьянина какими бы то ни было

---

[1]) Мат. для оцѣн. зем. Черниг. г., Т. IX, и Козлова „Матеріалы для опредѣленія цѣнности и доход. предм. обложенія Сумскаго у.“ в. 2, с. 130.

средствами уплатить подати. Поэтому и получаетъ онъ за 600—1000 верстъ разстоянія какихъ нибудь 9—15 р., большая часть которыхъ прямо отъ нанимателя поступаетъ въ волостное правленіе. Самъ же бурлакъ только пропутешествуетъ въ распутицу $1^1/_2$—2000 в., да пропуститъ яровые посѣвы [1]).

Ограничимся по данному вопросу сказаннымъ. Читатель видитъ, что разсматриваемый крайне дорогой способъ займа денегъ (подъ работу) является не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Послѣдствія же выражаются не одной только растратой денежныхъ средствъ крестьянина; не болѣе производительно расходуется и его трудъ; хозяинъ не успѣваетъ, какъ слѣдуетъ, обработать собственный участокъ, ибо за его спиною съ контрактомъ въ рукахъ стоитъ кредиторъ, требующій, чтобы онъ шелъ на владѣльческія поля. Прогресъ мелкаго земледѣлія при такихъ условіяхъ пріостанавливается не однимъ только отсутствіемъ у хозяина капиталовъ; отвергнуты должны быть и тѣ улучшенія, которыя требуютъ исключительно усиленной затраты труда.

Кромѣ экономическихъ неудобствъ, зимняя наемка имѣетъ и неблагопріятное нравственное вліяніе; она дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на крестьянина. Будучи обремененъ работой сверхъ физической возможности, послѣдній привыкаетъ небрежно относиться ко взятымъ на себя обязательствамъ и понемногу становится негоднымъ къ дѣловымъ сношеніямъ вообще.

Въ предыдущей и настоящей статьяхъ читатель познакомился съ нѣкоторыми неблагопріятными условіями, въ какія поставленъ мелкій производитель. Но есть еще цѣлая сѣть другихъ отношеній, въ которыя запутывается крестьянинъ и которыя въ концѣ концовъ приводятъ его къ такимъ же огромнымъ потерямъ, находящимся внѣ всякихъ серьезныхъ оправданій; и мы, кажется, никогда-бы не кончили, еслибы задались цѣлью опредѣлить всѣ тѣ элементы, совокупность которыхъ образуетъ удушающую экономическую атмосферу мелкаго производства. Ограничимся, поэтому, сказаннымъ и повторимъ еще разъ: простѣйшими элементами, изъ которыхъ образовались болѣе сложныя, выражаясь языкомъ естествознанія, «соединенія», входящія въ составъ разсматриваемой атмосферы, суть малоземелье, высокіе платежи и заботы правящихъ классовъ о развитіи капиталистическаго производства. Вмѣсто желательнаго производства явилось, однако, капиталистическое обращеніе товаровъ, которое выманило

---

[1]) Рус. Кур., 1880 г., 254; Тр. Под. Ком., Т. XXII, ч. III, Отд. I, с. 494.

изъ рукъ мужика сначала его избытки, насколько таковые существовали, потомъ предметы необходимаго потребленія, зато дало ему деньги, которыя и перешли въ сундуки казначейства. Еслибы громадное развитіе торговли въ Россіи явилось естественнымъ результатомъ аналогичнаго движенія въ сферѣ промышленности, оно было-бы полезно для населенія, и самая торговля велась бы на обыкновенномъ коммерческомъ основаніи: производители, не торопясь, понемногу сбывали бы свои избытки; посредники между ними и потребителями имѣли бы за участіе въ процессѣ извѣстный доходъ. Но у насъ главный смыслъ торговаго прогресса заключается, во-первыхъ, въ снабженіи мужика деньгами для уплаты по разнообразнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ему, которыя, прибавимъ, съ теченіемъ времени растутъ и растутъ; во-вторыхъ, въ способствованіи накопленію капиталовъ. Такъ какъ деньги крестьянинъ получаетъ недаромъ, а въ обмѣнъ на свои продукты, которыхъ у него вовсе не такъ много, чтобы онъ охотно съ ними разставался, то вмѣстѣ съ развитіемъ обращенія товаровъ долженъ былъ образоваться классъ лицъ, который-бы взялъ на себя задачу побудить мужика отчуждать свои продукты въ размѣрахъ, не только удовлетворяющихъ требованіямъ фиска, но и способныхъ послужить дѣлу сосредоточенія капитала; иначе говоря, этому капиталу предстояло заставить мужика отдавать на сторону гораздо больше, чѣмъ это нужно по обстоятельствамъ дѣла (уплаты налоговъ): продавать въ три-дешева, покупать въ три-дорога и т. п. И мы видѣли, какъ блистательно была выполнена эта задача: каждый рубль, въ которомъ нуждается крестьянинъ, стоитъ ему два-три; чтобы отдать казнѣ сотни мил. р., онъ платитъ постороннимъ лицамъ вдвое больше. Истинность приведеннаго положенія подтверждается тѣми фактами потерь, несомыхъ мелкими производителями при добычѣ денегъ, какіе мы приводили выше. Но тотъ же выводъ можно подтвердить и другимъ способомъ, именно сравнивая ростъ продажи крестьянами хлѣба съ увеличеніемъ за то же время платежей. Такое сравненіе сдѣлано г. Николаемъ—ономъ, причемъ оказалось, что тогда какъ государственные налоги, уплачиваемые земледѣльцами, за 8 лѣтъ семидесятыхъ годовъ возросли на 6½ мил. четвертей хлѣба, вывозъ зерна (отчужденіе продукта, произведеннаго крестьянами) увеличился на 33½ мил. чет., т. е. въ 5 разъ больше. Имѣя въ виду, что производительность земледѣлія за это время осталась in statu quo, т. е., что ростъ вывоза не можетъ быть объясненъ выгодностью оборота, совершаемаго крестьянами, которые будто бы мѣняютъ избытокъ своего зерна на товары иностраннаго производства, и зная, что народное потребленіе другихъ жизненныхъ продуктовъ за

указанный періодъ не измѣнилось настолько, чтобы этимъ можно было объяснить сокращеніе потребленія хлѣба, мы должны признать, что это отчужденіе произведено крестьянами ради полученія денегъ для уплаты по различнымъ, главнымъ образомъ, частнымъ обязательствамъ. Значитъ, вмѣстѣ съ ростомъ налоговъ и отчасти въ зависимости отъ этого послѣдняго, но гораздо быстрѣе, растетъ доля, уплачиваемая народомъ частнымъ лицамъ. По разсчету того же автора, въ настоящее время мужикъ два дня въ недѣлю работаетъ на себя и 4—на другихъ; вспомнивъ, что крѣпостной крестьянинъ отдавалъ своему владѣльцу лишь половину рабочаго времени, мы должны признать, что въ послѣдній періодъ русской исторіи эксплуатація народа возросла на 33%.

Основываясь на описанныхъ способахъ эксплуатаціи народа, читатель, можетъ быть, скажетъ, что суть всего этого дѣла кроется въ отсутствіи дешеваго мелкаго кредита и что, организуя послѣдній, мы тѣмъ самымъ устранимъ главнѣйшій источникъ раззоренія народа, сохранимъ въ его рукахъ значительную долю средствъ, растрачиваемыхъ теперь направо и налѣво, и такимъ образомъ создадимъ мелкому производителю возможность повести земледѣліе по желательному пути прогресса.

Въ отвѣтъ на высказанное замѣчаніе мы прежде всего спросимъ: возможно-ли организовать народный кредитъ, оставляя in statu quo господствующія экономическія отношенія, допуская, чтобы капитализмъ по прежнему управлялъ матерьяльными судьбами страны? Въ Россіи, какъ это намъ извѣстно, господствуетъ капиталъ ростовщическій и торговый; накопленіе совершается по преимуществу въ той же сферѣ, и здѣсь оно идетъ быстрыми шагами, несмотря на относительную незначительность массы продуктовъ, фигурирующихъ на рынкѣ въ качествѣ товаровъ. Это быстрое накопленіе обязано своимъ существованіемъ именно тѣмъ отношеніямъ, въ какія поставленъ мелкій производитель и которыя даютъ возможность кулаку наживать около него 100—200 процентовъ. Еслибы торговля и кредитъ были у насъ построены на обыкновенномъ комерческомъ основаніи, еслибы они давали только средній процентъ, то накопленіе капитала въ Россіи развивалось-бы незамѣтно, капитализмъ тлѣлъ-бы, но не горѣлъ яркимъ пламенемъ, не вызывалъ-бы къ себѣ общественнаго вниманія и не сдѣлался-бы любимымъ дѣтищемъ вліятельныхъ классовъ. Спрашивается, въ виду такихъ результатовъ, можетъ-ли частный капиталъ въ Россіи отречься отъ солидарности со скупщиками и ростовщиками и обратиться непосредственно въ народъ; иначе говоря—согласятся ли капиталисты затратить свои средства на организацію дешеваго, т. е. дающаго обычный

процентъ, народнаго кредита? Вѣдь поступить такимъ образомъ, значитъ, рыть яму самому себѣ; отдаться въ руки народа—для капитала значитъ, сдѣлаться слугою послѣдняго, спуститься въ экономической жизни страны до подчиненной роли чужого орудія, въ то время когда на западѣ его собратъ господствуетъ, и когда русскій капиталъ чувствуетъ себя прекрасно въ завоеванной области ростовщичества и кулачества. Итакъ, частный капиталъ пока недоступенъ народу. Не придетъ-ли ему на помощь общество?

Судя по тому, что намъ извѣстно по данному вопросу,—нужно полагать, что въ кредидѣ нуждается огромное большинство мелкихъ производителей. Если общество пожелаетъ удовлетворить разсматриваемую потребность во всемъ ея объемѣ, ему предстоятъ такія затраты, послѣ которыхъ у него врядъ-ли останутся средства для поддержки капиталистическихъ предпріятій. Оно должно будетъ тогда окончательно разорвать съ капитализмомъ, признать, что развитіе народнаго производства, поддержаніе мелкаго производителя—должно сдѣлаться главнѣйшей задачей внутренней экономической политики. Если оно поступитъ сказаннымъ способомъ,—оно вырветъ почву изъ-подъ ростовщическаго капитала, и послѣдній, потерявъ возможность наживать 100—200 процентовъ, согласится перейти къ народу за 6—10%. Вотъ почему мы сказали, что организація дешеваго народнаго кредита, безъ радикальной перемѣны экономическихъ принциповъ, исповѣдываемыхъ и преслѣдуемыхъ въ жизни культурными классами—невозможна. Но измѣняется-ли общественно-экономическое міросозерцаніе этихъ классовъ, видно-ли у нихъ живое сознаніе того значенія, какое принадлежитъ народному производству вообще и крестьянскому сельскому хозяйству въ частности? Убѣдились-ли они въ разрушительномъ вліяніи капитала на экономическій строй Россіи? Согласны-ли, что капиталистическаго земледѣлія въ западно-европейскомъ смыслѣ у насъ не существуетъ, что наша крупная культура своимъ вліяніемъ на быть народа является факторомъ, подтачивающимъ исконную экономическую и финансовую основу государства безъ надежды замѣнить ее новой, безъ возможности поставить на мѣсто мелкаго самостоятельнаго производителя истинную капиталистическую промышленную организацію? Объ этомъ до извѣстной степени можно судить по отношенію, какое выказала, при обсужденіи проекта послѣднихъ реформъ, часть печати и «свѣдущихъ» людей. Что-же мы здѣсь видимъ? Непосильная тяжесть выкупныхъ платежей для обширной части Россіи признана всѣми; этой тяжестью въ значительной степени объясняется рядъ печальныхъ явленій крестьянской жизни, съ которыми мы познакомились на предыдущихъ страницахъ: самопродажа мужика за по-

ловинную плату, продажа недоимщика волостнымъ начальствомъ на сторону, ведущая къ окончательному раззоренію его хозяйства, преждевременное отчужденіе по дешевой цѣнѣ хлѣба, нужнаго для собственнаго питанія— всѣ эти и имъ подобныя явленія вытекаютъ изъ необходимости для крестьянина достать денегъ, чтобы расплатиться съ лежащими на немъ обязательствами, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ, если не самое первое, по его значенію, составляютъ выкупные платежи. Очевидно, что на уменьшеніе послѣднихъ и должно быть направлено главное вниманіе общества. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тогда какъ небольшое смягченіе платежей пройдетъ для крестьянина незамѣтнымъ,—десять-двадцать рублей, скинутыхъ съ домохозяина, способны сохранить ему еще столько-же денегъ, нынѣ уплачиваемыхъ въ видѣ процентовъ по займу въ той или другой формѣ, для разсчета съ казначействомъ. Поэтому значительное уменьшеніе выкупной суммы имѣетъ гораздо большее облегчающее вліяніе, чѣмъ то выражается цифрою скидки; пониженіе выкупныхъ платежей пріобрѣтаетъ вслѣдствіе этого еще болѣе важное экономическое значеніе, и чѣмъ серьезнѣе мы признаемъ послѣднее, тѣмъ энергичнѣе должны стремиться къ увеличенію скидки, приходящейся на каждаго домохозяина. Словомъ, экономическая сторона дѣла составляетъ главнѣйшее основаніе разсматриваемаго преобразованія, какъ по его мотивамъ, такъ и по вѣроятнымъ вліяніямъ въ будущемъ. Обращаясь-же отъ этихъ соображеній къ голосу общественнаго мнѣнія, насколько о немъ можно судить по ходу интересующаго насъ дѣла, остается признать, что не экономическіе, а политическіе мотивы считаются имѣющими болѣе важное значеніе. Судя по отношенію къ данному вопросу вліятельной части нашего культурнаго общества, нужно-бы признать, что русское государство испытываетъ не экономическія, а политическія затрудненія, что русскій народъ не столько страдаетъ подъ давленіемъ разнообразныхъ экономическихъ тягостей, вынося ихъ черезчуръ терпѣливо и почти безропотно, сколько оппонируетъ изъ принципа (уменьшенія налога), изъ-за пустяка въ экономическомъ смыслѣ. Словомъ, отношеніе къ вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, формулированное большинствомъ комисіи изъ свѣдущихъ людей, основано на убѣжденіи (хотя и не высказанномъ), что экономическая обстановка крестьянскаго хозяйства довольно удовлетворительна и требуетъ лишь частныхъ поправокъ, которыя къ тому-же должны подчиниться соображеніямъ инаго рода, напримѣръ, политическимъ. Но то же отношеніе можетъ быть и результатомъ другого убѣжденія: признанія, что будущее принадлежитъ не народному, а капиталистическому земледѣлію, что по-

этому незачѣмъ особенно и стремиться поддерживать крестьянское хозяйство; наконецъ, въ основѣ его можетъ лежать простое душевное состояніе, которое можно выразить такимъ образомъ: «а Богъ съ нимъ, съ крестьянскимъ хозяйствомъ и съ будущимъ Россіи!—было-бы теперь чѣмъ поживиться, а послѣ насъ хоть потопъ или свѣтопреставленье!» Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ мы не можемъ признать особенно отчетливаго и живого пониманія свѣдущими людьми и ихъ поклонниками настоящаго экономическаго момента, не можемъ и надѣяться, чтобы эта часть общества поспособствовала тому преобразованію взглядовъ и направленія внутренней экономической политики, какое мы считаемъ необходимымъ для организаціи народнаго кредита и вообще для измѣненія атмосферы, удушающей мелкаго производителя.

Такая-же узкость взгляда и несерьезность отношенія къ переживаемому экономическому моменту видна и въ отношеніи свѣдущихъ людей къ другимъ, предложеннымъ на ихъ обсужденіе вопросамъ. Вмѣсто того, чтобы исправить односторонніе воззрѣнія, естественныя въ бюрократическихъ сферахъ, свѣдущія лица, люди жизни, признали вмѣстѣ съ ними, что народъ спивается,—поэтому его прежде всего нужно лѣчить отъ этой болѣзни и именно тѣми средствами, которыя намѣчены бюрократіей;—что переселенія слѣдуетъ сдерживать, а то, пожалуй, мужикъ разбредется, хозяева останутся безъ денегъ и рабочихъ. Словомъ, вмѣсто людей, свѣдущихъ по вопросамъ жизни и призванныхъ внести живую струю дѣйствительности въ кабинетное рѣшеніе вопросовъ, земскіе эксперты превратились въ чиновниковъ, вырабатывающихъ проекты по плану бюрократіи. Правительство, однако, пригласило ихъ вовсе не для этого и нельзя сказать, чтобы поведеніе экспертовъ служило доказательствомъ яснаго пониманія значительной частью нашего культурнаго общества сути современнаго положенія дѣлъ, а безъ такого пониманія нечего разсчитывать и на исполненіе тѣхъ pia desideria, ради которыхъ мы обратили вниманіе на омисію изъ свѣдущихъ лицъ.

Одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій правительства за послѣдніе годы, это—учрежденіе банка для помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земель. Какъ ни радикальной съ перваго взгляда можетъ показаться эта мѣра, при ближайшемъ однако изслѣдованіи ясно видно, что она—такой-же палліативъ, какъ и многое множество другихъ. Достаточно сказать, что правительство не станетъ вмѣшиваться въ соглашеніе покупателя и продавца, и потому это послѣднее будетъ вестись на общемъ комерческомъ основаніи: владѣльцу оставляется полная возможность сохранить за собой

гѣ земли, которыя всего нужнѣе крестьянамъ, или взять за нихъ непомѣрно высокія деньги. Цѣны земли, и теперь достигшія неестественной высоты, сдѣлаются ни съ чѣмъ несообразными, просто разорительными, когда покупателемъ явится по преимуществу мелкій производитель. Крестьяне, соблазнившись титуломъ полнаго собственника, взвалятъ на себя такое бремя, которое, конечно, очень мало поспособствуетъ возвышенію ихъ благосостоянія; ибо пока они не выкупятъ земли окончательно, имъ все равно -носитъ-ли непосильный платежъ названіе арендной платы или выкупа; въ обоихъ случаяхъ онъ поглощаетъ малѣйшіе избытки, онъ разорителенъ. Но есть въ этомъ дѣлѣ сторона, еще болѣе серьезная. Хотябы земля была куплена всѣмъ обществомъ, она въ большинствѣ случаевъ будетъ поверстана между покупателями подворно, сообразно суммѣ платежа, вносимой каждымъ. Вмѣстѣ съ такимъ поверстаніемъ начнется и торговля землей въ средѣ самого общества; крестьянинъ, дѣла котораго немного позапутались, почему въ данный моментъ онъ не въ силахъ справиться со своимъ участкомъ, платить за который, однако, нужно,— передастъ его зажиточномъ односельчанину. То же сдѣлаетъ не сегодня-завтра второй, третій, и такимъ образомъ значительная часть земли сосредоточится въ рукахъ немногихъ кулаковъ, и вмѣсто одного помѣщика, отъ котораго общество избавилось покупкой его земли, появится въ самомъ сердцѣ общины два-три-четыре. Послѣднее не во сто-ли кратъ горше перваго? Такой результатъ особенно возможенъ именно въ настоящее время: запасовъ у крестьянъ не осталось вовсе, а неурожаи сдѣлались обычнымъ явленіемъ, обходя довольно быстро одну за другой всѣ мѣстности Россіи. За неурожаемъ обыкновенно слѣдуетъ продажа крестьянами скота, сдача ими надѣловъ обществу или богатымъ сосѣдямъ и забрасываніе на время самостоятельнаго земледѣльческаго промысла. Но такой мужикъ можетъ поправиться, и если онъ не потерялъ права на надѣлъ, онъ самъ или его дѣти возвращаются къ земледѣльческому занятію. Иное выйдетъ, если земля составляетъ полную собственность крестьянина: временное, но неизбѣжное бѣдствіе здѣсь ведетъ уже къ результатамъ непоправимымъ; земля, которая въ тягость мужику сегодня, ускользаетъ изъ его рукъ навсегда, и онъ со всѣмъ своимъ семействомъ спускается на ступень пролетарія.

Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ то время какъ полная собственность обнажила свои язвы, когда опытъ показалъ, чта при современныхъ экономическихъ условіяхъ она ведетъ къ обремененію владѣльца долгами, къ отвлеченію капитала отъ сельско-хозяйственнаго промысла,

къ сокращенію срока пребыванія земли въ однѣхъ рукахъ, къ крайностямъ парцелированія и концентраціи имуществъ, когда, слѣдовательно, она представляется сыгравшей свою прогрессивную роль и теперь лишь драпируется въ обрывки когда-то роскошной одежды, изъ-подъ которой однако видны признаки смерти и разрушенія; въ то время какъ полная собственность возбуждаетъ противъ себя реакцію на западѣ, гдѣ она имѣла извѣстное культурное значеніе и гдѣ теперь начинаетъ возбуждаться мысль о передачѣ земель въ руки государства,—въ этотъ именно моментъ, въ Россіи—отечествѣ неполной собственности, общиннаго и государственнаго землевладѣнія—проявляется энергичное стремленіе разрушить исконную земельную организацію, выступить на путь развитія, какимъ шли наши западные сосѣди, несмотря на то, что скользкость его общепризнанна; уничтожить ту организацію, которая оберегала нашу родину отъ болѣзненныхъ потрясеній, столь обычныхъ въ другихъ государствахъ Европы, и которая, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, представляла бы достаточно прочное основаніе для мирнаго послѣдующаго развитія. И что всего интереснѣе: впереди, въ этой разрушительной работѣ, идетъ та сила, для которой разрушеніе всего болѣе опасно, которая желаетъ какъ можно болѣе мирнаго и спокойнаго движенія впередъ. Она собственными руками роетъ яму, которую пожелаетъ, вѣроятно, когда нибудь засыпать, но, можетъ быть, уже поздно!

Впрочемъ, мы должны высказать свое мнѣніе, что и при существованіи спеціальнаго кредитнаго учрежденія покупка крестьянами помѣщичьихъ земель не рѣшитъ аграрнаго вопроса. Порукой въ этомъ служитъ ходъ выкупной операціи: путемъ свободнаго соглашенія крестьянъ съ владѣльцемъ совершена была значительно меньшая часть сдѣлокъ, а подъ конецъ дѣло выкупа пошло такъ медленно, что правительство нашло нужнымъ вмѣшаться и покончить его однимъ ударомъ. Безъ сомнѣнія, и дальнѣйшее устройство быта крестьянъ будетъ произведено приблизительно такимъ же пріемомъ.

Все вышеприведенное даетъ основаніе заключить, что господствующее въ современномъ обществѣ «народное» направленіе не серьезно и потому непрочно. Оно не есть результатъ глубокаго убѣжденія въ истинности извѣстныхъ положеній; оно явилось, какъ логическая уступка со стороны культурныхъ классовъ переживаемому тяжелому моменту и тому его освѣщенію, какое сдѣлано немногими, искренно преданными народу лицами. Но логическая обязательность не ведетъ за собой непремѣнно обязательность нравственную; послѣдняя является тогда, когда извѣстные принципы

запечатлѣны въ душѣ человѣка доводами не одного разсудка, но и чувства, когда человѣкъ можетъ утверждать, что онъ не только знаетъ, но и вѣритъ. А этого-то и нельзя сказать о нашемъ культурномъ обществѣ. Имѣя за душой лишь эксплуататорскія поползновенія, взявъ на прокатъ систему міросозерцанія, способную удовлетворить послѣднимъ, и широко прилагая ее къ жизни вплоть до настоящаго момента, мы пришли съ нею къ кризису, къ замѣшательству нравственному и экономическому, разобраться въ которомъ при помощи излюбленныхъ нами принциповъ капитализма—невозможно. А такъ какъ событія, разрушающія милыя нашему сердцу иллюзіи, слѣдуютъ другъ за другомъ съ чрезвычайной быстротой, почему мы не имѣемъ времени подыскать имъ надлежащаго мѣстечка въ системѣ нашего міросозерцанія, приноровленнаго, какъ мы это сказали выше, къ эксплуататорскимъ поползновеніямъ—и событія эти столь грозны, что невозможно сидѣть сложа руки, въ ожиданіи, пока настоящее положеніе дѣлъ будетъ должнымъ образомъ освѣщено съ точки зрѣнія нашихъ интимныхъ вѣрованій и пожеланій,—то намъ не оставалось ничего больше, какъ уступить противоположному направленію, имѣющему готовый отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ вопросовъ жизни. Но уступка эта—вынужденная и, какъ мы надѣемся, временная; мы сдѣлали ее съ тяжелымъ сердцемъ и тайной надеждой, что пока будетъ предпринято что нибудь серьезное—положеніе дѣлъ измѣнится, дѣйствительность потеряетъ грозный характеръ, а мы опять обрѣтемъ свой штандпунктъ, съ котораго были такъ неожиданно сбиты.

И вотъ, въ такомъ то настроеніи мы приступаемъ къ рѣшенію самыхъ жгучихъ вопросовъ современности. У насъ нѣтъ умственной силы отвергнуть положеніе, что главныя заботы должны быть направлены на обезпеченіе экономическаго благосостоянія массы населенія, на почвѣ самостоятельнаго народнаго производства, а между тѣмъ всѣ наши остальныя душевныя струны отказываются акомпанировать этому мотиву. Выходитъ, естественно, путаница, широкія начинанія и узенькое исполненіе, громкія фразы и тихіе вздохи, которые, однако, скорѣе доходятъ до неба, такъ кахъ вырываются изъ чистаго, хотя и не невиннаго сердца.

Итакъ, опредѣляя равнодѣйствующую общественныхъ стремленій нынѣшняго дня, мы должны признать, что не ему разсѣять удушливую атмосферу, окружающую мелкое земледѣліе. Остается надежда на завтра. И надежда эта вовсе не неосновательна. Современное положеніе Россіи утѣшительно, но крайней мѣрѣ, тѣмъ, что какъ-бы ни были печальны явленія настоящаго дня, это не даетъ намъ ни малѣйшаго основанія отча-

яваться за слѣдующій. Мы растемъ умственно страшно быстро. По мнѣнію даже патентованныхъ ученыхъ, въ послѣдніе «четыре года много воды утекло, много пережила Россія, больше, чѣмъ другія переживаютъ въ полстолѣтія; но экономическій строй ея не измѣнился» (Янсонъ). Отсюда общее разстройство, которое исчезнетъ лишь вслѣдъ за экономическими преобразованіями. Развитіе наше выразилось, между прочимъ, тѣмъ, что принципы народничества признаны, такъ сказать, офиціально. Слѣдующіе удары неумолимой исторіи заставятъ общество поискать лицъ, беззавѣтно преданныхъ этимъ принципамъ и всего болѣе способныхъ осуществить ихъ въ жизни.

Но это будетъ завтра; сегодня-же мелкое производство находится подъ вліяніемъ цѣлой массы общественныхъ условій, стѣсняющихъ не только его движеніе впередъ, но и существованіе въ рамкахъ, уже очерченныхъ исторіей. Безъ измѣненія этой общественно-экономической стороны дѣла нечего думать и объ агрикультурномъ прогрессѣ. Если агрономическіе недостатки земледѣлія составляютъ злобу текущаго *дня*, то экономическая его обстановка есть злоба переживаемой *минуты*. И подобно тому, какъ немыслимо перешагнуть черезъ текущій моментъ, намъ невозможно избѣжать и требуемыхъ временемъ экономическихъ преобразованій. Лишь послѣ того наступитъ чередъ серьезнаго земледѣльческаго прогресса; а потому лица, стоящія въ данномъ вопросѣ исключительно на агрономической точкѣ зрѣнія, въ интересахъ своего собственнаго дѣла, должны прежде всего хлопотать объ экономическомъ преобразованіи.

КРЕДИТЪ ВЪ КУСТАРНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ [1]).

Изъ двухъ предшествующихъ статей читатель могъ ознакомиться съ положеніемъ краткосрочнаго кредита среди земледѣльческаго населенія Россіи. Онъ могъ убѣдиться, что обыкновенный процентъ, по которому крестьяне достаютъ деньги, это—около 100 годовыхъ; что прямой заемъ далеко не удовлетворяетъ всей потребности народа въ кредитѣ, почему онъ прибѣгаетъ ко многимъ формамъ замаскированнаго займа, изъ числа которыхъ мы указали на невыгодную продажу продуктовъ хозяйства, нужныхъ самому себѣ, и самозаподряда на земледѣльческія и другія работы съ полученіемъ значительной части условленной заработной платы впередъ.

---

[1]) „Наблюдатель“ 1886.

Не лучше того состояніе кредита и въ средѣ кустарей. Это уже можно предвидѣть заранѣе, зная, что мелкая обработывающая промышленность не отдѣлена у насъ отъ земледѣльческой, что кустарь,—это тотъ же хлѣбопашецъ, не выдѣляющійся изъ остальной массы крестьянства и потому несущій на себѣ всѣ тягости, вытекающія изъ неустройства мелкаго кредита. И это подтверждается многочисленными фактами, разбросанными въ изданіяхъ, посвященныхъ кустарному производству въ Россіи. Но, представляя въ общихъ чертахъ организаціи кредита сходство съ остальной Россіей, кустарная область имѣетъ нѣкоторыя особенныя формы, вытекающія изъ различія въ положеніи сельскаго хозяйства въ черноземной и нечерноземной полосѣ и несходства между мелкой земледѣльческой и обработывающей промышленностью. Однако эти формы представляютъ лишь видоизмѣненія тѣхъ, какія существуютъ среди земледѣльческаго населенія Россіи и въ основныхъ чертахъ вполнѣ сходны съ послѣдними.

Различіе замѣтно прежде всего въ матеріальномъ содержаніи займовъ. Землевладѣлецъ производитъ по преимуществу потребительныя стоимости, кустарь—мѣновыя. Первый большую часть предметовъ потребленія получаетъ со своего хозяйства, второй долженъ купить ихъ на рынкѣ. Первому деньги нужны, главнымъ образомъ, для уплаты податей, затѣмъ для пріобрѣтенія сравнительно небольшого числа предметовъ потребленія, которыхъ онъ не можетъ произвести собственными руками; пищу же, частью и одежду, а также средства производства (зерно для посѣва) онъ не покупаетъ, а производитъ самъ; т. е. въ области земледѣльческаго производства еще сильно господствуетъ натуральное хозяйство. Кустарь находится въ иномъ положеніи: земледѣліе далеко не обезпечиваетъ его пропитанія въ теченіе года; матеріалъ для промысла онъ въ большинствѣ случаевъ долженъ пріобрѣсти на рынкѣ. Такимъ образомъ, деньги ему нужны не только для уплаты податей, но, главнымъ образомъ, для покупки хлѣба, матеріала кустарнаго производства и т. п.; иначе говоря, здѣсь натуральное хозяйство значительно уступаетъ денежному. Съ другой стороны, господство мѣнового хозяйства служитъ причиной, что около кустаря ютится гораздо больше мелкихъ торговцевъ, чѣмъ около земледѣльца черноземной полосы. Уже одни скупщики его издѣлій составляютъ многочисленный классъ лицъ, соединяющихъ покупку продуктовъ кустарнаго производства съ торговлею предметами мѣстнаго потребленія. Изъ этого различія въ уловіяхъ производства и потребленія въ черноземной и нечерноземной полосахъ вытекаетъ и несходство въ матеріальномъ содержаніи кредита той и другой области. Земледѣльцу, когда онъ обра-

щается къ кредиту, нужны, главнымъ образомъ, деньги; онъ ихъ не можетъ замѣнить ничѣмъ инымъ, такъ какъ долженъ расплатиться ими по своимъ частнымъ и государственнымъ обязательствамъ. Кустарю же деньги нужны не сами по себѣ, а лишь какъ средство; поэтому, за невозможностью занять денегъ, онъ готовъ взять хлѣбомъ, желѣзомъ (если онъ кузнецъ) и другими предметами. Въ свою очередь, и его обыкновенный кредиторъ-торговецъ гораздо болѣе богатъ послѣдними, чѣмъ денежными средствами, и болѣе склоненъ ссужать кустаря натурой, такъ какъ этимъ путемъ онь наживаетъ гораздо высшій процентъ. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, въ области кустарнаго производства натуральный кредитъ пользуется гораздо большимъ распространеніемъ, нежели въ спеціально-земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Это была рѣчь о прямомъ кредитѣ; но не менѣе рѣзкое различіе мы находимъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія вытекаютъ изъ необходимости обращаться къ разнымъ формамъ косвенныхъ займовъ. Собственно говоря, косвенный кредитъ въ сферѣ кустарнаго производства распространенъ мало; но здѣсь встрѣчаются другія, аналогичныя ему отношенія, проистекающія отъ той же причины, которая вызвала въ черноземной области разные виды замаскированныхъ займовъ—изъ отсутствія прямого кредита въ его обычной денежной формѣ.

Когда земледѣлецъ не можетъ достать денегъ, онъ продаетъ хлѣбъ, нужный самому себѣ, который потомъ ему придется покупать втридорога. Кустарь тоже прибѣгаетъ къ подобной продажѣ, но хлѣба у него такъ мало, что этимъ пріемомъ не выручишь нужной суммы. Зато у него есть продуктъ его промысловой работы, который онъ сохранялъ до ярмарки или другого случая продать по выгодной цѣнѣ. Нужда въ деньгахъ не позволяетъ ему ждать больше, и вотъ онъ несетъ его къ мѣстному торговцу и отдаетъ со значительной скидкой съ рыночной цѣны. Такимъ образомъ, благодаря тому обстоятельству, что кустарь производитъ по преимуществу мѣновыя стоимости, неустройство прямого кредита ведетъ здѣсь къ особенному развитію преждевременной и поэтому невыгодной продажи продуктовъ производства для рынка, въ отличіе отъ черноземныхъ областей, гдѣ добываются, главнымъ образомъ потребительныя стоимости и гдѣ та же причина имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отчужденіе предметовъ, нужныхъ самому крестьянину; хотя и здѣсь преждевременная продажа хлѣба—явленіе, болѣе чѣмъ обыкновенное.

Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ неустройства кредита въ сферѣ кустарнаго производства и наиболѣе рѣзкой чертой, отличающей въ этомъ

отношеніи послѣднюю область отъ земледѣльческой, являются измѣненія самой организаціи промысла. Въ земледѣліи мы можемъ различать тѣ же формы производства, что и въ обработывающей промышленности: самостоятельную мелкую, чистую капиталистическую и среднюю между мелкой и крупной—представляющую аналогію такъ называемой домашней формы крупной обработывающей промышленности. Первыя двѣ формы извѣстны читателю безъ всякихъ объясненій, а подъ послѣдней мы разумѣемъ тотъ способъ хозяйства, гдѣ владѣльческія земли обработываются крестьяниномъ при помощи своего инвентаря. Но хотя въ земледѣльческой и обработывающей промышленности основные принципы организаціи производства одни и тѣ же, тѣмъ не менѣе комбинаціи ихъ, а оттого и конкретныя формы представляютъ значительное различіе. Въ земледѣліи домашняя форма крупнаго производства обыкновенно комбинируется съ мелкой самостоятельной: работникомъ первой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, бываетъ крестьянинъ, имѣющій собственное хозяйство, и лишь изрѣдка попадаются спеціалисты плугари, все лѣтнее время занятые обработкой помѣщичьихъ полей. Въ обработывающей промышленности существуютъ другія отношенія: указанная комбинація полукапиталистической и мелкой самостоятельной формы встрѣчается, какъ переходная ступень отъ одной къ другой, или какъ исключеніе, признаваемое злоупотребленіемъ со стороны работника. Обыкновенно же кустарь является участникомъ той или другой формы, а не обѣихъ вмѣстѣ. Если обстоятельства сложились такимъ образомъ, что ему нужно вступить работникомъ въ организацію домашней формы крупнаго производства—онъ вступаетъ въ эту организацію весь, цѣликомъ; между тѣмъ какъ въ земледѣльческой области надѣлъ крестьянина опредѣляетъ минимальныя границы, въ предѣлахъ которыхъ онъ будетъ сохранять свою хозяйственную самостоятельность.

Благодаря указанному различію въ условіяхъ земледѣльческой и обработывающей промышленности, недостатокъ кредита неодинаково отражается на самосостоятельности мелкаго производителя въ обѣихъ областяхъ. Земледѣлецъ, занимая деньги подъ условіемъ возвратить долгъ трудомъ (обыкновенно земледѣльческимъ же), или заставляетъ отработывать долгъ лишняго члена своей семьи (отдавая его въ батраки), или берется за такъ называемые подесятинные заработки оставляющіе ему время и для работы на собственномъ надѣлѣ. Это—естественный результатъ того обстоятельства, что крестьянинъ владѣетъ участкомъ земли, ведетъ на немъ хозяйство, и ни одному кредитору не придетъ въ голову требовать, чтобы, ради уплаты долга, крестьянинъ бросилъ свой участокъ и превратился въ

полнаго батрака. Въ сферѣ кустарнаго производства встрѣчаются иныя отношенія. Стоимость средствъ производства, которыми владѣетъ кустарь (орудій труда), составляетъ такую незначительную часть всего нужнаго капитала, что владѣніе ими въ большинствѣ случаевъ нисколько не обезпечиваетъ ему самостоятельности, и послѣдняя зависитъ оттого, есть ли у кустаря матеріалъ и пропитаніе въ теченіе трудового періода. Если есть—онъ работаетъ самостоятельно, нѣтъ—поступаетъ въ чужіе работники. Сплошь да рядомъ кустарь колеблется между положеніемъ самостоятельнаго производителя и чужого работника: при однихъ условіяхъ сбыта онъ работаетъ на рынокъ, съ измѣненіемъ ихъ онъ трудится на хозяина. Поэтому, когда кустарь вовсе не можетъ достать денегъ для покупки матеріала или получаетъ ихъ (на содержаніе семьи, уплату податей и т. п.) съ условіемъ возвратить долгъ трудомъ—онъ вовсе бросаетъ самостоятельное производство и превращается въ работника чужой мастерской или домашней системы крупнаго производства. Переходной ступенью къ этой послѣдней можно, пожалуй, считать ту форму, когда кустарь, въ уплату долга, поставляетъ продуктъ своего труда; впрочемъ, это—настолько же вынужденная продажа продукта, какъ и труда.

Обратимся же къ описанію различныхъ формъ кредита, существующихъ въ сферѣ кустарнаго производства.

Наиболѣе выгодные займы можно дѣлать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. И вотъ, эти-то формы кредита всего меньше распространены въ средѣ кустарей, какъ это можно видѣть изъ нижеприводимыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ новѣйшей литературы. Въ Тверской губерніи волостныхъ и сельскихъ банковъ, учрежденныхъ на основаніи положеніи 1883 г. для государственныхъ крестьянъ, считается всего 81, но и изъ нихъ обнаруживаютъ кое-какіе признаки жизни 57, или 70%; число всѣхъ заемщиковъ 6,833, выдано въ ссуду 115,500 р. Ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ губерніи 49, членовъ въ нихъ около 11,500, въ ссуду роздано 396,000 р. Хотя приведенныя цифры очень невелики, но и ихъ значеніе сильно подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣятельность большей части упомянутыхъ учрежденій въ сущности прекратилась: «большая часть капиталовъ волостныхъ банковъ давнымъ-давно разобрана по рукамъ, причемъ даже проценты взыскиваются далеко не вездѣ акуратно; извѣстно также, что многія изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ пошли тою же дорогой, какъ и волостные банки: раздавъ имѣвшіеся паевые взносы и вклады, они ежегодно переписываютъ данныя обязательства и болѣе или менѣе акуратно взыскиваютъ проценты. Почти въ томъ же положеніи

находится общественный кредитъ въ Вятской губерніи. Такъ, въ Слободскомъ уѣздѣ ссудныя кассы встрѣчаются почти при каждомъ волостномъ правленіи, но «польза и кругъ дѣятельности ихъ весьма ограничены, и ссуды по большей части выдаются тѣмъ изъ крестьянъ, которые побогаче или приходятся сродни волостному начальству. Хотя всѣ ссуды производятся не болѣе, какъ на годъ, но рѣдко возвращаются своевременно, и остаются въ однѣхъ рукахъ по нѣскольку лѣтъ, считаясь въ недоимкахъ, изъ которыхъ многія всходятъ до 1863 г.».

Въ трудахъ московскаго земскаго статистическаго бюро мы находимъ слѣдующія указанія на дѣятельность кредитныхъ учрежденій среди кустарей. Въ металлическомъ округѣ въ 1876 г. существовало лишь одно ссудо-сберегательное товарищество, основанное за годъ до этого и потому не успѣвшее еще выказать свой истинный характеръ; то же самое нужно сказать и о мебельномъ районѣ. Уваровское ссудо-сберегательное товарищество Подольскаго уѣзда, находящееся въ округѣ производства щетокъ, служитъ исключительно на пользу крупныхъ промышленниковъ, а мелкіе даже и не состоятъ его членами. Ссудо-сберегательное товарищество с. Кленова того же уѣзда, находящееся въ шляпномъ районѣ, «ведется неумѣло, и дѣла его такъ запутаны, что тѣ производители, которымъ бы оно было наиболѣе полезно, совсѣмъ отстранились отъ него». Хотя въ Сергіевскомъ посадѣ,—центрѣ игрушечнаго производства,—и находится общественный банкъ, но, выдавая ссуды подъ учетъ векселей, подъ залогъ цѣнныхъ вещей, недвижимости или процентныхъ бумагъ, онъ полезенъ только торговцамъ и крупнымъ производителямъ. Зеркальщики-хозяева Клинскаго уѣзда имѣютъ дешевый кредитъ въ мѣстномъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ; что же касается наемныхъ рабочихъ или начинающихъ хозяевъ, то имъ остается одинъ видъ кредита: забрать подъ паспорта у московскихъ лавочниковъ съ обязательствомъ поставлять имъ издѣлія по невыгоднымъ для себя цѣнамъ. Производители издѣлій изъ папье-маше пользуются мѣстнымъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ во время застоя промысла, получая оттуда средства для пріобрѣтенія предметовъ потребленія.

Существующія въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи волостныя кассы государственныхъ крестьянъ «сдѣлались въ настоящее время орудіемъ спекуляціи въ рукахъ волостныхъ старшинъ и потеряли для массы крестьянства всякое значеніе». Волостная касса при андреевско-годуновскомъ волостномъ правленіи (Александровскаго уѣзда), въ области производства варежекъ, недавно закрылась, а волостной старшина попалъ

за растрату кассовыхъ суммъ въ тюрьму. Напротивъ того, харитоновское ссудо-сберегательное товарищество Шуйскаго уѣзда своими операціями поддерживаетъ падающій промыселъ выдѣлки косъ и даетъ кустарямъ средства перейти къ другимъ занятіямъ. Сельскіе банки и ссудо-сберегательныя товарищества, находящіеся въ ветлужскомъ рогожномъ районѣ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, «далеко не достигаютъ своей цѣли, какъ по ничтожности капиталовъ, находящихся въ обращеніи, такъ и по значительнымъ недостаткамъ въ самихъ учрежденіяхъ»; вслѣдствіе этого кустари обращаются къ разнымъ видамъ крайне невыгоднаго кредита. Въ с. Павловѣ, той же губерніи—центрѣ замочно-ножевого производства,—существуютъ два ссудо-сберегательныхъ товарищества; одно изъ нихъ уже давно роздало деньги по рукамъ, и эти долги служатъ только обремененіемъ для членовъ кассы; второе, наученное опытомъ перваго, можетъ быть, поведетъ свои дѣла осмотрительнѣе, выдавая ссуды лишь въ случаѣ дѣйствительной нужды. Въ с. Быково-Майданахъ, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи, есть ссудо-сберегательное товарищество, въ которомъ и кредитуются окрестные кустари-древодѣлы. Оно основано по иниціативѣ интеллигентнаго лица въ 1873 г., въ настоящее время имѣетъ 900 членовъ и оборотъ болѣе, чѣмъ въ 25,000 руб. «Польза отъ товарищества ясно чувствуется крестьянами, которые относятся къ этому дѣлу сочувственно, что видно изъ ежегодно увеличивающагося числа членовъ, изъ хорошаго состоянія дѣлъ товарищества, аккуратной уплаты займовъ». Въ с. Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда, занимающемся разными издѣліями изъ мѣдной проволоки, существовала когда-то мірская касса, которою населеніе было, повидимому, довольно. «Въ настоящее время касса прекратила свои операціи, потому что крестьяне отошли на выкупъ, а нѣкоторые говорятъ, что будто-бы члены стали злоупотреблять довѣріемъ». Въ с. Красномъ, — центрѣ ювелирнаго промысла Костромского и Нерехотскаго уѣздовъ—лѣтъ 5 тому назадъ открыта ссудо-сберегательная касса, но «дѣло идетъ какъ-то вяло, и она врядъ-ли приноситъ какую-нибудь пользу кустарямъ». Касса Мисковской волости Костромскаго уѣзда, занимающейся выдѣлкою ковшей, доступна всѣмъ домохозяевамъ волости, лишь бы они представляли по одному поручителю на каждые 10 р. занимаемой суммы; но капитала въ кассѣ числится всего 6,000 р. (хотя она и основана еще въ 1840 г.), и весь онъ розданъ въ ссуду. Въ Тулѣ недавно открыто общество взаимнаго кредита тульскихъ мѣщанъ; ссуду изъ него можетъ получить всякій, внесшій въ общество не менѣе 25 р. Въ Тульскомъ уѣздѣ, въ послѣдніе годы, открыто 4 ссудо-сберега-

тельныхъ товарищества; но, не говоря уже о томъ, что они существуютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ развита торговля, а не кустарные промыслы—завѣдывающіе товариществами (преимущественно лица волостного начальства) «всѣ выгоды отъ учрежденія сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ, на его средства ведутъ торговлю, скупаютъ хлѣбъ и лѣса на срубъ, вслѣдствіе чего пользуются хорошими барышами, а бѣдные промышленники не имѣютъ отъ товариществъ никакой помощи для производства». Гончары Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, принадлежащіе къ обществамъ бывшихъ военныхъ поселянъ, могутъ получать ссуды изъ мірскихъ капиталовъ, представляя поручителя на каждые 10 р. займа; с. Моторино обладаетъ мірскимъ капиталомъ въ 2,750 рублей, общества новогеоргіевское и табурищенское владѣютъ капиталомъ въ размѣрѣ 5,500 рублей и т. д. Кустари нѣмецкихъ волостей Одесскаго уѣзда пользуются ссудами изъ мірскихъ капиталовъ, предназначенныхъ для различныхъ потребностей. Тихвинскіе кузнецы воспользовались всѣмъ кредитомъ, какой они могли получить въ мѣстномъ городскомъ банкѣ, заложили туда свои дома и кузницы, а уплатить долга въ срокъ не могли; теперь половина заложеннаго имущества продана за долги, другая ждетъ той же участи. Изъ двухъ извѣстныхъ намъ общественныхъ кассъ Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, могущихъ служить кустарямъ, одна (съ капиталомъ въ 650 р.) опустѣла, другая бездѣйствуетъ, боясь растратить свои средства [1]).

Мы перебрали, кажется, всѣ случаи организованнаго кредита, встрѣтившіеся въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, и читатель видитъ, какъ рѣдка эта форма и какъ мало пользы имѣетъ кустарь, даже тамъ, гдѣ существуютъ волостныя кассы и ссудо-сберегательныя товарищества. Въ большинствѣ случаевъ послѣднія или давно роздали капиталъ и теперь бездѣйствуютъ, или служатъ только богатой части населенія, или наконецъ лишились капитала, благодаря злоупотребленіямъ завѣдующихъ лицъ. Въ огромномъ же большинствѣ кустарныхъ районовъ вовсе нѣтъ организованныхъ кредитныхъ учрежденій, да и тамъ, гдѣ существуютъ послѣднія, огромное большинство мелкихъ промышленниковъ не имѣютъ вовсе кредита или прибѣгаютъ къ весьма убыточнымъ формамъ денежнаго или матеріальнаго займа у мѣстныхъ ростовщиковъ-скупщиковъ.

---

[1]) Покровскій, Ист.-ст. опис. Тверск. г. т. I „Кредитн. учрежд.“. Тр. куст. ком. в. XI, с. 290. Пр. Моск. г. т. II, с. 71; т. I, с. 84. Сб. ст. св. Моск. губ. т. VI. в. I, с. 44, 227; id. в. II, с. 68, 178, т. VII, в. I, ч. 2, с. 348. Сел. общ. и пр. Юрьев. у. с. 84. Пр. Влад. г. в. I, с. 179, 180. Тр. куст. ком. в. X, с. 2894; III, с. 70. Григорьевъ Павловскій слесарный районъ с. 98, 99. Тр. куст. ком. в, VI, с. 543; IX, 2416, 2048 2073, 2284; VIII, с. 1596, 1821—2, 1400; II, с. 75, 101.

Въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, напр., 5% въ мѣсяцъ при займѣ у частныхъ лицъ считается нормальнымъ явленіемъ; въ шерстяномъ районѣ Александровскаго уѣзда во время взноса податей кустарю остается выбирать между преждевременной продажей хлѣба по низкимъ цѣнамъ или займомъ у богатыхъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: за годовой окладъ податей (не выше 15 р.) на 2—3 мѣсяца кустарь платитъ «за подержанье» смотря по нуждѣ, 1—2 мѣры ржи, что составитъ 3—10% въ мѣсяцъ. Выше мы видѣли, что крупные кустари-щеточники Московской губерніи кредитуются въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ не дороже 9—12% въ годъ; мелкій же мастеръ долженъ закладывать что либо изъ своего имущества и получать отъ ростовщика ссуду изъ 5—10% въ мѣсяцъ. То же самое можно сказать и объ игрушечникахъ Сергіевскаго посада: крупнѣйшіе изъ нихъ берутъ деньги въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ изъ 8—12% годовыхъ; обыкновенный же кустарь пользуется услугами одного изъ трехъ посадскихъ закладчиковъ, платя по займамъ 5—10% въ мѣсяцъ. Картинщики и стекольщики той же губерніи кредитуются у ростовщиковъ, подъ залогъ имущества, изъ 30—100% въ годъ; шляпники платятъ ростовщикамъ подъ закладъ имущества же не менѣе 5% въ мѣсяцъ, и это—въ виду существующаго здѣсь ссудо-сберегательнаго товарищества, не приносящаго кустарямъ никакой пользы. Рузскіе кузнецы ссужаютъ другъ друга небольшими суммами, матеріаломъ или орудіями на короткій срокъ и безвозмездно, «изъ одолженія», т. е. за угощеніе, обходящееся, однако, 2—3% въ мѣсяцъ; если же кузнецу нужны деньги на продолжительный срокъ (полгода и больше), то онъ обращается къ присяжному ростовщику, имѣющемуся въ каждой деревнѣ, и платитъ ему, въ среднемъ, 10% въ мѣсяцъ. Мѣдники Загарья поставлены въ лучшія условія; въ ихъ районѣ есть богатое лицо, ссужающее кустарей изъ 18% въ годъ. «Процентъ этотъ кажется производителямъ столь ничтожнымъ, что у нихъ названіе «благодѣтель» неразрывно связано съ именемъ этого лица, и они говорятъ, что у человѣка образованнаго дешево, всего за 1½ к. въ мѣсяцъ, денегъ достать можно, а необразованному заплатишь 10%». Что же касается до кредитнаго учрежденія, ссужающаго всего изъ 1% въ мѣсяцъ, то самая мысль объ этомъ кажется загарцамъ странною. Мебельщики, не состоящіе членами мѣстныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, обращаются къ деревенскимъ банкирамъ, дающимъ деньги изъ 5% въ мѣсяцъ; у звенигородскихъ столяровъ кредитъ распространенъ очень мало: «это объясняется частью отсутствіемъ денежныхъ людей въ изслѣдуемой мѣстности, частью легкостью, съ

какою здѣшній крестьянинъ иногда ссужаетъ своего односельчанина суммой въ нѣсколько десятковъ рублей: нѣкоторые, впрочемъ, занимаютъ деньги у какого-то звенигородскаго еврея, за умѣренные проценты—10 к. за рубль въ мѣсяцъ». Мѣстами въ Московской губерніи распространена ссуда матеріаломъ; такъ, шляпники берутъ его въ долгъ на 1—6 мѣсяцевъ на довольно выгодныхъ условіяхъ: стоимость его возвышается при этомъ всего на 10%; то же самое можно сказать про шапочниковъ. Весь кредитъ между гребенщиками выражается въ томъ, что мелкіе ихъ нихъ берутъ у крупныхъ или у скупщиковъ сотню-двѣ паръ роговъ, переплачивая 8—12% за время въ 1—1½ мѣсяца. «Что касается до кредита деньгами, то существованіе его совершенно незамѣтно, и если промышленнику удается гдѣ нибудь занять небольшую сумму, то такіе случаи можно считать за исключеніе». Кирпичники вовсе не имѣютъ кредита [1]).

Не лучше поставлено дѣло кредита въ другихъ губерніяхъ. Кустари Павловскаго слесарнаго района, напримѣръ, занимаютъ деньги у такъ называемыхъ мѣнялъ, которые берутъ съ нихъ отъ 1½ до 4% въ недѣлю, смотря по спросу на займы; иногда потребность въ займѣ такъ велика, что у нихъ и дѣйствительно не хватаетъ возможности удовлетворить ей; ихъ лавочки не только полны издѣліями, но и всевозможными костюмами мастеровъ. Кредитъ у богачей-односельцевъ обходится кустарямъ также не дешевле 120% годовыхъ. «Бѣдный рогожникъ ветлужскаго района Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, нуждаясь въ деньгахъ, обращается къ богатому сосѣду, а тотъ, вмѣсто денегъ, даетъ ему куль соли, которую онъ привезъ изъ Нижняго и которую покуда некуда сбыть. Куль соли стоитъ 7 рублей 50 коп., а рогожникъ даетъ обязательство заплатить за него, по уборкѣ хлѣба, 11 руб. Заемъ совершается въ декабрѣ, и такимъ образомъ, ссудивъ на 8 мѣсяцевъ 7½ р., кулакъ получаетъ процентовъ 3½ р. Но соль не нужна рогожнику, — онъ нуждается въ хлѣбѣ и деньгахъ. И вотъ, онъ везетъ злосчастный куль на базаръ и продаетъ за 7 руб., слѣдовательно, теряетъ еще 50 коп. Случается,—вмѣсто соли кулакъ ссужаетъ рогожника мочалой. Ему самому она стоитъ 70 к. за пудъ, а онъ отдаетъ ее въ ссуду по 1 руб. 10 коп., наживая за 8 мѣсяцевъ 40 въ пудѣ. Но это еще съ милостью: сплошь и рядомъ тотъ же заемъ и на тѣхъ же условіяхъ совершается въ ап-

[1]) Сел. общ. и т. д. Юрьев. у. с. 84; пр. Вл. губ. в. II с. 124. Сб. ст. св. Моск. г. т. VI, в. I, с. 44. 107, 123, 127; id. в. II, с. 68. Пр. Моск. г. Т. I, в. с. 85; в. II, с. 10, Т. II. с. 70 91. Сб. ст. св. Моск. г. Т VI, в. I. с. 194, 267; Т. VII, в. I, с. 256, 279.

рѣлѣ, и тогда вышеозначенные проценты рогожникъ платитъ только за 4 мѣсяца. Обезпеченіемъ займа служитъ корова, а за неимѣніемъ таковой—хлѣбъ на корню. Кромѣ того, рогожникъ, «изъ чести», день или два коситъ у богатаго мужика, а баба его жнетъ хлѣбъ или мнетъ ленъ. На тѣхъ же основаніяхъ кредитуются и цѣлыя общества при круговой порукѣ другъ за друга. Такимъ образомъ, процентъ здѣсь не падаетъ ниже 75 годовыхъ. Если, по какой либо уважительной причинѣ, крестьянинъ своевременно не уплатитъ долга—ссуда ему отсрочивается на годъ, причемъ берется впередъ 36%. За неимѣніемъ спеціальныхъ кредитныхъ учрежденій, кустари Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи нерѣдко вынуждены занимать у частныхъ лицъ изъ 19% въ мѣсяцъ. «Состояніе кредита черниговскихъ кожевниковъ самое жалкое. Въ деньгахъ они сильно нуждаются, а кредитоваться правильнымъ образомъ не имѣютъ возможности». Занимаютъ только у частныхъ лицъ—черниговскихъ ростовщиковъ, конечно, платя огромные проценты. «Много деруть они съ насъ», говорятъ крестьяне (до 100% годовыхъ). Чтобы скорѣе развязаться съ разорительнымъ долгомъ, кожевникъ спѣшитъ съ выдѣлкою товара въ ущербъ его достоинству и прочности. Сроки кредитовъ 2—3 недѣли, много—два мѣсяца: гарантіей служитъ расписка и вексель («новая мода пошла»). Кустари имѣютъ еще кредитъ у купцовъ матеріаломъ и предметами потребленія; хотя этотъ кредитъ безпроцентный, но купецъ беретъ свое на цѣнѣ товаровъ. Одесскіе каменотесы и деревообрабатыватели состоятъ въ неоплатномъ долгу у мѣстныхъ кабатчиковъ. То же нужно сказать о гончарахъ Александрійскаго уѣзда изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, исключая двухъ деревень, въ которыхъ есть зажиточные крестьяне, ссужающіе своихъ односельцевъ изъ 6—7% годовыхъ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что обычный процентъ, подъ который кустари достаютъ деньги или матеріалъ, необходимый для производства, это 60—120% въ годъ; значительно рѣже встрѣчается меньшій процентъ; кредитъ подъ 18% годовыхъ считается уже кустарями благодѣтельнымъ, а обычный комерческій ростъ попадается въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Но каковы бы ни были потери крестьянина при займахъ, все таки это не худшій выходъ изъ затруднительнаго положенія. Уплативъ добытыми деньгами подати, обезпечивъ содержаніе семьи и запасшись матеріаломъ, кустарь нѣкоторое время можетъ быть спокойнымъ; онъ ведетъ

[1]) Григорьевъ, ib., с. 90, 95. Тр. куст. ком. в. III, с. 56; VII, с. 873. V, с. 356—7; VIII, с. 1882, 1597.

производство, какъ считаетъ для себя выгоднымъ, продаетъ товаръ не первому попавшемуся скупщику, показавшему ему соблазнительный рубль. Бо́льшая же часть кустарей не пользуется, кажется, и такимъ кредитомъ: чтобы добыть денегъ, имъ нужно спѣшить съ производствомъ и продажею кустарныхъ издѣлій, отчуждать по низкимъ цѣнамъ нужные самимъ продукты земледѣльческаго хозяйства, которые придется потомъ пріобрѣтать съ новыми потерями, сокращать размѣры производства и т. д. Наконецъ, уставъ отъ вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ, кустарь рѣшается на шагъ, который даетъ ему относительное успокоеніе, но которому онъ жертвуетъ большею или меньшею степенью своей хозяйственной самостоятельности; онъ прибѣгаетъ подъ покровительство скупщика издѣлій, обязуется сбывать ему продукты своего труда, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ кредитъ, но зато изъ хозяина понемногу превращается въ наемнаго работника.

Семеновскій ложкарь, напримѣръ, «не имѣетъ, собственно говоря, ни основного, ни оборотнаго капитала; не вѣдаетъ ни кредита, ни кредитныхъ учрежденій; не знаетъ ни ссудъ, ни разсрочекъ». Матеріала онъ покупаетъ ровно столько, сколько ему нужно для недѣльнаго производства; продуктами потребленія запасается на такой же періодъ времени; онъ живетъ отъ базара до базара, и когда настанетъ этотъ день, ложкарь долженъ сбыть свой товаръ—иначе самъ онъ будетъ голоденъ, а его руки останутся праздными. Поэтому, если къ скупщикамъ г. Семенова не поступило требованій на ложку, и они не даютъ за нее кустарю обычной цѣны,—ложкарь «сбываетъ свое издѣліе безъ всякаго вознагражденія за трудъ, по цѣнѣ, предложенной скупщикомъ, и, вынуждаемый безвыходной нищетою—даромъ отдаетъ трудъ цѣлой недѣли». Почти всѣ бурмакинскіе (Ярославскій уѣздъ) кузнецы въ теченіе года переиспытаютъ такую нужду въ деньгахъ, которая заставитъ ихъ преждевременно продать свой товаръ деревенскому скупщику съ уступкою 10—20%. Производители варежекъ Александровскаго уѣзда, обыкновенно продающіе свои издѣлія по 20—30 к. за пару, весною, когда деньги нужны до зарѣзу, а варежекъ въ городѣ никто не покупаетъ, сбываютъ ихъ мѣстнымъ скупщикамъ по 15—16 к., а тѣ, продержавъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ, наживаютъ 30—80%. «Когда начнутъ оброкъ собирать,—жалуются переяславскіе бочары,—такъ нашему товару ходу нѣтъ», и въ это время кустари, за десятокъ бочекъ получаютъ $1^1/_2$ р., тогда какъ обычная цѣна ему 3 руб. и больше. Нужда въ деньгахъ заставляетъ иногда одоевскаго производителя боронъ сбывать свои издѣлія на базарѣ по той цѣнѣ, по какой онѣ обходятся ему самому. Матеріала для годового производства (100 боронъ) нужно запасти на 18 р.;

«какъ ни незначительна эта сумма, но и ея часто не бываетъ, а за отсутствіемъ какого бы ни было кредита производитель боронъ часто зимою грѣется на печкѣ. Только отсутствіемъ денежныхъ средствъ и можно объяснить такое ничтожное производство, какъ 10 боронъ, которыя можно найти въ приложенной къ описанію таблицѣ». Мотовиловскому столяру (Арзамасскаго уѣзда) требуется еще меньше денегъ для того, чтобы работать весь сезонъ: ему нужно запастись матеріаломъ на 7 руб. И однако, только наиболѣе состоятельные столяры пріобрѣтаютъ лѣсъ сразу на цѣлый годъ весною, такъ что за лѣто онъ успѣетъ просохнуть и сдѣлаться годнымъ къ употребленію; остальные кустари покупаютъ лѣсъ въ 2—3 пріема, онъ у нихъ поэтому на воздухѣ не просыхаетъ, и нужно досушивать на печахъ. Кузнецы Чулковской слободы, Тульскаго уѣзда, никакимъ кредитомъ не пользуются; отсутствіе средствъ для пріобрѣтенія матеріала нерѣдко останавливаетъ производство, что, разумѣется, отражается на доходахъ кустарей [1]).

Кромѣ преждевременной, а потому невыгодной продажи кустарныхъ издѣлій, мелкіе промышленники нерѣдко вынуждены сбывать и тѣ изъ продуктовъ сельскаго хозяйства, которые необходимы имъ самимъ и которые въ большинствѣ случаевъ все равно придется потомъ покупать, но уже, разумѣется, гораздо дороже. Въ средѣ арзамасскихъ кузнецовъ, напримѣръ, ни частнаго, ни общественнаго кредита нѣтъ: «занять 10—20 рублей у своего сосѣда крестьянину почти никогда нѣтъ возможности, хотя бы у сосѣда было много денегъ; отъ бѣдняка богачъ не надѣется получить деньги, поэтому и не кредитуетъ его»; а когда приходитъ время уплаты податей, крестьянинъ продаетъ хлѣбъ, который потомъ самъ покупаетъ. То же нужно сказать о мѣстности уѣзда, гдѣ развитъ гончарный промыселъ. Жители с. Катунокъ, Балахнинскаго уѣзда, гдѣ развиты кожевенные промыслы, передъ взносомъ податей сбываютъ свое сѣно еще на корню за половинную цѣну; горбатовскихъ крестьянъ нужда заставляетъ продавать хлѣбъ на корню. Продажа хлѣба осенью для уплаты податей, съ тѣмъ чтобы потомъ покупать его по болѣе дорогой цѣнѣ, встрѣчается и среди бондарей Александровскаго уѣзда. Вообще «несвоевременное взысканіе податей довольно дурно отзывается на хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ. Въ опаринскомъ округѣ подати за вторую половину года взимается къ 1 октября, когда крестьяне едва успѣли справиться съ молотьбой. Сентябрь мѣсяцъ—время полнаго бездѣйствія. Промышленники только въ концѣ мѣ-

1) Тр. куст. ком. в. II, с. 23, 24; VI, с. 727, Пр. Влад. г., в. I, с. 173; V, с. 168. Тр. куст. ком. в. VII, с. 1075, 1058; VI, с. 521.

сяца принимаются за прядильное и ткацкое производство». И именно въ это время особенно старательно взыскиваются подати; «бѣдняки просятъ отложить взысканіе на 3—4 дня, когда будутъ посуше дороги, и они отвезутъ хлѣбъ въ Сергіевскій посадъ. Но староста неумолимъ, да и трудно ему быть милостивымъ, въ виду перспективы за неуспѣшное взысканіе подати получить выговоръ, уплатить штрафъ или даже попасть подъ арестъ. И вотъ услужливые прасолы предлагаютъ бѣдняку свои услуги; они покупаютъ хлѣбъ на мѣстѣ, «безъ хлопотъ» для владѣльца, но зато удерживаютъ въ свою пользу 15—20% продажной цѣны». — «Зимой или весной кустарь покупаетъ хлѣбъ обратно по цѣнѣ, въ $1^1/_2$—2 раза превышающей ту, по какой онъ продаетъ свое зерно осенью» [1]).

Это все были примѣры вынужденной продажи кустарями продуктовъ своего земледѣльческаго и промышленнаго хозяйства по низкимъ цѣнамъ. Но, можетъ быть, самымъ важнымъ послѣдствіемъ недостатка денежныхъ средствъ у мелкихъ промышленниковъ и отсутствія кредита является болѣе или менѣе полная потеря кустаремъ своей самостоятельности. Правда, подчиненіе кустаря скупщику зависитъ отъ слишкомъ разнообразныхъ причинъ, для того чтобы его можно было объяснить только отсутствіемъ кредита; но несомнѣнно, что послѣднее обстоятельство играетъ здѣсь довольно видную роль и что, при раціональной организаціи кредита, многія формы подчиненія кустарей скупщикамъ вовсе бы не существовали. Недаромъ же скупщики пользуются кредитомъ, какъ оружіемъ закрѣпощенія производителя и постепеннаго превращенія его въ работника. Въ этомъ процессѣ можно наблюдать нѣсколько стадій. Сначала кустарь, задолжавшій скупщику, обязывается уплатить долгъ издѣліями, послѣ чего онъ опять свободенъ и можетъ продавать товаръ, кому пожелаетъ. Но, только что развязавшись съ однимъ долгомъ, кустарь дѣлаетъ новый; его обязательство продавать издѣлія извѣстному лицу продолжается неопредѣленное время, входитъ въ привычку. Работать на хозяина, т. е. поставлять издѣлія одному и тому же скупщику, становится обыкновеннымъ явленіемъ, которому подчиняются всѣ кустари. Продавать на сторону становится уже нарушеніемъ укоренившагося обычая, и наконецъ самая форма отношеній скупщика къ кустарю измѣняется: купля-продажа исчезаетъ, производитель уже не покупаетъ матеріала (въ долгъ) и не продаетъ кредитору издѣлій, а прямо работаетъ изъ его матеріала или нанимается въ его ма-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. IV, с. 183, 189; VI, с. 552; IX, с. 2435, 2533. Пр. Влад. губ. в. II, с. 124. 337.

стерскую; является капиталистическая форма мелкой промышленности. Въ поясненіе сказаннаго, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Игрушечники Московской губерніи кредитуются у лавочниковъ, причемъ обязываются поставлять на нихъ издѣлія и забирать у нихъ матеріалъ; давая за первый нѣсколько дешевле и беря за послѣдній немного дороже рыночной цѣны, лавочники такимъ образомъ выбираютъ процентъ по ссудѣ. Въ Тульскомъ уѣздѣ, въ области петельнаго промысла не существуетъ никакого кредитнаго учрежденія, гдѣ бы крестьяне могли занимать деньги. Иногда они кредитуются (преимущественно матеріаломъ) у знакомыхъ торговцевъ приблизительно изъ 100%, уплачивая долгъ издѣліями. Уклониться отъ такой уплаты почти нѣтъ возможности: «купцы хорошо знаютъ, кто изъ какой деревни и кому доставляетъ петли, и еслибы въ лавку принесъ петли кустарь не изъ той деревни, изъ которой обыкновенно онѣ доставляются, то купецъ сейчасъ бы справился въ той лавкѣ, куда обыкновенно доставляютъ кустари; причина, по которой кустарь несетъ свой товаръ въ другую лавку, тотчасъ бы обнаружилась, и петли совсѣмъ не были бы куплены, а еслибы и были, то по столь низкой цѣнѣ, что кустарь едва выручилъ бы деньги за сырой матеріалъ». Тихвинскіе гончары берутъ иногда у скупщиковъ деньги, обязуясь поставить имъ издѣлій на извѣстную сумму; «съ избыткомъ противъ заказа кустарь вправѣ распорядиться по своему усмотрѣнію и даже продать тому же скупщику съ повышеніемъ цѣны противъ подрядной». Кузнецы города Тихвина могутъ покупать въ долгъ матеріалъ и орудія производства у мѣстныхъ купцовъ, если эти послѣдніе сами не нуждаются въ работѣ кустарей; но и въ указанномъ случаѣ они беретъ съ кузнецовъ обязательство по первому же требованію работать на заимодавца. Мелкіе гребенщики Московской губерніи берутъ матеріалъ въ долгъ у крупныхъ промышленниковъ или скупщиковъ, обязуясь доставлять имъ свои издѣлія. Недостатокъ оборотнаго капитала вредно отзывается на ихъ работѣ: стараясь поскорѣе сбыть издѣліе, кустари недостаточно просушиваютъ плашки, отчего гребни ихъ скоро коробятся. Бочары Александровскаго уѣзда кредитуются небольшими суммами у скупщиковъ посуды безъ процента, но съ обязательствомъ поставлять имъ бочки по пониженной цѣнѣ. Такъ какъ сроки займовъ очень коротки, то кредиторъ наживаетъ около 20% въ мѣсяцъ. Уплативъ старый долгъ, бочаръ тотчасъ же дѣлаетъ новый, и такимъ образомъ кустарь, даже сравнительно зажиточный, никогда не выходитъ изъ долговъ. Многіе гончары Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, обращаясь за ссудами къ скупщикамъ съ обязательствомъ уплачивать долгъ своими издѣліями,

цѣну которыхъ назначаетъ кредиторъ, по цѣлымъ годамъ находятся въ тяжелой зависимости отъ заимодавца, не смѣя продавать горшковъ другому покупателю, и только урожайный годъ или счастливый случай возвращаетъ кустарю давно утраченную свободу [1]).

Въ перечисленныхъ случаяхъ форма производства остается неизмѣнною, и отсутствіе кредита имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь большія потери кустарей при сбытѣ продуктовъ. Но не рѣдки случаи, когда отсутствіе денежныхъ средствъ и невозможность пріобрѣсти ихъ выгоднымъ кредитнымъ путемъ ведетъ къ измѣненію формы мелкой промышленности, которая изъ самостоятельной превращается въ полу или чисто-капиталистическую: крестьянинъ, не имѣя денегъ на матеріалъ, работаетъ изъ чужого сырья (домашняя форма крупной промышленности), или прямо поступаетъ въ мастерскую богатаго промышленника.

Мѣщанки г. Арзамаса Нижегородской губерніи, въ количествѣ $3^1/_2$ тыс. человѣкъ, занимаются вязаніемъ обуви изъ шерсти; но лишь третья часть женщинъ ведутъ промыселъ самостоятельно, т. е. сами покупая матеріалъ и продавая издѣлія; остальныя работаютъ изъ шерсти скупщицъ. Причина этого кроется, между прочимъ, въ отсутствіи денежныхъ средствъ, въ совокупности съ тѣмъ обстоятельствомъ, что «смышленныя торговки предпочитаютъ отдавать шерсть скорѣе въ работу, нежели въ кредитъ». Женское и, частью, мужское населеніе Краснаго села и с. Кичапзино Арзамасскаго уѣзда, въ числѣ 2000 человѣкъ, тоже занимаются вязаніемъ шерстяныхъ чулокъ, варегъ и т. п. Большая часть изъ нихъ вполнѣ самостоятельна, и лишь пятая доля вязальщицъ, и преимущественно бѣдныя жинщины, которымъ не на что купить шерсти, работаютъ изъ чужого матеріала. Бѣдняки-кузнецы Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи «терпятъ сильную нужду отъ недостатка оборотнаго капитала; эта нужда заставляетъ ихъ работать на скупщиковъ изъ ихъ желѣзалома, довольствуясь вдвое меньшими заработками, сравнительно съ самостоятельными производителями». «Главную причину, почему среди московскихъ картинщиковъ такъ мало самостоятельныхъ предпринимателей, надобно искать въ бѣдности населенія. Для картинщика требуется оборотный капиталъ въ размѣрѣ не менѣе 50 р.; это такая сумма, какую имѣетъ далеко не всякій крестьянинъ; условія же существующаго кредита таковы, что малосостоятельному занять денегъ негдѣ; а еслибы какой

1) Сб. ст. св. по Моск. губ. Т. VI, в. II, с. 69. Тр. куст. ком. в. VII, с. 943; VIII, с. 1400, 1443, 1597. Сб. ст. св. по Моск. г. Т. VI, в. I. с. 263—4. Пр. Вл. г. в. II, с. 335.

ростовщикъ и ссудилъ его, то не иначе, какъ за проценты, иногда превышающіе 100 годовыхъ». И вотъ, вмѣсто того, чтобы торговать за свой счетъ и пользоваться барышами, картинщики нанимаются къ богатымъ хозяевамъ и развозятъ по Россіи чужой товаръ. То же самое слѣдуетъ сказать и о стекольщикахъ, населяющихъ тотъ же районъ Московской губерніи, что и картинщики. Большинство ихъ занимается вставкою стеколъ въ качествѣ работниковъ, и объясненіе указаннаго явленія находится въ томъ обстоятельствѣ, что во всѣхъ условіяхъ, заключаемыхъ стекольщиками, нанимающійся прежде всего выговариваетъ задатокъ; это обыкновенно такая сумма денегъ, какая требуется для уплаты податей, а не уплативъ ихъ, стекольщикъ не получитъ отъ волостного правленія вида на жительство, и будетъ лишенъ возможности идти на заработки. Вотъ для того-то, чтобы получить эту воможность, онъ и нанимается въ работники. Примѣръ Стремиловскаго волостного правленія прекрасно подтверждаетъ сказанное и въ то же время показываетъ, какъ легко было бы во многихъ случаяхъ облегчить положеніе кустарей. «Въ настоящее время старшиною тамъ крестьянинъ Иванъ Вукуловъ, человѣкъ умный и отлично понимающій нужды крестьянъ. Чтобы не лишать стекольщиковъ возможности идти на заработки «самимъ по себѣ», онъ выдаетъ имъ виды на прожитіе всего на 1—2 мѣсяца. «Дашь ему, говоритъ онъ, коротенькій видъ, отпустишь его съ нимъ на сторону и ждешь: пришлетъ денегъ или нѣтъ. Если пришлетъ, то возьмешь, что слѣдуетъ для уплаты податей и выдашь ему уже паспортъ, если не присылаетъ, то не прогнѣвайся: пусть гонятъ тебя по этапу». Гарантируя такимъ образомъ исправную уплату податей, Вукуловъ этимъ достигаетъ еще того, что ни въ одной волости не насчитывается такого количества самостоятельныхъ стекольщиковъ, какъ въ Стремиловской.

Но такіе старшины, какъ Вукуловъ,—рѣдкое явленіе, большая же часть ихъ, если и вмѣшивается въ дѣло, то съ тѣмъ, чтобы поддержать противную сторону и помочь ей крѣпче закабалить кустаря. Поэтому отсутствіе у кустаря денежныхъ средствъ и невозможность добыть ихъ займомъ или инымъ способомъ обыкновенно ведетъ къ потерѣ имъ своей хозяйственной самостоятельности. Кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ этого рода, укажемъ еще слѣдующіе. Капиталистическая организація производства среди московскихъ кровельщиковъ происходитъ оттого, что послѣдніе не имѣютъ средствъ оплатить всѣ расходы по выправленію паспорта и содержанію себя во время дороги (промыселъ отхожій) и на мѣстѣ до пріисканія работы. Въ наемные работники-самоварщики идутъ такіе кре-

стьяне Тульскаго уѣзда, у которыхъ нѣтъ средствъ пріобрѣсти собственные инструменты; въ колесномъ промыслѣ Одоевскаго уѣзда работниками служатъ исключительно члены обѣднѣвшихъ семей. Контингентъ наемныхъ рабочихъ среди гончаровъ Александровскаго уѣзда набирается или изъ лишнихъ членовъ въ семьяхъ гончаровъ, или изъ тѣхъ хозяевъ-гончаровъ, которые не имѣютъ собственныхъ горновъ и до того обѣднѣли, что у нихъ нѣтъ средствъ для покупки глины, свинца и топлива. Наемные сапожники Саратовскаго уѣзда набираются, между прочимъ, изъ крестьянъ, не имѣющихъ 10—20 р. для перваго обзаведенія или кредита у кожевниковъ. Для самостоятельнаго веденія колеснаго промысла въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи требуется имѣть 25 руб.; но «бѣдные колесники или нанимаются въ работники къ состоятельнымъ, или получаютъ отъ нихъ матеріалъ и работаютъ за издѣльную плату». Бѣдные сапожники Моршанскаго уѣзда, не имѣя средствъ вести производство самостоятельно, поступаютъ въ работники къ состоятельнымъ кустарямъ или работаютъ на дому изъ ихъ матеріала. «Какъ только такой сапожникъ скопляетъ немного денегъ, онъ начинаетъ самъ покупать товаръ и работать на вольную продажу». На прядильняхъ Курской губерніи, въ качествѣ наемниковъ, работаетъ «бѣднѣйшая часть населенія изъ тѣхъ семей, которыя не въ состояніи даже завести своего собственнаго станка, чтобы работать самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, брать матеріалъ для выработки у скупщиковъ». Многіе сапожники Курской губ. работаютъ то изъ своего матеріала,—если есть средства пріобрѣсти послѣдній,—то по заказу скупщиковъ, если своихъ денежныхъ средствъ не окажется [1]).

Вліяніе зажиточности кустарей и существованія свободныхъ денежныхъ, продовольственныхъ и другихъ средствъ (въ томъ числѣ—лошади, какъ орудія многихъ производствъ) на организацію промысла можно наблюдать, сравнивая между собой промышленные районы съ различнымъ положеніемъ земледѣльческаго хозяйства крестьянъ. Тамъ, гдѣ послѣднее находится въ удовлетворительномъ состояніи—крестьяне до извѣстной степени обезпечены въ продовольствіи, имѣютъ кое-какія денежныя средства отъ продажи продуктовъ земледѣлія и не столь нуждаются въ промысловомъ заработкѣ, чтобы соглашаться на самыя невыгодныя условія его

[1]) Тр. куст. ком. в. VI, с. 501, 506. Пр. Влад. губ. в. II, с. 252. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VI, в. I, с. 107, 123 id. т. VII, в. I, ч. 2. с. 303. Тр. куст. ком. в. VII. с. 911; VIII, 1300 1584; сб. ст. св. по Сарат. г. т. IV с. 87. Сб. ст. св. по Тамб. г. т. III, с. 244; VI, с. 167. Пром. и грам. центр. района Кур. г. с. 145. О куст. пр. Кур. г. с. 88.

добыванія, въ особенности связанныя съ потерею хозяйственной самостоятельности. Въ такихъ мѣстностяхъ немалая часть крестьянъ ведетъ промыселъ на свой страхъ, въ противоположность районамъ, гдѣ хлѣбопашество въ упадкѣ или гдѣ кустари вовсе не имѣютъ земли. Этимъ, вѣроятно, объясняется различіе въ организаціи промысла въ городѣ, гдѣ онъ обыкновенно довольно сильно капитализированъ, и въ деревнѣ. Однако, за неимѣніемъ достаточнаго числа изслѣдованій городской промышленности, мы не будемъ сравнивать ее съ деревенской, а приведемъ нѣсколько примѣровъ различія организаціи промысла въ мало и много-земельныхъ деревняхъ и районахъ, а также среди ведущихъ хозяйство и забросившихъ его крестьянъ того же поселенія.

Село Богородское, Горбатовскаго уѣзда, составляетъ одинъ изъ наиболѣе промышленныхъ центровъ Нижегородской губерніи; крестьяне получили низшій надѣлъ; до 1879 года земледѣліемъ вовсе не занимались и поневолѣ обратили исключительное вниманіе на разнаго рода промыслы; и вотъ каковы результаты спеціальнаго развитія промышленности. «Богородскія гончарныя заведенія отличаются величиною отъ подобныхъ же заведеній, напримѣръ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Это скорѣе маленькія фабрики, которыя иногда даже трудно отнести къ кустарнымъ, особенно въ томъ случаѣ, если въ заведеніи работаютъ 15 мастеровъ; здѣсь нѣтъ ни одного заведенія, въ которомъ работалъ бы только одинъ хозяинъ; каждая мастерская составляетъ зданіе, отдѣльное отъ жилого помѣщенія. Причина существованія крупныхъ заведеній лежитъ какъ въ самихъ условіяхъ этого промысла, такъ и въ крайне ограниченныхъ средствахъ мѣстнаго населенія. Бѣдному человѣку въ Богородскѣ нельзя заниматься гончарнымъ промысломъ самостоятельно, потому что полное обзаведеніе для промысла стоитъ довольно дорого; для возки глины нужна лошадь, держать которую, при отсутствіи земледѣльческаго хозяйства, затруднительно; нуженъ большой оборотный капиталъ на содержаніе семьи во время года, такъ какъ своего хлѣба нѣтъ, а продажа издѣлій производится обыкновенно только разъ въ годъ. Вотъ почему бѣднякъ можетъ быть только наемникомъ у богатаго. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, для бѣдняка болѣе возможности заниматься промысломъ самостоятельно: работа здѣсь производится въ обыкновенныхъ жилыхъ избахъ, а горны—артельные; оборотнаго капитала нужно немного, потому что своего хлѣба достаетъ на весь годъ или на часть его; сбытъ возможенъ во всякое время по ближайшимъ окрестностямъ». Сапожный промыселъ Тверской губерніи сосредоточенъ въ трехъ мѣстностяхъ, рѣзко различающихся

въ земледѣльческомъ отношеніи, и вотъ такое же различіе замѣтно и въ организаціи ремесла. Въ Осташковскомъ районѣ «главный контингентъ рабочихъ образуется городскими мѣщанами, у которыхъ промыселъ составляетъ единственное средство существованія, вслѣдствіе чего они и не могутъ такъ стойко бороться за свою самостоятельность, какъ, напр., кимрскіе и другіе сапожники, имѣющіе значительное подспорье въ видѣ земельныхъ надѣловъ, а потому здѣсь мастерская очень сильно вытѣсняетъ кустаря, отчего сильно понижается заработная плата». «Въ Кимрскомъ районѣ земледѣліе хотя и отошло на второй планъ, такъ какъ многіе кустари сами не обрабатываютъ надѣлы, а сдаютъ ихъ, но, тѣмъ не менѣе, земля доставляетъ хорошее подспорье для поддержанія хозяйства семьи. И типъ сапожнаго производства здѣсь чисто кустарный: мастерскія хотя и есть, но ихъ очень немного». Кустари Краснохолмскаго района «все крестьяне, живущіе на очень хорошей плодородной почвѣ, и почти всѣ обрабатываютъ свои надѣлы, такъ что сельское хозяйство составляетъ главное ихъ занятіе, а сапожничество является подсобнымъ промысломъ, которымъ они занимаются не болѣе 20 недѣлъ въ годъ». Соотвѣтственно этому, промыселъ всецѣло сохраняетъ мелкую самостоятельную форму: наемныхъ рабочихъ здѣсь почти вовсе нѣтъ. Въ западной части Курской губерніи гончарнымъ промысломъ занимаются настоящіе земледѣльцы; въ восточной—нѣкоторыя деревни горшечниковъ земледѣліемъ вовсе не занимаются, въ другихъ кое-какъ обрабатываютъ свои поля около половины гончаровъ. И вотъ оказывается, что въ западной части губерніи промыселъ имѣетъ самостоятельную организацію, наемныхъ рабочихъ почти не встрѣчается, въ восточной—несамостоятельныхъ промышленниковъ до $^1/_8$ всего числа кустарей; и встрѣчаются они именно въ тѣхъ селахъ, которыя вовсе забросили сельское хозяйство.

Вліяніе того или иного состоянія земледѣльческаго хозяйства на организацію промысла очень ясно видно на примѣрѣ Павловскаго замочно-ножевого района: изъ четырехъ селъ района, вовсе не занимающихся земледѣліемъ и имѣющихъ 2900 дворовъ, въ двухъ крупнѣйшихъ (2700 дворовъ) число наемныхъ рабочихъ равняется 32—56% всего числа лицъ, занятыхъ здѣсь промысломъ, въ остальныхъ же 93 селеніяхъ, кое-какъ ведущихъ хозяйство, число наемныхъ рабочихъ составляетъ всего 18% общаго числа лицъ, отдающихся промыслу. «Въ тѣхъ селеніяхъ гвоздарнаго района (Тверского уѣзда), гдѣ крестьяне имѣютъ хорошіе земельные надѣлы и съ выгодой ведутъ свое земледѣльческое хозяйство, гвоздари не находятся въ такой зависимости отъ скупщиковъ, какъ осталь-

ная масса кустарей. Тамъ гвоздь куется такой, который лучше цѣнится на рынкѣ».

Благотворное вліяніе земледѣльческаго хозяйства на самостоятельность промысла можно подмѣтить, наблюдая форму участія въ производствѣ крестьянъ извѣстнаго района, ведущихъ хозяйства, и тѣхъ, которые уже лишились земледѣльческаго инвентаря. Гончарный промыселъ Балахнинскаго уѣзда, напримѣръ, организованъ слѣдующимъ образомъ: если крестьянинъ имѣетъ лишняго члена семьи и лошадь, т. е. если онъ усердно занимается хлѣбопашествомъ, онъ самъ и сбываетъ свои издѣлія, развозя ихъ по базарнымъ селамъ, т. е. работаетъ самостоятельно. Безлошадные же трудятся по заказу скупщика, получая впередъ задатки. То же самое мы находимъ и среди столяровъ Арзамасскаго уѣзда: хлѣбопашество здѣсь находится въ удовлетворительномъ состояніи, большинство крестьянъ питаются своимъ хлѣбомъ въ теченіе цѣлаго года и имѣютъ даже избытки для продажи; и вотъ бо́льшая часть столяровъ работаютъ самостоятельно и сами сбываютъ свои издѣлія потребителямъ; небольшая же доля мастеровъ—тѣ, у которыхъ нѣтъ лошади, которые, слѣдовательно, пошатнулись и въ земледѣльческомъ отношеніи,—нанимаются въ рабочіе, такъ какъ имъ не на чемъ привезти лѣсу, и они не могутъ сами развозить своихъ издѣлій для продажи. Почти всѣ щеточныя заведенія Московской губерніи ведутъ промыселъ самостоятельно, иногда же мелкіе кустари работаютъ на болѣе крупныхъ, и это именно случаи, въ которыхъ должно расшатываться и земледѣльческое хозяйство кустарей. «По увѣренію нѣкоторыхъ щеточниковъ, мелкіе производители рѣшаются работать на другихъ хозяевъ только въ томъ случаѣ, когда почему либо лишаются собственныхъ средствъ передвиженія. При неимѣніи своей лошади, мелкому производителю приходится нанимать подводу для доставки въ Москву сработаннаго товара, что, при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сбыта, является дѣломъ крайне невыгоднымъ. Чтобы избѣжать возможнаго въ такихъ случаяхъ убытка, мелкіе щеточники и рѣшаются до поры до времени пріостановить свое самостоятельное хозяйство и начинаютъ въ своемъ же помѣщеніи работать на другихъ хозяевъ». Отсутствіе лошади и происходящія оттого невыгоды при сбытѣ издѣлій служатъ причиной, что шапочное производство въ Курской губерніи распространяется только между крестьянами, имѣющими лошадь; безлошадные же идутъ въ земледѣльческіе батраки, занимаются отхожими промыслами и т. д. Каменотесы Курской губ., исправно ведущіе хозяйство, занимаются промысломъ самостоятельно, работая артелями. Безлошадные же, а частью и владѣющіе

лошадью, но уже обѣднѣвшіе, не имѣютъ средствъ для уплаты аренды за камень и покупки инструментовъ, и потому нанимаются къ хозяину-каменотесу, у котораго они, къ тому же, въ вѣчномъ долгу [1]).

Какъ только кустарь изъ самостоятельнаго хозяина превратится въ наемнаго работника,—его положеніе въ отношеніи кредита рѣзко измѣняется. Прежде ему трудно было достать десятокъ-другой рублей, теперь къ его услугамъ сотни, предлагаемыя хозяиномъ, который этимъ путемъ думаетъ держать его въ вѣчной или полной отъ себя зависимости. Иногда кредитъ, открываемый хозяиномъ кустарю, несмотря на его дороговизну, очень для него полезенъ; въ большинствѣ же случаевъ трудно сказать—выигрываетъ или проигрываетъ мелкій промышленникъ отъ того, что касса хозяина открыта для него во всякое время. Такъ, несмотря на огромный процентъ (100 и больше), требуемый тульскими фабрикантами съ самоварщиковъ, работающихъ на нихъ по окрестнымъ деревнямъ, кредитъ открываемый первыми послѣднимъ, приноситъ кустарямъ много пользы. Всѣ они обзавелись собственными инструментами, именно благодаря такому кредиту; при всякой нуждѣ, даже такой, какъ постройка дома или покупка рекрутской квитанціи, кустарь прибѣгаетъ къ фабриканту и потомъ отработываетъ долгъ. Ткачи Великосельскаго полотнянаго района Ярославскаго уѣзда пользуются кредитомъ у своихъ хозяевъ. Окончательнаго разсчета никогда не производится, а долгъ переносится изъ года въ годъ, лишь измѣняясь въ своей величинѣ въ ту или другую сторону. По разспросу ткачей оказалось, что хозяева не пользуются такимъ привилегированнымъ положеніемъ для того, чтобы эксплуатировать рабочихъ: ни расплаты матеріаломъ вмѣсто денегъ, ни скидокъ изъ заработной платы здѣсь не практикуется. Денегъ впередъ контора не навязываетъ, а даетъ ихъ только лицамъ, хорошо ей извѣстнымъ.

Иначе, однако поступаетъ большинство предпринимателей. Московскіе мебельщики, напримѣръ, стараются выдать рабочему впередъ 80—100 р. прикрѣпить его такимъ путемъ къ своей мастерской и получить возможность не возвышать заработной платы много лѣтъ къ ряду, какъ бы ни измѣнялись условія промысла. «Если работникъ хочетъ перейти въ другую мастерскую, предлагающую ему больше за его трудъ, хозяинъ тре-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2422, 2497; id. отд. III, с. 180—182. Григорьевъ и т. д. с. 54. тр. куст. ком., в. VI, с 523; сб. ст. св. по моск. г. т. VI, в. I, с. 22; пр. и грам. центр. район. Кур. г. с. 165. Иванюковъ. Политическая экономія, с. 248 (ст. В. И. Покровскаго). О кустарныхъ промыслахъ Курской губерніи.

буеть расплаты и не отпускаетъ работника, не получивъ удовлетворенія». Работнику средней руки крайне трудно дать это удовлетвореніе, и только наиболѣе искусные успѣваютъ найти исходъ: они вступаютъ съ принимающими ихъ мастерскими въ соглашеніе, въ силу чего ихъ новые хозяева вносятъ прежнимъ «выкупъ», уплачиваютъ ихъ долгъ. «Для того, чтобы держать мастеровъ (въ металлическихъ мастерскихъ Московскаго округа) въ рукахъ, хояеева стараются втянуть ихъ въ долги при самомъ поступленіи: если рабочій задолжалъ прежнему хозяину нѣсколько десятковъ рублей, новый охотно вноситъ за него слѣдуемыя деньги и тѣмъ прикрѣпляетъ его къ своей мастерской. Мастеръ долженъ хозяину, сроковъ расплаты нѣтъ, и вотъ, когда онъ смиреннымъ голосомъ проситъ дать ему нѣсколько денегъ, хозяинъ охотно соглашается, замѣчая, что денегъ нѣтъ, и что онъ можетъ дать только харчи. Этотъ маневръ очень не нравится рабочимъ, но они принуждены уступить сильнѣйшему: «тебѣ, братъ, все равно; кормить семью вѣдь чѣмъ нибудь нужно, и ты не у меня возьмешь, такъ у другого». Возражать противъ такой аргументаціи безполезно, приходится согласиться, и мастеръ беретъ харчи, причемъ чай, стоящій 1 р., ставится въ 1 р 50 к., сахаръ—вмѣсто 20 к. въ 30 к. и т. д. Если работникъ настаиваетъ на разсчетѣ—хозяинъ требуетъ уплаты долга. Если работникъ, не имѣя чѣмъ уплатить, хочетъ оставить хозяина, послѣдній жалуется волостному суду».

Въ Александровскомъ бумаготкацкомъ промыслѣ наиболѣе удобнымъ моментомъ закабаленія ткача хозяиномъ мастерской служитъ время уплаты податей. За полнымъ отсутствіемъ какого либо иного кредита, ткачу остается только прибѣгнуть къ хозяину, который такимъ образомъ получаетъ возможность сбавлять цѣну за трудъ, обвѣшивать ткача при отпускѣ товара и т. д., не опасаясь, что тотъ перейдетъ отъ него къ другому. Бываетъ, что одинъ хозяинъ выплачиваетъ подати за половину большаго села. Въ области шелковаго ткачества Владимірской губерніи долгъ ткача хозяину въ 50 р. считается обычнымъ; нерѣдко за ткачами считается по 150—200 р. «Ткачъ задолжалъ фабриканту; послѣдній уже не даетъ ему денегъ на руки. Но вѣдь ткачъ, чтобы работать, долженъ ѣсть, пить и одѣваться. И вотъ уже давно возникъ обычай, по которому фабрикантъ обязанъ отпускать ткачу хлѣбъ, платить за него подати. Сборщикъ податей или староста обращается, помимо ткача, прямо къ его хозяину-фабриканту. Фабрикантъ платитъ, а рабочій и не знаетъ даже, пока хозяинъ не скажетъ, сколько и когда за него уплачено податей. Даже полицейское начальство освоилось съ этимъ обычемъ и требуетъ податей

прямо съ фабрикантовъ». Здѣсь палка начинаетъ обнаруживать другой, имѣющійся у нея, конецъ. Рабочіе часто уходятъ къ другому хозяину, не заплативъ долга старому. Взысканіе долговъ судомъ сопряжено съ значительными издержками и хлопотами; у ткача часто нечего взять, да и насильственныя взысканія по суду, раззоряя ткачей, клали пятно на фабриканта; за послѣднимъ устанавливалась дурная репутація, ткачи боялись къ немн удти. Въ концѣ 1879 г. погоня за ткачами, достигшая безобразныхъ размѣровъ и формъ, дала себя почувствовать фабрикантамъ. Задолженность ткачей и постоянныя переманиванія, часто съ отказомъ отъ уплаты старыхъ долговъ, встревожили фабрикантовъ. Въ видахъ ослабленія взаимной конкурренціи и охраненія себя отъ потери долговъ, фабриканты заключили взаимное обязательство—брать ткача съ непремѣннымъ условіемъ уплатить долги старому хозяину. «Фабриканты - гармонщики очень любятъ давать кустарямъ въ долгъ небольшія суммы денегъ подъ расписки и даже векселя, такъ какъ помимо того, что подобная ссуда всегда оплачивается громадными процентами, кустарь—должникъ фабриканта—всегда находится подъ тяжелымъ его гнетомъ, потому что, въ случаѣ, если кустарь не отдаетъ долга въ назначенное время, фабрикантъ заручается исполнительнымъ листомъ и дѣлаетъ все, что угодно, съ послѣднимъ, подъ страхомъ немедленнаго взысканія по исполнительному листу всей суммы долга». Чтобы не выпускать кустаря изъ своихъ рукъ, фабриканты прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: какъ только они замѣчаютъ, что кустарь близокъ къ тому, чтобы уплатить весь долгъ, они уменьшаютъ ему заказъ до размѣровъ, не окупающихъ содержанія работающаго, и тѣмъ заставляютъ послѣдняго опять прибѣнуть къ ихъ помощи [1]).

Читатель видитъ, что дезорганизація кредита въ кустарномъ производствѣ имѣетъ еще болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ въ земледѣліи, такъ какъ она не только отражается на доходахъ кустарей, но и приводитъ къ замѣнѣ одной формы производства другою.

---

[1]) Тр. куст. ком., в. VII, с. 915; VI, 682. Пр. Моск. г. т. I, с. 52; т. II. с. 44—43, Пр. Влад. г, в. I, с. 47—48; в. III, с. 51—52. Тр. куст. ком. в. VII. с 964, 965; с. 2283.

БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

Обезземеленіе части населенія можетъ быть естественнымъ и вовсе не печальнымъ послѣдствіемъ свободы труда, свободы не въ смыслѣ буржуазной политической экономіи, а въ смыслѣ дѣйствительной возможности каждому произвольно избирать занятіе соотвѣтственно своимъ силамъ и способностямъ. Отъ такой сознательной перемѣны профессіи земледѣльцемъ, не чувствующимъ къ прежнему занятію влеченія, не можетъ произойти никакихъ вредныхъ послѣдствій ни для него самого, ни для общества; напротивъ, тотъ и другой выиграютъ отъ подобнаго распредѣленія различныхъ отраслей труда между работающими сообразно ихъ способностямъ, выиграютъ хотя бы потому, что результатомъ такого распредѣленія будетъ увеличеніе искусства работника и производительности его труда. Но не этотъ характеръ процесса имѣется въ виду, когда говорятъ объ обезземеленіи русскаго крестьянства. Не то, чтобы онъ здѣсь вовсе не имѣлъ мѣста (нерѣдки, вѣдь, случаи, что нѣкто вродѣ кулака, скопивъ кругленькую сумму на родинѣ, окончательно бросаетъ земледѣліе и приспособляется для городскихъ операцій), но всякому очевидно, что при той административной стѣсненности, въ какую поставленъ мужикъ, при ограниченности его землевладѣнія и при существующей обстановкѣ земледѣльческаго и промышленнаго труда, врядъ ли возможна рѣчь о свободѣ и сознательности выбора профессіи, или, по крайней мѣрѣ, эти стороны стушевываются передъ другими, опредѣляющими направленіе народнаго труда, моментами. Для обезземеленія нашихъ крестьянъ, поэтому, нужно искать другихъ причинъ и условій.

Оно, во-первыхъ, есть логическое послѣдствіе Положеній, на которыхъ основано преобразованіе быта крестьянъ, и столь же неизбѣжнымъ продолженіемъ обезземеленія помѣщичьихъ крестьянъ служитъ таковой же процессъ среди государственныхъ и удѣльныхъ, принципы земельнаго переустройства которыхъ одинаковы съ принципами закона 1861 года. Надѣленіе крестьянскихъ обществъ землей въ размѣрахъ, часто недостаточныхъ для приложенія силъ даже существующаго населенія, съ размноженіемъ его неизбѣжно ведетъ къ обезземеленію части крестьянъ.

У насъ существуютъ, повидимому, всѣ условія для процвѣтанія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства: хорошій сбытъ хлѣба за границу, обиліе земли, неустроенность частновладѣльческаго хозяйства, искон-

[1]) „Юридическій Вѣстникъ", 1885 г. (составлена въ 1881 г.).

ная привычка населенія къ промыслу. Эти же обстоятельства не благопріятствуютъ и обезземеленію народа: если таковое естественно начнетъ появляться кое-гдѣ въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, то обиліе пустующей земли въ другихъ частяхъ страны легко дозволяетъ возстановить нарушенное равновѣсіе. Если же, несмотря на это, крестьяне лишаются земли или бросаютъ ее повсемѣстно, то это можетъ происходить только отъ ихъ обѣднѣнія и служитъ указателемъ разстройства быта не одного лишь крестьянства, но всей вообще націи. Безземельный крестьянинъ нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста: крупная промышленность наша даже въ 70-хъ годахъ занимала то же количество рукъ, что и въ 40-хъ; для ея дальнѣйшаго развитія, поэтому, болѣе чѣмъ достаточно естественнаго прироста населенія, обезземеленнаго уже 30—40 лѣтъ назадъ; новые пути сообщенія врядъ ли занимаютъ всѣ руки, лишившіяся заработка съ уничтоженіемъ прежнихъ способовъ передвиженія лицъ и товаровъ. Не найдя, поэтому, мѣста въ области крупной промышленности, всякій лишившійся земли крестьянинъ бросится въ кустарную не ради потребности послѣдней въ увеличеніи рабочихъ рукъ, а лишь съ цѣлью какъ нибудь отвратить грозящую голодную смерть. Достигнетъ ли онъ послѣдняго—это еще вопросъ, но онъ навѣрное собьетъ цѣну кустарнаго труда и его продуктовъ, чѣмъ ухудшитъ положеніе и безъ того кое-какъ перебивающагося кустаря земледѣльца; обезземеленіе, вслѣдствіе того, пойдетъ crescendo, погоня за работой—тоже. Но для возможности, расширеніемъ промышленности, удовлетворить этому требованію работы, нуженъ увеличенный спросъ на ея продукты, т. е. возвышеніе народнаго благосостоянія; между тѣмъ какъ у насъ потребность въ заработкѣ основана именно на обѣднѣніи населенія. Итакъ, одновременно, какъ результаты той же причины—обѣднѣнія крестьянъ—являются усиленное предложеніе труда и ослабленный спросъ на него,—противорѣчіе, которое можетъ найти себѣ разрѣшеніе только въ одномъ—вымираніи населенія.

Мы вправѣ, слѣдовательно, сказать, что обезземеленіе нашего народа, коль скоро оно происходитъ въ болѣе или менѣе замѣтныхъ размѣрахъ, должно быть, какъ по своимъ причинамъ, такъ и по результатамъ, причислено къ печальнымъ явленіямъ русской жизни. Англичанинъ, наблюдая такой же процессъ у себя, будетъ по крайней мѣрѣ утѣшаться тѣмъ, что тягости его не пропадутъ даромъ, онъ послужитъ дѣлу организаціи высшей формы труда, которая поставитъ націю высоко надъ современными ей народами: на почвѣ подневольнаго или «свободнаго», по терминологіи буржуазной политической экономіи, труда изъ-за куска хлѣба выростетъ

національное богатство. Русскій не будетъ имѣть и этого утѣшенія: обезземеленіе крестьянъ не нужно ни для какого высшаго процесса; оно не только принижаетъ *народъ*, но подрываетъ государственное, *національное* благосостояніе.

Итакъ, сколь быстро идетъ обезземеленіе русскаго народа?

Къ сожалѣнію, на этотъ важнѣйшій вопросъ русской жизни мы не можемъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Кн. Васильчиковъ, приведя имѣющіяся по нѣкоторымъ губерніямъ и уѣздамъ оффиціальныя цифры, говоритъ: «свѣдѣнія эти далеко не полны и сбивчивы до крайности; во многихъ уѣздахъ безземельные крестьяне, отказавшіеся отъ надѣла, смѣшаны съ разночинцами, купцами, мѣщанами, отставными солдатами; владѣющіе одной усадьбой, съ такими, которые не имѣютъ вовсе земли. («Землевладѣніе и Земледѣліе»).

Кромѣ того, трудно разобрать, выражаютъ ли оффиціальныя цифры настоящихъ безземельныхъ, т. е. неимѣющихъ земли, или же онѣ относятся къ получившимъ надѣлъ, но бросившимся отъ него отыскивать болѣе выгодный заработокъ. Въ первомъ случаѣ это будетъ чистый сельскій пролетаріатъ, во второмъ—есть надежда, что если не сами хозяева, нынѣ забросившіе земледѣліе, то ихъ подрастающія дѣти вернутся на оставленные отцами надѣлы. Если можно, напр., повѣрить, что 13,800 крестьянскихъ дворовъ въ Курской губ. дѣйствительно лишились земли, такъ какъ тамъ на кв. милю приходится 2,228 человѣкъ, то сомнительно, чтобы такое же значеніе имѣли 21,626, значащихся безземельными дворовъ Костромской губерніи, съ населенностью втрое меньшею. Очень можетъ быть, что значительная часть послѣднихъ относится къ крестьянамъ, принадлежащимъ къ общинѣ, получающимъ при передѣлкѣ участокъ, но не могущимъ, или не находящимъ выгоднымъ, его обрабатывать.

Такою же неопредѣленностью отличаются и свѣдѣнія, собранныя министерствомъ государственныхъ имуществъ [1]). Не говоря о томъ, что они касаются лишь немногихъ губерній, уѣздовъ или даже только волостей, но и по этимъ районамъ они обнимаютъ далеко не всѣхъ, и часто неизвѣстно, кого имѣетъ въ виду наблюдатель, сообщившій министерству собранныя данныя. Въ программѣ есть вопросъ: «увеличилось ли число безземельныхъ крестьянъ и какъ велико ихъ число»? а всякъ отвѣчаетъ уже сообразно тому представленію, какое самъ составилъ объ обезземеленіи. Хорошо еще, если отвѣчающій пояснитъ сомнительную цифру, но нельзя

[1]) „Матеріалы для изученія современ. положенія землевладѣнія и сел. хоз. промышлен. въ Россіи“. вып. I, 1880 г.

быть увѣрену, что всякій дѣлаетъ это. Такъ, напр., въ Ямбургскомъ уѣздѣ показано 451 безземельный и прибавлено, что 249 изъ нихъ получили надѣлы, но не пользуются ими, — дѣло, такимъ образомъ, ясно; или въ одной волости Рязанской губ., въ числѣ 280 безземельныхъ, показано 240 крестьянъ, у которыхъ надѣлы взяты обществами по случаю накопленія недоимокъ; нужно полагать, что за такую провинность крестьяне лишены земли не навсегда. Точно также мы знаемъ, что въ числѣ 16,685 безземельныхъ Херсонской губ. показаны всѣ родившіеся послѣ ревизіи; но вошли ли таковые въ число 13,750 безземельныхъ Таврической губ., весьма сходной по сельскохозяйственнымъ условіямъ съ Херсонской, — неизвѣстно. А между тѣмъ, такая неопредѣленность показаній путаетъ лицъ, пользующихся представленными данными.

Важный недостатокъ изданія м-ва гос. имущ. составляетъ отсутствіе указаній, какими источниками пользовались собиратели матеріаловъ, а безъ такого указанія представленныя ими цифры легко могутъ навести на всякія сомнѣнія. Такъ, напр., князь Гагаринъ показалъ, что число безземельныхъ въ Новинской волости, Клинскаго уѣзда, равно 4, а обращаясь къ Сборнику стат. свѣд. по Московской губерніи мы узнаемъ, что въ этой волости числится 126 дворовъ безземельныхъ и 113 получившихъ надѣлъ, но не занимающихся хлѣбопашествомъ, узнаёмъ, что эта волость вообще одна изъ наиболѣе обезземелившихся въ уѣздѣ; по оффиціальному же изданію положеніе ея столь хорошо, что лучшаго нельзя и требовать. Естественно, что при такомъ состояніи оффиціальной статистики земскія статистическія изслѣдованія есть истинный кладъ для интересующагося судьбами русскаго народа — не только потому, что мы получаемъ цифры обезземеливающихся почти абсолютно вѣрныя, такъ какъ собирались онѣ на мѣстахъ, распросомъ жителей каждой деревни, но и потому еще, что есть возможность сопоставить ихъ съ различными факторами, опредѣляющими направленіе крестьянскаго хозяйства. Бѣда лишь въ томъ, что изданы далеко не всѣ матеріалы, собранные земствомъ. Поэтому, какъ ни желательно хоть нѣсколько приподнять завѣсу, скрывающую отъ нашихъ глазъ процессы, нынѣ совершающіеся въ сферѣ аграрныхъ отношеній русскаго народа, — мы можемъ сдѣлать это крайне несовершенно, и болѣе или менѣе точныя данныя представлены будутъ лишь о результатахъ—размѣрахъ (да и то условно) и формахъ обезземеленія, — но не объ ихъ причинахъ. Однако мы не можемъ удержаться и отъ попытки хоть нѣсколько проникнуть въ

эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что земскія изданія представляютъ для этого единственный въ своемъ родѣ случай. Ограничимся пока Московской губ. [1]).

Земледѣліе въ Московской губерніи не всегда находилось въ такомъ печальномъ состояніи, въ какомъ мы наблюдаемъ его теперь. Было время, и очень недавно, когда даже такія мѣстности, какъ Гжель, Загарье, если и не считали себя совершенно обезпеченными земледѣліемъ, то все-таки имѣли отъ него кусокъ хлѣба, не принуждались къ промыслу во что бы то ни стало. 20—30 лѣтъ тому назадъ населенія было меньше, земли же у крестьянъ больше; луга, на которыхъ паслись тогда ихъ стада, отошли теперь къ помѣщикамъ, тотъ лѣсъ, куда въ настоящее время мужикъ и носу не сунетъ безъ подачки, въ тѣ блаженныя времена былъ къ его услугамъ (А. Исаевъ «Промыслы Моск. губ.»). Тогда можно было хозяйничать на землѣ, и о безземельныхъ, вѣроятно, не было слышно. Нынѣ времена перемѣнились; теперь не человѣкъ держится земли, а земля связала человѣка,—и опусти послѣдняя хотя немного вожжи, мелькни хотя слабенькій лучъ свѣта на аренѣ сторонняго земледѣлію заработка,—московскій крестьянинъ, за небольшими исключеніями, порветъ связи съ прежней кормилицей.

Впрочемъ и теперь, при первомъ поверхностномъ обзорѣ матеріаловъ Московскаго земства, судя по рубрикѣ безземельныхъ, можетъ показаться, что крестьянское хозяйство здѣсь находится сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ; такъ изъ общаго числа 199.360 дворовъ въ губерніи безземельные составляютъ всего 19.839, т. е. меньше 10%. Но такъ можетъ показаться, говоримъ, съ перваго и притомъ поверхностнаго взгляда; цифра эта далеко не выражаетъ истинныхъ размѣровъ того, что составителями сборника названо «соціальнымъ дефицитомъ Московской губерніи». Дѣло въ томъ, что земля здѣсь далеко не окупаетъ платежей, связанныхъ съ пользованіемъ ею; поэтому хотя крестьянинъ и не считаетъ земледѣліе бездоходнымъ промысломъ, но неохотно беретъ лишній кусокъ общинной земли: взявши душевой надѣлъ, нужно уплатить слишкомъ 10 руб. податей (которыя, какъ извѣстно, раскладываются крестьянами на землю), а его можно арендовать за два, за три. Словомъ, платежи въ сущности ложатся на заработокъ, а не на землю; при распредѣленіи послѣдней между членами общины, главною цѣлью служитъ разверстка повинностей, а не земли, какъ источника дохода. Въ силу этого, въ губерніи господствуетъ потягольная и преимущественно побратная (по числу работниковъ въ

[1]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“. Отдѣлъ хозяйственной статистики, т. I—IV.

семьѣ) разверстка земли и податей: хочешь или не хочешь, но коль скоро ты находишься въ рабочемъ возрастѣ, тебѣ дадутъ землю, не допустятъ обезземелиться, по крайней мѣрѣ, de jure. Но когда членъ общины перевалитъ за 60 л., онъ имѣетъ право отказаться отъ своего надѣла, и если въ его семьѣ болѣе нѣтъ взрослаго мужчины, его хозяйство перестаетъ быть земледѣльческимъ, дворъ зачисляется московскими статистиками въ разрядъ безземельныхъ. Сюда же входитъ семья, лишившаяся работника-мужчины и состоящая изъ женщинъ или мальчиковъ-подростковъ.

Кромѣ этого безсильнаго элемента «безземельныхъ» въ составъ ихъ входятъ лица хотя бы и рабочаго возраста, но не обязанныя брать землю: оставные солдаты, приписанные къ обществу дворовые и пр. По настоящему, группу безсильныхъ нельзя причислить къ безземельнымъ, такъ какъ они здѣсь находятся временно и пройдутъ безслѣдно: старики-бобыли перемрутъ, подростки получатъ надѣлъ или перейдутъ по мужу въ другія семьи. Истинно безземельными нужно признать лишь второй элементъ этой рубрики, и потому число ихъ должно быть значительно меньше показанныхъ 10 процентовъ. Судя по Московскому уѣзду, о которомъ есть болѣе подробныя данныя, бобылки и бобыли составляютъ около $^3/_4$ всего числа безземельныхъ.

Благодаря такому сложному составу группы безземельныхъ, мы наблюдаемъ иногда уменьшеніе ихъ во времени; такъ въ Подольскомъ уѣздѣ съ 1869 по 1877 г. число ихъ сократилось съ 1,669 до 1,122 т. е. на 30 проц. Не зная состава группы, и основываясь на этомъ фактѣ, мы могли бы построить благопріятное, но ложное заключеніе о состояніи земледѣлія въ Подольскомъ уѣздѣ; но данное явленіе можетъ быть объяснено просто вымираніемъ безземельныхъ стариковъ и привлеченіемъ къ тяглу подросшихъ сиротъ-мальчиковъ, при одновременномъ замедленіи замѣщенія ихъ таковыми же новыми.

Такъ какъ группа безземельныхъ состоитъ частью изъ элемента, попавшаго сюда до нѣкоторой степени произвольно (слабосильные, отказавшіеся отъ надѣла), нужно ожидать, что въ общинахъ съ лучшей землей число ихъ уменьшается. Принимая за мѣрило соотвѣтствія платежей съ доходностью земли господство той или другой системы ея разверстки между членами общины (*подушная*, практикуемая полными собственниками и незначительною частью государственныхъ крестьянъ—при небольшихъ платежахъ; *тягольная*, принятая помѣщичьими и половиною государственныхъ и удѣльныхъ общинъ—отягощенными наибольшими платежами, и *смѣшанная*, практикуемая остальной половиной государственныхъ и

удѣльныхъ крестьянъ—земля которыхъ по доходности въ большей или меньшей степени соотвѣтствуетъ платежамъ), мы должны бы встрѣтить наименьшее число безземельныхъ среди полныхъ собственниковъ, наибольшее—у помѣщичьихъ крестьянъ. Но факты не вполнѣ подтверждаютъ наше предположеніе; такъ, число безземельныхъ у помѣщичьихъ крестьянъ доходитъ до 10,8 проц., у государственныхъ 8,8, у удѣльныхъ 7,8 проц., у полныхъ собственниковъ 9,3 [1]).

Итакъ, противорѣчіе нашему заключенію представляетъ группа полныхъ собственниковъ (окончательно выкупившихъ свои надѣлы), наилучше поставленная въ отношеніи платежей, ибо она не несетъ ни выкупныхъ, ни оброчныхъ. Объясненіемъ этого явленія можетъ служить тотъ фактъ, что нѣкоторыя общины полныхъ собственниковъ имѣютъ очень мало земли, даже только одну усадебную; невозможность вести на такомъ участкѣ земледѣльческое хозяйство, въ связи, можетъ быть, съ существованіемъ выгоднаго промысла, побудила многихъ членовъ общины бросить вовсе земледѣліе, перемѣнить профессію. Такъ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ есть с. Хатунь, съ количествомъ земли всего около 1,6 дес. на душу и носѣвомъ озими въ двѣ мѣры на душу; естественно, что всѣмъ хатунцамъ физически невозможно заниматься земледѣліемъ,—часть ихъ должна уступить свои участки другимъ, и 162 двора изъ 328, т. е. половина, сдѣлали это, тѣмъ или инымъ способомъ отказались отъ надѣла; за то на сторону уходитъ до 600 душъ изъ 1,800. Если изъ числа полныхъ собственниковъ исключимъ только одно это село, то и тогда число безземельныхъ сократится до 513 дворовъ на 6,900, что будетъ уже не 9,3, а всего 7,4 проц.

Нужно сказать, что группа безземельныхъ среди полныхъ собственниковъ представляетъ нѣсколько иной составъ, чѣмъ въ остальныхъ разрядахъ крестьянъ: такъ какъ небольшой платежъ на землю дѣлаетъ выгоднымъ владѣніе ею даже безъ возможности лично обрабатывать (бобылю-старику, вдовѣ), то случаи отказа отъ надѣла среди полныхъ собственниковъ должны встрѣчаться сравнительно рѣдко, и отдѣлъ безземельныхъ здѣсь, вѣроятно, состоитъ, главнымъ образомъ изъ дѣйствительно не имѣющихъ земли, хотя бы и желавшихъ пользоваться ею. Въ силу этого обстоятельства, группа безземельныхъ полныхъ собственниковъ получаетъ въ глазахъ изслѣдователя судебъ московскаго крестьянина гораздо болѣе интереса, нежели представляютъ это безземельные остальныхъ разрядовъ

[1]) Вычислено на основаніи сводныхъ таблицъ по разрядамъ крестьянъ (т. III).

крестьянъ. Та часть послѣднихъ, которая въ состояніи работать, лишались земли не въ новѣйшую исторію (бывшіе дворовые), или по крайней мѣрѣ, не въ силу новыхъ отношеній, возникшихъ для русскаго народа послѣ реформы (отставные солдаты); они суть результатъ старыхъ порядковъ, и весь интересъ относительно ихъ сосредоточивается на вопросъ о ихъ количествѣ (который, къ сожалѣнію, недоступенъ для точнаго разрѣшенія). Среди же безземельныхъ полныхъ собственниковъ встрѣтится, навѣрно, группа *лишившихся земли*, полносильныхъ членовъ общины, ибо, не будучи связаны съ землей платежомъ, они могутъ распоряжаться ею какъ собственностью,—что съ достаточной ясностью видно хотя бы изъ примѣра с. Хатуни; поэтому не безъ интересно будетъ нѣсколько остановиться на причинахъ этого явленія, поскольку оно обусловливается земельными отношеніями, а небольшое число крестьянъ даннаго разряда позволяетъ сдѣлать это безъ особенныхъ затрудненій. Приведемъ цифры безземельныхъ дворовъ полныхъ собственниковъ по-уѣздно:

	Всего.	Безъ зем.	% безз.
Звенигородскій .	83	12	14,4
Серпуховскій . .	2,353	278	11,7
Бронницкій . . .	204	21	10,3
Богородскій . . .	1,494	144	9,6
Московскій . . .	658	61	9,3
Коломенскій . .	887	81	9,1
Можайскій . . .	213	16	7,5
Клинскій	272	18	6,6
Подольскій . . .	854	32	3,7
Дмитровскій . . .	164	8	4,2
Рузскій	40	2	5,0[1]
Итого . . .	7,222	673	9,3

Мы видимъ, что, по числу обезземеливающихся полныхъ собственниковъ, уѣзды распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ въ одной обезземеленіе совершается вдвое быстрѣе, чѣмъ въ другой. Такъ какъ въ послѣдней безземельныхъ немного, а число дворовъ полныхъ собственниковъ не велико, что дѣлаетъ крайне затруднительнымъ отдѣленіе случайныхъ причинъ обезземеленія отъ неизбѣжныхъ, то, при изслѣдованіи этого процесса, мы ограничимся разсмотрѣніемъ уѣздовъ лишь первой группы, да и здѣсь исключимъ Звенигородскій уѣздъ, по незначительности абсолютныхъ цифръ, и Московскій—по той причинѣ, что по новѣйшимъ даннымъ число безземельныхъ полныхъ собственниковъ тамъ всего 51 на 912 дворовъ, т. е. почти 5% [2]).

Въ Коломенскомъ уѣздѣ безземельныхъ дворовъ 81 изъ 887; изъ нихъ 60 безземельныхъ приходится на 3 деревни Горской волости—

[1]) Id. Сводныя табл., исправленныя по экономич. табл., т. II и III.
[2]) Id. т. I, вып. II.

Озерцы, Холмы и Стребково. Деревни эти съ 1833 г. поступили въ разрядъ вольныхъ хлѣбопашцевъ и, окончивъ въ 1849 г. выкупъ своей земли, раздѣлили ее на подворные участки. Съ тѣхъ поръ произошли такія, напримѣръ, отношенія, что дворъ, получившій земли на 1 душу, теперь имѣетъ ихъ 10, а одинокій владѣетъ землей на нѣсколько душъ; кромѣ того, нѣкоторые богачи скупили участки своихъ бѣдныхъ односельцевъ, результатомъ чего явилась масса участковъ, по своимъ размѣрамъ недоступныхъ для земледѣлія, отчего послѣднее и пришло въ упадокъ. «Не менѣе половины пахатной земли лежитъ въ пустыряхъ, съ которыхъ снимается лишь трава, а въ селѣ Озерцахъ почти всѣ поля обращены въ сѣнокосы: только 7 дворовъ изъ 197 исправно ведутъ хлѣбопашество. Нѣкоторые изъ многоземельныхъ не занимаются хлѣбопашествомъ потому, что ведутъ на сторонѣ торговлю и занимаются разными прибыльными промыслами; малоземельнымъ же невозможно вести земледѣльческое хозяйство при ничтожныхъ размѣрахъ принадлежащихъ имъ земельныхъ долей, а потому они по необходимости также всецѣло отдаются промысламъ. Вообще, строй жизни во всѣхъ этихъ селеніяхъ, и особенно въ с. Озерцахъ, скорѣе походитъ на городской, чѣмъ на сельскій: съ одной стороны мы встрѣчаемъ здѣсь незначительное число богатыхъ дворовъ, владѣющихъ крупными участками земли и ведущихъ обширные промыслы и торговлю,—съ другой стороны, многіе крестьяне ровно ничего не имѣютъ и добываютъ средства къ жизни исключительно заработками на сторонѣ... Земледѣльческое же хозяйство, повторяемъ, во всѣхъ трехъ селеніяхъ находится въ полномъ упадкѣ, хотя земли въ среднемъ выводѣ приходится на душу по 3,2 десятины, что составляетъ даже выше полнаго нормальнаго надѣла въ Коломенскомъ уѣздѣ». Неудивительно, что изъ 402 дворовъ земледѣліемъ занимается всего 106, или 26 проц., а 15 проц. и совсѣмъ лишились земли. Отбросивъ эти 3 деревни, изъ остальныхъ 485 дворовъ полныхъ собственниковъ Коломенскаго уѣзда обезземелилось всего 21, т. е. 4,1 проц.—цифра очень незначительная для того, чтобы стоило отыскивать причины ея появленія.

Безземельные Серпуховскаго уѣзда составлены главнымъ образомъ однимъ селомъ, Хатунью (о которомъ мы говорили выше), гдѣ изъ 328 дворовъ лишились земли 162; въ остальныхъ будетъ 126 безземельныхъ на 2,025 дворовъ, что составитъ 6,2 процента. Десять слишкомъ процентовъ безземельныхъ Бронницкаго уѣзда произошли благодаря участію д. Усадище, Усмерской волости, съ надѣломъ всего 1,9 дес. на рабочаго; безъ нея цифра эта ниспадаетъ до 4 проц. Въ Богородскомъ уѣздѣ мы не

найдемъ такихъ выдѣляющихся въ какомъ нибудь отношеніи деревень, и большое число безземельныхъ обусловливается, вѣроятно, тѣмъ, что этотъ уѣздъ въ земледѣльческомъ отношеніи поставленъ вообще очень плохо, и населеніе его посвящаетъ свои силы, главнымъ образомъ, различнымъ промысламъ. Что касается въ частности полныхъ собственниковъ, то земли у нихъ въ этомъ уѣздѣ приходится въ среднемъ по 4,3 дес. на рабочаго, а во многихъ деревняхъ спускается далеко ниже этой цифры.

Итакъ, насколько можно было прослѣдить, обезземеленіе полныхъ собственниковъ Московской губерніи выше небольшаго средняго уровня произошло подъ вліяніемъ такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, какъ участковое землевладѣніе и малоземеліе, не допускающее вовсе сельскохозяйственной дѣятельности. Исключивъ мѣстности съ такими особенными условіями, у насъ останется 6350 дворовъ съ 434 безземельными, что даетъ уже 6,8 процентовъ вмѣсто $9^1/_2$. Теперь группа полныхъ собственниковъ подходитъ подъ общій тонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе для приблизительнаго опредѣленія числа дѣйствительно безземельныхъ въ цѣлой губерніи. Разобщить ихъ съ элементомъ безсильныхъ мы не имѣемъ возможности за отсутствіемъ въ матеріалахъ какого либо намека на это,—и для вычисленія ихъ количества избираемъ окольный путь.

Мы видимъ, что среди помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ въ составъ безземельныхъ въ наибольшей мѣрѣ входитъ элементъ маломощныхъ, безземельные образуютъ около 11 процентовъ; у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, гдѣ и нѣкоторые слабосильные дворы готовы оставить за собой землю (тамъ, гдѣ съ ней связаны не столь высокіе платежи), процентъ безземельныхъ понижается до 8, 1 и 7, 6 процентовъ. Но и здѣсь еще число безземельныхъ рабочихъ семей затемняется этимъ непроизводительнымъ элементомъ. Среди полныхъ собственниковъ послѣдній сведенъ къ minimum'у и можетъ быть всѣ 6, 8 процентовъ должны быть признаны за полносильныхъ домохозяевъ; часть ихъ состоитъ, вѣроятно, изъ приписанныхъ къ обществу, дугая,—можетъ быть, лишилась земли вслѣдствіе какихъ нибудь печальныхъ случайностей.

Среди другихъ разрядовъ крестьянъ такихъ полносильныхъ безземельныхъ никакъ не больше, чѣмъ у полныхъ собственниковъ; такъ что считая и ихъ въ 6—7 процентовъ всѣхъ домохозяевъ, мы этимъ опредѣлимъ, если не дѣйствительное число безземельныхъ въ Московской губерніи, то по крайней мѣрѣ предѣльный имъ maximum.

Итакъ, безземельныхъ въ Московской губерніи не больше 12—13 тысячъ семей, имѣющихъ будущность, т. е. оставляющихъ по себѣ по-

томство; принимая ихъ по семейному составу одинаковыми съ среднимъ московскимъ крестьянскимъ домохозяйствомъ, они будутъ заключать около 20,000 мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ и до 70,000 душъ обоего пола. Если же судить по одпому Московскому уѣзду, то такихъ безземельныхъ окажется еще гораздо меньше; именно полносильные составляютъ тамъ всего 3% безземельныхъ, что на всю губернію составитъ около 6 тысячъ семей, т. е. слишкомъ вдвое меньше вычисленнаго.

Сравнивая эту цифру безземельныхъ съ числомъ ихъ въ другихъ губерніяхъ, мы находимъ, что она вовсе не велика, и если бы только ею составлялся соціальный дефицитъ населенія,—было бы еще полгоря. Но дѣло въ томъ, что группа эта отступаетъ на второй планъ передъ другой группою крестьянъ: получившихъ земельный надѣлъ, платящихъ за него и тѣмъ не менѣе забрасывающихъ хозяйство. Группа эта поневолѣ останавливаетъ на себѣ наше вниманіе.

Въ Сборникѣ Московскаго земства есть рубрика подъ названіемъ «не занимающіеся хлѣбопашествомъ». Сюда принадлежатъ 29,945, или 15 процентовъ всѣхъ дворовъ въ губерніи, получившихъ при послѣднемъ передѣлѣ надѣлъ, несущихъ на себѣ всѣ или большую часть обязанностей членовъ земельной общины, но землей не занимающихся. Съ перваго взгляда это можетъ показаться даже явленіемъ утѣшительнымъ: вѣроятно производительность земледѣльческаго труда поднялась настолько, что нужное количество хлѣба добывается съ меньшей затратой человѣческой силы и часть прежнихъ земледѣльцевъ имѣетъ возможность обратить свой трудъ на добываніе другихъ, нужныхъ населенію, предметовъ. Но читатель, хоть нѣсколько знакомый съ положеніемъ московскаго земледѣлія, не обольстится такими иллюзіями; что касается до основныхъ причинъ этого явленія, ихъ отысканіе и составляетъ предметъ всей настоящей статьи; здѣсь же мы приведемъ то, что удалось найти въ разныхъ мѣстахъ «Сборника» о непосредственныхъ, ближайшихъ обстоятельствахъ, обуславливающихъ разрывъ крестьянина съ землею.

Если спросить самихъ крестьянъ, почему они перестаютъ заниматься хлѣбопашествомъ, они дадутъ слѣдующій отвѣтъ: «силы нѣтъ, взяться не за что», и въ поясненіе прибавятъ пословицу: «держи вожжи, покамѣсть въ рукахъ, а какъ выронишь—не скоро поймаешь». «Какая нибудь несчастная случайность заставляетъ крестьянина оставить безъ обработки свою землю, а разъ запустивши, онъ въ большинствѣ случаевъ уже не въ силахъ бываетъ завести хозяйство вновь и раззоряется. Раззореніе начинается иногда съ неважнаго обстоятельства: падаетъ, напр.,

лошадь или самъ крестьянинъ продаетъ ее осенью «по нуждѣ»; для покупки весной новой лошади онъ не имѣетъ возможности скопить нужныхъ средствъ, занять на это денегъ негдѣ («ни у кого нѣтъ охоты давать денегъ бѣдняку», говорятъ крестьяне), безъ лошади же нельзя обрабатывать землю, а безъ этого нечѣмъ прокормить корову: приходится и съ ней разстаться. И вотъ крестьянинъ идетъ на фабрику или въ чернорабочіе, но получаемыхъ имъ денегъ хватаетъ лишь на то, чтобы прокормиться; недоимки накопляются, а о сбереженіи средствъ для заведенія собственнаго хозяйства вновь уже и думать нечего... крестьянинъ поневолѣ дѣлается безземельнымъ». Подобнымъ же образомъ, какъ лишеніе лошади, дѣйствуетъ и потеря инвентаря, недостатокъ для посѣва сѣмянъ и пр. «Нашъ крестьянинъ не имѣетъ, какъ бы то долженъ имѣть всякій сельскій хозяинъ, никакихъ запасовъ на случай всегда возможныхъ потерь въ сельскомъ хозяйствѣ. Отсутствіе же этихъ запасовъ дѣлаетъ невозможнымъ разъ упущенное хозяйство поставить на прежнюю, хоть и не высокую ступень». Въ этомъ отношеніи крестьянамъ было лучше даже въ прежнія времена. «У всякаго была лошадь и корова, кормились своимъ хлѣбомъ, земля не пустовала, стройка была исправная, и все это потому, что помѣщикъ въ своихъ же интересахъ «упадать крестьянину не давалъ». Конечно, помѣщикъ помогалъ крестьянину не даромъ: онъ получалъ часто вдвое или втрое противъ того, что давалъ, но получалъ тогда, когда крестьянинъ могъ заплатить или благодаря хорошему урожаю, или хорошимъ заработкамъ, и такимъ образомъ давалъ крестьянину «переводить духъ». Отчего же теперь даютъ мужику «упасть», отчего допускаютъ разнымъ случайностямъ (?) бить его непрерывно, не давая «перевести духъ»? Или развѣ онъ требуетъ помощи непремѣнно даровой, или нѣтъ нынче никого, въ чьихъ интересахъ было бы не давать крестьянину упасть, и приходится пожалѣть объ упраздненіи помѣщичьей опеки? Кажется, напр., что фискъ, заинтересованъ не менѣе помѣщика въ исправномъ состояніи крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ въ интересахъ сбора податей — раззореніе крестьянина довершается окончательно. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Въ Вороновской волости, Подольскаго уѣзда, есть небольшая деревня Бунчиха. Никогда она богата небыла, тѣмъ не менѣе во времена крѣпостного права въ каждомъ дворѣ были лошадь и корова, и всѣ занимались хлѣбопашествомъ; даже въ первое время послѣ приложенія мѣръ «улучшенія быта народа» благосостояніе Бунчихи хотя нѣсколько и пошатнулось, но до 1869 года изъ 12 надѣльныхъ домохозяевъ занималось

землей 10, лошадей въ селеніи было 8, коровъ 9, недоимки отсутствовали. Въ этомъ году деревня получила второй ударъ—пали всѣ коровы; крестьяне, однако, вздумали сопротивляться—купили пять. Благодаря этому обстоятельству, они не могли во-время заплатить помѣщику оброкъ, и тотъ въ слѣдующемъ году продалъ весь ихъ овесъ, не оставивъ и на сѣмена, такъ что яровыя крестьянскія поля остались не засѣянными (и пребываютъ въ такомъ положеніи до сего времени). Помогши крестьянамъ столь простымъ и остроумнымъ способомъ выполнить свои обязательства, помѣщикъ, однако, сообразилъ, что безъ скота и хлѣба мужикъ, пожалуй, погодитъ платить оброкъ, и въ слѣдующемъ году потребовалъ перевода крестьянъ на выкупъ. Но мировой нанесъ въ 1873 г. мужику новый (по счету съ 69 г.—4-й, по одному въ годъ) ударъ: продадъ, для пополненія недоимокъ, 5 лошадей и корову; осталось въ селѣ 3 лошади и 4 коровы. «Всѣ домохозяева, у которыхъ былъ проданъ скотъ, съ этого времени уже не имѣютъ ни лошадей, ни коровъ, и совсѣмъ перестали заниматься хлѣбопашествомъ. Вмѣстѣ съ этимъ смертность населенія значительно усилилась, а рождаемость уменьшилась». Недоимки, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, возрастаютъ: передъ послѣдней операціей ихъ было 677 р., черезъ годъ послѣ счастливаго исхода послѣдней онѣ возросли до 918, затѣмъ поднялись до 1,262 и, наконецъ, перешагнули за 2,000 р. Населеніе деревни съ 1858 года сократилось на 40 процентовъ, дѣтей моложе 10 лѣтъ вовсе нѣтъ, такъ какъ за отсутствіемъ коровьяго молока всѣ рождающіяся дѣти умираютъ, а изъ женскаго пола пѣтъ моложе 16 л.; земледѣліемъ занимаются двое.

Подобный же опытъ повторенъ былъ и надъ д. Громовой, того же уѣзда. Въ 1865 г. болѣзнь перекачала всѣхъ поголовно; мировой посредникъ продалъ часть скота и другого имущества въ пополненіе недоимки, явившейся результатомъ подверженности мужицкаго тѣла болѣзнямъ. Послѣ этого возростаніе недоимки пошло быстрѣе, и опытъ борьбы съ ней былъ повторенъ въ 1868 и 1869 гг. Крестьяне первое время терпѣли, держались за землю; но послѣ послѣдней продажи 14 домохозяевъ изъ, 20 получившихъ надѣлъ, бросили земледѣліе и живутъ теперь отъ промысловъ. Недоимка, какъ водится, увеличивается, нужно полагать, насчетъ роста населенія: послѣднее въ десятилѣтіе до начала экспериментовъ увеличилось на 9 человѣкъ, а въ десятилѣтіе послѣдующее уменьшилось на 24.

Приведя еще нѣсколько примѣровъ раззоренія крестьянъ стараніями администраціи, Сборникъ замѣчаетъ, что въ Верейскомъ уѣздѣ продажъ скота при взысканіи недоимокъ, кажется, не бываетъ, что доказывается

какъ лучшимъ состояніемъ здѣсь скотоводства, такъ и незначительной за уѣздомъ недоимкой. Не знаю, какія съ тѣхъ поръ произошли измѣненія въ состояніи скотоводства верейскаго крестьянина; что же касается недоимки, то, судя по ея движенію, администрація и здѣсь взялась за умъ и въ 3 года, недоимка съ 21½ тысячи поднялась до 75 — слишкомъ втрое! [1]).

Послѣ этимъ примѣровъ читатель, надѣюсь, согласится съ мнѣніемъ составителей «Сборника», что разсматриваемая группа крестьянъ есть выраженіе соціальнаго дефицита губерніи, и именно *соціальнаго*, а не только экономическаго или земледѣльческаго, такъ какъ причины ея образованія кроются не въ естественныхъ условіяхъ земледѣлія, не исключительно и экономическія, а также государственныя и общественныя. Сама природа, законъ, посредникъ, исправникъ, какъ бы сговорившись, наносятъ крестьянину ударъ за ударомъ, не даютъ ему «перевести духъ» и, можно сказать, буквально прогоняютъ его съ земли. Группа эта есть, такимъ образомъ, результатъ очень сложныхъ причинъ: много камней всякаго рода потрачено при закладкѣ этого печальнаго зданія. Если бы изслѣдованіе различныхъ мѣстностей нашего отечества производилось періодически каждыя 5—10 лѣтъ, то измѣненіе размѣровъ разсматриваемой группы служило бы хорошимъ указателемъ направленія и силы равнодѣйствующей всѣхъ вліяній, колеблющихъ въ ту или другую сторону народное благосостояніе.

Но вышеприведенныя разъясненія указываютъ только на ближайшіе мотивы, побуждающіе крестьянъ разорвать съ землею, и вовсе не объясняютъ коренныхъ причинъ этого явленія: эпидеміи и эпизоотіи существовали всегда, подати также; забрасываетъ землю не одинъ разрядъ крестьянъ, лишившихся помѣщичьей опеки, но, какъ увидимъ ниже, и государственные, и удѣльные. Поэтому, нельзя удовольствоваться знаніемъ факта, что крестьянинъ обѣднѣлъ, а нужно подробнѣе изслѣдовать причины интересующаго насъ явленія.

Мы сказали, что число забросившихъ свои надѣлы крестьянъ Московской губ. составляетъ 15% всего числа домохозяевъ; такой способъ выраженія ихъ количества не опредѣляетъ всей интенсивности процесса и не охватываетъ наиболѣе характеристической его черты, для выраженія которой важно отношеніе бросившихъ землю къ числу лицъ, ее получившихъ. Въ общее число домохозяевъ вошли и дворовые, и отставные солдаты,

[1]) Ср. сводную табл. Верейскаго (т. II) и сводн. табл. для всей губерніи (т. III).

и сироты, все элементы, не держащіе землю; разсматриваемая же группа образовалась изъ чистыхъ земледѣльцевъ, активныхъ членовъ общины, которые должны бы побуждаться продолжать свой исконный промыселъ, такъ какъ, все равно, на нихъ навалена земля со всѣми платежами. Поэтому, нашему воображенію гораздо больше скажетъ цифра, показывающая размѣры, въ какихъ земледѣльцы вынуждены разставаться съ своимъ исконнымъ промысломъ, чѣмъ отношеніе таковыхъ къ нѣкоему сложному конгломерату, вродѣ числа дворовъ губерніи. Опредѣлить нужное намъ отношеніе очень легко: вычтя изъ числа всѣхъ 199,360 дворовъ 19,839 безземельныхъ, мы получимъ 179,521 дворовъ, de jure пользующихся землею; изъ нихъ фактически забросило ее 29,945, что составитъ 16,7 пр.

Естественно прежде всего предположить, что такое явленіе находится въ зивисимости отъ состоянія земледѣлія; поэтому мы приведемъ таблицу, гдѣ число безземельныхъ de facto крестьянъ разныхъ разрядовъ сопоставляется съ моментами, рисующими состояніе ихъ земледѣльческаго хозяйства.

	Число над. домохоз.	Не зан. хлѣбопаш.	% не зан. хлѣб.	Земли на раб.	Посѣвъ озими на над.	Урож. озими	Подат. на раб.
Государств.	57.970	7.410	12.6	6.8 д.	6.5 м.	2.6	15.3 р.
Удѣльные	11.604	2.056	17.7	3.8 „	5.6 „	2.5	14.4 „
Помѣщичьи	103.415	19.190	18.4	5.2 „	6.4 „	2.5	21.1 „
Поля. собств.	6.549	1.200	18.5	6.9 „	6.3 „	3.0	9.1 „

Мы видимъ, что государственные крестьяне, въ земледѣльческомъ отношеніи поставленные лучше удѣльныхъ и помѣщичьихъ (количество земли, посѣвъ и урожай у нихъ выше), даютъ и меньшій процентъ безземельныхъ; помѣщичьи крестьяне, несмотря на преимущество передъ удѣльными въ сельскохозяйственномъ отношеніи, обезземеливаются, однако, быстрѣе послѣднихъ; достаточное объясненіе этому мы находимъ, повидимому, въ тягости лежащихъ на нихъ платежей. Наибольшій диссонансъ, однако, производитъ группа полныхъ собственниковъ: въ отношеніи количества земли, ея культуры и податей группа эта находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ и одновременно она же даетъ maximum обезземеливающихся. Причины этого нужно искать, разумѣется, въ особенностяхъ, свойственныхъ исключительно этому разряду крестьянъ; именно, тогда какъ по размѣрамъ землевладѣнія, составъ отдѣльныхъ общинъ каждаго изъ разрядовъ крестьянъ, еще не выкупившихъ свои надѣлы, до нѣкоторой степени однороденъ, среди полныхъ собственниковъ должно существовать въ этомъ

отношеніи огромное разнообразіе. Нѣкоторые потому только и перешли въ этотъ разрядъ, что небольшой надѣлъ—можетъ быть даже только одна усадьба—далъ имъ возможность легко его выкупить. Поэтому, если средняя цифра надѣла государственныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ дѣйствительно выражаетъ тотъ размѣръ участка, около котораго колеблются владѣнія каждой общины, этого вовсе нельзя сказать о полныхъ собственникахъ (просимъ припомнить, напр., хотя бы деревню Усадище съ ея однодесятиннымъ душевымъ надѣломъ). Кромѣ того, полные собственники вправѣ выбирать любую форму землевладѣнія, и мы уже имѣли случай наблюдать, какъ это можетъ отразиться на землевладѣніи и земледѣліи отдѣльныхъ членовъ такой деревни. Все это приводитъ къ заключенію, что одна огульная цифра можетъ дать совершенно ложное понятіе объ отношеніи, существующемъ между забрасываніемъ земли и ея количествомъ (а также и другими опредѣляющими моментами); для открытія истины слѣдуетъ расчленить большія группы на малыя. Слѣдующая таблица, въ связи съ данными землевладѣнія, показываетъ распредѣленіе фактически безземельныхъ по уѣздамъ для всѣхъ вообще крестьянъ (двѣ первыя графы) и для полныхъ собственниковъ отдѣльно:

			Полные собственники.			
					Забр. земли.	
	Над. на 1 работн.	% заброс. земли.	Над. на 1 раб.	Над. домох.	число.	
Коломенскій	4,9 дес.	24,6 проц.	5,5 дес.	806	[illegible]	36,0
Богородскій	4,8 „	22,7 „	4,3 „	350	291	21,5
Бронницкій	4,0 „	20,4 „	3,5 „	183	68	37,0
Подольскій	5,9 „	18,0 „	4,7 „	825	75	9,1
Верейскій	6,6 „	16,8 [1] „	— „	—	—	—
Серпуховскій	5,9 „	16,7 „	8,0 „	2.075	381	18,4
Звенигородскій	6,3 „	16,6 „	4,4 „	71	20	28,2
Волоколамскій	6,0 „	15,6 „	— „	—	—	—
Рузскій	6,6 „	13,6 „	6,4 [2] „	32	—	—
Можайскій	7,1 „	12,4 „	13,1 „	197	1	0,5
Дмитровскій	7,2 „	13,4 „	10,3 „	153	11	7,2
Клинскій	6,4 „	9,5 „	6,4 „	254	12	4,7
Московскій	4,7 „	9,4 „	5,2 „	598	41	7,0

Разсмотримъ сначала группу полныхъ собственниковъ.

---

[1]) Число это не точно, такъ какъ въ Сборникѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній ни о количествѣ всѣхъ дворовъ (т. II, с. 27, примѣч.), ни о числѣ безземельныхъ въ уѣздѣ (Id. т. III, стр. XXX, примѣч.).

[2]) Въ сводн. табл. по уѣзду и губерніи надѣлъ показанъ въ 3,5 дес., провѣркой же по эконом. табл. (т. II) онъ опредѣляется въ 6,4 дес.

Мы видимъ, во 1-хъ, что она отличается отъ другихъ разрядовъ крестьянъ большими колебаніями поуѣздно, какъ размѣровъ владѣемой земли (3,5--13,1 дес. у полн. собств., 4—7,2 у всѣхъ), такъ и числа обезземеливающихся (0—37 проц. у первыхъ, 9,4—24,6 проц. у вторыхъ). Во 2-хъ, мы дѣйствительно замѣчаемъ зависимость обезземеленія полныхъ собственниковъ отъ величины надѣла (верхняя половина уѣздовъ съ наибольшими цифрами не занимающихся хлѣбопашествомъ владѣетъ меньшимъ количествомъ земли). Зависимость эта сдѣлается еще яснѣе, если исправить нѣкоторыя цифры: такъ, значительный процентъ обезземеливающихся въ Серпуховскомъ уѣздѣ (18 проц.) при большомъ сравнительно надѣлѣ (8 дес.) объясняется существованіемъ здѣсь почти безземельнаго с. Хатуни; по исключеніи его останется 181 фактически безземельный на 1,909 надѣленныхъ землей домохозяевъ, что составитъ уже 9,5%—почти вдвое меньше. Въ Бронницкомъ уѣздѣ есть такая же деревня Усмерской вол., Усадище, съ 1,1 десятиной надѣла на 1 душу и 1,9— на работника, количествомъ, очевидно недостаточнымъ для занятія хлѣбопашествомъ; поэтому изъ 89 дворовъ этой деревни, получившихъ надѣлъ, бросили его 59, т. е. 66%. Безъ этой деревни въ уѣздѣ останется 9 забросившихъ землю на 96 получившихъ надѣлъ, что составитъ всего 10 проц. Въ Коломенскомъ уѣздѣ нужно исключить 3 деревни Горской волости, представляющія ту аномалію, что владѣютъ землей на частномъ правѣ, что и составляетъ главную причину неравномѣрнаго распредѣленія среди нихъ земли: изъ 402 дворовъ здѣсь не занимаются хлѣбопашествомъ 236, лишились вовсе земли 60, и безъ нихъ въ Коломенскомъ уѣздѣ останется 685 дворовъ, среди которыхъ безземельныхъ 21, а забросили земледѣліе 52 изъ 464, получающихъ при передѣлѣ землю; процентъ забросившихъ снизойдетъ до 11,2%.

Читатель можетъ быть, подумаетъ, что исключая да исключая мы злоупотребляемъ авторскимъ правомъ и что, игнорируя нежелательныя цифры, можно доказать все, что угодно. Однако упрекъ этотъ несправедливъ: исключая *малоземельныя* общины, мы этимъ производимъ какъ бы дальнѣйшее расчлененіе группы полныхъ собственниковъ по величинѣ ихъ надѣла и доказываемъ, что и здѣсь повторяется искомый законъ. Если же оставить ихъ не выдѣленными изъ группы, онѣ болѣе или менѣе затемняютъ существованіе изслѣдуемой зависимости обезземеленія крестьянъ отъ величины ихъ надѣла, и, наоборотъ, ихъ исключеніе дѣлаетъ эту зависимость для всѣхъ очевидной. Если мы не производимъ такой же операціи надъ всѣми крестьянами, то лишь потому, что малоземельныя об-

щины, составляя среди нихъ исключеніе, совершенно теряются въ общей массѣ и не оказываютъ замѣтнаго вліянія на результаты. Впрочемъ, своевременно мы и здѣсь принуждены будемъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія.

Ограничиваясь только этими поправками, наша таблица зависимости обезземеленія полныхъ собственниковъ отъ величины ихъ надѣла приметъ слѣдующій видъ:

	Двор. не зан. хлѣб.	% къ надѣльнымъ.	Земля на 1 раб.			Двор. не зан. хлѣб.	% къ надѣльнымъ.	Земля на 1 раб.	
Звенигордскій .	20	28,2	4,4	дес.	Московскій. .	41	7,0	5,2	дес.
Богородскій . .	291	21,5	4,3	„	Клинскій. . .	12	4,7	6,4	„
Коломенскій. .	52	11,2	5,5	„	Можайскій .	1	0,5	13,1	„
Бронницкій . .	9	10,0	5,1	„	Рузскій . . .	0	0	6,4	„
Серпуховскій. .	181	9,5	8,0	„					
Подольскій. . .	75	9,1	4,7	„					
Дмитровскій.	11	7,2	10,3	„	Средній по губ.	—	9 [1]	7,2 [2].	

Здѣсь мы увидимъ гораздо болѣе параллелизма между количествомъ безземельныхъ и величиною надѣла; главнѣйшія отступленія замѣчаются въ Подольскомъ и Московскомъ уѣздахъ—при скудномъ надѣлѣ имѣющихъ невысокій процентъ упавшихъ; но отступленія эти больше кажущіяся. Именно, группа полныхъ собственниковъ Подольскаго уѣзда составлена изъ тѣхъ крестьянъ Островской волости, которые находятся въ особо благопріятныхъ условіяхъ: въ своемъ надѣлѣ они имѣютъ 722 дес. заливныхъ луговъ, дающихъ имъ сѣна на душу вдвое больше средняго по уѣзду, т. е. стоящихъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ обыкновенныхъ покосовъ; сверхъ того, крестьяне занимаются садоводствомъ. Такимъ образомъ, незначительность надѣла этой группы крестьянъ выкупается его качествами и высокой культурой земли. То же самое нужно сказать и о Московскомъ уѣздѣ; онъ представляетъ здѣсь такое же отступленіе, какое мы встрѣтимъ у него, когда будемъ разсматривать причины обезземеленія всѣхъ крестьянъ губерніи. Поэтому теперь мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что уѣздъ этотъ находится въ особенно благопріятныхъ для процвѣтанія земледѣлія условіяхъ, ибо близость Москвы даетъ удобреніе и обширный рынокъ для сбыта продуктовъ наиболѣе доходныхъ культуръ (садоводство огородничество). Про Рузскій уѣздъ, который съ надѣломъ ниже средняго не имѣетъ вовсе безземельныхъ, мы скажемъ, что и всѣхъ-то полныхъ собственниковъ у него лишь 40 дворовъ, цифра наименьшая въ губерніи

[1]) Среднее изъ поуѣздныхъ % отношеній.

[2]) Получено раздѣленіемъ площади земли (уменьшенной на количество принадлежащей исключеннымъ деревнямъ) на число оставшихся рабочихъ.

и, по своей незначительности, подверженная колебаніямъ отъ какихъ нибудь случайныхъ причинъ.

Такое-же соотношеніе между числомъ забросившихъ земледѣліе и величиной надѣла мы замѣтимъ и разсматривая распредѣленіе по уѣздамъ обезземелившихся крестьянъ всѣхъ разрядовъ:

	Уд. зем. на раб.	Надѣлъ на раб.	Ар. зем. на раб.	Над. и ар. на раб.	% забр. зем.
Коломенскій	8,2	4,9	0,4	5,3	24,6
Богородскій	9,1	4,8	0,3	5,1	22,7
Бронницкій.	6,4	4,0	0,5	4,5	20,4
Подольскій	10,8	5,9	2,0	7,9	18,0
Верейскій.	13,3	6,6	2,6	9,2	16,8
Серпуховскій	10,8	5,9	0,6	6,5	16,7
Звенигородскій. . . .	10,6	6,3	1,3	7,6	16,6
Волоколамскій.	10,4	6,0	1,8	7,8	15,6
Рузскій	13,2	6,6	3,3	9,9	13,6
Можайскій.	12,2	7,1	2,1	9,2	13,4
Дмитровскій	12,8	7,2	1,2	8,4	13,4
Клинскій.	12,4	6,4	3,9	10,3	9,5
Московскій	9,0	4,7	0,9	5,6	9,4

Въ таблицѣ уѣзды расположены въ порядкѣ убыванія процента не занимающихся хлѣбопашествомъ, и мы видимъ, что въ томъ же порядкѣ идетъ возростаніе количества какъ всей удобной земли уѣзда, такъ равно надѣла и размѣра эксплуатируемаго рабочимъ участка (исключеніе представляетъ Московскій уѣздъ—о чемъ ниже). Для большей ясности сгруппируемъ уѣзды въ 3 отдѣла: 1-й съ обезземеливающимися въ 9,5—13,6 проц. (4 уѣзда—безъ Московскаго), 2-й съ 15,6—18 (5 уѣздовъ) и 3-й выше 20 (уѣзда).

	дес.		дес.	Брос. земл. [1]
I надѣлъ на 1 раб. ок.	7,0	экспл. зем. на 1 раб.	9,5	12,5%
II „ „ „ „	6,1	„ „ „ „	8	16,5 „
III „ „ „ „	4,6	„ „ „ „	5	22,5 „

Итакъ, насколько голыя цифры заслуживаютъ довѣрія, они свидѣтельствуютъ, что забрасываніе московскимъ крестьяниномъ земли зависитъ отъ недостаточности его надѣла. Это довольно ясно видно какъ изъ данныхъ, касающихся всѣхъ вообще крестьянъ губерніи, такъ и спеціально изъ примѣра полныхъ собственниковъ. Возвращаясь къ таблицѣ распредѣленія крестьянъ по разрядамъ, мы уже не встрѣтимъ прежняго противорѣчія:

---

[1]) Среднее изъ поуѣздныхъ среднихъ и поуѣздныхъ процентныхъ отношеній.

Государственные: над. на раб.	6,8 дес.	забросило землед.	12,6 %
Полные собствен. . . .	7,2 »	»	»	9,0 »
Помѣщичьи	5,2 »	»	»	18,4 »
Удѣльные	3,8 »	»	»	17,7 »
Среднее по губ. . . .	5,5 »	»	»	16,7 »

Прежнее противорѣчіе исчезло (полные собственники съ наибольшимъ надѣломъ имѣютъ не высшую—какъ прежде—цифру не занимающихся хлѣбопашествомъ, а наименьшую), но появилось новое: полные собственники, имѣя земли на 6% больше государственныхъ и на 40% больше помѣщичьихъ, представляютъ число обезземеливающихся на 30% меньше первыхъ и вдвое меньше послѣднихъ, т. е. обезземеленіе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ идетъ такъ быстро, что не можетъ быть объяснено лишь ихъ земельными отношеніями. Но среднія числа не выражаютъ въ полной мѣрѣ указаннаго противорѣчія. Въ группу полныхъ собственниковъ Звенигородской уѣздъ входитъ всего 83 дворами, тѣмъ не менѣе онъ очень сильно вліяетъ на повышеніе цифры не занимающихся хлѣбопашествомъ, такъ какъ самъ имѣетъ ихъ 28%. Столь высокій процентъ такой маленькой группы (83 двора) можетъ быть явленіемъ чисто случайнымъ, а между тѣмъ онъ подымаетъ среднюю цифру всей группы съ 7,9 до 9%. Обращаясь къ экономическимъ таблицамъ, мы видимъ, что изъ 20 забросившихъ земледѣліе полныхъ собственниковъ Звенигородскаго уѣзда 17 принадлежитъ д. Яскино, состоящей изъ 36 дворовъ и имѣющей надѣлъ 3,3 дес. на рабочаго. На остальные 50 дворовъ останется всего 3 обезземеливающихся, что составитъ лишь 7%. Ясно, какъ при небольшихъ числахъ всякая малость, всякая случайность можетъ затемнить дѣло. Поэтому мы предпочитаемъ для сравненія раздѣлить всѣ уѣзды на 2 группы: съ числомъ не занимающихся хлѣбопашествомъ выше и ниже 20%, и тогда читатель будетъ ясно видно, что, кромѣ величины надѣла, на изслѣдуемый процессъ вліяютъ и другія условія.

Всѣ крестьяне губерніи.

	Надѣлъ на 1 раб.	Забр. землед.
I (Боломенск., Богород. и Бронниц.)	4,6 дес.	22,5%
II (остальные уѣзды) . . . . . ок.	6,5 »	14,0 »

Полные собственники.

I (Звенигород. и Богород.)	4,3 дес.	25,0%
II (всѣ остальные)	7,5 »	6,6 »

Мы видимъ, что въ малоземельныхъ уѣздахъ (отличающихся кстати сказать, и промышленнымъ характеромъ) обезземеленіе обѣихъ группъ

крестьянъ пропорціонально величинѣ ихъ надѣловъ; въ уѣздахъ же, лучше поставленныхъ въ земледѣльческомъ отношеніи, полные собственники относительно гораздо крѣпче держатся за землю; разница въ величинѣ надѣловъ полныхъ собственниковъ и остальныхъ крестьянъ многоземельныхъ уѣздовъ (всего лишь 1 десятина) такъ назначительна, что не можетъ быть единственной причиной ихъ различія по количеству забросившихъ хлѣбопашество (6,6% у первыхъ и 14 у вторыхъ). Корни этого различія должны заключаться въ чемъ нибудь иномъ. Принимая во вниманіе, что полные собственники отличаются въ настоящее время отъ всѣхъ другихъ разрядовъ незначительностью лежащихъ на нихъ податей, мы естественнымъ образомъ этому обстоятельству припишемъ и различіе ихъ въ быстротѣ обезземеленія. Въ самомъ дѣлѣ, если, напр., полные собственники Клинскаго уѣзда, платя за право быть гражданами земли русской лишь по 7 р. при 6,4 десятинномъ надѣлѣ, принуждены выбрасывать за бортъ земледѣлія 4,7% изъ своей среды, то, чему, какъ не 18 рублевой подати приписать то обстоятельство, что крестьяне того же уѣзда, съ такимъ же надѣломъ, но лишь съ 18 р. на шеѣ каждаго, выбрасываются въ открытое море всякихъ случайностей вдвое быстрѣе. Или почему, напр., коломенскій полный собственникъ съ $5^1/_2$ десятиннымъ надѣломъ обезземеливается въ размѣрахъ выражаемыхъ цифрой 11,2%, а крестьянинъ того же уѣзда съ надѣломъ почти одинаковымъ (4,9 дес.), но несущій другую кличку, забрасываетъ хлѣбопашество слишкомъ вдвое энергичнѣе: какая другая причина этого явленія если не то, что первый платитъ 8 р., а второй 18,8? Хорошо можайскому полному собственнику, платящему за 13 десятинный участокъ лишь 11,2 р. удержаться на немъ и почти не дать отказывающихся отъ земледѣлія; но каково слѣдовать его примѣру сосѣду, отдающему за 7 десятинъ 20,7 р., т. е. относительно величины надѣла почти вчетверо больше? Если онъ при этомъ даетъ только 13,4 переставшихъ надѣяться на хлѣбопашество, то это говоритъ лишь въ пользу его долготерпѣнія и привязанности къ занятію своихъ отцовъ и дѣдовъ. Словомъ, не будь, повидимому, крестьянинъ обремененъ платежами, онъ бы держался земли вдвое крѣпче. Посмотримъ, оправдывается ли предположеніе существованія зависимости обезземеленія крестьянъ отъ податной тягости при ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда фактовъ.

Сравнимъ сначала всѣхъ крестьянъ губерніи по разрядамъ (исключая не обремененныхъ платежами полныхъ собственниковъ).

	Земли на 1 раб.	Плат. на 1 раб.	Платежъ на 1 дес.	Забросивш. землю.
Государственные	6,8 д.	15,0	2 р. 25 к.	12,6%
Удѣльные	3,8 „	14,4	3 „ 80 „	17,7 „
Помѣщичьи	5,2 „	21,1	4 „ — „	18,4 „

Мы видимъ здѣсь прямую зависимость обезземеленія крестьянъ отъ величины платежей: всего меньше обремѳнена десятина государственнаго крестьянина, затѣмъ удѣльнаго и, наконецъ, помѣщичьяго; въ томъ же порядкѣ идетъ и возростаніе числа приступившихъ къ самообезземеленію.

Взглянемъ на распредѣленіе не занимающихся хлѣбопашествомъ по уѣздамъ.

	Надѣл. на 1 раб.	Платежъ на 1 раб.	Платежъ на 1 дес.	Забросивш. землю.
Коломенскій	4,9 д.	18,8 р.	3,83 р.	24,6%
Богородскій	4,8 „	15,7 „	3,27 „	22,7 „
Бронницкій	4,0 „	18,0 „	4,50 „	20,4 „
Подольскій	5,9 „	19,3 „	3,27 „	18,0 „
Верейскій	6,6 „	18,5 „	2,80 „	16,8 „
Серпуховскій	5,9 „	17,0 „	2,88 „	16,7 „
Звенигородскій	6,3 „	19,0 „	3,02 „	16,6 „
Волоколамскій	6,0 „	18,6 „	3,10 „	15,6 „
Рузскій	6,6 „	20,5 „	3,10 „	13,6 „
Можайскій	7,1 „	20,7 „	2,92 „	13,4 „
Дмитровскій	7,2 „	18,1 „	2,52 „	13,4 „
Клинскій	6,4 „	18,0 „	2,81 „	9,5 „
Московскій	4,7 „	18,2 „	3,90 „	9,4 „

Въ общемъ здѣсь повторяется тотъ же законъ: по направленію сверху внизъ уменьшается какъ платежъ, лежащій на десятинѣ надѣла, такъ и количество забрасывающихъ хлѣбопашество. Но по отдѣльнымъ уѣздамъ правило это допускаетъ много исключеній, и наибольшее отступленіе представляетъ опять таки Московскій уѣздъ: по размѣрамъ платежей онъ занимаетъ второе мѣсто въ губерніи, а по числу обезземеливающихся — послѣднее. Но этотъ уѣздъ, какъ мы говорили, отличается вообще соединеніемъ различныхъ противоположностей, что побуждаетъ насъ сказать о немъ особо впослѣдствіи нѣсколько словъ. Теперь же, для лучшаго выясненія изслѣдуемаго закона, разобьемъ, какъ мы дѣлали это выше, уѣзды на 3 группы (безъ Московскаго).

	Платежъ на 1 дес.	Бросивш. землю.
I (Коломенск., Богородск., Бронницк.) . . .	3,87 р.	22,5 проц.
II (Под., Верейск., Серп., Звен., Волок.). . .	3,01 »	16,5 »
III (Рузск., Можайск., Дмитр., Клинск.) . . .	2,83 »	12,5 »

Теперь, когда соединеніемъ въ большія группы уничтожено вліяніе мел-

кихъ особенностей уѣздовъ, разсматриваемая зависимость забрасыванія земледѣлія отъ тяжести платежей выступаетъ совершенно ясно. Но мы можемъ добиться большей правильности и отъ поуѣздныхъ показаній, если обратимъ вниманіе на зависимость крестьянскаго хозяйства отъ частновладѣльческаго: и при небольшомъ надѣлѣ крестьяне могутъ продолжать заниматься земледѣліемъ, если недостающее количество своей земли дополнятъ арендой помѣщичьей. Такъ какъ московскому крестьянину земля эта обходится гораздо дешевле надѣльной, а въ его годичномъ оборотѣ та и другая вмѣстѣ образуютъ одну хозяйственную единицу, то тяжесть податей, лежащихъ на надѣлѣ, будетъ не столь чувствительна, если есть возможность дешево нанять чужую землю; иначе говоря, для того, чтобы судить о тяжести земельныхъ платежей, нужно знать ихъ отношеніе не только къ крестьянской, но ко всей вообще эксплуатируемой народомъ землѣ. Въ главахъ сборника «Матеріалы для опредѣленія цѣнности и доходности земель» собраны данныя объ арендѣ крестьянскими обществами владѣльческихъ земель. Принимая во вниманіе, что значительная масса крестьянскихъ арендъ состоитъ именно изъ общественныхъ, мы будемъ недалеки отъ истины, если эту, арендуемую обществами, землю примемъ за всю не крестьянскую, эксплуатируемую крестьянами. Тамъ же приведена и приблизительная арендная плата, причемъ, кромѣ 3-хъ уѣздовъ, она вездѣ отдается деньгами, и только въ этихъ послѣднихъ вмѣстѣ съ деньгами крестьяне приплачиваютъ и трудомъ. Но въ Московской губерніи, какъ извѣстно, частновладѣльческое хозяйство играетъ столь второстепенную роль, а денежная арендная плата крестьянъ этихъ 3-хъ уѣздовъ такъ велика, что прибавку работой мы можемъ считать не могущей оказать значительнаго вліянія на выводы. Итакъ:

	Экспл. земл. на 1 раб. (своя и ар.). дес.	Плата за аренд. з. на 1 раб. р.	Подати на 1 раб. р.	Подати и ар. пл. на 1 раб. р.	На 1 дес. экспл. земли платежей. р,	Проц. забр. землю.
Коломенскій	5,31	0,80	18,8	19,60	3,69	24,6
Богородскій	5,13	0.43	15,7	16,13	3,14	22,7
Бронницкій	4,50	0,69	18,0	18,69	4,15	20,4
Подольскій	7,91	2,10	19,3	21,40	2,71	18,0
Верейскій	9,15	2,27	18.5	20,77	2,27	16,8
Серпуховскій	6,45	0,57	17,0	17,57	2,72	16,7
Звенигородскій	7,60	1,66	19,0	20,66	2,72	16,6
Волоколамскій	7,78	2,20	18,6	20,80	2,67	15,6
Рузскій	9,90	2,38	20,5	22,88	2.30	13,6
Можайскій	9,18	2,40	20,7	23,10	2,51	13,4
Дмитровскій	8,36	1,00	18,1	19,10	2,28	13,4
Клинскій	10,28	3,28	18,0	21,28	2,10	9,5
Московскій	5,54	1,84	18,2	20,04	3,62	9,4

Картина, представленная въ такомъ видѣ, почти съ буквальной точностью подтверждаетъ наши заключенія о зависимости забрасыванія хлѣбопашества отъ обремененія земли платежами. Сравнивъ два послѣдніе столбца, мы видимъ, что цифры обоихъ измѣняются сверху внизъ въ одинаковомъ направленіи: по мѣрѣ того, какъ земля освобождается отъ лежащей на ней тягости, уѣздъ избавляется отъ обезземеливающихся, и это повторяется правильно почти отъ уѣзда къ уѣзду. Общую гармонію нарушаютъ только (кромѣ Московскаго) Бронницкій, Верейскій и Можайскій уѣзды, но отступленія ихъ такъ малы, что совершенно тонутъ въ общемъ однообразіи. Для большей очевидности разобьемъ уѣзды на 3 группы, на какія разбивали ихъ выше, и получимъ:

	Платежей на 1 дес. над. земл.	Платеж. на 1 дес. эксплуат. земли	Забросило хлѣбопаш.
I	3,87 р.	3,66	22,5 проц.
II	3,01 »	2,62	16,5 »
III	2,86 »	2,30	12,5 »

Процессъ разобщенія крестьянина съ землею потому ускоряется высокими платежами, что обезсиленный ими хозяинъ не въ состояніи ремонтировать, какъ слѣдуетъ, свой инвентарь. Это въ особенности относится къ скоту, какъ наиболѣе цѣнной части послѣдняго; достатки крестьянина такъ малы, что ему очень трудно завести новую лошадь или корову, если онъ лишится старой, а между тѣмъ прямою причиной такого лишенія нерѣдко является непосильный платежъ: скотина продается для пополненія недоимки. Безъ скота же московскому земледѣльцу невозможно пробыть даже 3—4 лѣтъ: земля его за это время совершенно истощится; поэтому потеря скотины московскимъ крестьяниномъ есть уже очень широкій шагъ на пути къ обезземеленію. Поэтому же естественно ожидать, что это послѣднее будетъ находиться въ прямомъ соотношеніи съ недоимками, ибо гдѣ недоимка выше, тамъ, значитъ, платежъ относительно тяжелѣе, тамъ онъ произвелъ наибольшее угнетающее вліяніе, сильнѣе раззорилъ крестьянъ. Посмотримъ же, насколько наши предположенія подтверждаются фактами.

Что касается различныхъ разрядовъ крестьянъ, то, дѣйствительно, государственные крестьяне съ наименьшимъ числомъ забросившихъ земледѣліе накопили и наименьшую недоимку (2,6 р. на рабочаго); ихъ антиподъ въ отношеніи обезземеливанія—помѣщичьи крестьяне—представляютъ и недоимочную противоположность (на 1 раб. около 10 руб.); удѣльные же занимаютъ середину между ними и въ отношеніи недоимокъ (3,8); впрочемъ послѣдніе обезземеливаются, главнымъ образомъ, вѣроятно, вслѣд-

ствіе недостаточности надѣла. Если же мы будемъ разсматривать крестьянъ поуѣздно, то не встрѣтимъ такой правильности въ цифрахъ и доберемся до нея только послѣ предварительныхъ соображеній. Именно:

	Недоимка на 1 раб.	Заброс. землю.
Коломенскій	9,8 р.	24,6 %.
Богородскій	9,2 „	22,7 „
Бронницкій	11,0 „	20,4 „
Подольскій	8.8 „	18,0 „
Верейскій	6,1 „	16,8 „
Серпуховскій	9,0 „	16,7 „
Звенигородскій	3,0 „	16,6 „
Волоколамскій	1,4 „	15,6 „
Рузскій	10,7 р.	13,6 %
Можайскій	22,8 „	13,4 „
Дмитровскій	3,0 „	13,4 „
Клинскій	1,1 „	9,5 „
Московскій	7,4 „	9,4 „
Среднее по губерніи	7,6 р.	16,7 пр.

Мы видимъ, что верхніе уѣзды, съ 20 слишкомъ процентами не занимающихся хлѣбопашествомъ, даютъ и недоимку въ $1^1/_2$ раза большую средней; низшіе же въ отношеніи обезземеленія представляютъ (за исключеніемъ Московскаго) и низшія цифры недоимокъ; такъ что крайнія ступени разсматриваемаго процесса подтверждаютъ существованіе изслѣдуемой зависимости. Среднія же цифры, повидимому, совершенно ее опровергаютъ: за 3-мя (средними) уѣздами съ высокими цифрами обезземеливающихся и соотвѣтствующей недоимкой слѣдуютъ 2 (Звенигородскій и Волоколамскій) съ наинизшими недоимками, а за ними опять два съ наивысшими цифрами недоимокъ въ цѣлой губерніи (10,7 и 22,8 р.). Но всматриваясь пристальнѣе въ приведенную таблицу, мы замѣтимъ, что весь диссонансъ производится въ сущности двумя уѣздами: Рузскимъ и Можайскимъ. Выключивъ ихъ вовсе изъ таблицы, будемъ имѣть довольно правильно идущее вплоть до Московскаго уѣзда пониженіе недоимокъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа не занимающихся хлѣбопашествомъ (если только не требовать отъ статистической цифры—чего она дать не въ состояніи—абсолютной точности и если не признать большой разницы между недоимкой въ $1^1/_2$ и 3 р.). Что же касается двухъ исключенныхъ уѣздовъ, которые по величинѣ недоимки должны бы занимать высшія мѣста въ таблицѣ безземельныхъ, противорѣчіе это разрѣшается при болѣе подробномъ анализѣ другихъ данныхъ ихъ хозяйственнаго положенія.

Начать съ того, что эти уѣзды принадлежатъ къ самымъ многоземельнымъ въ губерніи какъ въ отношеніи всей земли уѣзда, такъ и спеціально надѣльной (надѣлъ 6,6 дес. на рабочаго въ Рузскомъ и 7,1—въ Можайскомъ,—большій надѣлъ имѣетъ только дмитровскій крестьянинъ). Затѣмъ, эти-же уѣзды и наиболѣе земледѣльческіе,—большее количество земли эксплуатируетъ только клинскій крестьянинъ. Несмотря, однако, на это,

земледѣліе находится здѣсь въ очень плачевномъ состояніи: урожай озими, напримѣръ, наименьшій въ губерніи (самъ 2 въ Рузскомъ и самъ 1,8 въ Можайскомъ уѣздахъ, средній въ губерніи самъ 2,3—2,5). Если при такомъ урожаѣ крестьянинъ и получаетъ что нибудь отъ земли, то лишь, благодаря крайней привязанности къ земледѣлію, побуждающей его расширять запашку, какъ не расширяетъ ее никто другой въ губерніи (на рабочаго пашни въ Рузскомъ уѣздѣ 3,56 десятинъ, въ Можайскомъ—4,3 дес., посѣвъ озими на душевомъ надѣлѣ въ первомъ 8,4 мѣръ, во второмъ—10, между тѣмъ какъ изъ остальныхъ уѣздовъ лишь въ Волоколамскомъ онъ подымается выше 7-ми мѣръ). И, несмотря, однако, на такое крайнее напряженіе земледѣльческой энергіи, рузскому и можайскому крестьянину никакъ не вывернуться изъ-подъ надвигающагося бѣдствія, и въ результатѣ громадная недоимка, превосходящая въ послѣднемъ уѣздѣ весь годовой окладъ. Будь это мѣстности промышленнаго характера,—населеніе, безъ сомнѣнія, давно бы прекратило безплодную борьбу съ обстоятельствами, масса крестьянъ, отъ мала до велика, ударилась бы въ промыселъ, и мы имѣли бы здѣсь цифру не занимающихся земледѣліемъ 25—30 проц. Но такой исходъ невозможенъ для нашихъ уѣздовъ: въ промышленномъ отношеніи они стоятъ очень низко (см. напр., «Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности» —Мещерскаго и Модзалевскаго), можайскій поставленъ г. Ленскимъ въ этомъ отношеніи даже на послѣднее мѣсто [1]); слѣдовательно, восполнить неизбѣжный въ земледѣліи дефицитъ они могутъ только отхожими промыслами. И дѣйствительно, Можайскій уѣздъ даетъ наибольшее число уходящихъ (почти $^1/_3$ всего населенія), Рузскій занимаетъ въ этомъ отношеніи четвертое мѣсто и отправляетъ на сторону тоже больше четверти своихъ обитателей. Но сколько бы ихъ не уходило, во всякомъ случаѣ будутъ и остающіеся (хотя бы то женщины и старики), дѣлать которымъ нечего, и которые поэтому могутъ обработывать землю. Слѣдовательно, сравнительно небольшое число забросившихъ земледѣліе крестьянъ Рузскаго и Можайскаго уѣздовъ вовсе не опровергаетъ нашихъ выводовъ о вліяніи на этотъ процессъ высокихъ платежей, а показываетъ, что дѣйствіе послѣднихъ парализуется уже извѣстнымъ намъ другимъ факторомъ—величиной надѣла, и что этотъ процессъ находится въ нѣкоторой зависимости еще отъ одного условія—характера занятія населенія.

---

[1]) „Отеч. Зап.“ 1877 г., 12 „Отхожіе не земледѣльческіе промыслы“.

Послѣ всего вышесказаннаго, мы вправѣ повторить, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ забрасыванія московскимъ крестьяниномъ земледѣлія должно признать недостаточность надѣла, обремененнаго притомъ непосильными платежами. Мы имѣемъ даже возможность съ нѣкоторой вѣроятностью опредѣлить силу давленія, оказываемаго въ этомъ направленіи податной тягостью на московскаго крестьянина. Возможность эта дана существованіемъ группы полныхъ собственниковъ, отличающейся отъ остальной массы крестьянъ, главнымъ образомъ, незначительностью несомыхъ ими платежей. Нужно полагать, что эти послѣдніе вовсе не вліяютъ на быстроту ихъ обезземеленія, а это, въ свою очередь, приводитъ къ заключенію, что и другіе крестьяне, будучи поставлены относительно податной тягости въ положеніе аналогичное, разрывали бы съ землею столь же медленно. Мы видѣли, что по исключеніи изъ разряда полныхъ собственниковъ деревень, отличающихся какими либо необыкновенными особенностями (такія исключенія сдѣланы нами въ Коломенскомъ, Серпуховскомъ, Бронницкомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ), они по всѣмъ уѣздамъ, кромѣ Богородскаго, дадутъ не занимающихся хлѣбопашествомъ значительно меньше средняго по губерніи. Не говоря уже о земледѣльческихъ уѣздахъ, гдѣ число забросившихъ земледѣліе не подымается выше 4,7 процентовъ, а сравнивая лишь уѣзды съ высшими цифрами полныхъ собственниковъ (Коломенскій, Серпуховскій, Подольскій), мы убѣдимся, что повсюду число обезземеливающихся изъ ихъ среды вдвое меньше таковыхъ же среди остальныхъ крестьянъ тѣхъ же уѣздовъ. Разница въ величинѣ надѣла далеко не вездѣ можетъ служить объясненіемъ почти вдвое быстрѣйшаго обезземеленія послѣднихъ (напр., Коломенскій уѣздъ, Подольскій, Клинскій), и остается признать, что причины его заключаются въ податной тягости. Полные собственники служатъ такимъ образомъ указателемъ интенсивности, съ какой происходило бы обезземеленіе московскаго крестьянина при тѣхъ бытовыхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена мѣстность новѣйшимъ промышленнымъ прогрессомъ. Находись помѣщичьи и государственные крестьяне въ условіяхъ аналогичныхъ, подверженные только столкновеніямъ съ одинаково вооруженными лицами въ борьбѣ за существованіе, и они бы изъ сотни дворовъ земельной общины выбрасывали какихъ нибудь 5—10; это было бы частью результатомъ отсутствія кредита и другихъ аналогичныхъ вспомогательныхъ условій крестьянскаго производства, частью дѣйствительно свободнымъ выборомъ наивыгоднѣйшаго и наипріятнѣйшаго занятія. Но эта часть населенія находится въ другихъ условіяхъ: она служитъ дойной коровой для многихъ, она должна

на своей шеѣ нести всѣ тягости общественно-государственной жизни, и результатомъ такой почетной обязанности является удвоеніе быстроты обезземеленія: вмѣсто 5—10 дворовъ, община изъ своей среды изгоняетъ 10—20, и это превращеніе самостоятельнаго земледѣльца въ какого-то искателя приключеній уже не есть результатъ свободнаго выбора, а продуктъ печальной необходимости со всѣми ея послѣдствіями.

Зная причины обезземеленія крестьянъ, легко измыслить и мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго продолженія этого процесса. Достигнуть этого можно увеличеніемъ надѣловъ и уменьшеніемъ платежей. Но какъ первое, такъ и второе не можетъ быть вполнѣ произведено тѣми способами, на которые направлено главное вниманіе нашего общества и журналистики. Купить землю московскій крестьянинъ не всегда въ силахъ. Если мыслимо говорить о долгосрочномъ кредитѣ для московскаго крестьянина, то это относится, напримѣръ, къ Клинскому, можетъ быть—къ Волоколамскому уѣзду, недоимка которыхъ составляетъ всего 1,1—1,4 р. на работника, да и то, относительно послѣдняго, сомнѣніе возбуждается черезчуръ большой цифрой не занимающихся хлѣбопашествомъ (15,6 процентовъ). Клинскій же уѣздъ наименѣе нуждается въ увеличеніи надѣла, такъ какъ недостатокъ своей земли онъ восполняетъ арендной почти 100 тысячъ десятинъ частновладѣльческой и въ отношеніи обезземеливанія крестьянъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ губерніи.

То же можно сказать и относительно податной реформы: облегченіе подушной—составляетъ замѣтную величину развѣ для полныхъ собственниковъ, но тѣ и въ настоящее время не могутъ считаться обремененными платежами. Для остального же населенія губерніи одно сложеніе подушной подати не можетъ составить значительной задержки обезземеленію, и, право, такая реформа, какъ сложеніе всей податной тягости хотя бы на время для нѣкоторыхъ мѣстностей уѣздовъ или разрядовъ крестьянъ, принесла бы неизмѣримо больше благихъ результатовъ даже при меньшихъ финансовыхъ затратахъ со стороны государства, чѣмъ незначительное облегченіе платежей всего русскаго народа, хотя бы въ общемъ оно простиралось до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей.

У насъ довольно распространено мнѣніе, что между земледѣліемъ и промысломъ существуетъ антагонизмъ, что занятіе промысломъ, въ концѣ концовъ, разрываетъ связь кустаря съ землею.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ не промыселъ отрываетъ крестьянина отъ земледѣлія; онъ лишь закрѣпляетъ уже происшедшій разрывъ. Самый же разрывъ производится иными вліяніями. Можайскій крестьянинъ, на-

примѣръ, всѣми силами держится земли: не довольствуясь семи-десятиннымъ надѣломъ, онъ еще арендуетъ двѣ дес.; но почти двадцати-одно рублевый налогъ совершенно истощаетъ его силы; онъ накопилъ 22-рублевую недоимку, и это—первый шагъ къ обезземеленію. Какъ только рѣшатся взыскать эту недоимку, такъ треть или половина населенія сразу лишится скота, а съ нимъ и возможности, на болѣе или менѣе продолжительное время, заниматься хлѣбопашествомъ. Но и теперь уже населеніе уѣзда до того раззорено, что имѣетъ скота всего 1,36 шт. на 1 десятину пара (меньше держатъ лишь нѣкоторые промышленные уѣзды), а урожай озими самъ 1,8. Очевидно, что продолжать такое хозяйство можно только отъ бездѣлья, и будь это промышленный уѣздъ—населеніе не стало бы переливать изъ пустого въ порожнее, и земледѣліе было бы заброшено не 13,4%, а можетъ быть 25-ю. Теперь же крестьянинъ, по необходимости, тянетъ сельско-хозяйственную лямку и недостатокъ отъ земледѣлія пополняетъ заработкомъ на сторонѣ. Изъ этого примѣра ясно, какими путями промыселъ можетъ воздѣйствовать на земледѣліе, и нельзя сказать чтобы онъ служилъ причиною его упадка: онъ только даетъ возможность выбиваемому изъ земледѣльческой колеи крестьянину выбрать болѣе выгодную профессію. Но рядомъ съ такимъ, косвенно отъ земли отвлекающимъ вліяніемъ, промыселъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ прямой поддержкой земледѣлію: промышленный заработокъ избавляетъ крестьянина отъ такихъ случайностей, какъ, напр., продажа скота за недоимки, служащая одной изъ не рѣдкихъ причинъ отвлеченія крестьянина отъ сельскохозяйственной дѣятельности. Такъ какъ земледѣліе въ Московской губерніи стоитъ очень низко, внѣшнія неблагопріятныя, экономическія вліянія дѣйствуютъ на крестьянъ очень сильно, приводя къ ихъ обезземеленію, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ общемъ мы встрѣтимся здѣсь, по преимуществу, съ перваго рода вліяніемъ промысла на земледѣліе, если поддержка, оказываемая имъ послѣднему, недостаточна для противодѣйствія совокупности разрушающихъ моментовъ и ему остается лишь закрѣплять концы нитокъ чужой работы. Но обратимся къ фактамъ.

Уѣзды Московской губерніи, по степени развитія промышленности, могутъ быть раздѣлены на 3 группы: *земледѣльческую*, состоящую изъ Клинскаго, Рузскаго, Можайскаго, Волоколамскаго и Верейскаго уѣздовъ; *промышленную*—Московскій, Богородскій, Бронницкій, Коломенскій и Серпуховскій уѣзды,—*и полупромышленную*, въ составъ которой входятъ Подольскій, Звенигородскій и Дмитровскій уѣзды [1]). Обращаясь къ на-

1) Стат. Свѣд. по Моск. губ., т. V, в. I, стр. 62.

шимъ таблицамъ, мы видимъ, что въ общемъ земледѣльческіе уѣзды даютъ наименьшее, а промышленные (исключая Московскій) наибольшее число не занимающихся хлѣбопашествомъ. Но причину этого различія нельзя приписать исключительно вліянію промысла, такъ какъ уѣзды эти характеризуются, кромѣ того, и разнообразіемъ въ величинѣ надѣла, платежей и проч. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ соотвѣтствующія цифры:

	Надѣлъ на 1 раб.	Платежъ на 1 дес.	Не занимающихся хлѣбопашествомъ.
I (промышл.) . .	4,9 дес.	3,68 р.	18,6%, а безъ Моск. у 21%
II (полупромышл.)	6,5 »	2,93 »	16,0 »
III (земледѣльч.) .	6,6 »	2,37 »	14,0 ».

Итакъ, хотя средняя группа, при одинаковой почти величинѣ надѣла съ III и даетъ на $^1/_7$ больше не занимающихся хлѣбопашествомъ, но за то она же несетъ и на 25 проц. больше платежей. I группа, въ отношеніи забросившихъ земледѣліе, превосходитъ III на 33 проц., но она же имѣетъ надѣлъ на $1^1/_2$ дес. (25 проц.) меньше и платежъ выше слишкомъ на 50 проц. Впрочемъ, дѣло измѣнится, если выдѣлить отсюда Московскій уѣздъ; тогда процентъ забросившихъ земледѣліе подымется уже до 21,1 и будетъ превышать земледѣльческіе уѣзды на 50 проц.

Чтобы составить вѣрное представленіе о вліяніи на крестьянскую сельско хозяйственную дѣятельность условій, лежащихъ внѣ земледѣльческой сферы, нужно знать, какъ велика естественная возможность крестьянину расширить свое хозяйство и въ какой степени онъ ею воспользовался. Мѣрою такого напряженія земледѣльческой энергіи народа можетъ служить размѣръ аренды или земли, остающейся внѣ народной эксплуатаціи. Въ «Сборникѣ» есть свѣдѣнія о количествѣ всей земли въ уѣздѣ и ея распредѣленіи между владѣльцами: главная масса принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ (больше половины) и частнымъ владѣльцамъ ($^1/_3$) разныхъ сословій; незначительная часть (15 проц.) останется на долю казны, удѣла, церквей, монастырей и городовъ. Въ слѣдующей таблицѣ представлены размѣры общественныхъ крестьянскихъ арендъ и площадь удобной земли, остающейся внѣ эксплуатаціи ея народомъ.

	Десятинъ на рабочаго. Удобн.	Надѣл.[1]	Аренд.	Внѣ экспл. кр. Всего.	На раб.
Коломенскій	8,2	5,9	0,4	59 тыс.	2,6
Богородскій	9,1	4,8	0,3	131 „	4,0
Бронницкій	6,4	4,0	0,5	57 „	2,0

1) Здѣсь же и купленная земля на рабочаго: въ Коломенскомъ у. $^1/_3$ дес. Клинскомъ 0,9 дес., Верейскомъ и Рузскомъ по 0,2 дес.

Подольскій	10,8	5,9	2,0	61 тыс.	3,0
Верейскій	13,3	6,8	2,6	49 „	3,8
Серпуховскій	10,8	5,9	0,6	84 „	4,3
Звенигородскій	10,6	6,3	1,3	56 „	3,0
Волоколамскій	10,4	6,0	1,8	45 „	2,6
Рузскій	13,2	6,8	3,3	46 „	3,1
Можайскій	12,2	7,1	2,1	39 „	3,0
Дмитровскій	12,8	7,2	1,2	98 „	4,4
Клинскій	12,4	7,3	3,9	18 „	1,2
Московскій	9,0	4,7	0,9	75 „	3,5

Въ графѣ земли, оставшейся внѣ народной эксплуатаціи, мы видимъ значительное разнообразіе, въ которомъ низшія цифры принадлежатъ уѣздамъ земледѣльческимъ. Раздѣливъ уѣзды на 3 группы по степени развитія въ нихъ промысловъ, получимъ въ среднемъ (изъ среднихъ):

	Эксплуатир. земли на 1 раб.	на уѣздъ	Остальныя земли на 1 раб.
I (промышленные у.у.) . .	5,5 дес.	85 т. д.	3,3 дес.
II (полупромышленные) . .	8,0 »	71 »	3,5 »
III (земледѣльческіе) . . .	9,5 »	39 »	3,0 »

Абсолютныя цифры указываютъ на обратную зависимость состоянія земледѣлія отъ степени развитія промысла: чѣмъ промышленнѣе группа уѣздовъ, тѣмъ больше земли остается внѣ народной эксплуатаціи; въ связи съ незначительными цифрами крестьянскихъ арендъ въ промышленныхъ уѣздахъ (0,3—0,9 дес. на рабочаго), причина которыхъ кроется, слѣдовательно, не въ недостаткѣ свободной земли, это указываетъ на подчиненіе земледѣлія промыслу. Но, относительно, считая на рабочаго,—правильность исчезаетъ: всего менѣе земли остается внѣ эксплуатаціи крестьянъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ; но въ полупромышленныхъ уѣздахъ ея больше, чѣмъ въ промышленныхъ. Такъ какъ эта мѣстность отличается отъ I гораздо меньшей скученностью населенія, то и могло случиться, что, при большемъ напряженіи земледѣльческой энергіи народа, все-таки осталось еще относительно слишкомъ значительное количество свободной земли. Гораздо интереснѣе, однако, сравнить эту группу съ земледѣльческой, и, такъ какъ общія цифры говорятъ здѣсь очень мало, то разберемъ ихъ по уѣздамъ.

Изъ всѣхъ полупромышленныхъ уѣздовъ, Дмитровскій отличается наибольшими (абсолютной и относительной) цифрами оставшейся внѣ народной эксплуатаціи земли (около 100,000 дес. или 4,4 на рабочаго); но онъ же занимаетъ одно изъ самыхъ низкихъ въ губерніи мѣстъ и по числу бросившихъ земледѣліе (13,4 проц., а среднее въ земледѣльческихъ

уѣздахъ 14 проц.). Это уже позволяетъ заподозрить существованіе антагонизма между промысломъ и земледѣліемъ; дальнѣйшій анализъ цифръ подтверждаетъ сдѣланное заключеніе. Дмитровскій крестьянинъ не довольствуется семидесятиннымъ надѣломъ и эксплуатируетъ слишкомъ десятину частновладѣльческой земли, т. е. всего каждый рабочій обрабатываетъ 8,4 дес.—только на 1 дес. меньше, чѣмъ средній обитатель земледѣльческихъ уѣздовъ. Принимая во вниманіе, что къ услугамъ дмитровскаго крестьянина есть масса промысловъ, которые, яко бы, даютъ заработокъ большій земледѣльческаго и потому неизбѣжно привлекаютъ къ себѣ хлѣбопашца, насъ должно бы крайне удивить, что этотъ послѣдній такъ равнодушно относится ко всевозможнымъ прельщеніямъ и обрабатываетъ всего на 0,7 десятины меньше можайца, почти насильно привязаннаго къ земледѣлію. Затѣмъ, недоимка дмитровскаго крестьянина еле доходитъ до 3 р., въ $2^1/_2$ раза меньшей средней по губерніи (7 р. 60 к.) и въ семь разъ меньше недоимки можайскаго крестьянина. Надѣлъ у него 7,2 дес.—наибольшій въ губерніи, платежъ на десятинѣ (2 р. 52 к., а съ арендными—2,28 к. на десятину эксплуатируемой земли) наименьшій. Очень можетъ быть, что въ этомъ и заключается вся суть положенія. Итакъ, большой надѣлъ, развитой промыселъ, незначительный платежъ—съ одной стороны, и исправное состояніе земледѣлія (дмитровскій крестьянинъ и скота держитъ—по разсчету на дес. пара—1,66 шт.—больше всѣхъ земледѣльческихъ уѣздовъ, кромѣ Клинскаго; про урожай озими—самъ 2,8—нужно сказать то же самое), небольшая недоимка, незначительное число забросившихъ хлѣбопашество — съ другой, — вотъ совпаденіе явленій, которое нельзя назвать случайнымъ; оно, напротивъ, доказываетъ, что соединеніе промысла и земледѣлія есть комбинація, повидимому, наиболѣе выгодная для экономическаго благосостоянія московскаго населенія, что между этими профессіями не неизбѣженъ антагонизмъ, а весьма естественны солидарность и взаимопомощь. Промыселъ, правда, не поддерживаетъ рѣшенія держаться хлѣбопашества во что бы то ни стало, даже при урожаѣ самъ 1,8 (какъ въ Можайскомъ уѣздѣ) но, доставляя денежный заработокъ, даетъ возможность во-время уплатить подати и тѣмъ устранить одну изъ причинъ разобщенія крестьянина съ землею—продажу скота за недоимки, или, пріобрѣсти новую скотину, когда пропадетъ старая. Вотъ причина, почему въ Дмитровскомъ уѣздѣ всего 13,4 проц. не занимающихся хлѣбопашествомъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, уже 2 уѣзда (Московскій и Дмитровскій) съ высокоразвитой промышленностью и хорошимъ состояніемъ зем-

ледѣлія. Посмотримъ на другіе. Въ полупромышленномъ Звенигородскомъ уѣздѣ не занимающихся хлѣбопашествомъ (16,6%) на 2,6 проц. больше, чѣмъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ; но, для большей конкретности, сравнимъ его съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ, напр., съ Волоколамскимъ. Они почти сходятся въ отношеніи скученности населенія, величины надѣла и платежа: во всѣхъ этихъ статьяхъ Звенигородскій уѣздъ имѣетъ преимущество, хотя и небольшое, надъ Волоколамскимъ. Можно бы поэтому ожидать, что первый крестьянинъ не хуже второго организуетъ свое земледѣльческое хозяйство. Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ уступаетъ Волоколамскому: эксплуатируетъ земли на 0,2 дес. меньше, а обезземеливающихся даетъ на 1/16 больше. Если хотите, можете приписать это вліянію промысла: изъ 100 человѣкъ бросаетъ земледѣліе 16,6; не будь промысла, бросили бы только 15,6 (какъ въ Волоколамскомъ); одинъ изъ ста есть произведеніе отвлекающаго вліянія промысла. Надѣюсь, что и безъ дальнѣйшихъ разъясненій это не даетъ права считать обѣ профессіи исключающими другъ друга. Но если судить по состоянію сельскаго хозяйства у тѣхъ, которые не бросили этого занятія, то должно будетъ признать, что промыселъ оказываетъ ему прямую поддержку. Культура земли въ Звенигородскомъ уѣздѣ выше, чѣмъ въ Волоколамскомъ и остальныхъ земледѣльческихъ уѣздахъ (кромѣ Клинскаго): скота на 1 дес. пара держатъ здѣсь 1,7 штукъ (въ Волоколамскомъ—1,55), урожай озими самъ 2,4 (Волоколамскомъ—2). Если въ этомъ уѣздѣ промыселъ и послужилъ причиной перехода лишняго процента въ разрядъ чистыхъ промышленниковъ, то это должно быть приписано не его отрывающему отъ земли вліянію вообще, а, вѣроятно, легкости, съ какою человѣкъ, чувствующій пристрастіе къ ремеслу, имѣетъ здѣсь возможность посвятить ему одному свои силы. Но за то оставшіеся при землѣ ведутъ свое хозяйство, сравнительно, изрядно, и это, въ связи съ подобнымъ же явленіемъ, замѣченнымъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, еще менѣе можетъ быть приписано простой случайности, а, вѣроятно, связано съ промысломъ причинной зависимостью.

Подольскій уѣздъ изъ полупромышленныхъ даетъ наибольшее число обезземеливающихся; но если читатель знакомъ съ нашей статьей въ «Отеч. Зап.» (1880, 5), посвященной именно Подольскому крестьянину то онъ избавитъ промыселъ отъ незаслуженнаго подозрѣнія и совершенно справедливо припишетъ быстрое обезземеленіе этого крестьянина (въ 7 л. втрое) еще болѣе быстрому обѣднѣнію.

Обратимся къ I группѣ. Замѣтивъ мимоходомъ, что Серпуховскій

уѣздъ, лучше другихъ промышленныхъ поставленный въ земледѣльческомъ отношеніи (наименьшая густота населенія, наибольшій надѣлъ, наилегчайшій платежъ), даетъ и наименьшее (послѣ Московскаго) число не занимающихся хлѣбопашествомъ (16,7 проц.), уступая въ величинѣ этой цифры даже земледѣльческому, Верейскому (16,8),—мы остановимъ главное свое вниманіе на Богородскомъ уѣздѣ, какъ наиболѣе характеристичномъ въ интересующемъ насъ отношеніи. Хотя Коломенскій уѣздъ и превосходитъ его по числу обезземеливающихся, но это зависитъ отъ какой нибудь другой, намъ пока неизвѣстной, причины, ибо ни степень развитія промысла, ни величина надѣла, ни даже платежъ (Бронницкій несетъ большій) не въ состояніи объяснить его высокой цифры не занимающихся хлѣбопашествомъ.

Богородскій уѣздъ представляетъ слѣдующую комбинацію явленій: одно изъ первыхъ мѣстъ въ губерніи по скученности населенія, незначительности надѣла, высотѣ платежей, по числу упалыхъ хозяйствъ (22,7%), сильное развитіе промысла и 130,000 десятинъ земли (вдвое больше средняго) внѣ народной эксплуатаціи. Впрочемъ послѣдняя цифра не можетъ всецѣло служить мѣриломъ игнорированія крестьянами земледѣлія, ибо здѣсь сравнительно большая часть земли находится подъ лѣсами и торфяными болотами, и здѣсь же въ большей степени, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, развита аренда земли отдѣльными крестьянами. Причина послѣдняго явленія кроется въ томъ, что такъ какъ значительная часть членовъ крестьянской общины бросила сельское хозяйство, то сама община пошатнулась, земля уже не арендуется всѣмъ міромъ, а каждымъ для себя; но данныхъ о такихъ арендахъ въ Сборникѣ нѣтъ. Какъ бы то ни было, но уже фактъ незначительности общественныхъ арендъ (0,33 дес. на рабочаго) вмѣстѣ съ 22,7 проц. не занимающихся хлѣбопашествомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о разложеніи земледѣльческаго быта въ этомъ наиболѣе промышленномъ уѣздѣ. Но промыселъ ли причиною такого явленія? Заключеніе это будетъ преждевременнымъ. Во 1-хъ, есть и земледѣльческіе уѣзды съ цифрою бросившихъ хлѣбопашество 16,8 проц. Во 2-хъ, примите во вниманіе величину надѣла, не достигающаго и 5 десятинъ, скученность, почти въ $1^1/_2$ раза превышающую скученность земледѣльческихъ уѣздовъ,—и вы признаете, что сельское хозяйство не можетъ здѣсь подняться до высоты, на какой оно стоитъ въ другихъ уѣздахъ, и что развитіе промышленности здѣсь есть результатъ, а не причина. Въ 3-хъ, слишкомъ 9-рублевая недоимка указываетъ на незавидное существованіе здѣшняго крестьянина, хотя онъ (а можетъ быть, и по-

тому именно) и замѣнилъ на полотину земледѣліе инымъ способомъ добывать деньгу. А при такой недоимкѣ нѣтъ ничего легче, какъ потерять лошадь, корову, т. е. обратиться въ разрядъ незанимающихся хлѣбопашествомъ; на долю промысла въ большинствѣ случаевъ останется приложить, такъ сказать, печать, закрѣпить происшедшее обращеніе, а не быть его причиной. Напротивъ, онъ такъ далекъ отъ подобнаго умысла, что побудилъ крестьянина-кустаря изобрѣсть даже особый способъ занятія земледѣліемъ безъ содержанія рабочаго скота: три-четыре хозяина складываются весной, покупаютъ лошадь, обрабатываютъ ею по очереди свои участки, и осенью, не имѣя чѣмъ кормить, продаютъ ее.

Для иллюстраціи нашей мысли о взаимной зависимости промысла и земледѣлія въ Богородскомъ уѣздѣ, приведемъ нѣсколько прямыхъ указаній. Въ изданіи Московскаго земства («Промыслы Московской губ.», т. II) описаны между прочимъ два промысла разсматриваемаго уѣзда: гончарный и металлическій. Первый распространенъ среди удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ Карповской волости, и эти общества дѣйствительно даютъ забросившихъ земледѣліе гораздо больше средней цифры, именно—удѣльные 33 проц., а помѣщичьи 46. Но прежде, чѣмъ взваливать вину на промыселъ, посмотримъ на ихъ земледѣльческую обстановку. Удѣльные крестьяне имѣютъ 1,6 дес. на душу и 3,7 на рабочаго—на 1,1 дес. меньше средняго надѣла по уѣзду и на 2,5—3 дес. меньше надѣла въ земледѣльческихъ уѣздахъ; платятъ они за эту драгоцѣнность 13 р. 10 к., т. е. 3 р. 54 к. за десятину, сѣютъ озими 1,6 мѣръ на душевой надѣлъ, получаютъ отъ зерна $14^1/_2$ р. на работника. Помѣщичьи получили въ надѣлъ по 3,6 дес. на рабочаго, обязавшись (если они, дѣйствительно, были такъ глупы) платить за него 18,4 р. или по 5 р. за десятину, высѣваютъ на душу ржи 1,5 м., добываютъ отъ зерна $13^1/_2$ р. (такимъ образомъ, отъ земли они не только ничего не имѣютъ, но еще приплачиваютъ по 5 р. ежегодно за право считаться собственниками) [1]. Спрашивается: на чемъ здѣсь хозяйничать, съ чего платить подати? Вѣдь на полуторадесятинномъ надѣлѣ немного нахозяйничаешь и въ Полтавской губерніи, а вѣдь здѣсь Московская! Не естественно ли, если не сегодня—завтра мужицкая лошаденка продастся за недоимку, а хозяинъ ея отправится куда-нибудь на сторону, на фарфоровый заводъ? Не естественно ли, если изъ-за $1^1/_2$-мѣрнаго посѣва онъ не вернется домой на лѣто, а если и вернется, то подрядится на болѣе выгодную работу? Теперь судите, при

[1]) Доходъ вычисленъ по даннымъ экономическихъ таблицъ.

чемъ здѣсь промыселъ, и случилось ли бы то же, если бы крестьянинъ былъ обезпеченъ землей. Вотъ, напримѣръ, рядомъ другая волость, Новинская. Здѣсь распространено металлическое производство: изъ 1,383 взрослыхъ мужчинъ занято въ мастерскихъ 676 (больше половины),—кому же землю пахать! И, однако, не занимаются хлѣбопашествомъ всего 17,4 проц., цифра—значительно ниже средней по уѣзду. Если примѣръ Карповской волости можетъ служить доказательствомъ антагонизма между промысломъ и земледѣліемъ, то Загарье (такое еще названіе носитъ Новинская волость) подтверждаетъ противное. И, замѣтьте, что земледѣльческая обстановка здѣсь не Богъ-вѣсть какая: надѣлъ около 5 дес., лишь чуть больше средняго, платежъ 17,2 р. или 3 р. 44 к. на дес.,—кажется, не изъ-за чего и хлопотать; но загарецъ разсуждаетъ иначе: возможность имѣть хорошій заработокъ на мѣстѣ не отбиваетъ его отъ земли: не имѣя возможности круглый годъ содержать лошадь, онъ складывается съ сосѣдомъ и покупаетъ ее на лѣто.

Еще больше, чѣмъ въ Карповской волости, распространенъ гончарный промыселъ въ Гжельской волости, Бронницкаго уѣзда. Кромѣ 1,500 человѣкъ, занятыхъ постоянно, всякій гжелецъ можетъ быть гончаромъ и готовъ, при случаѣ, сѣсть за точильный станокъ. Гжельцевъ выписываютъ въ другія губерніи на фарфоровые заводы, и въ этомъ заключается главная причина, почему они такъ слабо связаны съ землей. Но отхожій промыселъ служитъ лишь моментомъ, такъ сказать, выводящимъ гжельца изъ неустойчиваго земледѣльческаго равновѣсія; само же послѣднее дано обстановкой, независящей отъ воли рабочаго. Такъ, надѣлъ здѣсь 3,4 дес. на рабочаго—ниже средняго; платежъ, правда, тоже ниже средняго, но за то и поглощаетъ весь доходъ отъ зерна (равный 14 р.). Если при такихъ обстоятельствахъ не всѣ поголовно, а лишь 40% забросили хлѣбопашество, то это лишь доказываетъ, что, несмотря на всю отвратительную обстановку, земледѣліе имѣетъ для крестьянъ что нибудь привлекательное: они не довольствуются надѣломъ и арендуютъ около 800 дес. на сторонѣ, почти по десятинѣ на дворъ, продолжающій заниматься хлѣбопашествомъ.

Приведенныя данныя, число которыхъ можно было бы значительно увеличить [1]), показываютъ, что не промыселъ самъ по себѣ, какъ таковой, а внѣ его лежащія условія создаютъ почву для обезземеленія крестьянъ. Коль скоро же почва приготовлена, то крестьянинъ промышлен-

[1]) Нѣкоторыя данныя на этотъ счетъ см. въ книгѣ „Судьбы капитализма въ Россіи“.

ной мѣстности скорѣе порветъ связь свою съ землею: ему незачѣмъ биться около нея, во что бы то ни стало, пробовать и такъ и эдакъ, переливать изъ пустого въ порожнее и обратно,—какъ это по необходимости дѣлаетъ, напримѣръ, можаецъ, не имѣющій, куда и зачѣмъ приткнуться. По при благопріятныхъ условіяхъ, при порядочномъ надѣлѣ и невысокихъ платежахъ, промыселъ и земледѣліе, какъ это мы старались выяснить въ другомъ мѣстѣ, не только не антагонизируютъ, но идутъ рука объ руку, поддерживаютъ другъ друга: промыселъ оберегаетъ земледѣльческій инвентарь отъ такихъ случайностей, какъ продажа скота за недоимки, или позволяетъ во-время его ремонтировать, хлѣбопашество придаетъ кустарю самостоятельность передъ хозяиномъ или магазиномъ. Не кустарь земледѣлецъ понижаетъ плату въ промышленномъ занятіи; онъ удерживаетъ ее на извѣстномъ уровнѣ, ниже котораго стремятся свести ее кулакъ и хозяинъ и свели бы,—имѣй они дѣло съ безземельнымъ рабочимъ, котораго можно уподобить рыбѣ, выкинутой на берегъ и стремящейся хоть въ болото, если ужъ нѣтъ чистаго источника. Но болото—не рѣка, способная поддержать жизнь и здоровье, и безземельный кустарь—не боецъ съ сильнымъ, а конкуррентъ для слабаго.

Отхожіе промыслы считаются неизбѣжнымъ зломъ: кромѣ того, что они служатъ однимъ изъ способовъ распространенія городскихъ пороковъ и заразительныхъ болѣзней, имъ приписываютъ также причину низкаго состоянія во многихъ мѣстностяхъ земледѣлія, разрушительное вліяніе на связь крестьянина съ землей. Насъ теперь интересуетъ именно эта послѣдняя ихъ сторона: способность превращать хозяина земледѣльца въ пролетарія. Происходитъ это, примѣрно, слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ (это относится особенно къ одиночкамъ) первоначально уходитъ на сторону послѣ окончанія (или въ промежуткахъ) земледѣльческихъ работъ, имѣя въ виду вернуться къ началу послѣднихъ. Первые годы онъ, дѣйствительно, возвращается во-время; но затѣмъ, закрѣпленіе связей на сторонѣ, необезпеченность земледѣльческаго урожая дома, заставляютъ нѣкоторыхъ манкировать своими обязанностями хлѣбопашца, сначала изрѣдка, потомъ чаще, пока, наконецъ, не образуется непроходимая пропасть между прежнимъ земледѣльцемъ и его старымъ занятіемъ. Такой процессъ весьма вѣроятенъ, т. е. при плохомъ состояніи земледѣлія хорошій заработокъ на сторонѣ можетъ, дѣйствительно, служить одною изъ причинъ, ускоряющихъ процессъ забрасыванія крестьянами земледѣлія. Это вліяніе долженъ имѣть отходъ и на московскаго крестьянина; и дѣйствительно, собирая свѣдѣнія о промыслахъ, московскимъ статистикамъ сплошь и рядомъ при-

ходилось заносить въ свои журналы, что многіе промышленники въ послѣднее время забрасываютъ земледѣліе, и это относится преимущественно къ тѣмъ, которые прилагаютъ свои силы на сторонѣ. Да и какъ, напр., заботиться о землѣ крестьянину, душевой надѣлъ котораго даетъ какихъ нибудь 15—20 р.! Для болѣе или менѣе точнаго рѣшенія вопроса о вліяніи отхожихъ промысловъ на земледѣліе московскаго крестьянина, у насъ есть данныя о числѣ уходящихъ по паспортамъ. Хотя такого рода данныя и нельзя признать вполнѣ достаточными, но и они могутъ многое выяснить. Число уходящихъ по паспортамъ даетъ, по уѣздамъ, слѣдующія цифры:

	уходятъ [1]	оставило землед.		уходятъ	оставило землед.
Коломенскій . . .	24 %	24,6 %	Волоколамскій . .	25 „	15,6 „
Богородскій . . .	18 „	22,7 „	Рузскій.	27 „	13,6 „
Бронницкій . . .	18 „	20,4 „	Можайскій	30 „	13,4 „
Подольскій . . .	22 „	18,0 „	Дмитровскій. . .	19 „	13,4 „
Верейскій.	28 „	16,8 „	Клинскій	16 „	9,5 „
Серпуховскій . . .	29 „	16,7 „	Московскій . . .	17 „	9,4 „
Звенигородскій . .	17 „	16,6 „			

Не замѣтно опредѣленной зависимости между числомъ уходящихъ на сторону и количествомъ не занимающихся хлѣбопашествомъ. Хотя низшія цифры того и другого совпадаютъ, но высшія цифры уходящихъ принадлежатъ уѣздамъ, занимающимъ среднее мѣсто по числу забросившихъ хлѣбопашество, именно земледѣльческимъ. Это наводитъ на мысль сравнить степень развитія отхожихъ промысловъ съ мѣстными, для чего и разбиваемъ всѣ уѣзды на три группы:

	Уходящіе по паспортамъ.	Забросившіе хлѣбопашество.
I (5 промышленныхъ уѣздовъ) . . .	21,2 %	18,6 %
II (3 полупромышл. уѣзда)	18,0 „	16,0 „
III (5 земледѣльческихъ уѣзд.)	25,2 „	14,0 „

Наибольшее количество уходящихъ принадлежитъ группѣ, показывающей наисильнѣйшую привязанность къ землѣ; но низшая цифра ихъ относится не къ уѣздамъ, наиболѣе обезпеченнымъ въ заработкѣ мѣстными промыслами, и какъ будто бы пріурочивается къ группѣ съ меньшимъ числомъ обезземеливающихся. Это показываетъ, что разсмотрѣніемъ en masse

---

[1]) Въ Сборникѣ показано число паспортовъ, а въ объяснительной статьѣ сказано, что для опредѣленія числа уходящихъ нужно цифру паспортовъ уменьшить на 8%; мы такъ и поступили.

мы ничего не достигнемъ; попробуемъ сравнить между собой уѣзды каждой группы отдѣльно. Начнемъ съ земледѣльческихъ (Верейскій, Волоколамскій, Рузскій, Можайскій, Клинскій). Низшая цифра уходящихъ совпадаетъ съ таковою же не занимающихся хлѣбопашествомъ (Клинскій у.), но высшая принадлежитъ Можайскому уѣзду, занимающему продпослѣднее мѣсто по числу забросившихъ земледѣліе; Рузскій и Волоколамскій уѣзды тоже не подтверждаютъ существованія искомой зависимости изучаемаго процесса отъ развитія отхожихъ промысловъ, и лишь Верейскій намекаетъ на нее: по числу уходящихъ, онъ занимаетъ второе мѣсто въ группѣ земледѣльческихъ уѣздовъ, а по разрыву съ землей—первое, причемъ ни величина надѣла, ни платежъ, на немъ лежащій, ни игнорированіе земледѣлія остающимся при немъ населеніемъ (арендуется земли больше, чѣмъ можайскимъ и волоколамскимъ крестьяниномъ) не объясняютъ большаго процента не занимающихся хлѣбопашествомъ. Очень можетъ быть, что причина послѣдняго явленія кроется именно въ интенсивности отхожихъ промысловъ.

Беремъ промышленую группу. По степени развитія отхожихъ промысловъ, первое мѣсто принадлежитъ здѣсь уѣзду, занимающему послѣднее (послѣ Московскаго) по числу раззорившихъ свою связь съ землею (Серпуховскому). Объясняется это, можетъ быть, большимъ надѣломъ, полученнымъ серпуховскимъ крестьяниномъ (5,9 дес. на раб.) и незначительнымъ платежомъ (2,88 р. на 1 дес.), приближающимъ его въ этомъ отношеніи къ земледѣльческой группѣ, тогда какъ остальные промышленные уѣзды пользуются 1—2-мя десятинами меньше, платятъ же значительно больше. Онъ же имѣетъ, какъ увидимъ ниже, преимущество и по семейному составу: раздѣлы здѣсь развиты всего меньше, семья обладаетъ наибольшимъ въ губерніи числомъ рабочихъ. Этимъ объясняется фактъ, что разсчитывая надѣлъ на домохозяйство, высшій въ губерніи, вслѣдъ за Дмитровскимъ, имѣетъ Серпуховская семья ($10^1/_3$ дес.). Такой комбинаціей величины надѣла, платежей и семейнаго состава парализуется вредное на земледѣліе вліяніе сильно развитаго въ уѣздѣ отхожаго промысла. Но подобнаго противовѣса не имѣетъ Коломенскій у., слѣдующій въ группѣ за Серпуховскимъ, по степени развитія отхода (24 проц.), и занимающій первое мѣсто по числу обезземеливающихся (24,6 проц.). Правда, исключивъ 3 деревни полныхъ собственниковъ Горской волости, дающихъ чрезчуръ большой процентъ не занимающихся хлѣбопашествомъ, мы понизимъ число послѣднихъ въ уѣздѣ до 23,5 проц.; но и эта цифра настолько велика, что ни степень развитія мѣстнаго промысла, ни величина

надѣла, ни даже платежъ (коломенскій кр. платитъ съ десятины больше богородскаго, но меньше бронницкаго) не даютъ ключа къ объясненію замѣченнаго явленія. Весьма вѣроятно, что нѣсколько лишнихъ процентовъ разорвавшихъ съ землей обязаны своимъ существованіемъ именно 24 проц. уходящихъ на сторону.

Въ группѣ полупромышленныхъ уѣздовъ (Подольскій, Звенигородскій, Дмитровскій), первое мѣсто по числу уходящихъ и забрасывающихъ землю принадлежитъ одному и тому же уѣзду—Подольскому; но послѣдній менѣе благопріятно поставленъ въ отношеніи и величины надѣла, и платежей, на немъ лежащихъ; поэтому, преобладаніе здѣсь обезземеливающихся нельзя приписать исключительно отходу: вліяніе послѣдняго здѣсь не можетъ быть очень сильно.

Итакъ, въ цѣлой губерніи мы можемъ указать лишь два уѣзда (Коломенскій и Верейскій), гдѣ отхожій промыселъ оказалъ замѣтное вліяніе на отношеніе крестьянина къ землѣ; поэтому, хотя теоретически и весьма вѣроятно разрушающее земледѣліе вліяніе работы населенія на сторонѣ, но въ Московской губ. существуютъ гораздо болѣе энергичные дѣятели въ томъ же направленіи, и, послѣ всего вышеизложеннаго, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что этими послѣдними должна быть признана величина надѣла и платежей. Большой надѣлъ и малый платежъ парализуютъ вредное вліяніе отхода, чему примѣромъ можетъ служить Серпуховскій уѣздъ.

Многіе приписываютъ всѣ несчастія русскаго народа годъ отъ году яко бы усиливающимся пьянству и семейнымъ раздѣламъ. Вліяя на обѣднѣніе массы, эти обстоятельства разрушаютъ хозяйство крестьянъ, слѣдовательно, служатъ однимъ изъ факторовъ ихъ обезземеленія. Дѣйствительно, семья, состоящая изъ одного работника-мужчины, вездѣ запоздаетъ; такому работнику рискованно отлучиться для сторонняго заработка, ибо некому будетъ своевременно приготовить или исправить земледѣльческія орудія; лошадь его, если онъ занимается, напр., возкою лѣса, ослабѣетъ за весну и сдѣлается неспособной къ предстоящему тяжелому земледѣльческому труду; самъ хозяинъ нерѣдко возвращается домой совершенно истощенный, «черный, какъ горшокъ», и мало толку будетъ отъ такого хлѣбопашца и проч. Въ результатѣ—запоздалая и небрежная обработка почвы и плохой урожай. Если же такой маломощный хозяинъ просидитъ, въ интересахъ своей профессіи, большую часть зимы дома—положеніе его дѣлается еще болѣе шаткимъ, ибо не много на Руси такихъ мѣстностей, гдѣ бы крестьянинъ прокормился однимъ хлѣбопашествомъ. Вотъ почему чуть ли не всѣ наблюдатели русскаго быта, въ дѣлѣ обѣднѣнія народа,

за послѣднее время, приписываютъ важное значеніе семейнымъ раздѣламъ. Это, въ особенности, приложимо къ Московской губ., гдѣ земледѣліе доставляетъ не больше половины средствъ, нужныхъ для содержанія семьи, и гдѣ работой на сторонѣ занято слишкомъ 200 тысячъ душъ. Естественно, что семейные раздѣлы оказали свою долю вліянія и на обезземеленіе московскихъ крестьянъ, и вопросъ только въ томъ, какое мѣсто занимаетъ этотъ факторъ изслѣдуемаго процесса въ ряду другихъ, съ которыми мы ознакомились раньше. Если ему должно быть приписано главное вліяніе въ этомъ направленіи (какъ это утверждаютъ лица, боящіяся истины), то это подтвердится статистическими данными: гдѣ крупнѣе домохозяйство, тамъ мы должны встрѣтить меньше безземельныхъ. Связь эта должна быть ясна, по крайней мѣрѣ, настолько же, какъ и зависимость изучаемаго процесса отъ величины надѣла и платежей. Если же вполнѣ ясной и послѣдовательной зависимости мы здѣсь не найдемъ, то это будетъ служить доказательствомъ, что есть причины обезземеленія болѣе сильныя и потому затемняющія безспорное вліяніе семейныхъ раздѣловъ.

Для рѣшенія вопроса мы имѣемъ данныя о населеніи и числѣ дворовъ въ настоящее время и при послѣдней ревизіи; по нимъ мы можемъ опредѣлить приблизительныя цифры семейно-рабочаго состава тогда и теперь и быстроту его измѣненія въ ту или другую сторону.

	На 1 домохоз. раб.: въ 1858 г.	въ наст. вр.	Уменьш. на	Не заним. хлѣбопаш.
Коломенскій	1,75	1,39	20 проц.	24,6 проц.
Богородскій	1,85	1,38	25 „	22,7 „
Бронницкій	1,91	1,45	24 „	20,4 „
Подольскій	1,81	1,37	24 „	18,0 „
Верейскій	1,52	1,51 [1]	1 „	16,8 „
Серпуховскій	1,95	1,55	20 „	16,7 „
Звенигородскій	1,78	1,34	25 „	16,6 „
Волоколамскій	1,86	1,44	23 „	15,6 „
Рузскій	1,83	1,27	30 „	13,6 „
Можайскій	1,73	1,24	28 „	13,4 „
Дмитровскій	1,76	1,34	24 „	13,4 „
Клинскій	1,84	1,32	28 „	9,5 „
Московскій	1,55	1,49	4 „	9,4 „

Мы здѣсь очень далеки отъ той правильности, какую имѣли въ зависимости обезземеленія крестьянъ отъ величины надѣла и платежей. Напротивъ, въ общемъ, семьи имѣютъ лучшій составъ въ верхнихъ уѣздахъ,

---

[1]) Число дворовъ въ Верейскомъ у. мы беремъ не 7678, какъ значится въ сводной таблицѣ, а 8093, по причинамъ, приведеннымъ въ Сб. т. II, отд. II, стр. 27 примѣч.

наиболѣе обезземеленныхъ (ср. 2-й столбецъ и 4-й). Это значитъ, что разсматриваемый факторъ столкнулся съ другими, гораздо болѣе сильными и дѣйствующими противоположно. Но, для большей ясности, соединимъ всѣ уѣзды въ 3 группы—съ числомъ обезземеливающихся выше 20 проц., отъ 10 до 20 и ниже 10-ти—и сопоставимъ по каждой группѣ цифру безземельнымъ съ цифрами, выражающими величину надѣла, платежей и семейно-рабочій составъ; получимъ:

	Надѣлъ.	Платежъ на 1 дес.	Рабоч. на семью.	Незаним. хлѣбопаш.
I (3 уѣзда) . .	4,23 дес.	3,87 р.	1,407	22,6 проц.
II (2 уѣзда) . .	5,5 »	3,36 »	1,405	9,5 »
III (8 уѣздовъ) .	6,45 »	2,95 »	1,383	15,5 »

Мы видимъ, что высшая цифра безземельныхъ совпадаетъ съ наиболѣе сильными семьями и соотвѣтствуетъ малому надѣлу и большому платежу; выгодный семейный составъ не гарантировалъ малоземельные уѣзды отъ обезземеленія; вліяніе аграрнаго строя оказалось сильнѣе семейнаго. Правда, II группа говоритъ, повидимому, въ пользу значенія большихъ семей, но она состоитъ всего изъ двухъ уѣздовъ и все ея значеніе обусловливается, въ сущности, однимъ Московскимъ у.; разобщивъ ихъ, мы получимъ въ клинской семьѣ всего 1,32 рабочихъ (при 9,5 безземельныхъ)—меньше, чѣмъ въ III гр. Итакъ, въ общей экономической организаціи московскаго крестьянства семейный составъ играетъ настолько второстепенную роль, что въ большихъ группахъ его разрушительное вліяніе на хозяйство затемняется дѣйствіемъ другихъ, болѣе сильныхъ моментовъ. Опредѣлить его значеніе можно детальнымъ анализомъ каждой группы отдѣльно.

И, дѣйствительно, въ промышленной группѣ Московскій и Серпуховской уѣзды, отличаясь наибольшими семьями, даютъ наименьшее число не занимающихся хлѣбопашествомъ. Въ Московскомъ уѣздѣ это комбинируется съ преимуществами для самостоятельнаго хозяйства, вытекающими отъ близости такого центра, какъ Москва, и незначительнымъ числомъ уходящихъ на сторону; въ Серпуховскомъ—большая семья создаетъ такую хозяйственную единицу, которая дозволяетъ наивыгоднѣйшимъ образомъ распредѣлить ея силы между промысломъ и земледѣліемъ, что, вмѣстѣ съ большимъ и дешевымъ надѣломъ, парализовало и разрывающее связь крестьянина съ землею вліяніе отхожаго промысла. Можетъ быть, этой же причинѣ нужно приписать и то обстоятельство, что Бронницкій уѣздъ, имѣя наименьшій и наитяжелѣйшій надѣлъ въ губерніи, въ отношеніи обез-

земеленія занимаетъ лишь 3-мѣсто. Если въ группѣ промышленныхъ уѣздовъ довольно ясно видно благотворное вліяніе на сельское хозяйство большихъ семей, то нельзя сказать того же относительно земледѣльческихъ. Здѣсь наивысшая цифра обезземеливающихся принадлежитъ уѣзду съ наибольшими семьями (Верейскому), а клинскій крестьянинъ, всего крѣпче держащійся земли, имѣетъ семью, по числу работниковъ, ниже средней въ группѣ, а по стремленію къ раздѣламъ занимаетъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ губерніи (съ 58 г. число рабочихъ въ семьѣ уменьшилось на 28 проц.; быстрѣе совершаются раздѣлы только въ одномъ Рузскомъ уѣздѣ). Можайскій и Рузскій уѣзды представляютъ наинтенсивнѣйшее стремленіе къ раздѣлу, благодаря чему они имѣютъ въ настоящее время самыя слабыя семьи въ цѣлой губерніи и, тѣмъ не менѣе, по числу не занимающихся хлѣбопашествомъ, стоятъ сейчасъ вслѣдъ за Клинскимъ уѣздомъ. Однако, нельзя не замѣтить вліянія этого фактора на ростъ недоимокъ, такъ какъ оба уѣзда въ этомъ отношеніи занимаютъ 1-е и 3-е мѣсто въ губерніи. Полупромышленные уѣзды представляютъ приблизительно одинаковыя, среднія отношенія по ихъ семейному составу, и наибольшую семью имѣетъ уѣздъ, наибыстрѣе разрывающій свою связь съ землею (Подольскій).

Итакъ, хотя, въ общемъ, вліяніе на обезземеленіе крестьянъ семейныхъ раздѣловъ парализуется другими факторами, но въ нѣкоторыхъ (промышленныхъ) уѣздахъ оно выступаетъ довольно ясно. Замѣтимъ, кстати, что наибольшее стремленіе къ раздѣлу проявляютъ земледѣльческіе уѣзды, промышленные же стараются сохранить свой прежній семейный составъ. Не выгоды ли кооперации при веденіи промысла служатъ причиною такого явленія?

Вопросъ о значеніи раздѣловъ, или вѣрнѣе «одиночества», настолько интересенъ, что мы еще остановимъ на немъ вниманіе читателя, имѣя возможность представить болѣе подробныя, хотя касающіяся только 3-хъ волостей данныя о вліяніи величины семьи на обезземеленіе крестьянъ. Каждая изъ этихъ волостей раздѣлена составителями Сборника (для другой цѣли) на 3 группы: на домохозяевъ, обрабатывающихъ весь свой надѣлъ, часть его и вовсе забросившихъ земледѣліе; при этомъ показано число душевыхъ надѣловъ, принадлежащихъ каждой группѣ, а такъ какъ распредѣленіе земли по домохозяйствамъ совершается пропорціонально ихъ рабочимъ силамъ, то величина средняго семейнаго участка каждой группы будетъ служить выраженіемъ ея рабочаго состава, а отношеніе надѣловъ семей разныхъ группъ будетъ и отношеніемъ ихъ рабочихъ силъ. Воло-

сти взяты: промышленная (Кленовская), полупромышленная (Сухановская) и земледѣльческая (Шебанцевская)—всѣ Подольскаго уѣзда. Итакъ

	Домох. обр. весь надѣл.	У нихъ надѣловъ.	Домох. обр. часть надѣл.	У нихъ надѣловъ.	Безхозяйн. домох.	У нихъ надѣловъ.
Кленовская	619	1639	202	577	384	855
	На 1 домох. 2,64 надѣл.		На 1 домох. 2,85 надѣл.		На 1 домох. 2,22 надѣл.	
Сухановская	899	2489	224	542	126	276
	На 1 домох. 2,76 надѣл.		На 1 домох. 2,42 надѣл.		На 1 домох. 2,2 надѣл.	
Шебанцевская	881	2186	154	389	129	240
	На 1 домох. 2,48 надѣл.		На 1 домох. 2,52 надѣл.		На 1 домох. ок. 2 надѣл.	

Группа обрабатывающихъ часть надѣла составляетъ переходную ступень къ окончательно разорвавшимъ связь съ землею, и если главнѣйшимъ дѣятелемъ въ этомъ процессѣ служитъ малосемейность, то мы должны бы, по мѣрѣ перехода отъ 1-й группы ко 2-й и 3-й, встрѣчать все болѣе мелкія семьи. Это значило бы, что необдуманное (?) стремленіе крестьянъ къ нравственной и матеріальной независимости приводитъ къ тому, что ослабѣвшія отъ раздѣла семьи принуждены забросить часть своего надѣла, а наиболѣе слабыя не удержались и на этой ступени, спустились еще ниже—потеряли вовсе сельско-хозяйственную самостоятельность. Но факты говорятъ не то: лишь одна Сухановская волость представляетъ такой параллелизмъ между уменьшеніемъ въ семьѣ рабочихъ силъ и паденіемъ земледѣльческаго хозяйства; въ двухъ другихъ необходимость забросить часть надѣла падаетъ не только на одиночекъ, но, еще въ большей мѣрѣ, и на большесемейныхъ. Это не значитъ, разумѣется, что послѣдніе экономически слабѣе, а указываетъ на существованіе условій, гораздо сильнѣе вліяющихъ въ этомъ направленіи, нежели раздѣлы, и одинаково подкапывающихъ благосостояніе какъ большихъ, такъ и малыхъ семей. Но пошатнувшаяся въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ семья не всегда возстановляетъ потерянное равновѣсіе, и здѣсь-то великую услугу оказываетъ ей лишній работникъ: многіе большесемейные успѣваютъ подняться до своего прежняго положенія, маломощные падаютъ еще ниже, что и доказывается малыми цифрами надѣловъ, приходящихся на семью въ группѣ безхозяйныхъ дворовъ.

Такимъ образомъ, не семейные раздѣлы — причина обѣднѣнія кре-

стьянъ и разобщенія ихъ съ землею; но они ослабляютъ силу сопротивленія крестьянина всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, почему окончательный результатъ вліянія послѣднихъ—обезземеленіе—чаще всего наблюдается, именно, среди такихъ маломощныхъ семей.

О не занимающихся хлѣбопашествомъ въ «Сборникѣ» представлены цифры *дворовъ*; попробуемъ опредѣлить хотя приблизительно число лицъ, находящихся въ такомъ положеніи.

Если бы всѣ 29,955 дворовъ, бросившихъ земледѣліе, имѣли средній въ губерніи семейный составъ, то они бы дали 167,692 души обоего пола, среди которыхъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ было бы 42,000 человѣкъ. Но мы имѣемъ основаніе предполагать, что этой высшей степени раззоренія достигаютъ, по преимуществу, семьи со слабымъ рабочимъ составомъ; поэтому, вышеприведенная цифра должна выражать не истинное число безземельныхъ, а maximum искомой величины; minimum опредѣляется на основаніи предположенія, что въ разрядъ не занимающихся хлѣбопашествомъ попадаютъ исключительно семьи съ наименьшимъ рабочимъ составомъ, т. е. имѣющія всего по одному рабочему мужчинѣ; въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ 29,945 мужчинъ и 119,780 душъ обоего пола [1]). Взявъ среднее между этими двумя крайними цифрами, получимъ 143,736 душъ обоего пола, среди которыхъ будетъ около 36 тысячъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ. Соединивъ ихъ съ группой полномощныхъ безземельныхъ (см. выше), у насъ составится 56 тысячъ мужчинъ, долженствующихъ заработать неземледѣльческимъ трудомъ пропитаніе для 210 тысячъ слишкомъ человѣкъ, т. е. для пятой части населенія губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что главная масса этихъ невольныхъ пролетаріевъ, имѣющихъ, однако, поземельную собственность (таковъ типъ нашего пролетарія въ отличіе отъ западно-европейскаго), составляетъ часть тѣхъ 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ, которые ежегодно отправляются изъ Московской губерніи искать, гдѣ лучше. Представляется весьма важный вопросъ: находятъ ли они это лучшее; иначе говоря, какой смыслъ кроется въ этомъ явленіи забрасыванія хлѣбопашцемъ земледѣлія; кто поглощаетъ этотъ, съ громадной быстротой растущій, земледѣльческій избытокъ или соціальный дефицитъ населенія; какъ онъ его ассимилируетъ, во что превращаетъ? Вопросъ этотъ выходитъ уже изъ сферы компетентности изданія Московскаго земства. Но поставленный вопросъ выходитъ и изъ пре-

---

[1]) Въ губерніи 1,119,458 душъ обоего пола, изъ нихъ рабочихъ мужскаго пола ок. 279 т.; на 1 раб. 4 души об. п.

дѣловъ нашей статьи, и если мы, тѣмъ не менѣе, скажемъ о немъ нѣсколько словъ, то сдѣлаемъ это, ничуть не претендуя на его разрѣшеніе, а потому лишь, что онъ неизбѣжно навязывается послѣ всего вышеизложеннаго нашему вниманію.

Читатель согласится, надѣюсь, съ двумя положеніями: 1) что Московская губернія не представляетъ исключительнаго явленія, т. е. что процессъ забрасыванія земли и исканія заработка на сторонѣ совершается и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи; 2) что и то, и другое развилось, главнымъ образомъ, въ послѣднее десятилѣтіе. Кромѣ всеобщихъ сѣтованій и указаній корреспондентовъ и журналистовъ вообще, въ пользу второго положенія мы приведемъ и нѣкоторыя данныя изъ нашего Сборника. Въ настоящее время число уходящихъ по паспортамъ лицъ доходитъ въ Московской губерніи до 237 тысячъ, между тѣмъ какъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Ленскій опредѣлялъ его въ 111 тысячъ, т. е. вдвое менѣе. По переписи, произведенной въ Московскомъ уѣздѣ въ 1869 г., ушедшихъ изъ уѣзда по годовымъ паспортамъ оказалось $6^1/_2$ тыс. [1]), а въ 1877 г. ихъ было уже $11^1/_2$ тыс., т. е. почти вдвое больше. Въ «Отеч. Зап.» (1880 г., № 5) мы приводили свѣдѣнія о Подольскомъ уѣздѣ, изъ которыхъ видно, что число забросившихъ земледѣліе съ 1869 по 1877 гг. увеличилось втрое. Все это хотя и отрывочныя данныя, но въ связи съ голосомъ народа (который, говорятъ, и голосъ Божій) они дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что процессъ разобщенія крестьянъ съ землей и, какъ его результатъ, стремленіе къ неземледѣльческому заработку—проявляется особенно рѣзко именно въ послѣднее десятилѣтіе. Но потребность въ заработкѣ развивается быстрѣе обезземеленія народа, ибо онъ нуженъ не для однихъ пролетаріевъ, а съ теченіемъ времени играетъ все болѣе выдающуюся роль и въ бюджетѣ земледѣльца. Поэтому, другая сторона нашего вопроса о судьбѣ обезземеливающагося крестьянства, это—насколько расширились, въ послѣднее время, неземледѣльческіе источники доходовъ крестьянина?

Въ книгѣ «Судьбы капитализма въ Россіи» мы развивали мысль, что, въ силу историческаго момента, въ какой приходится развиваться Россіи, прогрессъ ея крупной промышленности будетъ сопровождаться относительнымъ сокращеніемъ источниковъ заработной платы; мы видѣли, что это положеніе вполнѣ подтвердается данными о развитіи крупной промышленности съ 1840 по 1870 г. Теперь мы представимъ кое-какія свѣдѣнія

---

[1]) Очеркъ статистики народонаселенія Московскаго у.

о заработкахъ, даваемыхъ народу желѣзными дорогами. Въ числѣ мѣръ послѣдняго двадцатилѣтія, направленныхъ къ развитію у насъ капиталистической промышленности, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ постройка желѣзныхъ дорогъ, не только по своему значенію для указанной цѣли, но и по тому движенію, какое она произвела въ финансовой и экономической сферахъ, требуя массы капиталовъ, создавая новыя производства, измѣняя сферу приложенія народнаго труда. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ потребовали гораздо больше, и во всякомъ случаѣ не меньше, рабочихъ рукъ, чѣмъ расширеніе, за то же время, нашей крупной обрабатывающей промышленности. Посмотримъ же, какъ велико это требованіе, какая часть обезземеливающагося народа находитъ себѣ пріютъ въ этой новой сферѣ труда. Свѣдѣнія мы почерпаемъ изъ статей желѣзнодорожнаго дѣятеля, г. Бліоха («Экономическое положеніе Россіи», «Вѣстникъ Европы» за 1877 г.), уже по своему положенію склоннаго преувеличивать значеніе этой отрасли труда и способа передвиженія; и, дѣйствительно, онъ имъ приписываетъ и увеличеніе народнаго благосостоянія, и исправное поступленіе податей, и чуть ли даже не расширеніе прежнихъ способовъ передвиженія (лошадьми и водой). И вотъ г. Бліохъ говоритъ, что съ 1866 по 1875 г.г. при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ было занято ежегодно 84,000 рабочихъ и ремесленниковъ, а эксплуатація ихъ требовала въ 1876 г. 160,000 человѣкъ, получавшихъ до 55 милліоновъ рублей. Относительно послѣднихъ цифръ мы должны прибавить, что сюда входятъ какъ простые рабочіе (низшій трудъ), такъ и инженеры и проч. (высшій трудъ), между которыми и раздѣляется пополамъ сумма въ 55 мил. руб. Но принявъ даже, что все количество рабочихъ принадлежитъ къ низшимъ профессіямъ, мы получимъ 160 тысячъ, постоянно занятыхъ на желѣзныхъ дорогахъ и получающихъ около 30 мил. руб. Это приходъ народнаго заработка, та новая арена, которая открылась за десятилѣтіе— 66—76 г.г. для поглощенія освобождающагося крестьянскаго труда. Но приходъ этотъ дался не даромъ, онъ сопровождался соотвѣтствующимъ сокращеніемъ прежнихъ источниковъ заработка: коль скоро явилась желѣзная дорога, исчезла надобность въ шоссейной, заглохъ запросъ на трудъ извощиковъ. Что же въ общемъ: плюсъ или минусъ, увеличился или уменьшился запросъ на рабочія руки для перевозки лицъ и товаровъ? Какъ бы въ отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ сообщеніемъ г. Девеля: «До проведенія желѣзныхъ дорогъ къ Тамбовской губерніи, весь контингентъ рабочей силы, заключающійся въ 400,000 взрослыхъ сельскихъ рабочихъ, столькихъ же работницъ и 500,000 ра-

бочихъ лошадей, имѣлъ работу втеченіе всего года и не нуждался въ пріисканіи какой либо иной работы внѣ предѣловъ своей осѣдлости; съ проведеніемъ же желѣзныхъ дорогъ, по нимъ направилось большинство грузовъ, и одновременно сократились отправки гужемъ и водою—сократилось разстояніе подвоза, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократились и зимніе заработки крестьянъ; они сошли почти, какъ говорится, на нѣтъ». «Свободными втеченіе 4 мѣсяцевъ, т. е. 100 рабочихъ дней, остаются до 300,000 муж. раб., столько же работницъ и до 400 тысячъ рабочихъ лошадей; такъ что, если бы мы, по самому скромному разсчету, приняли стоимость рабочаго дня въ 30 к. для работника, 15 к.—для работницы и 30 к.—для лошади, то общая сумма убытка отъ безработицы выразится въ цифрѣ 25.000,000 р.», которые еще нужно увеличить на $9^1/_2$ милл., вытекающихъ изъ необходимости продавать свой трудъ впередъ [1]). 300,000 мужскихъ и столько же женскихъ четырехмѣсячныхъ трудовыхъ періодовъ стоятъ 160-ти тысячъ годовыхъ, что подтверждается и почти одинаковымъ заработкомъ тѣхъ и другихъ. Итакъ, эксплуатація построеннаго впродолженіе 10—15 лѣтъ рельсоваго пути, на всемъ его протяженіи, еле достаточна для занятія населенія, сдѣлавшагося излишнимъ, благодаря новымъ путямъ сообщенія, только въ одной губерніи; милліоны таковыхъ же въ десяткахъ другихъ не найдутъ себѣ мѣста въ этой отрасли труда. Желѣзныя дороги, очевидно, слѣдуютъ общему закону развитія крупныхъ капиталистическихъ предпріятій: уничтожая тысячу рабочихъ рукъ, они создаютъ какую нибудь сотню новыхъ.

Все вышеизложенное даетъ право повторить еще разъ, что наблюдаемый повсюду процессъ погони крестьянина за неземлѣдельческимъ заработкомъ, процессъ, выражающійся какъ отходомъ на сторону на время, такъ и болѣе или менѣе полнымъ разобщеніемъ съ землею, не истекаетъ изъ потребности крупнаго производства въ рабочихъ рукахъ, не является по вызову капиталиста, а совершается, не справляясь съ тѣмъ, что дѣлается внѣ его, будетъ ли отъ этого кому нибудь лучше, есть ли въ этомъ какой нибудь общественно-экономическій смыслъ. Онъ идетъ фатально, руководствуясь своими собственными законами, и есть результатъ невозможности крестьянину дольше оставаться на своемъ надѣлѣ. Остается, впрочемъ, еще ступень истощенія силъ: если масса самостоятельно хозяйствовавшихъ крестьянскихъ семей спустилась до положенія наемнаго труда, а такого труда для всѣхъ, какъ мы видѣли, не хватаетъ, то понятно,

---

[1]) Труды Ком. по изслѣдов. кустарн. пром., в. 1, прилож. къ отд. I.

что часть оставшаяся за штатомъ, должна спуститься еще ниже и приняться нищенствовать или умирать отъ остраго и хроническаго голоданія. Недаромъ г. Янсонъ, въ одной изъ своихъ статей (въ «Русской Рѣчи»), высказалъ предположеніе, что русскій народъ за послѣдніе годы пересталъ размножаться (а это statu-quo цѣлаго указываетъ на вымираніе одной части, компенсирующееся въ общемъ размноженіемъ другой). Что же замѣчается относительно этого въ Московской губерніи?

Въ Сборникѣ мы имѣемъ цифровыя данныя о населеніи Московской губерніи за 1858 и 1877 гг.: это будетъ 1.034,888 и 1.119,458,— разница 85,570, или 8,2 проц. въ двадцать лѣтъ; ежегодное приращеніе будетъ 0,4 проц. По всей Россіи средній годовой приростъ по 1867 годъ былъ 0,73 проц., а въ послѣдующее трехлѣтіе 1,07 проц. [1]); размноженіе населенія Московской губерніи идетъ, какъ видимъ, медленнѣе. Но сравненіе цифръ за два момента, раздѣленные промежуткомъ въ 20 лѣтъ, не даетъ понятія о процессѣ, совершающемся среди Московскаго населенія въ послѣдніе годы: при той же средней цифрѣ годового приращенія въ 0,4 проц. въ послѣднее время оно могло идти значительно быстрѣе или медленнѣе, могло смѣниться даже вымираніемъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ періодъ 1868—1870 г.г. средній ежегодный приростъ Московскаго населенія былъ уже только 0,17 проц. [2]), ниже средняго; значитъ ли это, что впоелѣдствіи онъ поднялся и загладилъ временное пониженіе этихъ трехъ лѣтъ, или замѣченное пониженіе продолжалось и далѣе, можетъ быть, прогрессировало, дошло до нуля, затѣмъ смѣнилось убылью. Мы не имѣемъ свѣдѣній, по которымъ могли бы отвѣтить на вопросъ совершенно точно, но и не лишены возможности дать приблизительное рѣшеніе. Именно, во II томѣ Сборника, въ отдѣлѣ «Крестьянское хозяйство», есть свѣдѣнія о населеніи въ трехъ уѣздахъ за нѣсколько лѣтъ, и вотъ что оказывается:

	въ 1858 г.	въ 1869 г.	въ 1874 г.	въ 1877 г.
Серпуховскій . .	89,705 чел.	91,479 чел.	89,138 чел.	88,772 чел.
Верейскій	42,783 „	46,569 „	45,130 „	44,254 „
Подольскій. . . .	77,214 „	81,734 „	79,592 „	77,518 „

Сравнивая крайнія цифры, мы получимъ приращеніе населенія за 20 лѣтъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ 10 проц., Верейскомъ — 3,44 проц. и Подольскомъ 0,4 проц.; по среднимъ же столбцамъ видно, что съ 1869 г. идетъ вымираніе всѣхъ трехъ уѣздовъ, и даже Серпуховскій, показывающій за 20 л. приращеніе большее средняго по губерніи, расходуетъ теперь запасъ, накопленный въ первое десятилѣтіе послѣ ре-

[1]) Янсонъ, Сравнительная статистика, т. I, стр. 345.
[2]) Id. стр. 348.

визіи; Подольскій и Верейскій уѣзды, размножавшіеся до 1869 г. медленнѣе, проживаютъ теперь остатки; Подольскій даже вѣроятно представляетъ въ настоящее время уже убыль, сравнительно съ цифрою 1858 г. Эти свѣдѣнія мы можемъ дополнить другими, взятыми изъ докладовъ губернскому земскому собранію сессіи 1881 г. Именно, для 9 уѣздовъ губерніи есть свѣдѣнія о ревизскомъ населеніи за три момента послѣдняго двадцатилѣтія: въ 1858 г. это населеніе равнялось 355000, въ 1869—384,818, въ 1877—380,118. Въ первое десятилѣтіе имѣло мѣсто размноженіе населенія съ быстротою 0,7% ежегодно; во второе произошла убыль въ 0,15% ежегодно. Но это лишь средняя цифра вымиранія; по годамъ здѣсь можетъ быть большое разнообразіе, и, судя по тому, что тягость положенія крестьянства съ теченіемъ времени усиливается, нужно ожидать, что и съ вымираніемъ происходитъ то же. И дѣйствительно, за первые годы послѣдняго десятилѣтія существовало еще приращеніе населенія въ губерніи; тѣмъ быстрѣе, значитъ, вымираніе должно было пойти впослѣдствіи. Вотъ данныя за пятилѣтіе: на сто умершихъ, родившихся въ 1869 г. было 117, въ 1870 г.—117,55; 1871—84,9 (холера); 1872—100,91; 1873—98,28 [1]). Такое же ускореніе вымиранія, по мѣрѣ приближенія къ настоящему моменту, показываютъ и выше приведенныя данныя по отдѣльнымъ уѣздамъ; такъ, Подольскій въ 1869—гг. 74 вымиралъ по 0,5% въ годъ, а въ 1874—77 по 0,8%; населеніе Верейскаго у. въ первый періодъ уменьшалось на 0,62% ежегодно, во второй—на 0,65%; лишь Серпуховскій уѣздъ въ послѣднее трехлѣтіе замедлилъ свое вымираніе.

Изъ 9 уѣздовъ относительно трехъ мы можемъ сказать, что вѣроятно, до половины 70-хъ годовъ они еще продолжали размножаться, ибо съ 1869 года до 1877 года ревизское населеніе Клинскаго уѣзда возросло на 2000 человѣкъ, Дмитровскаго на 1200, Московскаго на 1000, Волоколамскаго осталось почти неизмѣннымъ. За послѣдніе 4 года мы имѣемъ свѣдѣнія объ одномъ Московскомъ уѣздѣ, населеніе (ревизское) котораго возросло на 356 человѣкъ.

Въ виду такихъ данныхъ самъ собою напрашивается вопросъ: какое общественное экономическое значеніе имѣютъ всѣ тѣ вліянія, непосредственнымъ результатомъ которыхъ является обезземеленіе народа, если въ концѣ концовъ они ведутъ къ его вымиранію? Вмѣстѣ съ тѣмъ со всею очевидностью становится ясно, насколько существенны для государства и

[1]) Оч. статистики народонаселенія Московскаго у., 41.

общества всѣ мѣропріятія, которыя клонятся къ устраненію этихъ вліяній. Обѣднѣніе мужика отражается неблагопріятно на всѣхъ: правительство теряетъ въ податяхъ, фабрикантъ—на сбытѣ продуктовъ, помѣщикъ—на уменьшеніи конкурренціи среди съемщиковъ его земель; выигрываетъ и процвѣтаетъ только кулакъ, достигшій полнаго развитія именно въ атмосферѣ народной бѣдности, въ атмосферѣ разложенія экономической жизни, и существующій только этимъ послѣднимъ: чѣмъ бѣднѣе мужикъ, тѣмъ пышнѣе разцвѣтаетъ кулачество.

А при такихъ условіяхъ нельзя не признать, что не развитіе капиталистическаго производства въ земледѣльческой и промышленной области, а поддержаніе народнаго, какія бы формы оно ни принимало,—вотъ экономическая задача, диктуемая временемъ, и лучшее средство противъ финансовыхъ и всякихъ другихъ внутреннихъ замѣшательствъ и затрудненій.

БЕЗЛОШАДНЫЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ ЧЕРНОЗЕМНОМЪ РАІОНѢ [1]).

Къ настоящему времени, въ извѣстномъ отношеніи, вполнѣ примѣнимо изреченіе: жатва обильна, а дѣятелей мало. Мы имѣемъ въ виду положеніе экономическаго изслѣдованія Россіи. За послѣднее десятилѣтіе въ названной области знанія явилась такая масса цѣннаго матеріала, какого мы не наберемъ за два и за три предшествующихъ періода. Дѣло-же разработки собранныхъ данныхъ находится въ весьма печальномъ состояніи.

Не говоря уже о патентованныхъ ученыхъ, которые затѣмъ, кажется, только и существуютъ, чтобы послѣдними узнавать то, что они должны знать раньше другихъ,—наша журналистика послѣдняго времени блещетъ своимъ игнорированіемъ того, что совершается въ сферѣ собиранія статистико-экономическаго матеріала. Нѣкоторые руководители нашихъ журналовъ, повидимому, не допускаютъ и мысли о томъ, что скучнѣйшіе съ виду сборники статистическихъ свѣдѣній заключаютъ въ себѣ ключъ къ разрѣшенію массы вопросовъ, волнующихъ наше общество. Они думаютъ, что главнѣйшій интересъ всѣхъ этихъ толстѣйшихъ книгъ—чисто научный; да и тотъ врядъ-ли великъ, ибо патентованные ученые что-то не торопятся знакомить съ ними публику, и появляющіяся иногда въ журналахъ статьи, основанныя на этихъ матерьялахъ, принадлежатъ дил-

[1]) „Наблюдатель“, 1885 г.

летантамъ въ экономической наукѣ, разрабатывающимъ интереснѣйшія данныя безъ увѣренности въ томъ, что ихъ работы въ близкомъ будущемъ найдутъ себѣ мѣсто въ печати. Будемъ надѣяться, что это ненормальное положеніе скоро измѣнится, разработка вновь и вновь появляющихся статистическихъ матеріаловъ привлечетъ къ себѣ новыя силы, и сборники избѣгнутъ печальной участи пролежать въ ученыхъ архивахъ до того времени, пока они не превратятся въ историческіе документы и не обратятъ, наконецъ, на себя вниманія историковъ. Въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, мы предлагаемъ вниманію читателя нѣсколько цифровыхъ сопоставленій относительно одного изъ важнѣйшихъ явленій народной жизни: обезлошаденія земледѣльческаго населенія Россіи.

Понятно безъ всякихъ разъясненій, что земледѣлецъ безъ лошади есть явленіе столь же ненормальное, какъ, напримѣръ, воинъ безъ ружья. Лошадь составляетъ необходимое орудіе сельско-хозяйственнаго производства, и кто ея лишился, тотъ перестаетъ быть настоящимъ хозяиномъ; главнѣйшія земледѣльческія работы на своемъ участкѣ онъ долженъ поручать другому, а для уборки хлѣба не станетъ, пожалуй, бросать выгоднаго заработка, котораго такъ долго искалъ взамѣнъ упраздняющагося хозяйства, и предоставитъ это женской половинѣ семьи или старикамъ. Такой крестьянинъ фактически уже почти пересталъ быть самостоятельнымъ земледѣльцемъ; онъ ищетъ другого обезпечиванія въ жизни, и если успѣваетъ пристроиться къ какому нибудь занятію на сторонѣ—разрываетъ послѣднія нити, связывающія его съ хозяйствомъ, перестаетъ обработывать землю за свой страхъ, сдаетъ надѣлъ въ аренду или «на міръ», переходитъ въ разрядъ безхозяйныхъ. Такимъ образомъ, потеря крестьяниномъ лошади въ концѣ концовъ грозитъ полнымъ упраздненіемъ его хозяйства; почему и самое обезлошаденіе населенія всѣми, пишущими объ этомъ предметѣ, считается печальнѣйшимъ явленіемъ упадка народнаго хозяйства. Мы, однако, не вполнѣ согласны съ этимъ мнѣніемъ и готовы принять его лишь съ нѣкоторыми ограниченіями.

Наиболѣе грустный смыслъ придается этому явленію предположеніемъ, что оно служитъ признакомъ и мѣрою упадка мелкаго хозяйства вообще; что оно доказываетъ несостоятельность этой формы земледѣльческой дѣятельности передъ требованіями новой жизни, покоющейся на совершенно иномъ основаніи, слагающейся изъ другого матеріала и преслѣдующей цѣли, отличныя отъ тѣхъ, какія свойственны прежнему времени. Мелкое хозяйство въ Россіи, говорятъ, отживаетъ свой вѣкъ; оттого-то оно и отличается такою неустойчивостью: чѣмъ же иначе объяснить фактъ, что

число безлошадныхъ крестьянъ мѣстами поднимается до 30—40%, какъ не отсталостью этой формы земледѣлія, несоотвѣтствіемъ ея съ остальными условіями жизни?

Это мнѣніе кажется намъ совершенно неправильнымъ. Не говоря уже о томъ, что число мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, по крайней мѣрѣ, въ черноземной полосѣ, растетъ, а не уменьшается [1]),—что, вряд-ли имѣло бы мѣсто, еслибы крестьянское хозяйство становилось крупнѣе,—и что успѣхи капиталистческаго земледѣлія, другого противника мелкаго хозяйства, крайне проблематичны, а его ближайшее будущее покрывается довольно зловѣщимъ мракомъ,—независимо отъ всего этого, въ нашей жизни можно найти условія, которыя легко объяснятъ видимый упадокъ крестьянскаго хозяйства безъ того, чтобы нужно было прибѣгать къ различнымъ предположеніямъ о старыхъ и новыхъ устояхъ жизни, относительной годности той или другой формы промышленной дѣятельности и т. п. Дѣло объясняется гораздо проще, и въ значительной степени оно зависитъ не отъ общихъ и неизмѣнныхъ условій цивилизаціи, а отъ мѣстныхъ и легко поправимыхъ обстоятельствъ русской современной дѣйствительности.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднія 25 лѣтъ населеніе черноземной деревенской Россіи возросло на 30, 40, даже 50%. Вся эта масса народу остается на мѣстѣ, прикованная къ промыслу, размѣры котораго сохранились прежніе или почти прежніе. Очевидно, что извѣстная и очень значительная часть населенія не найдетъ приложенія своихъ силъ къ земледѣлію; хозяйственные участки, увеличиваясь въ числѣ и соотвѣтственно сокращаясь въ размѣрахъ, доходятъ наконецъ до такой величины, что уже не возвращаютъ издержекъ по содержанію инвентаря. Тогда начинаютъ наблюдаться признаки упадка крестьянскаго хозяйства; одни бросаютъ его окончательно, другіе лишаются лошади и обработываютъ свои участки наймомъ и т. д. Является стремленіе перемѣнить профессію или уйти на новыя мѣста, гдѣ еще не вся земля находится подъ культурой, гдѣ еще есть къ чему приложить плодотворный человѣческій трудъ. Переселяются не только упавшіе домохозяева, но, еще можетъ быть въ большей степени, исправные,—исправные теперь, но уже предвидящіе опасность, грозящую ихъ самостоятельности отъ быстро растущаго переполненія работниками сферы земледѣльческаго труда. Но переселенія крестьянъ, не только не поощряемыя, но еще задерживаемыя, не въ силахъ разрѣдить

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1884, № 7, „Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи“.

населеніе центральной Россіи до степени, требуемой размѣрами земледѣльческаго производства. Поэтому, упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ идетъ своимъ чередомъ, обезлошаданіе домохозяевъ продолжается и достигаетъ поражающихъ цифръ. Но очевидно, что форма земледѣлія здѣсь не причемъ, условія промышленнаго процесса—также; и дѣло зависитъ не отъ вѣчныхъ законовъ развитія, а отъ временныхъ политико-экономическихъ соображеній вліятельныхъ классовъ, соображеній довольно сомнительнаго достоинства. Эти послѣдствія искусственнаго прикрѣпленія населенія къ одному мѣсту, сознаемся въ этомъ, грозны... но только никакъ не для мелкой формы производства. Естественнымъ ихъ результатомъ является пониженіе народнаго благостоянія, обостреніе враждебныхъ отношеній между крупными и мелкими землевладѣльцами и т. д.; принципъ же мелкаго хозяйства стоитъ нерушимо и даже прогрессируетъ, такъ какъ чрезмѣрное измельчаніе хозяйственныхъ единицъ не уживается съ чистой формой семейнаго производства, почему послѣднее въ большей или меньшей степени начинаетъ примѣнять кооперацію, которая, разумѣется, усилитъ мелкаго хозяина, ибо тамъ, гдѣ его личныхъ средствъ оказывается недостаточно, она ему доставляетъ помощь сосѣдей.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ заключенію, что обезлошаденіе крестьянскаго населенія Россіи, находясь въ зависимости не отъ общихъ и неудобныхъ условій новѣйшей исторіи, а отъ неправильныхъ воззрѣній на прогрессъ и таковыхъ же дѣйствій вліятельныхъ классовъ, не имѣетъ роковаго значенія для мелкаго земледѣльца и для формы сельско-хозяйственной дѣятельности, вызывающей къ себѣ симпатіи лучшей части общества. Оно не свидѣтельствуетъ о побѣдѣ крупной формы производства и о перемѣнѣ основанія, на которомъ покоится промышленный строй Россіи.

Но упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ не зависитъ исключительно отъ скученности населенія. Онъ имѣетъ много причинъ,—которыя еще ждутъ изслѣдованія. Послѣднее невозможно безъ подробнаго ознакомленія со всѣмъ бытомъ населенія, которое однако еще далеко впереди. Но и разработка существующаго матеріала могла бы въ значительной степени выяснить вопросъ. Не берясь за эту задачу, мы ограничимся нѣсколькими цифровыми сопоставленіями, которыя лишь укажутъ немногія, можетъ быть, даже не самыя важныя причины обезлошаденія мелкихъ хозяевъ.

У насъ есть два источника, чтобы судить о степени развитія обезлошаденія крестьянъ; это— конская перепись и земскія статистико-экономическія изслѣдованія. Первая имѣетъ то преимущество, что рисуетъ по-

ложеніе дѣлъ въ цѣлой странѣ; но за то, кромѣ цифры всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, числа лошадей, безлошадныхъ хозяевъ и нѣкоторыхъ данныхъ о крестьянскомъ и помѣщичьемъ землевладѣніи, она не заключаетъ никакихъ другихъ свѣдѣній экономическаго характера. Земскія работы отличаются противоположными свойствами: касаясь всего нѣкоторыхъ губерній или даже уѣздовъ, онѣ даютъ однако массу цифровыхъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ крестьянскаго и помѣщичьяго быта, безъ знанія которыхъ невозможно и пониманіе интересующаго насъ явленія. Въ нижеслѣдующемъ мы будемъ основываться главнымъ образомъ на земскихъ работахъ,—или, лучше сказать, районъ, который мы намѣреваемся обозрѣть, ограничивается мѣстностями, вошедшими въ кругъ изслѣдованія земскихъ статистическихъ бюро.

Земскія статистическія работы предпринимаются какъ въ черноземныхъ, такъ и не черноземныхъ губерніяхъ, въ степныхъ и не степныхъ, малорусскихъ и великорусскихъ. Каждый изъ этихъ районовъ обладаетъ извѣстными, только ему свойственными, естественными и общественнными экономическими особенностями, отражающимися такъ или иначе и на крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ каждомъ изъ нихъ послѣднее устраивается на свой ладъ, на свой же ладъ совершается и обезлошаденіе населенія. Поэтому, изслѣдованіе причинъ даннаго явленія требуетъ параллельнаго изученія всѣхъ районовъ съ цѣлью выясненія, какое вліяніе оказываютъ на крестьянское хозяйство моменты, наиболѣе ярко выраженные въ томъ или другомъ районѣ. Но и составныя части каждаго района, имѣя нѣкоторыя общія черты, не представляются, однако, совершенно тождественными. По крайней мѣрѣ, онѣ сильно различаются по числу безлошадныхъ дворовъ, а слѣдовательно, должны представлять различія и въ моментахъ, вызывающихъ это явленіе. Ближайшее изученіе отдѣльныхъ районовъ, поэтому, можетъ кое-что выяснить по интересующему насъ вопросу, и намъ кажется, что такое изученіе должно предшествовать сравненію цѣлыхъ районовъ между собою. Районы представляютъ черезчуръ несходныя единицы для того, чтобы сравненіе ихъ могло совершенно выяснить дѣло. Въ одномъ районѣ сильнѣйшее вліяніе на процессъ обезлошаденія могутъ оказывать моменты, вовсе отсутствующіе въ другомъ, гдѣ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ за то другія условія. Окончательнымъ результатомъ тамъ и здѣсь можетъ быть одинаковый процентъ безлошадныхъ, и сравненіе ихъ другъ съ другомъ по числу послѣднихъ, поэтому, неспособно бросить какой либо свѣтъ на изслѣдуемый вопросъ. Что означаетъ, напримѣръ, одинаковое число безлошадныхъ домохояевъ въ такой черноземной и почти

исключительно земледѣльческой губерніи, какъ Симбирская, и промышленной, какова Тверская; или, напримѣръ, въ Пензенской и Петербургской? Сходство въ процентахъ безлошадныхъ хозяевъ въ данныхъ случаяхъ вѣдь не свидѣтельствуетъ въ пользу однообразія причинъ этого явленія въ той и другой губерніи, ибо промышленная жизнь тамъ и здѣсь совершенно иная. Подобное сравненіе цѣлыхъ районовъ имѣетъ свое значеніе, но только не для выясненія отдѣльныхъ моментовъ, вліяющихъ на крестьянское хозяйство. Такое сравненіе покажетъ, насколько благопріятна для мелкаго хозяйства вся совокупность условій, образующихъ атмосферу, въ которой вращается хозяйство того или другого района, а для этого должны быть изучены условія, характеризующія каждый районъ въ отдѣльности. Въ настоящее время, за недостаткомъ матеріала, этого сдѣлать невозможно; но это не значитъ, что слѣдуетъ отказаться отъ всякой попытки разработывать имѣющійся матеріалъ, хотя бы при этомъ и мало было надежды получить совершенно опредѣленные выводы.

На первый разъ мы остановимся на центральной великороссійской черноземной полосѣ; изъ напечатанныхъ земскихъ экономическихъ изслѣдованій сюда относятся 3 уѣзда Тамбовскойгуберніи (Борисоглѣбскій, Козловскій и Моршанскій), 3 —Рязанской (Скопинскій, Данковскій, Раненбургскій) и 5—Курской (Обоянскій, Дмитровскій, Суджанскій, Льговскій и Курскій). Мѣстность эта отличается большою плотностью населенія, господствомъ земледѣльческаго промысла, характеризующагося почти исключительнымъ воздѣлываніемъ зерновыхъ хлѣбовъ при трехпольномъ сѣвооборотѣ; малыми надѣлами крестьянъ и сравнительной устойчивостью помѣщичьяго хозяйства. Но, кромѣ этихъ пунктовъ сходства, перечисленные уѣзды представляютъ и довольно значительныя различія. Такъ, въ однихъ видную роль играетъ отходъ въ степени для уборки хлѣбовъ; въ другихъ рабочіе направляются на сѣверъ, и, главнымъ образомъ, для неземледѣльческихъ заработковъ; въ третьихъ есть работа на мѣстѣ и т. д. Вѣроятно, эти различія не остаются безъ вліянія на процессъ обезлошаденія крестьянъ, но за недостаткомъ матеріала о промыслахъ, мы не можемъ изслѣдовать вопросъ въ этомъ направленіи и вынуждены ограничиться анализомъ только сельско-хозяйственныхъ условій мѣстности въ ихъ отношеніи къ крестьянскому хозяйству. Благодаря этой односторонности направленія работы, многое въ интересующемъ насъ явленіи остается неяснымъ, всюду чувствуешь присутствіе еще какихъ-то другихъ вліяній.

Цифры безлошадныхъ дворовъ въ «Конской переписи» и въ изслѣдованіяхъ земскихъ статистическихъ бюро не сходятся другъ съ другомъ.

Это зависитъ не отъ ошибокъ при собираніи матеріала, а отъ различія понятія «дворъ», принимаемаго соотвѣтствующими органами изслѣдованія. При производствѣ конской переписи, подъ дворомъ разумѣлось хозяйство, имѣющее собственный домъ; лишь таковымъ велся счетъ, а бездомовые записывались подъ однимъ номеромъ съ тѣми, у кого они жили. Земская перепись принимала за отдѣльный дворъ каждую семью, въ хозяйственномъ отношеніи представляющую самостоятельную единицу, независимо отъ того, владѣетъ ли она домомъ или другимъ имуществомъ, или нѣтъ. Сюда войдетъ и неимущій батракъ, и доживающая вѣкъ безродная старуха, и нищій. Понятно, что число домохозяевъ земской переписи превышаетъ таковое же правительственной конской. А такъ какъ всѣ бездомовыя семьи обыкновенно и безлошадны, то соотвѣтствующимъ образомъ здѣсь увеличивается и количество безлошдныхъ дворовъ, отчего процентъ ихъ въ общей массѣ населенія значительно повышается.

Который пріемъ вѣрнѣе—правительственный или земскій—мы теперь рѣшать не будемъ. А такъ какъ мы беремъ цифры земскихъ изданій, то скажемъ только, что онѣ представляютъ дѣло въ преувеличенномъ видѣ. Безлошадность бобыля, нищаго, сиротъ-дѣтей, и вообще семей, не имѣющихъ мужчины-работника, можетъ быть принята до нѣкоторой степени за нормальное явленіе. Такія семьи обыкновенно не могутъ вести хозяйства исключительно своими силами, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онѣ лишились инвентаря. Многія изъ нихъ, къ тому же, представляютъ даже не хозяйства, а остатки вымирающихъ семей; другія (дѣти) черезъ нѣкоторое время, путемъ чисто естественнаго процесса, могутъ превратиться въ настоящихъ хозяевъ. Поэтому, чтобы получить цифру безлошадныхъ дворовъ, обладающихъ полной рабочей силой, нужно земскую цифру безлошадныхъ уменьшить на 5—6% (всего числа дворовъ въ мѣстности), ибо такое отношеніе къ населенію представляютъ дворы безрабочіе. Полученная такимъ образомъ цифра безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ будетъ уже представлять нѣчто относящееся къ дѣйствительному крестьянскому хозяйству; она можетъ теперь служить выраженіемъ неустойчивости его въ той или другой мѣстности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, впрочемъ, мы беремъ земскія цифры безъ указанной поправки, ибо происходящая отъ того ошибка проходитъ черезъ всѣ изслѣдуемыя мѣстности и не мѣшаетъ ихъ сравненію другъ съ другомъ.

Несмотря на то, что группа уѣздовъ, которыми мы думаемъ заняться, представляетъ изъ себя однородное цѣлое въ естественно-и соціально-агрикультурномъ отношеніяхъ—процентъ безлошадныхъ дворовъ колеблется

здѣсь между 18 и 36. На слѣдующихъ страницахъ мы укажемъ нѣкоторыя причины этого колебанія.

Прежде всего мы остановимся на условіяхъ, образующихъ общій фонъ картины или, вѣрнѣе, почву, которою опредѣляется возможность тѣхъ или другихъ бытовыхъ формъ. Мы говоримъ о большой густотѣ земледѣльческаго населенія разсматриваемой области, естественнымъ результатомъ которой должно быть или превращеніе экстенсивныхъ системъ хозяйства въ интенсивныя, или отстраненіе части земледѣльцевъ отъ своего промысла. Посмотримъ же на густоту населенія нашихъ уѣздовъ, которая выражается двумя отношеніями: числа рабочихъ рукъ къ площади земли подлежащей обработкѣ, и количества рабочаго скота къ той же величинѣ.

Въ 3 изслѣдованныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи пахотной земли считается 1.289,000 десятинъ, въ 4 уѣздахъ Курской (безъ Обоянскаго, свѣдѣній о которомъ у насъ нѣтъ подъ рукою)—765,000 дес., въ 3-хъ уѣздахъ Рязанской—599,500 дес. Принимая, что одинъ работникъ-мужчина при трехпольномъ сѣвооборотѣ справится съ 9 десятинами пашни, окажется, что для обработки указаннаго количества ея тамбовскіе уѣзды требуютъ 143,000 мужскихъ рабочихъ рукъ, курскіе—85,000, рязанскіе—66,600; между тѣмъ какъ крестьянъ-работниковъ насчитывается: въ первой—164,000, во второй—119,000, въ третьей—94,000 человѣкъ. Выходитъ, что три тамбовскихъ уѣзда имѣютъ 20,000 лишнихъ рабочихъ, четыре курскихъ—34,000, три рязанскихъ—около 30 тысячъ [1]).

Итакъ, въ десяткѣ уѣздовъ черноземной полосы, взятыхъ совершенно случайно, нашлось до 80,000 мужчинъ, излишнихъ, для земледѣлія. Это значитъ, что будь вся земля распредѣлена между крестьянами наиравномѣрнѣйшимъ образомъ—все таки значительная часть населенія не могла бы приложить свой трудъ къ сельскому хозяйству на мѣстѣ и вынуждена или уйти на сторону, или заняться промыслами.

Впрочемъ, одного указаннаго обстоятельства еще недостаточно для объясненія факта появленія безлошадныхъ домохозяевъ; естественнымъ его результатомъ было бы то, что рабочія силы нѣкоторыхъ семей, ненужныя для хлѣбопашества, отдались бы другимъ занятіямъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это случилось именно съ одиночками, которыхъ некому замѣнить въ хозяйствѣ и которые поэтому, отдаваясь промыслу, естественно переходятъ въ разрядъ безлошадныхъ. Словомъ, существованіе

[1]) Цифры пашни взяты изъ статистики поземельной собственности, а рабочихъ-мужчинъ—изъ сборниковъ статистическихъ свѣдѣній по соотвѣтствующимъ губерніямъ.

излишняго населенія предрѣшаетъ судьбу извѣстнаго числа лицъ, и—даже вѣрнѣе сказать—рабочей силы, но не домохозяевъ. Судьба же послѣднихъ, повидимому, должна опредѣляться отношеніемъ между размѣрами культивируемой земли и числомъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Если отношеніе это благопріятно, если количество пашни, приходящейся на семью, допускаетъ содержаніе лошади, то, при равномѣрномъ ея распредѣленіи, каждый дворъ могъ бы вести самостоятельное хозяйство и обладать полнымъ инвентаремъ. Въ настоящемъ случаѣ мы именно это и имѣемъ: за исключеніемъ скопинскаго уѣзда, ни въ одномъ количество пашни, приходящейся на одного домохозяина, не спускается ниже 9 десятинъ (подымаясь до 14), т. е. ниже той именно площади, которая способна вполнѣ занять руки одного мужчины-работника. Это значитъ, что всякая семья, имѣющая такого мужчину, могла бы быть исправной въ хозяйственно-земледѣльческомъ отношеніи, и количество безлошадныхъ домохозяевъ должно бы спуститься до того небольшого процента, какой въ общей массѣ крестьянства составляютъ семьи безрабочія. Но мы видимъ, что процентъ безлошадныхъ превышаетъ эту цифру въ нѣсколько разъ, т. е., что ихъ контингентъ главнымъ образомъ составляется рабочими дворами; откуда слѣдуетъ, что это явленіе есть результатъ не семейнаго состава двора, а какихъ-то другихъ причинъ.

Мы сказали, что количество пашни въ центральной черноземной Россіи достаточно для того, чтобы дать занятіе всѣмъ крестьянскимъ хозяйствамъ, и что поэтому процентъ безлошадныхъ домохозяевъ могъ бы быть доведенъ до minimum'а. Но для этого необходимо, чтобы земля была распредѣлена поровну между домохозяевами, что въ свою очередь возможно лишь въ томъ случаѣ, если вся она будетъ составлять общинную или государственную собственность. Но вѣдь извѣстно, что въ такомъ владѣніи находится только часть земельныхъ угодій Россіи, другая же составляетъ частное достояніе. Въ мѣстности, которую мы теперь изучаемъ,—казенныхъ или удѣльныхъ владѣній почти вовсе нѣтъ, поэтому обезпеченіемъ крестьянской хозяйственной самостоятельности является только общинная земля; лишь она подлежитъ періодическому уравненію между крестьянами, и намъ теперь нужно узнать, сколько достанется каждому двору при равномѣрномъ ея распредѣленіи. Оказывается, что ни въ одномъ уѣздѣ количество крестьянской пашни не спускается ниже 5—6 десятинъ на домохозяина, а въ нѣкоторыхъ достигаетъ 10 десятинъ. Беря низшую цифру, мы будемъ все таки имѣть около 2 десятинъ въ полѣ, что дастъ хозяину до 12 четвертей ржи (кромѣ сѣмянъ) и 15—20 четвертей овса, всего

продуктовъ больше чѣмъ на 100 рублей. Такого дохода въ теченіе лѣта достаточно для того, чтобы стоило содержать лошадь; поэтому, ограничиваясь даже одной крестьянской землей и при равномѣрномъ ея распредѣленіи, число безлошадныхъ домохозяевъ не должно быть очень велико.

Мы говоримъ о равномѣрномъ распредѣленіи земли, не вдумываясь въ смыслъ слова «равномѣрный». Если же попытаемся сдѣлать это, то результаты будутъ нѣсколько отличны отъ тѣхъ, которые мы только что получили. Возьмемъ ли за основаніе при распредѣленіи земли потребность семьи въ хлѣбѣ, или ея рабочія силы—въ обоихъ случаяхъ участки хозяевъ будутъ далеко не одинаковы. Въ одной семьѣ три ѣдока, въ другой—десять; здѣсь одинъ работникъ, тамъ—три. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ надѣлъ перваго крестьянина не будетъ равняться участку второго. Средній семидесятинный участокъ пашни перестаетъ уже выражать дѣйствительный крестьянскій надѣлъ; этотъ послѣдній будетъ колебаться отъ 2—3 десятинъ до 10—15 и т. д. Иначе говоря, при существующихъ размѣрахъ общиннаго землевладѣнія, невозможно придумать справедливую систему распредѣленія земли, при которой всякій крестьянинъ получилъ бы участокъ, дающій ему возможность содержать лошадь. Это мыслимо достигнуть однимъ способомъ: игнорируя семейный составъ дворовъ и, слѣдовательно, ихъ потребность въ землѣ—одной семьѣ давать столько же, сколько и другой. Но этимъ мы не достигнемъ ни дѣйствительнаго равенства, ни справедливости, и не видно—во имя какого уважительнаго принципа можно бы предложить такую систему, а всѣ тѣ системы, какія доселѣ практиковались и имѣютъ шансы на дальнѣйшее существованіе, ведутъ къ неравенству участковъ разныхъ дворовъ, къ измельчанію нѣкоторыхъ изъ нихъ и, слѣдовательно, къ возможности обезлошаденія большей или меньшей части населенія Россіи.

Почва для такого обезлошаденія заключается въ томъ избыткѣ населенія, о которомъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ. До 80 тысячъ человѣкъ должны отъ земледѣлія обратиться къ другимъ занятіямъ; но прежде чѣмъ сдѣлать это, они употребятъ всѣ усилія, чтобы удержаться при землѣ. Результатомъ будетъ борьба крестьянъ за землю въ предѣлахъ, допускаемыхъ аграрнымъ устройствомъ страны. Борьба эта будетъ вестись между хозяйствами, а не между лицами, и естественнымъ ея послѣдствіемъ въ силу этого явится не только устраненіе части населенія отъ сельскаго хозяйства, но и сокращеніе числа самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Земледѣліе все равно будетъ оставлено сотнею тысячъ человѣкъ; но не все равно—образуется ли контингентъ послѣднихъ одними

только излишними членами многорабочихъ семей, или же сюда войдутъ и одиночки, не съумѣвшіе захватить столько земли, чтобы на ней можно вести самостоятельное хозяйство, тогда какъ нѣкоторыя многорабочія семьи доведутъ обрабатываемые участки земли до размѣровъ, способныхъ занять не одного, а двухъ-трехъ мужчинъ. Въ этомъ случаѣ неизбѣжно образованіе безлошадныхъ домохозяйствъ.

Итакъ, разстройство крестьянскаго хозяйства центральный черноземной полосы зависитъ отъ избытка земледѣльческаго населенія съ одной стороны и отсутствія равномѣрнаго распредѣленія земли—съ другой. Но этотъ факторъ—общій для всѣхъ мѣстностей разсматриваемой полосы, между тѣмъ какъ процентъ безлошадныхъ колеблется между 18 и 36-ю. Насколько такія колебанія зависятъ отъ различія густоты населенія—покажетъ сопоставленіе по уѣздамъ числа безлошадныхъ съ среднимъ количествомъ всей земли, приходящейся на одного домохозяина.

	Безлош.	Земл. на 1 дворъ.		Безлош.	Земл. на 1 дворъ.
Борисоглѣбскій у. . .	17,5%	18,8 дес.	Курскій	25,0%	13,3 дес.
Обоянскій	19,2 „	14,5 „	Козловскій	26,0 „	15,6 „
Дмитровскій	21,0 „	18,0 „	Скопинскій	33,0 „	11,6 „
Суджанскій	21,0 „	12,4 „	Данковскій	34,0 „	14,5 „
Моршанскій	21,6 „	18,8 „	Раненбургскій . .	36,0 „	13,6 „
Льговскій	22,0 „	14,0 „			

Эти ряды цифръ показываютъ, что въ отношеніи многоземелія, всѣ уѣзды могутъ быть раздѣлены на 3 группы: первая имѣетъ 18 и больше десятинъ на дворъ, вторая—выше 15 десятинъ, третья—ниже этой цифры. Первую группу образуютъ 3 уѣзда (Борисоглѣбскій, Дмитровскій, Моршанскій), по числу безлошадныхъ дворовъ занимающіе низшее мѣсто въ районѣ 17,5%,—21,6%); средняя образуется однимъ Козловскимъ уѣздомъ, имѣющимъ среднее же число безлошадныхъ (26%); что же касается группы съ минимальнымъ количествомъ земли, то ее составляютъ какъ уѣзды съ наименьшимъ процентомъ безлошадныхъ дворовъ (Обоянскій, Суджанскій, Льговскій), затѣмъ со среднимъ (Курскій),—такъ и рязанскіе, занимающіе по числу безлошадныхъ высшее мѣсто. Такимъ образомъ, скученность населенія, составляя неблагопріятный факторъ, дѣйствующій повсюду въ разсматриваемой области, не можетъ объяснить всѣхъ колебаній интенсивности процесса обезлошаденія населенія по уѣздамъ; хотя значеніе, очевидно, проявляется въ томъ фактѣ, что изъ 6 уѣздовъ съ низшими цифрами безлошадныхъ—3 имѣютъ наиболѣе рѣдкое населеніе (Борисо-

глѣбскій, Дмитровскій, Моршанскій), а всѣ уѣзды со среднимъ и высшимъ процентомъ безлошадныхъ принадлежатъ къ малоземельнымъ; одинъ изъ нихъ (Скопинскій) даже самый малоземельный въ области.

Степень земледѣльческаго перенаселенія можетъ выражаться и измѣряться еще инымъ способомъ. Такъ какъ рабочій скотъ въ разсматриваемой мѣстности держится, главнымъ образомъ, ради сельскаго хозяйства, и такъ какъ при комерческомъ веденіи дѣла, когда преслѣдуется возможная экономія въ расходахъ, существуютъ извѣстныя нормальныя отношенія количества пашни къ числу лошадей, то по существующему отношенію этихъ элементовъ земледѣльческаго производства мы можемъ судить, насколько въ той или другой мѣстности нарушаются законы комерческой экономіи, какъ великъ здѣсь избытокъ лошадей сравнительно съ потребностью сельскаго хозяйства. А такъ какъ избытокъ этотъ явился не путемъ естественнаго размноженія, подобнымъ тому, какимъ образуется избытокъ населенія; и лошади въ данномъ случаѣ являются орудіемъ производства, пріобрѣтаемымъ для работы, то избытокъ ихъ, во первыхъ, служитъ выразителемъ излишка же рабочаго населенія для веденія сельско-хозяйственнаго промысла, и, во-вторыхъ, измѣряетъ тѣ относительные убытки, которые несетъ хозяйство вслѣдствіе несоблюденія комерческаго закона пропорціональности затратъ на производство—размѣрамъ послѣдняго. Если игнорированіе этого закона достигло такой степени, что относительные избытки превращаются уже въ абсолютные; если количество рабочаго скота сравнительно съ потребностями хозяйства черезчуръ велико, и производство становится уже неспособнымъ возвратить всѣ затраты; если перенаселеніе и измельчаніе хозяйства повело къ такимъ опаснымъ послѣдствіямъ, въ такомъ случаѣ мы увидимъ ясную зависимость обезлошаденія населенія отъ избытка лошадей, мы будемъ имѣть параллелизмъ въ ростѣ по уѣздамъ процента безлошадныхъ домохозяевъ съ одной стороны и избытка лошадей (иначе говоря, уменьшеніе размѣровъ пашни, приходящейся на 1 лошадь)—съ другой.

Конская перепись 1882 года впервые дала намъ довольно точную цифру лошадей съ распредѣленіемъ ея по принадлежности между крестьянскими обществами, крупными землевладѣльцами и городами. Она даетъ поэтому возможность сопоставить число лошадей съ размѣрами пашни въ 11-ти изучаемыхъ нами уѣздахъ и рѣшить вопросъ,—какъ о самомъ существованіи избытка рабочаго скота, такъ и остепени, какой достигаетъ этотъ избытокъ въ мѣстностяхъ съ тѣмъ или другимъ процентомъ безлошадныхъ.

	Безлош. двор.	Пашни на 1 раб. лош.		Безлош. двор.	Пашни на 1 раб. лош.
Борисоглѣбскій у. . .	17,5 %	8,1 дес. [1])	Курскій	25,0 %	5,8 дес.
Обоянскій	19,2 „	6,0 „	Козловскій . . .	26,0 „	7,9 „
Дмитровскій	21,0 „	7,8 „	Скопинскій . . .	33,0 „	6,9 „
Суджанскій	21,0 „	5,8 „	Данковскій . . .	34,0 „	8,3 „
Моршанскій	21,6 „	6,8 „	Раненбургскій . .	36,0 „	8,3 „
Льговскій	22 0 „	6,7 „			

Оказывается, что количество пашни, приходящейся на рабочую лошадь, колеблется отъ 5,8 до 8,3 десятинъ, между тѣмъ, какъ по условіямъ трехпольнаго сѣвооборота лошадь можетъ обработать 10 десятинъ. Это значитъ, что повсюду лошадей держится больше, чѣмъ ихъ нужно для земледѣлія; что,—если только онѣ не исполняютъ еще какого нибудь назначенія—вездѣ въ центральной черноземной полосѣ [2]) нарушаетъ законъ комерческаго разсчета. А принимая во вниманіе, что наши цифры—среднія по уѣздамъ, что въ дѣйствительности немалая часть хозяевъ обработываетъ значительно меньше показанныхъ величинъ; что доходы такихъ хозяевъ находятя на границѣ чистаго убытка, а потому положеніе ихъ крайне непрочно; имѣя въ виду еще ту борьбу за землю, какая господствуетъ между крестьянами, сознающими непрочность своего положенія, какъ самостоятельныхъ хозяевъ, и понимающими, что укрѣпить его можно лишь путемъ увеличенія эксплуатируемаго участка, что можетъ произойти только на счетъ владѣльческой запашки или земли сосѣда;—принимая все это во вниманіе, мы поймемъ, почему обезлошаденіе населенія сдѣлало такіе успѣхи въ центральной черноземной полосѣ.

Но и этотъ факторъ разстройства крестьянскаго хозяйства мы можемъ выставить только въ видѣ общаго фона, вызывающаго указанное явленіе, и его становится недостаточно для объясненія всѣхъ перипетій процесса, такъ какъ по отдѣльнымъ районамъ не наблюдается совпаденія высокаго или низкаго процента безлошадныхъ дворовъ съ такими же цифрами излишка лошадей или -что то—же—недостатка пашни. Именно, Данковскій, Раненбургскій (отчасти Козловскій) уѣзды имѣютъ наивысшіе раз-

[1]) По „Конной переписи“ взяты всѣ лошади рабочаго возраста, принадлежащія помѣщикамъ и крестьянамъ; „Статистика поземельной собственности“ даетъ цифру пашни.

[2]) Мы говоримъ о всей центральной черноземной полосѣ, а не только отъ изслѣдуемыхъ уѣздахъ, на томъ основаніи, что и въ цѣлыхъ губерніяхъ этой полосы сохраняются тѣ же отношенія количества пашни къ числу лошадей.

мѣры пашни (8,3 дес. на 1 лошадь) и наивысшій же процентъ безлошадныхъ. Количество пашни, приходящейся на лошадь, здѣсь въ полтора раза больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Курскомъ или Суджанскомъ уѣздѣ; оно, поэтому, смѣло допускаетъ увеличеніе крестьянскаго скотоводства, а между тѣмъ здѣсь-то именно процентъ безлошадныхъ домохозяевъ и достигаетъ высшихъ величинъ. Въ Суджанскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ этотъ процентъ меньше того, какого слѣдовало бы ожидать, предполагая, что разсматриваемый факторъ является главнымъ дѣятелемъ въ процессѣ разстройства крестьянскаго хозяйства.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что лошадь въ крестьянскомъ быту служитъ далеко не одному земледѣлію; извозъ, лѣсной промыселъ и т. п. даютъ занятіе лошади и, такимъ образомъ, берутъ на себя часть издержекъ по содержанію этого необходимаго орудія земледѣльческаго производства. Можетъ быть, различіемъ въ подобномъ промыслѣ крестьянъ того или другого уѣзда до нѣкоторой степени объясняется и дисгармонія, существующая между поуѣздными колебаніями цифры безлошадныхъ домохозяевъ и размѣровъ пашни, приходящейся на одну лошадь. Можетъ быть, въ Суджанскомъ уѣздѣ промыслы, требующіе участія рабочаго скота, развиты сильнѣе, чѣмъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ, и оттого его держатъ тамъ больше. Но, можетъ быть, есть и другая причина того же явленія, не выходящая изъ сферы изучаемыхъ нами сельско-хозяйственныхъ условій. Крупное хозяйство утилизируетъ работу лошади полнѣе мелкаго; поэтому тамъ, гдѣ оно развито, гдѣ владѣльческія лошади составляютъ значительную часть всего рабочаго скота уѣзда, тамъ и среднее количество пашни, приходящейся на одну лошадь, будетъ выше сравнительно съ съ мѣстностями, гдѣ господствуетъ мелкая культура. Насколько упомянутый факторъ оказываетъ свое вліяніе въ нашемъ вопросѣ—рѣчь будетъ ниже; теперь же обратимся еще къ одному явленію, тѣсно связанному съ густотою населенія и не остающемуся безъ вліянія на процессъ обезлошаденія крестьянъ: отношенію между пашней и другими угодьями.

Въ семи уѣздахъ изъ числа изслѣдуемыхъ, пашня составляетъ 70—77%, въ одномъ (Моршанскомъ) 60% и въ трехъ—80—82%. За исключеніемъ, поэтому, 4-хъ уѣздовъ, площадь запашки колеблется въ узкихъ границахъ, а уѣзды, распахавшіе всего больше, отличаются и высокимъ процентомъ безлошадныхъ дворовъ: два изъ нихъ, Данковскій и Раненбургскій, имѣютъ высшія ихъ цифры, третій—Козловскій—среднюю (26%). Въ этомъ случаѣ высшій процентъ безлошадныхъ объясняется

недостаткомъ кормовой поверхности, превращенной въ пищевую. Однако мы все-таки далеки отъ полнаго объясненія разсматриваемаго явленія: Данковскій и Раненбургскій уѣзды распахали на какихъ нибудь 5—7% больше другихъ, а безлошадныхъ дворовъ у нихъ въ $1^1/_2$—2 раза больше; Скопинскій же уѣздъ, занявшій подъ пашню всего 75% площади, т. е. меньше Обоянскаго и Суджанскаго уѣздовъ, даетъ, однако, въ $1^1/_2$ раза больше безлошадныхъ дворовъ.

Краткій обзоръ общихъ, такъ сказать, естественно-экономическихъ условій мелкаго хозяйства показываетъ, что процессъ обезлошаденія крестьянъ центральной черноземной полосы обязанъ своимъ существованіемъ перенаселенію этой области, ведущему къ борьбѣ хозяевъ за землю. А гдѣ борьба, тамъ и пораженіе, которое въ данномъ случаѣ выражается упадкомъ и гибелью слабѣйшихъ. Но вглядываясь ближе въ процессъ обезлошаденія крестьянъ, слѣдя за цифрами, показывающими степень развитія, какой онъ достигъ въ различныхъ частяхъ черноземной полосы, мы убѣждаемся въ отсутствіи полнаго параллелизма между двумя указанными явленіями, которыя мы только что связали генетически. Это значитъ, что, кромѣ разсмотрѣнной общей естественной причины разстройства крестьянскаго хозяйства, есть еще другія причины или тоже общаго характера, или свойственныя отдѣльнымъ районамъ. Если, напримѣръ, Данковскій уѣздъ съ 14,5 десятинами всей земли на домохозяина и 8 слишкомъ дес. всей пашни на рабочую лошадь имѣетъ 36% безлошадныхъ дворовъ, а Суджанскій съ 12,4 дес. на дворъ и 5,8 на лошадь даетъ всего 21% таковыхъ, то очевидно, что какія-то другія условія тамъ и здѣсь скомбинировались не одинаково; что въ одномъ случаѣ эти условія значительно усиливаютъ дѣйствіе общихъ естественныхъ факторовъ, неблагопріятно вліяющихъ на мелкое хозяйство, въ другихъ,—можетъ быть, ослабляютъ его. Къ такимъ обстоятельствамъ, способнымъ такъ или иначе воздѣйствовать на хозяйственную самостоятельность крестьянъ, относится, напримѣръ, величина крестьянскаго надѣла, развитіе крупной собственности и капиталистическаго хозяйства, степень распространенія крестьянскихъ арендъ помѣщичьихъ земель, развитіе извоза и другихъ промысловъ, и. т п. Изъ этихъ факторовъ мы прежде всего укажемъ на размѣръ крестьянскаго надѣла.

Хотя общее количество земли въ извѣстной мѣстности можетъ быть и достаточнымъ для занятія населенія, но не вся эта земля принадлежитъ крестьянству и эксплуатируется имъ на правахъ самостоятельныхъ хозяевъ. Часть ея можетъ быть обработываема капиталистическимъ спосо-

бомъ, а если и сдается мелкимъ хозяевамъ, то на условіяхъ значительно менѣе выгодныхъ, чѣмъ когда они эксплуатируютъ собственные участки. Поэтому оба перечисленные момента—т. е. размѣръ крестьянскихъ надѣловъ и способъ эксплуатаціи частно-владѣльческой земли—должны оказывать значительное вліяніе на то или иное положеніе мелкаго хозяйства. Такимъ образомъ, повидимому, должна бы существовать прямая связь обезлошаденія населенія съ распредѣленіемъ земли между крестьянской и помѣщичьей собственностью: гдѣ выше надѣлы и мало владѣльческой земли, тамъ безлошадныхъ должно бы быть меньше, и обратно,—измельчаніе крестьянскихъ участковъ и зависящее отъ того обезлошаденіе населенія будетъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ меньше средній надѣлъ и чѣмъ большая доля земли передана въ распоряженіе частныхъ лицъ. Посмотримъ же, оправдываются ли эти предположенія фактами?

	Безл. двор.	Крест. зем. на 1 над. дв.	Некр. зем. на 1 над. дв.	% некрест. земли.
Борисоглѣбскій у. . .	17,5%	12,2 дес.	6,8 дес.	36 %
Обоянскій	19,2	11,8 „	3,5	23 „
Дмитровскій.	21,0	9,3 „	9,5	51 „
Суджанскій	21,0	8,7 „	4,0	31 „
Моршанскій.	21,6	9,0 „	11,1	55 „
Льговскій	22,0	6,8 „	7,6	53 „
Курскій.	25,0	9,1 „	5,2	36 „
Козловскій	26,0	10,7 „	6,1	36 „
Скопинскій	33,0	8,5 „	3,4	28 „
Данковскій.	34,0	8,9 „	6,4	41 „
Раненбургскій . . .	36,0	8,2 „	5,7	41 „

Вліяніе размѣра крестьянскаго землевладѣнія, въ общемъ, довольно ясно: три верхніе уѣзда таблицы, дѣйствительно, представляютъ одновременно и высшіе надѣлы, и низшія цифры безлошадныхъ, а уѣзды Рязанской губерніи, гдѣ разстройство крестьянскаго хозяйства достигло высшихъ степеней, имѣютъ надѣлъ ниже нормы (средній надѣлъ 9,3 дес.). Если крайнія ступени лѣстницы безлошадныхъ довольно ясно обнаруживаютъ значеніе величины крестьянскаго землевладѣнія, то уѣзды со средними цифрами уже не представляютъ никакой правильности; особенно это нужно сказать о Льговскомъ и Козловскомъ уѣздахъ: первый имѣетъ черезчуръ малый надѣлъ и въ то же время небольшой процентъ безлошадныхъ; второй представляетъ противоположное явленіе. Итакъ, хотя вліяніе, оказываемое на крестьянское хозяйство большими надѣлами, въ общемъ, дольно

ясно, тѣмъ не менѣе нельзя не признать существованія другихъ условій, въ значительной степени парализующихъ дѣйствіе указаннаго фактора. Хотя небольшіе надѣлы рязанскихъ крестьянъ отчасти объясняютъ высокій процентъ у нихъ безлошадныхъ дворовъ, но процентъ этотъ слишкомъ великъ (32—36%), для того чтобы обусловливаться однимъ только малаземельемъ, тѣмъ болѣе, что есть мѣстности (Льговскій уѣздъ и др.) еще съ низшими надѣлами и содержащія, однако, гораздо меньше безлошадныхъ. Очевидно, что въ Рязанской губерніи есть какія-то условія, усугубляющія неблагопріятное вліяніе различныхъ факторовъ, подрывающихъ крестьянское хозяйство. Указаній на эти условія поищемъ въ графѣ помѣщичьяго землевладѣнія.

Раздѣляя всѣ уѣзды на двѣ группы: съ процентомъ безлошадныхъ дворовъ 17—22 и 25—36,—увидимъ, что послѣдняя заключаетъ въ себѣ меньше владѣльческой земли, чѣмъ первая: высшія цифры ея здѣсь (въ Данковскомъ уѣздѣ) не превосходятъ 6,4 дес. на крестьянскій дворъ или 41% всей площади уѣзда; между тѣмъ какъ частнымъ владѣльцамъ 3-хъ уѣздовъ первой группы принадлежитъ больше половины земельныхъ угодій, что составитъ 7,6—11,1 дес. на крестьянскій дворъ. Эти цифры позволяютъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то заключеніе, что обиліе некрестьянской земли въ уѣздѣ не мѣшаетъ хорошему положенію крестьянскаго хозяйства и, можетъ быть, даже способствуетъ ему. Къ иному выводу придемъ мы, если станемъ разсматривать не всю помѣщичью землю, а только пахотную ея часть, которою, въ концѣ коцовъ, опредѣляется дѣятельная сельско-хозяйственная роль частнаго землевладѣнія въ разсматриваемой мѣстности, гдѣ господствуетъ зерновое хозяйство. Лѣса, находящіеся въ распоряженіи владѣльцевъ, какъ извѣстно, стоятъ въ сторонѣ отъ сельско-хозяйственной жизни; луга имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они даютъ кормъ рабочему скоту, нужному для производства зерна. И такъ какъ центръ тяжести сельскаго хозяйства въ разсматриваемой области лежитъ въ добываніи хлѣба, то и площадь пашни является главнѣйшимъ моментомъ, опредѣляющимъ сельскохозяйственную физіономію владѣнія; ея размѣрами можно измѣрять энергію, съ какою эксплуатируютъ свою землю частные собственники. Это побуждаетъ насъ разсмотрѣть, не находится ли процентъ обезлошаденія крестьянскаго населенія въ какой либо зависимости отъ размѣровъ пашни, находящейся въ частномъ владѣніи.

	безл. дв.	Пашни на 1 дворъ: крест.	влад.	отнош. влад. пашн. къ крест.
Борисоглѣбскій.	17,5%	9,7 дес.	4,2 дес.	44%
Обоянскій . . .	19,2 „	8,9 „	2,3 „	26 „
Дмитровскій . .	21,0 „	8,2 „	5,5 „	65 „
Суджанскій . .	21,0 „	7,2 „	2,7 „	38 „
Моршанскій .	21,6 „	6,7 „	4,1 „	61 „
Льговскій . . .	22,0 „	5,6 „	4,3 „	77 „
Курскій	25,0 „	6,3 „	3,5 „	52 „
Козловскій . . .	26,0 „	8,3 „	3,9 „	47 „
Скопинскій . . .	33,0 „	6,3 „	2,3 „	37 „
Даньковсній . .	34,0 „	7,0 „	5,0 „	71 „
Раненбургскій .	36,0 „	6,5 „	4,5 „	70 „

Два рязанскихъ уѣзда, отличающихся наибольшимъ процентомъ безлошадныхъ, имѣютъ и наибольшіе размѣры помѣщичьей пашни (4,5 – 5,0 дес. на крестьянскій дворъ или 70% крестьянской пашни); Обоянскій и Суджанскій уѣзды одновременно отличаются низкими цифрами какъ безлошадныхъ дворовъ, такъ и помѣщичьей пашни (2,3—2,7 дес. на дворъ или 26—38% крестьянской пашни); уѣзды съ среднимъ процентомъ безлошадныхъ (Курскій, Козловскій) содержатъ и средніе размѣры владѣльческаго поля (3,3—3,9 дес. на дв. или 47—52%). Судя по этимъ семи уѣздамъ (присоединяя сюда, пожалуй, и Борисоглѣбскій, гдѣ, по исключеніи казенныхъ земель, въ частномъ владѣніи останется 3,1 дес. пашни или 32%), невольно приходишь къ заключенію, что частное землевладѣніе вліяетъ на народное хозяйство въ противоположномъ направленія сравительно съ крестьянскимъ: чѣмъ больше оно развито (или, вѣрнѣе, чѣмъ оно дѣятельнѣе), тѣмъ хуже мелкому хозяйству, и наоборотъ. Впрочемъ, это далеко не общее явленіе, доказательствомъ чему служитъ—во 1-хъ—Скопинскій уѣздъ съ небольшимъ помѣщичьимъ владѣніемъ (2,3 дес. на 1 дв. или 37%) и высокимъ процентомъ безлошадныхъ домохозяевъ, и—во 2-хъ—Дмитровскій, Моршанскій и Льговскій уѣзды, гдѣ соединились большіе размѣры помѣщичьей земли съ малымъ числомъ безлошадныхъ; причемъ Льговскій уѣздъ, къ тому же, характеризуется и минимальнымъ надѣломъ крестьянъ, что должно бы значительно способствовать обезлошаденію населенія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что есть еще вліянія, которыя перевѣшиваютъ такіе очевидные факторы самостоятельности крестьянскаго хозяйства, какъ родъ и размѣры землевладѣнія; что принадлежность земли помѣщику еще не вліяетъ опредѣленнымъ роковымъ обра-

зомъ на положеніе крестьянскаго хозяйства; что при крупномъ землевладѣніи послѣднее можетъ стоять выше или ниже. Иначе говоря, дѣло часто не въ томъ, кому принадлежитъ земля, а въ томъ, какъ она обрабатывается. Форма земледѣлія имѣетъ здѣсь болѣе важное значеніе, чѣмъ форма землевладѣнія; вѣрнѣе говоря, первая можетъ иногда парализовать неблагопріятныя вліянія послѣдней. И дѣйствительно, не смотря на недостатокъ крестьянскихъ надѣловъ, масса населенія можетъ все таки сохранить хозяйственную самостоятельность, если крестьяне съ мелкими участками, неспособными окупить содержаніе лошади, арендою владѣльческихъ земель доведутъ эксплуатируемыя угодья до размѣровъ, требуемыхъ хозяйственно-экономическими разсчетами. А чѣмъ чаще крестьяне будутъ прибѣгать къ этому способу поддержанія своей хозяйственной самостоятельности, тѣмъ бо̀льшая часть помѣщичьихъ земель будетъ сдаваться имъ въ аренду и тѣмъ меньшая—эксплуатироваться за счетъ самого владѣльца. Посмотримъ же, играетъ ли этотъ фактъ видную роль въ поддержаніи крестьянскаго хозяйства; находится ли процессъ обезошаденія населенія въ какой либо зависимости отъ распространенія крестьянскихъ арендъ и развитія помѣщичьяго хозяйства? Для этого мы сравнимъ цифры безлошадныхъ по уѣздамъ съ тѣми, которыя выражаютъ степень развитія собственнаго хозяйства владѣльцевъ и аренды помѣщичьихъ угодій крестьянами.

		Помѣщ. пашня на 1 кр. дворъ.			
	% безл.	Арендуемой кр.—и	остающейся у влад.	% аренд. пашни.	Всей пашни эксплуат. кр—ми на 1 дворъ.
Борисоглѣбскій . .	17,5	3,2 дес. *)	1,1 дес.	75%	12,9 дес.
Обоянскій	19,2	1,1 „	1,2 „	50 „	10,0 „
Дмитровскій . . .	21,0	2,7 „	2,8 „	50 „	10,9 „
Суджанскій	21,0	1,2 „	1,5 „	42 „	8,3 „
Моршанскій	21,6	2,0 „	2,1 „	50 „	8,7 „
Льговскій	22,0	2,4 „	1,9 „	58 „	8,0 „
Курскій	25,0	2,2 „	1,3 „	60 „	8,5 „
Козловскій	26,0	2,1 „	1,8 „	56 „	10,4 „
Скопинскій . . .	33,0	1,2 „	1,1 „	50 „	7,5 „
Данъковскій	34,0	1,3 „	3,7 „	25 „	8,3 „
Раненбургскій . . .	36,0	1,3 „	3,2 „	28 „	7,8 „

Въ таблицѣ довольно ясно выражена зависимость крестьянскаго хозяйства отъ развитія аренды помѣщичьихъ угодій. За исключеніемъ двухъ (Обоянскаго и Суджанскаго), всѣ уѣзды съ низшимъ и среднимъ процен-

*) Въ числѣ аренды мы считали и паровое поле въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ арендуемому крестьянами подъ посѣвъ.

томъ безлошадныхъ арендуютъ значительно больше земли (2—3 десятины на дворъ), чѣмъ уѣзды Рязанской губерніи, гдѣ крестьянское хозяйство стоитъ особенно низко (арендуютъ 1,3 дес. на дворъ). Путемъ этой аренды участокъ, эксплуатируемый крестьянами первой группы, увеличиваются на 30—40% сравнительно съ надѣломъ, и достигаетъ въ уѣздахъ самыхъ малоземельныхъ восьми десятинъ и выше, а въ мѣстностяхъ съ низшими цифрами безлошадныхъ онъ достигаетъ 10—13 десятинъ. Въ рязанскихъ же уѣздахъ каждый дворъ запахиваетъ меньше 8 десятинъ, и высшая цифра запашки (въ Данковскомъ уѣздѣ, гдѣ на домохозяина приходится 8,3 дес.) едва достигаетъ минимальныхъ размѣровъ пашни уѣздовъ первой группы. И въ процентномъ отношеніи арендуемой части ко всей помѣщичьей пашнѣ, уѣзды первой группы значительно превосходятъ рязанскіе: тогда какъ въ первыхъ обыкновенно половина и больше помѣщичьяго угодія снимается крестьянами, въ послѣднихъ (двухъ) они арендуютъ едва четвертую часть. Въ Скопинскомъ крестьяне, правда, снимаютъ вдвое большій процентъ (50%), но и всей помѣщичьей земли здѣсь такъ мало, что абсолютная цифра аренды не превышаетъ таковой же въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ (1,2 дес. на дворъ). Два уѣзда первой группы (Обоянскій и Суджанскій) нарушаютъ общую гармонію, такъ какъ при минимальныхъ арендныхъ участкахъ (съ небольшимъ 1 десятина на дворъ) они обладаютъ и низшимъ процентомъ безлошадныхъ. Такое исключительное положеніе, по крайней мѣрѣ, для Обоянскаго уѣзда находитъ себѣ объясненіе въ большихъ надѣлахъ, благодаря чему вся крестьянская запашка, несмотря на низкую аренду, достигаетъ здѣсь 10 дес. на дворъ—цифры, уступающей только тремъ уѣздамъ разсматриваемой полосы. Козловскій уѣздъ нѣсколько выдѣляется въ противоположную сторону: арендуя бо́льшую половину помѣщичьей пашни и доведя этимъ путемъ эксплутируемый каждымъ участокъ до 10 слишкомъ десятинъ (больше этого запахиваютъ только два уѣзда), козловскіе крестьяне однако даютъ 26% безлошадныхъ и стоятъ въ этомъ отношеніи непосредственно передъ рязанскими крестьянами. Очевидно, есть какія-то спеціальныя условія въ обстановкѣ Козловскаго уѣзда, которыя подымаютъ цифру безлошадныхъ выше ея естественной величины.

Другую сторону того же вопроса о вліяніи помѣщичьей земли на крестьянское хозяйство составляетъ то или иное состояніе крупнаго земледѣльческаго производства, о которомъ на первый разъ мы будемъ судить по цифрамъ владѣльческой пашни, оставшейся внѣ крестьянской аренды. Здѣсь мы должны встрѣтить уже иное отношеніе, чѣмъ то, какое существуетъ

между крестьянскими арендами и состояніемъ мелкаго хозяйства. Въ двухъ уѣздахъ Рязанской губерніи съ высшими цифрами безлошадныхъ помѣщики удержали въ своихъ рукахъ около $^3/_4$ пашни или 3,2—3,7 десятины на крестьянскій дворъ; изъ четырехъ уѣздовъ съ наименьшимъ процентомъ безлошадныхъ, три отличаются также и минимальными размѣрами пашни, оставшейся въ распоряженіи владѣльца (1,1—1,5 дес. на дворъ). Примѣромъ этихъ пяти уѣздовъ подтверждается мысль о существованіи обратной зависимости между высотою крупнаго и мелкаго земледѣлія. Эта зависимость однако нарушается всего больше въ Дмитровскомъ уѣздѣ, при довольно большой помѣщичьей запашкѣ (2,8 дес. на дворъ) имѣющемъ малый процентъ безлошадныхъ, и въ Скопинскомъ, представляющемъ противоположное явленіе, чѣмъ еще разъ подтверждается мысль, что процессъ обезлошаденія населенія не находится въ зависимости отъ одного какого нибудь фактора, а является продуктомъ сложной комбинаціи причинъ.

Понятіе о крестьянскомъ землевладѣніи въ Россіи не соотвѣтствуетъ понятію о мелкомъ хозяйствѣ. Первое значительно уже послѣдняго; чтобы сдѣлаться самостоятельной сельско-хозяйственной единицей, крестьянскій участокъ долженъ соединиться съ чужой землей, привлечь къ себѣ часть окружающихъ его угодій. Эта зависимость мелкаго хозяйства отъ крупнаго землевладѣнія основана на двухъ моментахъ: на недостаточности средняго крестьянскаго участка для содержанія полнаго земледѣльческаго инвентаря и на отсутствіи въ этомъ участкѣ требуемаго соотношенія между различными угодьями,—главнымъ образомъ, пищевой и кормовой поверхностью. И та, и другая особенность крестьянскаго землевладѣнія имѣютъ общую причину—недостаточность крестьянскаго надѣла вообще. Извѣстно, что при окончательномъ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ, мелкое землевладѣніе было лишено выгоновъ, лѣсовъ (которые нерѣдко служили и покосомъ, и выгономъ), иногда пашни, и все это осталось въ распоряженіи частныхъ собственниковъ, удѣла, казны и т. п. Съ тѣхъ поръ мелкое хозяйство находится въ зависимости отъ крупнаго землевладѣнія, будучи вынуждено арендовать у него угодья, безъ которыхъ немыслимо и самое хозяйство. Читатель знаетъ, какимъ образомъ разные аферисты воспользовались этою зависимостью, и «отрѣзки» уже успѣли завоевать себѣ мѣсто въ исторіи. Съ размноженіемъ населенія, указанная зависимость росла и осложнилась новымъ элементомъ: измельчаніе участковъ вынуждало крестьянина распахивать и ту небольшую кормовую поверхность, какая еще оставалась въ его надѣлѣ; отъ этого нужда въ чужомъ лугѣ, пастбищѣ

сдѣлалась еще сильнѣе; но и распаханныхъ угодій далеко не хватало на всѣхъ хозяевъ, почему многіе изъ нихъ нуждались и въ помѣщичьей пашнѣ. Пока владѣльцы охотно сдавали свою землю въ аренду мелкому хозяину, было сносно; но какъ только первые нашли болѣе выгоднымъ хозяйничать за свой страхъ и лишили крестьянъ пахатнаго поля, которое тѣ прежде арендовали, такъ и пошло быстро впередъ разстройство мелкаго хозяйства, выражающееся обезлошаденіемъ значительной части крестьянъ. Выше мы подтвердили зависимость этихъ двухъ явленій анализомъ цифръ, выражающихъ аренду крестьянами пахатной земли. Но не меньшая связь существуетъ между изучаемымъ нами явленіемъ обезлошаденія населенія и арендованіемъ крестьянами помѣщичьихъ пастбищъ и луговъ. Только выяснить эту зависимость статистически труднѣе, такъ какъ аренда этихъ угодій совершается обыкновенно на глазъ, безъ точнаго опредѣленія арендуемаго пространства, почему въ матерьялахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ нужныхъ намъ полныхъ цифровыхъ свѣдѣній. Мы имѣемъ, однако, другой, косвенный путь, потверждающій важное значеніе для крестьянскаго хозяйства аренды помѣщичьихъ кормовыхъ угодій. Это—зависимость, существующая между тѣмъ или другимъ процентомъ безлошадныхъ дворовъ и площадью нераспаханныхъ помѣщичьихъ угодій.

Въ самомъ дѣлѣ, если кормовая поверхность, находящаяся въ частной собственности, служитъ не одному только крупному земледѣлію, но составляетъ необходимую составную часть мелкаго хозяйства, если она кормитъ не только помѣщичій, но и крестьянскій скотъ, въ такомъ случаѣ естественно встрѣтить нѣкоторую зависимость между процентомъ безлошадныхъ дворовъ и размѣрами кормовыхъ угодій, находящихся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ: гдѣ послѣднихъ больше, тамъ первыхъ будетъ меньше, и наоборотъ. Иначе говоря, мы должны имѣть прямую параллель между ростомъ по уѣздамъ безлошадныхъ дворовъ и распаханныхъ помѣщичьихъ угодій, ибо чѣмъ больше пищевая поверхность владѣнія, тѣмъ меньше остается для кормовой; мѣстности, характеризующіяся большими цифрами безлошадныхъ, должны имѣть и высокій процентъ распаханныхъ помѣщичьихъ угодій, и наоборотъ. Сопоставимъ поэтому данныя, касающіяся обоихъ явленій, а для большей убѣдительности приведемъ также цифры распаханной крестьянской земли:

	% безлошадныхъ дворовъ.	распаханной кр. земли.	распаханной пом. земли.
Борисоглѣбскій	17,5	81%	60%
Обоянскій	19,2	78 „	69 „
Дмитровскій	21,0	84 „	65 „
Суджанскій	21,0	81 „	68 „
Моршанскій	21,6	79 „	56 „
Льговскій	22,0	81 „	61 „
Курскій	25,0	77 „	75 .
Козловскій	26,0	84 „	76 „
Скопинскій	33,0	76 „	76 „
Данковскій	34,0	83 „	83 „
Раненбургскій	36,0	79 „	84 „

Разсматривая вторую графу, выражающую долю, какую въ крестьянскомъ надѣлѣ занимаетъ пашня, мы не замѣтимъ какой либо правильности въ измѣненіи цифръ сверху внизъ: 70—80 процентовъ безпорядочно чередуются другъ съ другомъ, встрѣчаясь въ уѣздахъ какъ съ высокими, такъ и съ низкими цифрами безлошадныхъ дворовъ, а если и можно говорить о какой либо опредѣленной зависимости между первымъ и вторымъ рядами цифръ, то скорѣе слѣдуетъ признать, что больше распаханной крестьянской земли замѣчается въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ меньше безлошадныхъ, чѣмъ наоборотъ. Это значитъ, что для прокормленія своего скота крестьяне имѣютъ здѣсь другой источникъ, помимо надѣла, и могутъ распахивать послѣдній, не справляясь съ потребностями лошадей въ кормѣ. Иное мы скажемъ, взглянувъ на третью графу таблицы; всякій безъ малѣйшаго затрудненія раздѣлитъ ее на три части: въ одной процентъ распаханныхъ помѣщичьихъ угодій не достигаетъ 70, въ другой онъ меньше 80%, въ третьей—больше этой величины. И такія же точно группы образуются, если принять за основаніе дѣленія процентъ безлошадныхъ дворовъ: первая группа будетъ имѣть 17,5—22 безлошадныхъ, вторая—25—33%, третья—34—36%. Чѣмъ больше, слѣдовательно, владѣльцы распахали своей земли, тѣмъ меньше у нихъ луговъ, выгоновъ, тѣмъ меньше они сдаютъ послѣдніе въ аренду крестьянамъ, тѣмъ затруднительнѣе мелкимъ хозяевамъ прокармливать скотъ, тѣмъ больше у нихъ и безлошадныхъ дворовъ.

Крестьянскій скотъ содержится не только на счетъ кормовыхъ угодій, но, не менѣе того, и на счетъ пищевой поверхности. Давно уже прошло

то время, когда мужикъ кормилъ лошадь сѣномъ; теперь она лакомится имъ развѣ только «въ праздникъ» и всю зиму проводитъ на соломѣ, а лѣто на тощемъ выгонѣ. Но чтобы соломы хватило на цѣлую зиму—нужно запахать извѣстную площадь земли, а за неимѣніемъ таковой въ собственности, приходится обращаться къ владѣльческой и, въ случаѣ отказа, лишиться лошади. Такимъ образомъ, сокращеніе сдачи владѣльцами своихъ пахатныхъ полей въ аренду вліяетъ на мелкое хозяйство двумя путями: 1) сокращая размѣры производства нѣкоторыхъ крестьянъ такъ, что имъ уже не стоитъ затрачивать на него свои силы и выгоднѣе искать другого заработка, хотя бы хозяйство и могло съ грѣхомъ пополамъ прокормить лошадь; 2) уменьшая количества корма (соломы) до того, что его не хватаетъ на содержаніе скота. Въ обоихъ случаяхъ результатомъ будетъ продажа инвентаря, переходъ крестьянина въ разрядъ безлошадныхъ.

Это относится къ зимнему прокормленію скота. Лѣтомъ онъ пасется на выгонахъ, паровомъ полѣ, на лугахъ, сжатыхъ поляхъ. Всѣхъ этихъ видовъ пастбищъ у крестьянъ крайне мало, и именно въ отношеніи лѣтняго содержанія скота они находятся въ наибольшей зависимости отъ крупнаго землевладѣнія. Будь у нихъ много сѣна, соломы,—лѣтомъ скотъ могъ бы подкармливаться этими продуктами; но такъ какъ указаннаго корма обыкновенно не хватаетъ на зимнее пропитаніе, и къ веснѣ скотъ оказывается полумертвымъ отъ голода, то неудивительно, если стѣсненіе въ пастбищахъ составляетъ наиболѣе слабую сторону мелкаго хозяйства, всего скорѣе приводящую къ продажѣ скота. А такъ какъ недостатокъ собственныхъ пастбищъ составляетъ общее явленіе среди нашего крестьянства, то тамъ, гдѣ владѣльцы сокращаютъ сдачу въ аренду своихъ угодій, мы наблюдаемъ или насильственное пользованіе крестьянъ чужими лугами (особенно проявившееся въ малороссійскихъ губерніяхъ), или быстрое обезлошаденіе населенія. До чего важную роль играетъ пастбище при настоящей организаціи и размѣрахъ крестьянскаго хозяйства,—можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

Крестьяне-собственники (бывшіе помѣщичьи, нынѣ состоящіе на выкупѣ) Раненбургскаго уѣзда имѣютъ въ среднемъ 38% безлошадныхъ дворовъ. Нѣкоторыя же волости (третья часть—считая только волости, гдѣ крестьянъ этого разряда не меньше 100 дворовъ) отличаются значительно высшимъ процентомъ безлошадныхъ (42—66%), а другія (четверть) имѣютъ ихъ ниже средняго (18—32%). И вотъ оказывается, что изъ 63 общинъ первой группы 39 обладаютъ недостаточнымъ количествомъ собственныхъ кормовъ для скота, а 24 обезпечены въ этомъ отно-

шеніи; во второй же группѣ 19 общинъ затрудняются прокормленіемъ скота, а 32 могутъ не прибѣгать къ найму спеціально для этой цѣли назначенныхъ угодій; т. е., гдѣ меньше у крестьянъ своихъ выгоновъ, тамъ больше у нихъ безлошадныхъ дворовъ. Это доказываетъ, какъ трудно мелкимъ хозяевамъ заарендовывать нужныя имъ угодья, а такъ какъ рязанскіе владѣльцы сдаютъ свои земли весьма неохотно, то и неудивительно, что обезлошаденіе населенія достигло здѣсь наивысшихъ степеней.

На этомъ мы пока остановимся съ анализомъ причинъ разстройства крестьянскаго хозяйства въ центральной черноземной полосѣ, хотя мы далеко не исчерпали предмета даже со стороны вліяній спеціально сельскохозяйственныхъ такъ, мы ни слова не сказали о томъ значеніи, какое имѣетъ для изслѣдуемаго процесса развитіе такъ называемыхъ подесятинныхъ заработковъ, передѣловъ общинной земли и т. п. Но помимо сельскохозяйственныхъ; условій, разсматриваемое явленіе находится въ извѣстной зависимости отъ промысловъ и другихъ неземледѣльческихъ занятій. Свѣдѣнія объ этихъ сторонахъ народной жизни разработаны далеко не съ такой полнотою, какъ данныя спеціально сельско-хозяйственныя; поэтому, мы ихъ оставимъ въ сторонѣ и теперь подведемъ итоги тому, о чемъ говорилось на предыдущихъ страницахъ.

Условія, въ какихъ очутилось крестьянское хозяйство въ пореформенную эпоху, значительно отличаются отъ тѣхъ, которыя, оказывали на него вліяніе въ прежнее время. При окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ, ихъ землевладѣніе подверглось большему или меньшему сокращенію; уничтожены періодическія прирѣзки къ крестьянской землѣ для надѣленія размножившагося населенія; стѣснены передвиженія крестьянъ на свободныя земли окраинъ. Такимъ образомъ, населеніе было какъ-бы вынуждаемо насильственно заниматься хозяйствомъ на территоріи, далеко недостаточной для того, чтобы дать работу всѣмъ нуждающимся, причемъ недостаточность эта съ теченіемъ времени росла и росла. Въ первое время новой жизни, пока помѣщичье хозяйство переживало кризисъ, неизбѣжный при столь рѣзкомъ измѣненіи хозяйственныхъ условій, а казенныя вѣдомства практиковали старые способы сдачи земли въ аренду (безъ торговъ или съ замѣною залоговъ приговорами крестьянскихъ обществъ), мелкія хозяйства дополняли недостающее количество земли выгодной арендой помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ угодій. Но затѣмъ, съ усиленіемъ соперничества за землю между крестьянами,—искусственно скученными на ограниченномъ пространствѣ и не находящими другихъ заработковъ, кромѣ земледѣлія,—

страшно поднялись арендныя цѣны. Съ возвышеніемъ стоимости хлѣба землевладѣльцы нашли болѣе выгоднымъ заняться хозяйствомъ и сократили сдачу земель въ аренду; казенное вѣдомство приняло систему сдачи своихъ угодій въ арендное содержаніе съ торговъ, со внесеніемъ залоговъ, причемъ земля попадала въ руки крупныхъ съемщиковъ и затѣмъ уже втридорога переходила къ крестьянамъ. Кризисъ обработывающей промышленности заставилъ многихъ фабричныхъ рабочихъ возвратиться къ хлѣбопашеству, отчего борьба за землю между крестьянами приняла еще болѣе острый характеръ. Вслѣдствіе этихъ и другихъ, подобныхъ имъ обстоятельствъ, увеличеніе надѣльныхъ участковъ до размѣровъ, окупающихъ издержки по содержанію инвентаря, становится все труднѣе и дороже; начинаетъ ощущаться абсолютный недостатокъ въ землѣ; обезлошаденіе населенія принимаетъ фатальный характеръ, свойственный естественнымъ процессамъ. Всего яснѣе этотъ процессъ обнаружится тамъ, гдѣ соединилось нѣсколько изъ перечисленныхъ условій, ведущихъ къ недостатку земли для занятія всего свободнаго крестьянскаго населенія: это—большая общая скученность населенія, малый крестьянскій надѣлъ, энергичное стремленіе частныхъ собственниковъ къ самостоятельному хозяйствованію и зависящая отъ того сильная распашка ими своихъ угодій и сокращеніе сдачи земли въ аренду. Всѣ перечисленныя условія соединились въ южныхъ рязанскихъ уѣздахъ, и здѣсь именно процессъ обезлошаденія крестьянъ достигъ высшаго своего выраженія. Борисоглѣбскій уѣздъ характеризуется комбинаціей противоположныхъ условій: наименьшей густотой населенія (1 дворъ на 19 дес.), наибольшими крестьянскими надѣлами (12,2 дес. на дворъ), слабымъ развитіемъ помѣщичьяго хозяйства, большимъ количествомъ владѣльческихъ луговъ,—и вотъ средній участокъ пашни, обрабатываемый мелкимъ хозяиномъ, достигаетъ здѣсь высшей цифры—12,9 дес. (тогда какъ въ рязанскихъ уѣздахъ онъ равняется 7,5—8,3 дес.), а процентъ безлошадныхъ дворовъ спускается до минимальныхъ размѣровъ (17,5%). Въ Обоянскомъ уѣздѣ большая скученность населенія (14,5 дес. на дворъ), оказывающая неблагопріятное вліяніе на крестьянское хозяйство, парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что $^3/_4$ земли принадлежитъ народу, отчего крестьянскій надѣлъ почти равенъ Борисоглѣбскому (11,8 дес.); да и изъ помѣщичьей земли крестьяне арендуютъ половину пашни, доводя такимъ путемъ эксплуатируемый участокъ ея до одной изъ высшихъ цифръ въ районѣ (10 десят.); вмѣстѣ съ этимъ и по проценту безлошадныхъ уѣздъ стоитъ сейчасъ вслѣдъ за Борисоглѣбскимъ (19,2%). За нимъ слѣдуетъ Дмитровскій (безлошадныхъ 21%), населеніе

котораго хотя владѣетъ только среднимъ надѣломъ (9,3 дес. на дворъ), но зато оно очень рѣдко, арендуетъ много помѣщичьихъ угодій (2,7 дес. пашни на дворъ) и доводитъ обработываемый участокъ почти до 11 десятинъ пашни. Надѣлъ моршанскихъ крестьянъ ниже средняго (средній 9,3 дес., у нихъ 9 дес.), но за то здѣсь рѣдкое населеніе, и помѣщики охотно сдаютъ свою землю въ аренду; и хотя эксплуатируемый крестьянскимъ дворомъ участокъ пашни (8,7 дес.) меньше средняго, обрабатываемаго въ этомъ районѣ (9,3 дес.), но у владѣльцевъ много луговъ, и крестьяне имѣютъ возможность прокармливать скотъ не одной только соломой получаемой съ обработываемаго участка; благодаря этому, безлошадныхъ дворовъ въ этомъ уѣздѣ немного (21,6%). Льговскіе крестьяне запахиваютъ еще меньше (8 дес.), скученность населенія наибольшая, надѣлъ наименьшій (6,8 дес. на дворъ), и только большой арендой частновладѣльческой пашни (2,4 дес. на дворъ) и обиліемъ помѣщичьихъ луговъ (можетъ быть, въ совокупности съ благопріятными условіями со стороны промысловъ) и можно объяснить здѣсь низкій процентъ безлошадныхъ домохозяевъ (22%). Въ Суджанскомъ уѣздѣ густота населенія еще выше, надѣлъ больше Льговскаго (8,7 дес.) но все-таки не достигаетъ средней цифры; помѣщичьей земли немного, такъ что крестьяне арендуютъ мало пашни; эксплуатируемый участокъ (8,3 дес.) ниже средняго, а безлошадныхъ все-таки немного (21%). Вѣроятно, и въ этомъ уѣздѣ существуютъ какіе либо, поддерживающіе крестьянское хозяйство, промыслы. Курскій уѣздъ по числу безлошадныхъ занимаетъ среднее мѣсто, болѣе или менѣе соотвѣтствующее условіямъ, въ какія поставлено здѣсь хозяйство крестьянъ; но Козловскій, съ тѣмъ же среднимъ процентомъ безлошадныхъ, опустился въ этомъ отношеніи ниже того положенія, какое онъ долженъ занимать, судя по тому, что надѣлъ у крестьянъ здѣсь (10,7 дес.) выше средняго, и арендуютъ они много пашни (2,1 дес. на дворъ); нѣкоторымъ объясненіемъ можетъ служить развѣ бѣдность крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ лугами (распахано $^3/_4$ помѣщ. земли), вслѣдствіе чего прокормленіе скота здѣсь больше, чѣмъ въ какой либо другой мѣстности района, зависитъ отъ величины обработываемаго пахотнаго участка, который поэтому превосходитъ здѣсь среднюю норму (10,4 дес.).

Читатель видитъ, что указанными нами условіями сельско-хозяйственнаго производства въ общихъ чертахъ объясняются различія въ интенсивности процесса (безлошадія крестьянъ. Но слѣдуетъ сознаться, что полнаго объясненія нами не дано, что есть еще другія причины, дѣйствующія въ пользу или противъ мелкаго хозяйства и которыя мы упустили изъ

виду. Такъ, нельзя не признать, что различіе въ сельско-хозяйственной обстановкѣ крестьянина рязанскихъ и нѣкоторыхъ курскихъ уѣздовъ не настолько велико, чтобы объяснить огромную разницу въ процентѣ безлошадныхъ. Въ рязанскихъ уѣздахъ есть еще какія-то спеціальныя условія, угнетающія мелкое хозяйство такъ что и сравнительно развитое состояніе здѣсь крупнаго земледѣлія, можетъ быть, не причина упадка мелкаго, а его результатъ. Дѣйствительно, разстройство крестьянскаго хозяйства, отчего бы оно ни произошло, поведетъ къ сокращенію аренды помѣщичьихъ угодій, что само по себѣ способно вынудить землевладѣльцевъ организовать собственное производство. И есть факты, доказывающіе, что въ Рязанской губерніи было нѣчто подобное, что упадокъ крестьянскаго хозяйства во многихъ случаяхъ былъ явленіемъ первичнымъ, а развитіе капиталистическаго земледѣлія слѣдовало за нимъ. Еслибы дѣло всегда происходило обратно, то въ мѣстностяхъ съ большой помѣщичьей запашкой встрѣчались бы и высшія арендныя цѣны, ибо послѣднія служатъ орудіемъ борьбы мелкаго хозяйства съ крупнымъ. Чѣмъ крѣпче держится крестьянинъ за свою хозяйственную самостоятельность, тѣмъ больше готовъ онъ дать за помѣщичье поле, безъ котораго ему обойтись невозможно. Съ другой стороны, и частные владѣльцы, считающіе выгоднымъ или пріятнымъ личное веденіе промысла, лишь за высокую арендную плату согласятся изъять часть земли изъ собственной эксплуатаціи и передать ее крестьянину. Поэтому, гдѣ соединены оба условія, т. е. энергичное стремленіе крестьянъ къ земледѣлію и развитое капиталистическое хозяйство, тамъ арендныя цѣны будутъ наивысшія. Пораженіе мелкаго производства крупнымъ будетъ здѣсь происходить такимъ образомъ, что наиболѣе слабые хозяева, не будучи въ состояніи выносить высокихъ арендныхъ цѣнъ, бросятъ хлѣбопашество, невыгодное при небольшомъ участкѣ собственной земли. Такимъ образомъ освобождается часть пашни, арендовавшаяся этими хозяевами, которая или войдетъ въ крупную организацію производства, или перехватится другими крестьянами, еще выносящими тяжесть арендныхъ цѣнъ. Слѣдующее повышеніе ихъ, обязанное своимъ происхожденіемъ новымъ усиліямъ капитала завоевать земледѣльческое производство поведетъ къ упадку еще нѣкотораго процента домохозяевъ и т. д.

Читатель видитъ, что тамъ, гдѣ капиталистическое производство является факторомъ, разрушающимъ крестьянское хозяйство, одновременно должны существовать какъ развитая крупная культура, такъ и высшія арендныя цѣны. Обращаясь къ рязанскимъ уѣздамъ, мы увидимъ, что высшая цѣна за десятину пашни (16,3 р.), существующая въ Раненбург-

скомъ уѣздѣ, не достигаетъа рендныхъ цѣнъ въ Курскомъ, Суждапскомъ и Козловскомъ; въ остальныхъ же двухъ уѣздахъ цѣны равняются всего 12,5—13,9 р. за десятину; ниже этихъ цѣны встрѣчаются всего въ двухъ уѣздахъ изучаемаго района.

Мы видимъ, что въ двухъ уѣздахъ Рязанской губерніи крестьяне не особенно настойчиво оберегаютъ свое хозяйство отъ захватовъ крупной культуры; здѣсь есть какія-то условія, угнетающія мелкое производство или отвлекающія отъ него населеніе. Эти условія могутъ исходить изъ выгодности промысловъ, не мирящихся съ земледѣліемъ; изъ неравномѣрности распредѣленія надѣльной земли, результатомъ чего могло явиться чрезмѣрное измельчаніе крестьянскихъ участковъ; изъ широкаго развитія подесятинныхъ заработковъ, не оставляющихъ времени для обработки земли за свой страхъ и т. п. Когда нибудь мы постараемся ознакомиться съ нѣкоторыми изъ перечисленныхъ моментовъ, хотя нужно сказать, что таблицы земскихъ изданій этихъ уѣздовъ даютъ для этой цѣли крайне неопредѣленный матеріалъ.

Итакъ, крестьянское хозяйство центральной черноземной полосы переживаетъ кризисъ. Масса мелкихъ земледѣльцевъ лишаются инвентаря, причемъ имъ закрытъ доступъ къ другимъ спеціальностямъ, и они вынуждены оставаться при землѣ, гдѣ дѣлать нечего, или образовать классъ, въ своемъ существованіи зависящій отъ ограниченнаго и ежедневно мѣняющагося запроса рынка на черный трудъ. Спрашивается, какой же смыслъ этого процесса; во имя чего совершается это разрушеніе благосостоянія слабѣйшихъ членовъ русскаго земледѣльческаго класса; что́ выигрываетъ страна отъ того, что исторія выкинула за бортъ хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченнаго существованія, сотни тысячъ и даже милліоны крестьянскихъ семей? Упрочивается ли отъ этого хозяйственная самостоятельность остальныхъ крестьянъ: становятся ли послѣдніе богаче, лучше ли они ведутъ промыселъ? Можно ли видимый упадокъ крестьяскаго хозяйства считать обратной стороной процесса, по существу прогрессивнаго; процесса замѣны одной формы земледѣльческаго производства другою, высшею; мельчайшаго крестьянскаго хозяйства, еле влачащаго жалкое существованіе, такимъ, гдѣ крестьянинъ имѣетъ и достаточно земли, и средства организовать производство по указаніямъ агрономической науки? Оставивъ упавшихъ земледѣльцевъ въ сторонѣ, посмотримъ, что дѣлается въ средѣ дѣйствующихъ мелкихъ хлѣбопашцевъ.

Чтобы судить о положеніи послѣднихъ въ различныхъ уѣздахъ разсматриваемаго района, мы воспользуемся двумя рядами цифръ: однимъ,

выражающимъ среднее число лошадей на лошадный дворъ; другимъ, указывающимъ количество пашни, эксплуатируемой крестьянами (своя плюсъ арендованная) на одну лошадь. И вотъ оказывается, что дѣйствующіе земледѣльцы рязанскихъ уѣздовъ (гдѣ процентъ безлошадныхъ въ $1^1/_4$—2 раза превосходитъ таковой же въ остальной области) бѣднѣе лошадьми своихъ курскихъ и тамбовскихъ собратьевъ: на одинъ лошадный дворъ въ Скопинскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ приходится 2,4 лошади, въ Данковскомъ—2,7; между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ (за единственнымъ исключеніемъ) число лошадей не спускается ниже 2,7, а мѣстами поднимается выше 3-хъ штукъ на дворъ. Отсюда мы заключаемъ, что даже тѣ рязанскіе крестьяне, которые вышли побѣдителями изъ борьбы съ неблагопріятными внѣшними вліяніями, оказались значительно помятыми ими. Современная экономическая атмосфера не только удушила здѣсь третью часть мелкихъ хозяевъ, но и понизила средній уровень благосостоянія остальныхъ. Повидимому, борьба велась не между крестьянами, распадающимися будто-бы на двѣ крайнія группы—богатыхъ и бѣдныхъ,—а между массой мелкихъ хозяевъ цѣликомъ съ одной стороны и какими-то враждебными силами—съ другой. И пораженіе, поэтому, нанесено всей массѣ земледѣльцевъ; но только часть ихъ убита, другая—поранена. Дѣло было не такъ, что богатые крестьяне заставили бѣдныхъ уступить имъ землю и инвентарь; нѣтъ, число крестьянскаго скота вообще уменьшилось, и уменьшилось не путемъ только обезлошаденія бѣднѣйшихъ, но и вслѣдствіе потери части живого инвентаря зажиточными домохозяевами. Еслибы дѣло было иначе, еслибы отпадали только однолошадники, а высшія группы сохранялись неповрежденными или даже преуспѣвали, то среднее число лошадей на лошадный дворъ въ Рязанской губерніи должно бы быть выше, чѣмъ въ остальныхъ, ибо дѣлитель отношенія, при большомъ числѣ обезлошадившихся хозяевъ, здѣсь меньше. А такъ какъ мы имѣемъ обратное, то это даетъ право заключить, что, вмѣстѣ съ полною утратою рабочаго скота одною долею мелкихъ хозяевъ, другая тоже сокращаетъ свой живой инвентарь. Впрочемъ, благодаря тому обстоятельству, что правительственная конская перепись въ Рязанской губерніи была произведена два раза, мы можемъ представить прямое доказательство утвержденію, что средній уровень зажиточности лошадныхъ домохозяевъ здѣсь понижается; именно, въ 1875 г. на 1 лошадный дворъ приходилось лошадей въ Скопинскомъ уѣздѣ 2,9 штукъ, Раненбургскомъ 2,9, Данковскомъ 3,1, а теперь въ первыхъ двухъ по 2,4 штуки, въ послѣднемъ 2,7.

Но пораженіе, понесенное рязанскими крестьянами, имѣетъ для нихъ

и свою хорошую сторону. Теперь общее число лошадей здѣсь уменьшилось, количество же надѣльной пашни осталось неизмѣннымъ, такъ что на каждую крестьянскую лошадь приходится ея больше. Вслѣдствіе этого, надѣлъ сталъ лучше обезпечивать самостоятельность дѣйствующихъ земледѣльцевъ; послѣдніе не такъ сильно нуждаются въ арендѣ помѣщичьяго поля и не находятся въ такой зависимости отъ частнаго землевладѣнія. И дѣйствительно, сравнивая рязанскихъ крестьянъ въ указанномъ отношеніи съ остальными, мы увидимъ, что количество надѣльной пашни приходящейся на рабочую лошадь (5 десятинъ), здѣсь выше, чѣмъ въ большей части остальныхъ уѣздовъ, и уступаетъ только Борисоглѣбскому и Козловскому уѣздамъ. Большая запашка на собственной землѣ служитъ причиною того, что и небольшой участокъ арендованнаго поля повышаетъ количество пашни, эксплуатируемой рязанскими крестьянами, до 5,5—6 десятинъ на лошадь—цифры, которую превышаютъ всего 3 уѣзда изъ восьми остальныхъ. Такимъ образомъ, правила комерческаго разсчета рязанскими крестьянами соблюдаются строже; поэтому, насколько мелкое хозяйство находится въ зависимости отъ этого обстоятельства—оно теперь поставлено здѣсь въ болѣе устойчивое положеніе, и можно надѣяться, что процессъ разстройства крестьянскаго хозяйства прошелъ самыя острыя стадіи своего развитія.

Фактъ пониженія благосостоянія крестьянъ, сохранившихъ свою хозяйственную самостоятельность, вышедшихъ побѣдителями изъ борьбы за землю, кажется намъ заслуживающимъ особаго вниманія въ виду распространенной въ обществѣ мысли, что наше крестьянство распадается на двѣ крайнихъ экономическихъ группы, что одна часть его бѣднѣетъ, а другая на ея счетъ богатѣетъ, и что это составляетъ зарожденіе крестьянскаго батрацкаго хозяйства. Еслибы эта мысль была вѣрна, то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ замѣчается больше упавшихъ хозяевъ, численно преобладала бы группа зажиточныхъ крестьянъ; т. е. средній уровень хозяйственной самостоятельности земледѣльцевъ-побѣдителей повышался бы отъ двоякаго рода причинъ: выпаденія группы бѣднѣйшихъ крестьянъ и обогащенія сильнѣйшихъ; мы же видѣли, что въ разсматриваемыхъ одиннадцати уѣздахъ имѣетъ мѣсто обратное явленіе. Дабы читатель не подумалъ, что это дѣло простой случайности и что въ остальной черноземной Россіи имѣетъ мѣсто противоположное явленіе, мы приводимъ изъ «Конской переписи» цифры, относящіяся къ цѣлымъ десяткамъ уѣздовъ. Выдѣлимъ (слѣдуя Статистикѣ поземельной собственности) въ центральной черноземной полосѣ группу уѣздовъ, характеризующихся однообразными агроно-

мическими чертами, и посмотримъ, сохраняются ли здѣсь указанныя отношенія. Эту группу составляютъ 38 уѣздовъ, образующихъ центральную незалежную полосу, характеристическіе признаки которой суть: глубокій черноземъ, почти самое густое населеніе въ Россіи и большое количество распаханной земли (до 80% всей площади). Разбивая эту полосу (по «Конской переписи») на три группы уѣздовъ: съ процентомъ безлошадныхъ дворовъ отъ 10,6 до 18, отъ 19 до 26 и отъ 27 до 33, увидимъ, что въ первой изъ нихъ на одинъ лошадный дворъ приходится 2,4—36, въ среднемъ 2,9 лошадей; во второй 1,8—3,3 (послѣдняя цифра въ одномъ уѣздѣ, въ остальныхъ—менѣе 3), въ среднемъ 2,6; въ третьей 2—2,7, въ среднемъ 2,3. Итакъ, хотя по отдѣльнымъ уѣздамъ встрѣчается значительное разнообразіе, но въ большихъ группахъ ясно замѣтно существованіе обратнаго отношенія между богатствомъ лошадьми у крестьянъ, сохранившихъ хозяйственную самостоятельность, и числомъ домохозяевъ, теряющихъ землю. Иначе говоря, мы видимъ совершенно ясно, что благосостояніе бѣдныхъ и богатыхъ крестьянъ измѣняется въ одномъ направленіи: въ то время, какъ бѣдные превращаются въ неимущихъ, богатые спускаются до средняго уровня. Если же и остается небольшая часть богатѣющихъ, благодаря общему бѣдствію, то эта группа столь незначительна, что ея участіе въ общемъ теченіи жизни совершенно незамѣтно, и общественное ея значеніе равно нулю.

Еще большую вѣроятность получило бы это заключеніе, еслибы можно было прямо сопоставить по уѣздамъ процентъ зажиточныхъ домохозяевъ съ цифрами, выражающими интенсивность процесса обезлошаденія крестьянъ, и еслибы мы могли сравнить число многолошадныхъ домохозяевъ въ какой либо мѣстности за два момента, раздѣленныхъ промежуткомъ времени, достаточнымъ для того, чтобы тамъ и здѣсь произошли замѣтныя измѣненія. И, къ нашему удовольствію, мы можемъ это сдѣлать, благодаря земскихъ статистическимъ изданіямъ и правительственной конской переписи. Въ земскихъ изданіяхъ мы имѣемъ распредѣленіе домохозяевъ на группы по владѣнію рабочимъ скотомъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ располагаются въ этомъ отношеніи изслѣдуемые уѣзды:

	% ко всему числу лошадныхъ дворовъ.			
	Безлошадн. дворовъ.	1-лошадн. дворовъ.	2—3лошадн. дворовъ.	Многолош. дворовъ.
Борисоглѣбскій . . .	17,5%	30,8%	55,0%	14,1%
Обоянскій	19,2 „	25,5 „	57,1 „	17,4 „
Дмитровскій	21,0 „	34,7 „	53,3 „	12,0 „

Суджанскій	21,0%	30,0%	57,5%	12,5%
Моршанскій	21,6 „	35,3 „	53,4 „	11,3 „
Льговскій	22,0 „	36,8 „	55,5 „	7,7 „
Курскій	25,0 „	29,3 „	57,5 „	13,3 „
Козловскій	26.0 „	37,7 „	50,8 „	11,5 „
Скопинскій	33,0 „	40,4 „	50,4 „	9,2 „
Данковскій	34,0 „	37,6 „	51,4 „	11,0 „
Раненбургскій	36,0 „	42,3 „	48,5 „	9,2 „

Первые четыре уѣзда съ наименьшимъ процентомъ безлошадныхъ имѣютъ наивысшее число хозяевъ, владѣющихъ больше, чѣмъ тремя лошадьми (12—17,4%); четыре послѣднихъ уѣзда, гдѣ обезлошаденіе населенія развито всего сильнѣе, заключаютъ и значительно меньше зажиточныхъ домохозяевъ (9,2—11,5%). Восемь уѣздовъ изъ одиннадцати, слѣдовательно, подтверждаютъ наше заключеніе; три остальныхъ противорѣчатъ ему, особенно Льговскій уѣздъ, гдѣ зажиточныхъ дворовъ слишкомъ мало (7,7%), и Курскій—гдѣ ихъ черезчуръ много (13,3%) [1]). Раздѣливъ всѣ уѣзды на 3 группы съ наименьшимъ (17—21,6), среднимъ (22—26) и высшимъ (33—36) процентомъ безлошадныхъ—увидимъ, что первая группа имѣетъ 13,4% лошадныхъ хозяевъ, владѣющихъ больше чѣмъ тремя лошадьми на дворъ, вторая заключаетъ ихъ 11%, третья—9,7%, т. е. съ увеличеніемъ числа бѣдныхъ дворовъ уменьшается и число зажиточныхъ; ростъ первыхъ не есть результатъ обогащенія вторыхъ; бѣдные не замѣщаются богатыми, которые и сами бѣднѣютъ въ то время, какъ первые раззоряются. Такое заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ измѣненіи по уѣздамъ остальныхъ цифръ, относящихся къ распредѣленію домохозяевъ по владѣнію рабочимъ скотомъ: однолошадныхъ всего больше въ уѣздахъ съ высшими цифрами опустившихся, дву и трехлошадныхъ—напротивъ. Считая первыхъ бѣдными, а вторыхъ среднезажиточными, мы можемъ выразиться такимъ образомъ, что въ то время, какъ увеличивается число бѣдныхъ, уменьшается и число среднезажиточныхъ (въ четырехъ низшихъ уѣздахъ они составляютъ 47—51% всего числа лошадныхъ домохозяевъ, въ семи верхнихъ 53—57%), а раньше мы видѣли, что одновременно сокращается и процентъ богатыхъ крестьянъ.

У насъ есть еще случай сравнить относительные размѣры богатыхъ и бѣдныхъ группъ крестьянъ въ два момента, раздѣленныхъ семилѣтнимъ промежуткомъ времени. Въ 1875 г. въ Рязанской губерніи правительст-

[1]) Быть можетъ, близость большого города и желѣзнодорожной станціи съ одной стороны отвлекаетъ бѣднѣйшихъ крестьянъ Курскаго уѣзда отъ сельскаго хозяйства, съ другой—даетъ работу лошадямъ остальныхъ и, такимъ образомъ, увеличиваетъ число принадлежащихъ имъ лошадей.

вомъ была произведена конская перепись, а въ 1882 г. земскими статистиками сдѣлана общая экономическая опись нѣсколькихъ уѣздовъ. Данныя той и другой позволяютъ намъ сдѣлать желательное сравненіе и еще разъ убѣдиться въ отсутствіи чего либо подобнаго расчлененію земледѣльцевъ на двѣ группы, противныя другъ другу, какъ по измѣненіямъ въ ихъ благосостояніи, такъ и по своимъ интересамъ. Вотъ цифры, доказывающія это положеніе относительно уѣздовъ: Скопинскаго, Данковскаго и Раненбургскаго.

	дв. съ 1 лош.	— съ 2 лош.	— съ 3 лош.	— дв. им. больше 3 лош.
1875	7,917	10,456	8,688	11,770
1882	15,000	11,590	7,083	3,620
		% ко всему числу лошадныхъ дворовъ:		
1875	20,4	27,0	22,4	30,3
1882	40,2	31,3	18,7	9,7 [1])

Мы видимъ, что число однолошадныхъ дворовъ увеличилось какъ абсолютно, такъ и относительно вдвое; число двулошадныхъ увеличилась уже значительно меньше; слѣдующая группа крестьянъ уже уменьшилась на 1600 дворовъ или на $^1/_6$ часть; наконецъ, число зажиточныхъ домохозяевъ сократилось слишкомъ втрое (съ 11,770 до 3,620 дворовъ): прежде они составляли около третьей части всего числа лошадныхъ домохозяевъ, теперь—около $^1/_{10}$. Это значитъ, что крестьяне, имѣющіе 3 лошади и больше, не въ силахъ удержаться на этой ступени благосостоянія и спускаются одною-двумя ниже, наполная ряды 1—2 лошадныхъ, т. е. бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ.

Все вышеизложенное позволяетъ сдѣлать заключеніе, что ослабленію въ центральной черноземной полосѣ подвергается вся масса мелкихъ хозяевъ, а не одна бѣднѣйшая ихъ часть; утрата бѣднякомъ лошади происходитъ не потому, что ее отнимаетъ у него богатый; напротивъ, въ то время, какъ однолошадный крестьянинъ сбываетъ послѣднюю скотину, двулошадный занимаетъ его мѣсто, трехлошадный слѣдуетъ за первымъ, а самый зажиточный спускается на среднюю ступень состоятельности. Измѣненія въ высшихъ и низшихъ группахъ земледѣльцевъ совершаются въ одномъ направленіи. Здѣсь не образуется пропасти между бѣдными и бо-

[1]) Нужно замѣтить, что перепись 1875 г. регистровала всѣхъ жителей деревень, хотя бы они и не принадлежали къ обществамъ; но происходящее отъ того измѣненіе цифръ, безъ сомнѣнія, ничтожно и не можетъ замѣтно отражаться на окончательныхъ результатахъ.

гатыми крестьянами; это не борьба пирога съ кускомъ хлѣба, даже не спеціализація земледѣльческаго производства. Борьба идетъ между массою крестьянства и какими-то внѣшними обстоятельствами, и теряютъ отъ нея всѣ огуломъ, хотя, разумѣется, не всѣ въ одинаковой степени: бѣдные, т. е. слабые, чувствуютъ сильнѣе удары судьбы и, падая, облегчаютъ положеніе борющихся. Въ этомъ только смыслѣ и можно говорить о борьбѣ бѣдныхъ и богатыхъ. Иначе говоря, если борьба существуетъ, то она идетъ не за пріобрѣтеніе лучшаго, а за сохраненіе status quo; каждый, если ужъ нельзя удержаться на своемъ мѣстѣ, старается, по крайней мѣрѣ, опуститься какъ можно меньше, причемъ онъ не брезгаетъ и такими средствами, какъ потопленіе ближняго, вѣрнѣе—предоставленіе его собственной участи. Но такая борьба мелкихъ хозяевъ представляетъ нѣчто, совершенно отличное отъ того, что обыкновенно имѣютъ въ виду, когда говорятъ объ этомъ явленіи. Она не ведетъ за собою гибели мелкаго хозяйства и водворенія на его могилѣ батрацко-крестьянскаго; напротивъ, одновременно съ такъ называемой побѣдой богатой части крестьянъ,—иначе говоря, съ разореніемъ бѣднѣйшихъ,—вѣроятно, происходитъ и измельчаніе наиболѣе крупныхъ хозяйственныхъ единицъ; иначе, какъ же объяснить сокращеніе числа многолошадныхъ крестьянъ? Слѣдовательно, вмѣсто приближенія къ батрацко-крестьянскому хозяйству, въ сердцѣ земледѣльческой Россіи наблюдается процессъ удаленія отъ этого образца; германскихъ земледѣльческихъ порядковъ опасаться намъ, кажется, нечего. Тѣмъ настоятельнѣе нужно позаботиться о пріобщеніи къ производительному труду той массы крестьянъ центральной Россіи, которая не перестаетъ выбрасываться изъ сферы самостоятельнаго земледѣльческаго производства и не находитъ себѣ занятія ни въ крупномъ крестьянскомъ земледѣліи, ни въ помѣщичьихъ экономіяхъ или другихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Послѣ всего, что было говорено раньше, очевидно, что это пріобщеніе дастъ положительный результатъ лишь въ случаѣ, если будетъ основано на сохраненіи самостоятельнаго крестьянскаго производства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	—
Крестьянское хозяйство и агрономія	1
Крестьянское хозяйство и семейные раздѣлы	32
Роль арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ	82
Изъ практики народнаго кредита	109
Зимняя наемка	131
Кредитъ въ кустарномъ производствѣ	162
Безземельные въ Московской губерніи	186
Безлошадные въ центральномъ черноземномъ раіонѣ	236